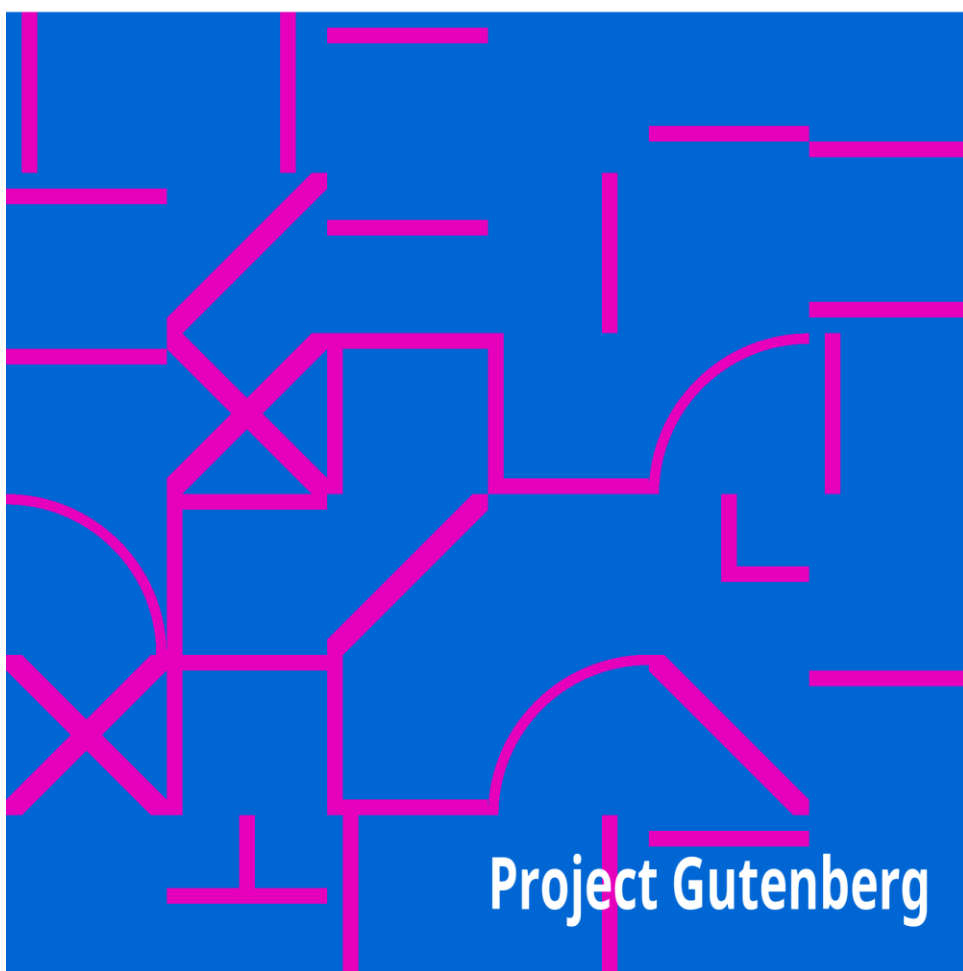

Французская революция - Том 1

Ипполит Тэн

The French Revolution - Volume 1

Hippolyte Taine

The Project Gutenberg eBook of The French Revolution - Volume 1.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Французская революция - Том 1

Автор: Ипполит Тэн

Аннотация: Свенд Ром

Переводчик: Джон Дюран

Дата выхода: 22 июня 2008 [eBook #2578]

Последнее обновление: 10 января 2013 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсеры: Свенд Ром и Дэвид Видгер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE FRENCH REVOLUTION - VOLUME 1 ***

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ, ТОМ 2

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 1.

Ипполит А. Тэн

Примечание переводчика: Нумерация томов, книг, глав и разделов соответствует нумерации во французском языке.
и разделов соответствует французскому, а не американскому изданию.
Примечания транскриптора инициализированы SR.

Свенд Ром, апрель 2000 г.

Примечание HTML-продюсера: Нумерация сносок была изменена на
в качестве префикса к оригинальному номеру сноски добавлены номера книги и
номера глав. Добавлено оглавление с активными

ссылками.

Дэвид Уиджер, июнь 2008 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ТОМ 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. СТИХИЙНАЯ АНАРХИЯ.

ГЛАВА I. ЗАРОЖДЕНИЕ АНАРХИИ.

- I.- Страсть - первая причина.
- II.- Ожидания - вторая причина.
- III.- Провинции в течение первых шести месяцев 1789 года
- IV.- Вмешательство хулиганов и бродяг.
- V.-Влияние новых идей на население.
- VI.-Первый жаккард в провинции

ГЛАВА II. ПАРИЖ ДО 14 ИЮЛЯ.

- I.-Бродячие рекруты в окрестностях
- II. Пресса.
- III.- Дело Ревейона.
- IV.-Пале-Рояль.
- V. - Народные толпы становятся политической силой.
- VI.- 13 и 14 июля 1789 года.
- VII.- Убийства Фулона и Бертье.
- VIII.- Париж в руках народа.

ГЛАВА III.

- I.-Анархия с 14 июля по 6 октября 1789 года
- II.- Провинции
- III.-Общественные чувства.-Фамин
- IV.-Паника.
- V.-Нападения на государственных лиц и государственное имущество.

- VI.-Налоги больше не платятся.
- VII.- Нападения на частных лиц и частную собственность.

ГЛАВА IV. ПАРИЖ.

- I.-Париж.
- II.- Бедствия народа.
- III.-Новые народные лидеры.
- IV.- Вмешательство народных лидеров в деятельность правительства.
- V.- 5 и 6 октября.
- VI.- Правительство и народ в руках революционной партии.

КНИГА ВТОРАЯ. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВА I.- УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ХОРОШИХ ЗАКОНОВ.

- I.-Отсутствие этих условий в Собрании
- II.-Недостаточность его информации.
- III.-Власть простых, общих идей.
- IV.-Отказ предоставить министерство

ГЛАВА II. РАЗРУШЕНИЕ.

- I.-Два главных порока античного режима.
- II - Природа обществ и принцип долговечности конституций.
- III.-Состояния общества.
- IV.- Злоупотребления и безделье в 1789 году в церковных органах.

ГЛАВА III. КОНСТРУКЦИИ - КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА.

- I. - Полномочия центрального правительства.
- II.-Создание народной демократии.
- III.-Муниципальные королевства.
- IV.- О всеобщем избирательном праве.
- V.-Правящее меньшинство.
- VI.- Резюме работы Учредительного собрания.

КНИГА ТРЕТЬЯ. ПРИМЕНЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ.

ГЛАВА I.

I.-Федерации.

II.-Независимость муниципалитетов.

III.-Независимые ассамблеи.

ГЛАВА II. СУВЕРЕНИТЕТ НЕОБУЗДАННЫХ СТРАСТЕЙ.

I.- Старые религиозные обиды.

II. - Верховная страсть.

III.-Эгоизм налогоплательщика.

IV.- Глупость арендаторов.

ГЛАВА III. РАЗВИТИЕ ПРАВЯЩЕЙ СТРАСТИ

I.-Отношение дворян. Их умеренное сопротивление.

II.-Работа народного воображения по отношению к ним.

III.-Доминиканские визиты.

IV.-Дворяне вынуждены покинуть сельские районы.

V.-Преследования в частной жизни.

VI.-Поведение офицеров.

VI.-Поведение офицеров.

VII.-Эмиграция и ее причины.

VIII.-Отношение священников, не занимающихся юриспруденцией.

IX.-Общее мнение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта вторая часть "Истоков современной Франции" будет состоять из двух томов. - Народные восстания и законы Учредительного собрания заканчиваются уничтожением всякого правительства во Франции; это составляет предмет настоящего тома. - Партия возникает вокруг крайнего учения, захватывает контроль над правительством и правит в соответствии со своей доктриной. Это станет темой второго тома.

Третий том потребуется для критики и оценки исходного материала. У меня нет необходимого места: Я просто излагаю правило, которое я соблюдал. Самым надежным свидетельством всегда будет свидетельство очевидца, особенно

- * Когда этот свидетель - почтенный, внимательный и умный человек,
- * Когда он пишет на месте, в момент и под диктовку самих фактов,
- * Когда очевидно, что его единственная цель - сохранить или предоставить информацию,
- * Когда вместо полемики, спланированной для нужд дела, или красноречия, рассчитанного на популярный эффект, он пишет юридическое показание, секретный отчет, конфиденциальную депешу, частное письмо или личное воспоминание.

Чем ближе документ к этому типу, тем больше он заслуживает доверия и служит превосходным материалом... Я нашел множество подобных документов в национальных архивах, главным образом в рукописной переписке министров, интендантов, субделегатов, магистратов и других должностных лиц; военачальников, офицеров армии и жандармерии; королевских комиссаров и членов Ассамблеи; управляющих департаментами, округами и муниципалитетами, а также лиц из частной жизни, обращающихся к королю, Национальному собранию или в министерство. Среди них есть люди любого ранга, профессии, образования и партийной принадлежности. Они сотнями и тысячами рассеяны по всей территории страны. Они пишут порознь, не имея возможности посоветоваться друг с другом и даже не зная друг друга. Ни у кого нет таких возможностей для сбора и передачи точной информации. Никто из них не стремится к литературному эффекту и даже не предполагает, что написанное ими когда-нибудь будет опубликовано. Они составляют свои заявления сразу же, под непосредственным впечатлением от местных событий. Свидетельства такого рода, самого высокого порядка и из первых рук, служат средством, с помощью которого все остальные свидетельства должны быть проверены. - В сносках внизу страниц указаны состояние, должность, имя и адрес этих решающих свидетелей. Для большей достоверности я как можно чаще переписывал их собственные слова. Таким образом, читатель, столкнувшись с текстами, сможет сам истолковать их и составить собственное мнение; у него будут те же документы, что и у меня, чтобы прийти к своим выводам, и, если ему это будет угодно, он может прийти к иному заключению. Что касается аллюзий, то, если он их найдет, он сам их введет, и если он их применит, он один несет за них ответственность. На мой взгляд, прошлое имеет свои особенности, и представленный здесь портрет напоминает лишь Францию прошлого. Я нарисовал его, не касаясь дискуссий сегодняшнего дня; я писал так, как если бы моей темой были революции во Флоренции или Афинах. Это история, и ничего более, и, если можно так выразиться, я слишком высоко ценю свое призвание историка, чтобы прикрываться им для сокрытия другого". (Декабрь 1877).

КНИГА ПЕРВАЯ. СТИХИЙНАЯ АНАРХИЯ.

ГЛАВА I. ЗАРОЖДЕНИЕ АНАРХИИ.

I.-Земля как первая причина.

Неурожай. Зима 1788 и 1789 годов.- Высокая цена и низкое
Качество хлеба. В провинции. В Париже.

В ночь с 14 на 15 июля 1789 года герцог де ла Рошфуко-Лианкур разбудил Людовика XVI, чтобы сообщить ему о взятии Бастилии. "Значит, это восстание?" - воскликнул король. "Сир!" - ответил герцог, - "это революция!". Событие было еще более серьезным. Власть не только ускользнула из рук короля, но и не попала в руки Собрания. Теперь она лежала на земле, готовая попасть в руки раскованного народа, буйной и перевозбужденной толпы, толпы, которая подхватила ее, как брошенное на улице оружие. По сути, правительства больше не существовало, искусственная структура человеческого общества полностью исчезала, все возвращалось к естественному состоянию. Это была не революция, а распад.

Две причины вызывают и поддерживают всеобщее потрясение. Первая - нехватка продовольствия и голод, которые, будучи постоянными, продолжаясь в течение десяти лет, и усугубляясь самими волнениями, которые они вызывают, справедливо разжигают народные страсти до безумия и превращают весь ход Революции в ряд спазматических спотыканий.

Когда поток полноводен, достаточно небольшого подъема, чтобы вызвать его переполнение. Так было и с крайними бедствиями XVIII века. Бедняк, которому трудно жить, когда хлеб дешев, видит, как смерть смотрит ему в лицо, когда он дорог. В таком состоянии страдания животный инстинкт восстает, и всеобщее повиновение, составляющее общественный мир, зависит от большей или меньшей степени сухости или сырости, жары или холода. В 1788 году, в год сильной засухи, урожай был скудным. К тому же накануне сбора [урожая1101](#) над окрестностями Парижа, от Нормандии до Шампани, разразился страшный град,

опустошивший шестьдесят лье самой плодородной территории и причинивший ущерб на сто миллионов франков. Наступила зима, самая суровая из тех, что наблюдались с 1709 года. В конце декабря Сена замерзла от Парижа до Гавра, а столбик термометра показывал 180 градусов ниже нуля. В Провансе погибла треть оливковых деревьев, а остальные пострадали настолько, что считались неспособными плодоносить в течение двух последующих лет. Такое же бедствие постигло Лангедок. В Виваре и Севеннах погибли целые леса каштанов, а также все посевы зерновых и трав на возвышенностях. На равнине Рона оставалась в состоянии переполнения в течение двух месяцев. После весны 1789 года голод распространился повсеместно и усиливался от месяца к месяцу, подобно нарастающему наводнению. Правительство тщетно приказывало фермерам, владельцам и торговцам кукурузой обеспечить рынки продовольствием. Напрасно оно удваивало щедрость на импорт, прибегало к всевозможным ухищрениям, влезало в долги и потратило более сорока миллионов франков, чтобы снабдить пшеницей Францию. Напрасно частные лица, князья, дворяне, епископы, капитулы и общины умножают свою благотворительность. Архиепископ Парижский влез в долги на 400 000 ливров, один богач раздал 40 000 франков на следующее утро после града, а монастырь бернардинцев кормил двенадцать сотен бедняков в течение шести [недель1102](#). Но все это было слишком разрушительно. Ни государственные меры, ни частная благотворительность не могли удовлетворить подавляющую нужду. В Нормандии, где последний торговый договор разрушил производство льна и кружев, сорок тысяч рабочих остались без работы. Во многих приходах четвертая часть [населения1103](#) нищенствует. Здесь "почти все жители, не считая крестьян и землевладельцев, едят ячменный хлеб и пьют воду"; там "многие бедняки вынуждены есть овсяный хлеб, а другие - размоченные отруби, от которых умерло несколько детей". "Прежде всего, - пишет Руанский парламент, - пусть помощь будет послана погибающему народу... Сир, большинство ваших подданных не в состоянии оплатить стоимость хлеба, и какой хлеб достается тем, кто его покупает" - Артур [Янг1104](#), путешествовавший в это время по Франции, не слышал ничего, кроме дороговизны хлеба и бедственного положения народа. В Труа хлеб стоит четыре су за фунт - то есть восемь су в наши дни; а безработные ремесленники стекаются на работы по оказанию помощи, где могут заработать всего двенадцать су в день. В Лотарингии, по свидетельству всех наблюдателей, "люди полумертвы от голода". В Париже число нищих увеличилось втрое; в одном только Фобур-Сент-Антуане их тридцать тысяч. Вокруг Парижа не хватает зерна, или оно [испорчено1105](#). В начале июля в Монтеро рынок пуст. Пекари не могли бы печь", если бы полицейские не подняли цену на хлеб до пяти су за фунт; рожь и ячмень, которые интендант может прислать, "самого худшего качества, гнилые и могут вызвать опасные заболевания". Тем не менее, большинство мелких потребителей вынуждены пользоваться этим испорченным зерном". В Вильнев-ле-Руа, пишет мэр, "рожь из двух последних присланных партий настолько черна и плоха, что ее нельзя продавать без пшеницы". В Сенсе ячмень "заплесневел" до такой степени, что покупатели его бросают в лицо субделегату отвратительный хлеб, который из него получается. В Шеврёзе ячмень пророс и дурно пахнет; "бедные несчастные", говорит один из работников, "должно быть, сильно страдают от голода, чтобы терпеть это". В Фонтенбло "ячмень, наполовину съеденный, дает больше отрубей, чем муки, и, чтобы сделать из него хлеб, приходится несколько раз перетирать его". Этот хлеб, каким бы он ни был, является предметом дикарской жадности; "дошло до того, что его невозможно раздавать иначе, как через калитки". А на тех, кто таким образом получает свой паек, "часто нападают по дороге и отнимают его более энергичные из голодных людей". В Нангисе "магистраты запрещают одному и тому же человеку покупать более двух бушелей на одном рынке". Короче говоря, провизии так мало, что трудно прокормить солдат; министр рассылает одно за другим два письма с приказом срубить 250 000 бушелей ржи до начала [жатвы1106](#). Таким образом,

Париж, находящийся в совершенно спокойном состоянии, становится похож на голодный город, перешедший на паек в конце долгой осады, и в декабре 1870 года не будет ни большего дефицита, ни худшего питания, чем в июле 1789 года.

"Чем ближе приближалось 14 июля, - рассказывает [очевидец1107](#) , - тем больше усиливался голод. Каждая булочная была окружена толпой, которой раздавали хлеб с самой скупой экономией. Этот хлеб, как правило, был черноватым, землистым и горьким, вызывал воспаление горла и боль в кишечнике. Я видел муку отвратительного качества в военном училище и на других складах. Я видел части ее желтого цвета, с отвратительным запахом; некоторые из них образовывали настолько твердые глыбы, что их приходилось разбивать на куски многократными ударами топора. Со своей стороны, устав от трудностей с добычей этого скудного хлеба и испытывая отвращение к тому, что мне предлагали в столовых, я полностью избегал такой пищи. Вечером я отправился в кафе дю Каво, где, к счастью, они были достаточно любезны, чтобы зарезервировать для меня две булочки, которые называются флейтами, и это единственный хлеб, который я ел в течение недели за один раз".

Но этот ресурс - только для богатых. Что касается людей, то, чтобы получить хлеб, пригодный для собак, они должны часами стоять в очереди. И здесь они дерутся за него; "выхватывают еду друг у друга". Работы больше нет; "рабочие комнаты опустели"; часто, прождав целый день, рабочий возвращается домой с пустыми руками. Когда он приносит буханку весом в четыре фунта, она обходится ему в 3 франка 12 су; то есть 12 су за хлеб и 3 франка за потерянный день. В этой длинной веренице безработных, взволнованных людей, колышущихся взад и вперед перед дверью магазина, бродили мрачные мысли: "Если сегодня вечером пекари не найдут муки для выпечки, то завтра нам нечего будет есть". Ужасающая мысль, при которой вся мощь правительства не слишком сильна; ведь для поддержания порядка в разгар голода ничто не поможет, кроме вида вооруженной силы, осязаемой и угрожающей. При Людовике XIV и Людовике XV голод и несчастья были еще сильнее; но вспышки, которые грубо и быстро подавлялись, были лишь частичными и преходящими беспорядками. Одних бунтовщиков сразу же вешали, других отправляли на галеры. Крестьянин или рабочий, убедившись в своем бессилии, тут же возвращался к своему стойлу или плугу. Когда стена слишком высока, никто и не думает ее преодолевать... Но теперь стена трещит - все ее хранители, духовенство, дворяне, Третье сословие, литераторы, политики и даже само правительство, делают брешь все шире. Несчастные впервые открывают для себя проблему: они бросаются через нее, сначала по каплям, потом в массовом порядке, и бунт становится таким же всеобщим, каким в прошлом была покорность.

II.- Ожидания - вторая причина

Разделение и расхлябанность административных сил.

Расследования местных собраний. -Народ начинает осознает свое состояние.-Призыв Генеральных штатов.

Генерал.- Рождается надежда. Совпадение первых ассамблей

с ранними трудностями.

Именно через эту брешь надежда проникает, как луч света, и постепенно прокладывает себе путь в глубины души. В течение последних пятидесяти лет она поднималась, и ее лучи, освещавшие сначала высший класс в их великолепных апартаментах на первом этаже, а затем средний класс в их антресолях и на первом этаже. Вот уже два года они проникают в подвалы, где трудится народ, и даже в глубокие раковины и потаенные уголки, где толпятся и прячутся от преследования закона бродяги и злоумышленники, нечистоплотное и кишачье стадо. К двум первым провинциальным собраниям, учрежденным Неккером в 1778 и 1779 годах, Ломени де Бриенн в 1787 году добавил еще девятнадцать; при каждом из них существуют собрания округов, при каждом собрании округов - приходские [собрания1108](#). Таким образом, весь механизм управления был изменен. Именно новые ассамблеи устанавливают налоги и следят за их сбором, определяют и направляют все общественные работы, а также формируют окончательную апелляционную инстанцию по спорным вопросам. Интендант, субделегат, выборный [представитель1109](#), таким образом, теряют три четверти своей власти. Возникают конфликты между соперничающими властями, чьи границы четко не определены; командование смещается, а повиновение уменьшается. Субъект больше не чувствует на своих плечах властной тяжести одной руки, которая, без возможности вмешательства или сопротивления, удерживала его, побуждала идти вперед и заставляла двигаться вперед. Между тем в каждом собрании приходского округа и даже провинции рядом с лордами и прелатами сидят плебеи, "мужья-мужики" [1110](#), а часто и простые крестьяне. Они слушают и запоминают огромные цифры налогов, которые платятся исключительно или почти исключительно ими - taille и его аксессуары, poll-tax и дорожные сборы, и, конечно, по возвращении домой они обсуждают все это со своим соседом. Все эти цифры напечатаны; деревенский адвокат обсуждает их со своими клиентами, ремесленниками и деревенщинами, в воскресенье, когда они уходят с мессы, или вечером в большой общественной комнате таверны. Эти маленькие сборища, более того, санкционируются и поощряются высшими силами. В первые дни 1788 года провинциальные ассамблеи приказывают синдикам и жителям каждого прихода провести комиссию по расследованию. Необходимо подробно узнать об их жалобах. Какая часть дохода подлежит обложению каждым налогом? Сколько должен платить земледелец и как он страдает? Сколько в приходе привилегированных лиц, какова сумма их состояния, являются ли они жителями и какова сумма их освобождения от налогов? Отвечая, адвокат, держащий перо, называет и указывает пальцем на каждого привилегированного, критикует его образ жизни и оценивает его состояние, подсчитывает ущерб, нанесенный деревне его иммунитетом, возмущается налогами и сборщиками налогов. Покидая эти собрания, крестьянин размышляет над тем, что он только что услышал. Он видит свои обиды уже не по отдельности, как раньше, а в массе, да еще в сочетании с огромным злом, от которого страдают его товарищи. Кроме того, они начинают разбирать причины своих бед: король добр, почему же тогда его сборщики забирают так много наших денег? Тот или иной каноник или дворянин не лишен доброты - почему же тогда они заставляют нас платить вместо них? Представьте себе, что внезапный проблеск разума должен позволить ноше осознать контраст между видами лошади и человека. Представьте себе, если сможете, каковы будут его первые представления о кучерах и погонщиках, которые бьют его уздечкой и кнутом, а также о добродушных путешественниках и чувствительных дамах, которые жалеют его, но к весу транспортного средства добавляют свой собственный и багаж.

Точно так же в голове крестьянина, среди его недоуменных раздумий, медленно, мало-помалу, разворачивается новая идея: угнетенное множество, одним из которых он является,

огромное стадо, рассеянное далеко за видимым горизонтом, повсюду плохо используемое, голодающее и обкрадываемое. К концу 1788 года мы начинаем улавливать в переписке интендантов и военных комендантов унылое всеобщее бормотание о грядущем гневе. Характеры людей как будто меняются; они становятся подозрительными и беспокойными... И как раз в этот момент правительство, бросив вожжи, призывает их к [самообладанию1111](#). В ноябре 1787 года король объявил, что созывает Генеральные штаты. 5 июля 1788 года он требует от всех компетентных лиц и органов представить меморандумы (des mémoires) по этому вопросу. 8 августа он назначает дату сессии. 5 октября он созывает нотаблей, чтобы обсудить с ними этот вопрос. 27 декабря он предоставляет двойное представительство Третьему государству, поскольку "его дело связано с великодушными чувствами, и оно всегда получит поддержку общественного мнения". В тот же день он вводит в избирательные собрания духовенства большинство [купе1112](#), "поскольку добрые и полезные пасторы ежедневно и тесно связаны с нуждой и помощью народу", из чего следует, "что они гораздо лучше знакомы с его страданиями" и нуждами. 24 января 1789 года он предписывает порядок и способ проведения собраний. После 7 февраля один за другим рассылаются повестки. Через восемь дней после этого каждое приходское собрание начинает составлять свой мемориал жалоб и приходит в возбуждение от подробного перечисления всех бед, которые оно излагает в письменном виде. - Все эти призывы и все эти акты - это множество ударов, которые отдаются в народном воображении. "Его Величество желает, - говорится в изданном приказе, - чтобы каждый, из самых отдаленных уголков его королевства и из самых безвестных его деревушек, был уверен, что его желания и протесты дойдут до него". Таким образом, все это совершенно верно: ошибки быть не может, дело несомненно. Народ приглашают высказаться, его созывают, с ним советуются. Есть желание облегчить их положение; отныне их страдания будут меньше; грядут лучшие времена. Это все, что они знают об этом. Через несколько месяцев после этого, в [июле1113](#), крестьянка может ответить Артуру Янгу только одно: "Какие-то великие люди должны были что-то сделать для таких бедняков, но она не знала, кто и как". Все слишком сложно, неподвластно одурманенному и механическому мозгу... Возникает лишь одна идея - надежда на немедленное облегчение. Убежденность в том, что человек имеет на него право, и решимость помочь ему всеми возможными средствами. Отсюда тревожное ожидание, готовый пыл, напряжение воли, вызванное лишь ожиданием возможности отпустить себя и взлететь, как неотразимая стрела, к неизвестной цели, которая откроется внезапно. Голод должен обозначить для них эту внезапную цель.

Рынок должен быть обеспечен пшеницей; фермеры и землевладельцы должны привозить ее; оптовым покупателям, будь то правительство или частные лица, нельзя позволять отправлять ее в другие места. Пшеница должна продаваться по низкой цене; цена должна быть снижена и зафиксирована, чтобы булочник мог продавать хлеб по два су за фунт. Зерно, мука, вино, соль и провизия не должны облагаться никакими пошлинами. Сеньориальные пошлыны и требования, церковная десятина, королевские и муниципальные налоги не должны больше существовать. Под влиянием этой идеи в марте, апреле и мае со всех сторон вспыхнули волнения. Современники "не знают, что и думать о таком [бедствии1114](#) ; они не могут понять, как такое огромное количество преступников, без видимых лидеров, соглашаются между собой повсюду совершать одни и те же эксцессы как раз в то время, когда Генеральные штаты собираются начать свои заседания". Причина в том, что при древнем режиме пожар тлел в закрытой камере; внезапно открывается большая дверь, выпускается воздух, и пламя немедленно вырывается наружу.

III.- Провинции в первые шесть месяцев 1789 года

Последствия голода.

Сначала возникают лишь прерывистые, единичные пожары, которые гаснут или гаснут сами собой; но через мгновение на том же месте или совсем рядом с ним снова появляются искры. Их количество, как и повторяемость, свидетельствует об обширности, глубине и жаре горючего вещества, которое вот-вот взорвется. За четыре месяца, предшествующих взятию Бастилии, во Франции можно насчитать более трехсот вспышек. Они происходят из месяца в месяц и из недели в неделю в Пуату, Бретани, Турени, Орлеане, Нормандии, Иль-де-Франсе, Пикардии, Шампани, Эльзасе, Бургундии, Ниверне, Оверни, Лангедоке и Провансе. 28 мая парламент Руана сообщает о грабежах зерна, "жестоких и кровавых беспорядках, в которых пали люди с обеих сторон" по всей провинции, в Кан, Сен-Ло, Мортен, Гранвиль, Эврё, Берне, Пон-Андемер, Эльбоф; Лувье и в других районах. На сайте 20 апреля барон де Безенваль, командующий войсками в Центральных провинциях, пишет: "Я еще раз представляю господину Неккеру картину ужасного состояния Турени и Орлеана. Каждое письмо, которое я получаю из этих двух провинций, - это рассказ о трех или четырех беспорядках, которые с трудом подавляются войсками и констеблем" [1115](#), и по всей территории королевства наблюдается подобное положение вещей. Женщины, что вполне естественно, обычно стоят во главе этих вспышек. Именно они в Монльери разрывают ножницами мешки с зерном. Узнав каждую неделю в базарный день, что цена буханки хлеба повышается на три, четыре или семь су, они раздражаются воплями ярости: при такой цене на хлеб, при маленькой зарплате мужчин, да еще когда работы [нет](#) [1116](#), как можно прокормить семью? Толпы людей собираются у мешков с мукой и у дверей пекарей. Среди криков и упреков кто-то из толпы толкается; владельца или торговца толкают и сбивают с ног. В лавку вторгаются, товар оказывается в руках покупателей и голодных, каждый хватает себе, платит или не платит, и убегает с добычей. -Иногда партия собирается [заранее](#) [1117](#) В Брей-сюр-Сен 1 мая жители деревни на четыре лье вокруг, вооруженные камнями, ножами и дубинами, в количестве четырех тысяч человек, заставляют метайеров и крестьян, которые привезли с собой зерно, продавать его по 3 ливра вместо 4 ливров 10 су за бушель. Они угрожают сделать то же самое в следующий базарный день: но крестьяне не возвращаются, склады остаются пустыми. Теперь солдаты должны быть под рукой, иначе жители Брея будут разграблены. В Баньольсе, в Лангедоке, 1 и 2 апреля крестьяне, вооруженные дубинами и собравшиеся под барабанную дробь, "проходят по городу, угрожая сжечь и уничтожить все, если им не дадут муки и денег". Они идут в частные дома за зерном, делят его между собой по заниженным ценам, "обещая заплатить, когда соберется следующий урожай", и заставляют консулов выставить хлеб по два су за фунт и увеличивать дневное жалованье на четыре су - в самом деле, теперь это обычное дело; не народ подчиняется властям, а власти подчиняются народу. Консулы, шерифы, мэры, муниципальные служащие, городские клерки растеряны и колеблются перед лицом этого огромного шума; они чувствуют, что их могут растоптать ногами или выкинуть из окон. Другие, более твердые, понимая, что бунтующая толпа безумна, и не желая проливать кровь, пока что уступают, надеясь, что в следующий базарный день будет больше солдат и приняты лучшие меры предосторожности. В Амьене,

"после очень бурной вспышки" [1118](#) , они решают взять пшеницу, принадлежащую монахам-якобинцам, и, под защитой войск, продать ее народу на треть ниже стоимости. В Нанте, где напали на ратушу, они вынуждены снизить цену на хлеб на один су за фунт. В Ангулеме, чтобы не прибегать к оружию, просят графа д'Артуа отказаться на два месяца от пошлин на муку, снизить цену на хлеб и выплатить компенсацию пекарям. В Сетте с ними так жестоко обращаются, что они пускают все на самотек; народ грабит их жилища и одерживает верх; они объявляют в трубу, что все их требования удовлетворены. В других случаях толпа отказывается от своих услуг и действует сама. Если на рынке не оказывается зерна, народ идет за ним куда попало - к владельцам и фермерам, которые не могут привезти его, опасаясь грабежа; в монастыри, которые по королевскому указу обязаны всегда иметь в запасе годовой урожай; в амбары, где хранятся запасы правительства; в колонны, которые интенданты отправляют на помощь голодающим городам. Каждый сам за себя - тем хуже для соседа. Жители Фужера избивают и изгоняют тех, кто приезжает из Эрне, чтобы купить на их рынке; аналогичное насилие проявляется в Витре по отношению к жителям Мэна. [1119](#) В Сент-Леонаре жители останавливают зерно, отправленное в Лимож; в Босте - предназначенное для Орильяка; в Сен-Дидье - заказанное для Мулена; в Турнусе - отправленное в Макон. Напрасно к караванам добавляют эскорт; отряды мужчин и женщин, вооруженных топорами и ружьями, устраивают засады в лесах вдоль дороги и хватают лошадей за уздечки; чтобы обеспечить продвижение, приходится использовать саблю. Напрасны доводы и добрые слова, "напрасно даже пшеницу предлагают за деньги; они отказываются, крича, что караван не пойдет дальше". Они заняли упрямую позицию, их решение напоминает быка, который стоит посреди дороги и опускает рога. Раз пшеница находится в округе, значит, она принадлежит им; тот, кто ее уносит или удерживает, - грабитель. Эту идею невозможно изгнать из их сознания. В Шантене, близ [Манса1120](#) , они не дают мельнику отнести на мельницу только что купленное зерно. В Мондрагоне, в Лангедоке, они забрасывают камнями торговца, который собирался отправить свою последнюю повозку в другое место. В Тьерсе рабочие отправляются собирать пшеницу на полях; владельца, с которым они нашли пару, чуть не убили; они пьют вино в подвалах и оставляют краны включенными. В Невере, когда пекари уже четыре дня не выкладывают хлеб на прилавки, толпа силой врывается в амбары частных лиц, торговцев и религиозных общин. "Испуганные торговцы кукурузой расстаются со своим зерном любой ценой; большая часть его крадется на глазах у стражников", и в суматохе этих обысков в домах несколько домов разграблены. - В эти дни горе всем, кто связан с приобретением, торговлей и манипуляциями с зерном! Народное воображение требует живых существ, которым оно могло бы приписать свои несчастья и на которых оно могло бы выместить свою обиду. Для него все такие люди - монополисты и, во всяком случае, враги общества. Недалеко от Анжера вторглись в бенедиктинскую обитель, опустошили ее поля и леса. [1121](#) В Амьене "люди собираются разграбить и, возможно, сжечь дома двух купцов, которые построили трудосберегающие мельницы". Сдерживаемые солдатами, они ограничиваются тем, что бьют окна; но другие "группы приходят, чтобы разрушить или разграбить дома двух или трех человек, которых они подозревают в том, что они монополисты". В Нанте сеньор Геслин, которому народ поручил осмотреть дом и не нашел пшеницы, кричит, что он приемщик, соучастник! Толпа бросается на него, и он ранен и почти разрублен на части. - Совершенно очевидно, что во Франции больше нет безопасности; собственность, даже жизнь, в опасности. Главная собственность - еда - нарушается в сотнях мест, и везде она находится под угрозой и в опасности. Местные власти повсюду взывают о помощи, объявляют констеблишмент некомпетентным и требуют введения регулярных войск. И обратите внимание, как государственная власть, повсеместно неполноценная, дезорганизованная и шатающаяся, находит в себе не только слепое безумие голода, но и, кроме того, злые

инстинкты, которые извлекают выгоду из любого беспорядка, и закоренелые похоти, которые освобождает от сдерживания любая политическая суматоха.

IV.- Вмешательство разбойников и бродяг.

Мы видели, как многочисленны стали контрабандисты, торговцы контрабандной солью, браконьеры, бродяги, нищие и беглые [каторжники](#)¹¹²², и как голодный год увеличивает их число. Все они - многочисленные рекруты для толпы, и каждый из них, будь то во время беспорядков или с помощью беспорядков, набивает свой мешок. Вокруг Ко,¹¹²³ вплоть до окрестностей Руана, в Роншероле, Кевревилли, Прео, Сен-Жаке и во всех окрестностях банды вооруженных разбойников врываются в дома, особенно в пасторали, и накладывают руки на все, что им заблагорассудится. К югу от Шартра "три или четыре сотни дровосеков, из лесов Беллема, рубят все, что им мешает, и заставляют отдавать им зерно по их собственной цене". В окрестностях Этампа пятнадцать бандитов по ночам врываются в крестьянские дома и требуют выкуп, угрожая крестьянину пожаром. В Камбрезисе они грабят аббатства Вошель, Верже и Гильманс, замок маркиза де Бесселара, поместье месье Дуази, две фермы, повозки с пшеницей, идущие по дороге в Сен-Кантен, и, кроме того, семь ферм в Пикардии. "Очаг этого восстания находится в некоторых деревнях, граничащих с Пикарди и Камбрезом, знакомых с контрабандными операциями и с лицензией на это занятие". Крестьяне поддаются на уговоры бандитов. Человек быстро скатывается по наклонной плоскости бесчестности; тот, кто наполовину честен, принимает участие в беспорядках случайно или вопреки себе, повторяет свой поступок, соблазненный безнаказанностью или выгодой. На самом деле "не суровая необходимость побуждает их", а спекуляция на корысти, новый вид незаконной торговли. Старый солдат с саблей в руке, лесничий и "около восьми человек достаточно распушенных, поставив себя во главе четырех или пятисот человек, отправляются каждый день в три или четыре деревни. Здесь они заставляют всех, у кого есть пшеница, отдавать ее им по 24 ливра", а то и по 18 ливров за мешок. Те из них, кто говорит, что у них нет денег, уносят свою часть без оплаты. Другие, заплатив сколько угодно, перепродают с прибылью, которая достигает даже 45 ливров за мешок. Это хороший бизнес, в котором жадность берет в сообщники бедность. Во время следующего урожая искушение будет аналогичным: "Они угрожали прийти и сделать за нас уборку урожая, а также забрать наш скот и продавать мясо в деревнях по два су за фунт" - во время каждого серьезного восстания есть подобные злодеи и бродяги, враги закона, дикие, рыскающие отчаянные, которые, как волки, бродят повсюду, где чуют добычу. Именно они служат распорядителями и исполнителями общественных или частных злодеяний. Недалеко от Юзеса двадцать пять человек в масках, с ружьями и дубинками, входят в дом нотариуса, стреляют в него из пистолета, избивают, громят помещение и сжигают его реестры вместе с титулами и бумагами, которые он хранит для графа де Рувре. Семерых из них арестовывают, но народ на их стороне, набрасывается на констебля и освобождает их.¹¹²⁴ Они известны своими поступками, своей любовью к разрушению ради разрушения, своим иностранным акцентом, своими дикими лицами и лохмотьями. Некоторые из них приезжают из Парижа в Руан, и в

течение четырех дней город находится в их власти.¹¹²⁵ Магазины вскрываются, вагоны разгружаются, пшеница уничтожается, а монастыри и семинарии отдаются на выкуп. Они вторгаются в жилище генерального прокурора, который начал против них судебное разбирательство, и хотят разорвать его на куски. Они разбивают его зеркала и мебель, покидают помещение, нагруженное добычей, и отправляются в город и его окрестности, чтобы разграбить мануфактуры и разбить или сжечь все механизмы. Отныне они становятся новыми лидерами: ведь в каждой толпе именно самые смелые и наименее щепетильные идут впереди и подают пример в разрушении. Пример заразителен: начало - жажда хлеба, конец - убийства и поджоги; дикость, которая не скована, добавляет свое неограниченное насилие к ограниченному бунту необходимости.

V.- Влияние новых идей на население.

Как бы ни была плоха эта дикость, ее можно было бы, пожалуй, преодолеть, несмотря на голод и разбойников; но непреодолимой ее делает вера в то, что она санкционирована, причем теми, чей долг - подавлять ее. То тут, то там прорываются слова и действия жестокой откровенности, открывающие за мрачным настоящим более угрожающее будущее. 9 января 1789 года среди толпы, напавшей на Отель-де-Виль и осадившей булочные Нанта, "раздаются крики "Да здравствует свобода!"¹¹²⁶, смешанные с криками "Да здравствует король!". Несколько месяцев спустя в окрестностях Плоэрмеля крестьяне отказываются платить десятину, утверждая, что мемориал суда их сенешаля требует ее отмены. В Эльзасе после марта происходит тот же отказ "во многих местах"; многие общины даже заявляют, что не будут больше платить налоги, пока их депутаты в Генеральных штатах не установят точную сумму общественных взносов. В Изере постановлено, в соответствии с напечатанными и опубликованными решениями, что "личные сборы" больше не будут выплачиваться, а землевладельцы, которых это коснулось, не смеют подавать в трибуналы. В Лионе народ пришел к выводу, "что все налоги должны быть прекращены", и 29 июня, услышав о собрании трех орденов, "пораженные иллюминацией и знаками народного ликования", они считают, что наступило благоприятное время. Они думают заставить поставлять им мясо по четыре су за фунт и вино по той же цене. Мытари намекают им на скорую отмену октрои.¹¹²⁷ А тем временем король, в пользу повторного объединения трех орденов, предоставил Парижу трехдневную свободу от всех пошлин, и Лион должен пользоваться той же привилегией". После этого толпа, устремившись к шлагбаумам, к воротам Сен-Клер и Перраш и к мосту Гильотьер, сжигает или сносит бюро, уничтожает реестры, грабит жилища клерков, уносит деньги и грабит вино, хранящееся в депо. Тем временем по стране распространился слух, что в город можно свободно ввозить любую провизию. В последующие дни крестьяне стекаются огромными вереницами повозок, груженных вином и запряженных несколькими волами, так что, несмотря на восстановленную охрану, приходится целый день пропускать их без уплаты пошлины. Только 7 июля их снова можно собирать.- То же самое происходит в южных провинциях, где главные налоги взимаются с провизии. Там сбор также приостанавливается под предлогом государственной власти. В [Агде](#)¹¹²⁸ "народ, учитывая так называемую волю короля о равенстве сословий, настолько глуп, что думает, будто он - все и может все". Таким образом, они по-своему и в своих

собственных терминах интерпретируют двойное представительство, предоставленное Третьему государству. Поэтому они угрожают городу всеобщим грабежом, если цены на все продукты не будут снижены, а провинциальные пошлины на вино, рыбу и мясо не будут отменены. Они также хотят назначить консулов, которые возникли из их тела". Епископ, владетель поместья, мэр и знатные лица, против которых они насильно возбуждают крестьянство в стране, вынуждены объявить в трубу, что их требования будут удовлетворены. Через три дня после этого они требуют снизить налог на помол на половину и отправляются на поиски епископа, владеющего мельницами. Прелат, который болен, опускается на улице и садится на камень; они заставляют его немедленно подписать акт об отречении, и таким образом "его мельница, оцененная в 15 000 ливров, сокращается до 7 500 ливров". В Лиму, под предлогом поиска зерна, они входят в дома контролера и налоговых подрядчиков, выносят их реестры и бросают их в воду вместе с мебелью их клерков". В Провансе все еще хуже, ибо самым несправедливым образом, по немыслимой неосмотрительности, все налоги городов взимаются с муки. Поэтому именно этому налогу напрямую приписывается дороговизна хлеба. Таким образом, фискал становится явным врагом, а восстания из-за голода превращаются в восстания против государства.

VI.- Первый жаккард в провинции

Слабость или неэффективность репрессивных мер.

И снова политические новинки становятся искрой, воспламеняющей пороховую массу. Повсеместно восстание народа происходит в тот самый день, когда собирается избирательное собрание. Менее чем за две недели в провинциях происходит от сорока до пятидесяти беспорядков. Народное воображение, подобно детскому, идет напролом. Объявив о реформах, люди считают их свершившимися и, чтобы убедиться в этом, сразу же принимают меры к их осуществлению. Теперь, когда мы должны получить облегчение, давайте облегчимся сами. "Это не единичный бунт, как обычно, - пишет командующий войсками¹¹²⁹, - здесь фракция объединена и руководствуется едиными принципами; одни и те же заблуждения распространяются во всех умах. . . . Принципы, внушенные народу, таковы: король желает равенства. Больше никаких епископов и лордов, никаких различий в рангах, никакой десятины и никаких привилегий. Таким образом, эти введенные в заблуждение люди воображают, что осуществляют свои права и подчиняются воле короля" - эффект звучных фраз очевиден. Народу было сказано, что Генеральные штаты должны обеспечить "возрождение королевства", из чего следует, что "дата их собрания должна была полностью и абсолютно изменить условия и судьбу". Отсюда следует, что "восстание против дворянства и духовенства было столь же активным, сколь и повсеместным". "Во многих местах было ясно объявлено, что объявлена своего рода война против землевладельцев и собственности", и "как в городах, так и в сельской местности народ упорно заявляет, что не будет платить ничего, ни налогов, ни пошлин, ни долгов". Естественно, первым делом нападают на пикет, или налог на муку. В Эксе, Марселе, Тулоне и более чем в сорока городах и рыночных поселках он был отменен; в Апте и Люсе от весовой не осталось ничего, кроме

четырёх стен. В Марселе разграблен дом подрядчика скотобойни, а в Бриньоле - директора кожевенного акциза. Решено "очистить страну от акцизных людей". "Это только начало; хлеб и другие продукты должны стать дешевыми, причем без промедления". В Арле корпорация моряков, возглавляемая консулом месье де Баррасом, только что избрала своих представителей. В заключение собрания они принимают резолюцию, в которой настаивают на том, чтобы господин де Баррас снизил цены на все продукты. В ответ на его отказ они "открывают окно, восклицая: "Мы его держим, и нам остается только выбросить его на улицу, чтобы остальные его подобрали"". Повиновение неизбежно. Постановление оглашают глашатаи, и при каждом снижении цены толпа кричит: "Да здравствует король, да здравствует мсье Баррас!" - приходится уступить грубой силе. Но неудобства велики, поскольку из-за отмены налога на муку города лишились доходов. С другой стороны, поскольку они вынуждены возмещать убытки мясникам и пекарям, Тулон, например, влечет за собой долг в 2500 ливров в день.

При таком состоянии беспорядка горе тем, кого подозревают в том, что они прямо или косвенно способствуют тем бедам, которые терпит народ! В Тулоне требуют голову мэра, который подписывает налоговый список, и хранителя записей. Их топчут ногами, а их дома разграблены. В Маноске епископ Систерон, посещающий семинарию, обвиняется в благосклонности к монополисту. Когда он идет пешком к своей карете, его окликают и угрожают. Сначала его обливают грязью, а затем забрасывают камнями. Присутствующие при этом консулы и субделегат, пришедшие ему на помощь, подвергаются избиению и отталкиванию. Тем временем некоторые из самых яростных начинают на его глазах "рыть ров, чтобы похоронить его". Под защитой пяти или шести храбрецов, под залпом камней, раненный в голову и во многие части тела, ему удается добраться до своей кареты. В конце концов он спасается только потому, что лошади, которых тоже забрасывают камнями, убегают. Иностранцы, итальянцы, бандиты смешались с крестьянами и ремесленниками, слышны выражения и видны действия, указывающие на жакерию.¹¹³⁰ "Самые возбужденные говорили епископу: "Мы бедны, а вы богаты, и мы хотим завладеть всем вашим имуществом"". ¹¹³¹ В других местах "мятежная толпа требует жертвования от всех людей, находящихся в хорошем положении. В Бриньоле тринадцать домов разграблены сверху донизу, а тридцать других - частично наполовину.- В Апте месье де Монферрат, защищаясь, убит и "изрублен на куски".- В Ла Сейне толпа, возглавляемая крестьянином, собирается под бой барабанов. Несколько женщин приносят телегу и ставят ее перед домом одного из ведущих буржуа, говоря ему, чтобы он готовился к смерти и что "они будут иметь честь похоронить его". Он убегает; его дом разграблен, как и бюро мучного налога. На следующий день главарь банды "обязывает главных жителей выдать ему сумму денег, чтобы возместить, как он говорит, крестьянам, которые бросили свою работу", и посвящает этот день служению обществу.- В Пенье президент де Пенье, осьмидесятилетний человек, "осажден в своем замке бандой из ста пятидесяти ремесленников и крестьян", которые привели с собой консула и нотариуса. С помощью этих двух чиновников они заставляют президента "принять акт, в котором он отказывается от всех своих прав на владение землей". В Солье они разрушают мельницы, принадлежащие месье де Форбен-Жансону. Они разграбляют дом его агента, грабят замок, сносят крышу, часовню, алтарь, перила и эскулапы. Они проникают в подвалы, забивают бочки и уносят все, что можно унести, "перевозка занимает два дня"; все это причиняет маркизу ущерб в сто тысяч крон. В Рьеze они окружают епископский дворец факелами, угрожая сжечь его, "и идут на компромисс с епископом, обещая пятьдесят тысяч ливров", и требуют, чтобы он сжег свои архивы... Короче говоря, мятеж носит социальный характер, ибо он выделяет для нападения все, что извлекает выгоду или стоит во главе установленного порядка вещей.

Видя, как они действуют, можно сказать, что им привили теорию социального договора. Они обращаются с магистратами как с домашними, издают законы и ведут себя как государи. Они осуществляют государственную власть и устанавливают, суммарно, произвольно и жестоко, все, что, по их мнению, соответствует естественному праву. - В Пенье они требуют второго избирательного собрания и избирательного права для себя. - В Сен-Максимине они сами избирают новых консулов и чиновников юстиции. - В Сольезе они заставляют лейтенанта судьи подать в отставку и ломают его служебный посох. - В Баржольсе "они используют консулов и судей как своих городских слуг, объявляя, что они хозяева и что они сами будут вершить правосудие". - На самом деле они вершат его, как они его понимают, то есть с помощью многочисленных поборов и грабежей! У одного человека есть пшеница, он должен поделиться ею с тем, у кого ее нет. У другого есть деньги, он должен отдать их тому, у кого их недостаточно, чтобы купить хлеб. По этому принципу в Баржоле они обложили урсулинских монахинь налогом в 1800 ливров, отобрали у капитула пятьдесят грузов пшеницы, у одного бедного ремесленника - восемнадцать, у другого - сорок, заставили каноников и бенефициантов давать подати своим крестьянам. Затем, переходя от дома к дому с дубинкой в руках, они обязывают одних передать деньги, других - отказаться от претензий к должникам, "одного - прекратить уголовное преследование, другого - аннулировать полученный декрет, третьего - возместить расходы по судебной тяжбе, выигранной много лет назад, отца - дать согласие на брак сына" - все их обиды вспоминаются, а мы все знаем, как цепка крестьянская память. Став хозяином, он исправляет обиды, и особенно те, объектом которых считает себя. Должна быть общая реституция, и сначала - феодальных пошлин, которые были собраны. У делового агента мсье де Монмеана забирают все деньги, которые он имеет в качестве компенсации за те, что он получил за пятнадцать лет работы нотариусом. Бывший консул Бриньоль в 1775 году наложил штрафы на сумму 1500 или 1800 франков, которые были розданы бедным; эту сумму забирают из его ящика. Кроме того, если консулы и служители закона являются злоумышленниками, то титулы, арендные ведомости и другие документы, с помощью которых они ведут свои дела, еще хуже. В огонь отправляются все старые документы - не только канцелярские книги, но и, в Гиере, все бумаги в ратуше и у главного нотариуса... Что касается бумаг, то хороши только новые - те, которые передают какую-то выписку, квитанцию или обязательство в пользу народа. В Бриньоле владельцы мельниц вынуждены заключить договор купли-продажи, по которому они передают свои мельницы коммуне за 5 000 франков в год, выплачиваемых в течение десяти лет без процентов, - соглашение, которое их разоряет. Увидев подписанный договор, крестьяне кричат и ликуют, и так велика их вера в эту бумажку с печатью, что они тут же устраивают благодарственный молебен в Кордельерах. Грозные предзнаменования! Они указывают на внутреннюю цель, решительную волю и грядущие деяния этой восходящей силы. Если она одержит верх, то первым ее делом будет уничтожение всех старинных документов, всех титулов, рентных списков, договоров и претензий, которым ее заставят подчиниться. С помощью силы она также будет составлять другие документы в своих интересах, а писцы, которые это делают, будут ее собственными депутатами и администраторами, которых она держит в своей грубой хватке.

Те, кто занимает высокие посты, не встревожены; они даже находят, что в восстании есть польза, поскольку оно заставляет города подавить несправедливое налогообложение.¹¹³² Новой марсельской гвардии, сформированной из молодых людей, разрешено отправиться в Обань, "чтобы настоять на том, чтобы господин лейтенант преступников и господин адвокат короля отпустили заключенных". Неповиновение Марселя, который отказывается принять магистратов, посланных по грамоте для дачи показаний, терпят. И что еще лучше, несмотря на уговоры парламента Экса, объявляется всеобщая амнистия; "никто не исключается, кроме нескольких лидеров, которым разрешено покинуть королевство". Мягкость короля и

военных властей достойна восхищения. Признается, что люди - дети, что они заблуждаются лишь по невежеству, что нужно верить в их покаяние и, как только они вернутся к порядку, принимать их с отеческими умилениями - правда в том, что ребенок - слепой колосс, взвинченный страданиями. Поэтому все, за что бы он ни ухватился, разбивается вдребезги - не только местные колеса провинций, которые, если они временно выходят из строя, можно починить, но даже стимул в центре, который приводит в движение все остальное и разрушение которого приводит весь механизм в замешательство.

1101 (возвращение)

[Marmontel, "Mémoires", II. 221.- Альберт Бабо, "Histoire de la Révolution Française", I. 91, 187. (Письмо мэра Юэза в Труа, 30 июля 1788 г.) -Archives Nationales, H. 1274. (Письмо М. де Карамана, 22 апреля 1789 г.) H. 942 (Cahier des demandes des Etats de Languedoc).-Buche et Roux, "Histoire Parlementaire", I. 283].

1102 (возвращение)

[См. "Древний режим", с.34. Albert Babeau, I. 91. (Епископ Труа дает 12 000 франков, а глава - 6 000, на нужды мастерских)].

1103 (возвращение)

["The Ancient Regime", 350, 387.-Floquet, "Histoire du Parlement de Normandie", VII. 505-518. (Отчеты парламента Нормандии, 3 мая 1788 года. Письмо парламента королю, 15 июля 1789 г.)].

1104 (возвращение)

[Артур Янг, "Путешествия по Франции", 29 июня, 2 и 18 июля- "Journal de Paris", 2 января 1789 года. Письмо куратора Сент-Маргерит].

1105 (возвращение)

[Buche et Roux, IV. 79-82. (Письмо из посреднического бюро Монтеро, 9 июля 1789 г.; от мэра Вильнев-ле-Руа, 10 июля; от М. Бодри, 10 июля; от М. Приоро, 11 июля и т. д.) - Монжуа, "История Революции во Франции", 2 часть, гл. XXI, с. 5].

1106 (возвращение)

[Roux et Buche, ibid. "Очень прискорбно, - пишет маркиз д'Аутишамп, - быть вынужденным вырубать стоящие посевы, готовые к сбору; но опасно позволить войскам умереть от голода"].

1107 (возвращение)

[Montjoie, "Histoire de la Révolution de France", ch. XXXIX, V, 37.-De Goncourt, "La Société

Française pendant la Révolution", p. 513.-Deposition of Maillard (Criminal Inquiry of the Châtelet concerning the events of October 5th and 6th)].

1108 (возврат)

[De Tocqueville, "L'Ancien Régime et la Révolution", 272-290. De Lavergne, "Les Assemblées provinciales", 109. Procès-verbaux des assemblées provinciales, passim].

1109 (возвращение)

[Магистрат, выносящий решение в суде низшей инстанции по делам, связанным с налогообложением. Эти термины сохранены, поскольку в английском языке нет эквивалентов. (Тр.)]

1110 (возврат)

["Laboureurs" - этот термин в данную эпоху применяется к тем, кто обрабатывает свою собственную землю. (Тр.)]

1111 (обратно)

[Duvergier. "Collection des lois et décrets", I. 1-23, и особенно p. 15].

1112 (обратно)

[Приходские священники (СР.)].

1113 (возврат)

[Артуру Янгу, 12 июля 1789 года (в Шампани)].

1114 (возврат)

[Монжуа, 1-я часть, 102.]

1115 (возврат)

[Floquet, "Histoire du Parlement de Normandie", VII. 508.- "Archives Nationales", H. 1453].

1116 (обратно)

[Артур Янг, 29 июня (в Нангисе).

1117 (возврат)

["Archives Nationales", H.1453. Письмо герцога де Мортемара, сеньора Брея, от 4 мая; письмо М. де Балленвилье, интенданта Лангедока, от 15 апреля].

1118 (возвращение)

["Archives Nationales", Н.1453. Письмо интенданта, мсье д'Аге, 30 апреля; муниципальных чиновников Нанта, 9 января; интенданта, мсье Мёлан д'Аблуа, 22 июня; мсье де Балленвилье, 15 апреля].

1119 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо графа де Ланжерона от 4 июля; письмо мсье де Мёлан д'Аблуа от 5 июня; "Протокол собрания маршала Боста" от 29 апреля. Письма мсье де Шазера от 29 мая; мсье де Безенваля от 2 июня; интенданта мсье Амело от 25 апреля].

1120 (возврат)

["Archives Nationales", Н.1453. Письмо М. де Безенваля, 27 мая; М. де Балленвилье, 25 апреля; М. де Фуллонде, 19 апреля].

1121 (возврат)

["Archives Nationales", Н.1453. Письмо интенданта, м. д'Эна, 12 марта; м. д'Агея, 30 апреля; м. Амело, 25 апреля; муниципальных властей Нанта, 9 января и т.д.].

1122 (возвращение)

["Древний режим", с. 380-389].

1123 (возврат)

[Floquet, VII. 508, (Отчет от 27 февраля).- Hippeau, "La Gouvernement de Normandie", IV. 377. (Письмо М. Перро от 23 июня.)- "Archives Nationales", Н. 1453. Письмо М. де Сент-Сюзанна от 29 апреля. Там же. F7, 3250. Письмо М. де Рошамбо от 16 мая Там же. F7, 3250. Письмо аббата Дюплаке, депутата от третьего сословия Сен-Кантена, 17 мая. Письмо трех крестьян из окрестностей Сен-Кантена, 14 мая].

1124 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо графа де Перигора, военного коменданта Лангедока, 22 апреля].

1125 (возврат)

["Флоке", VII. 511 (с 11 по 14 июля)].

1126 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо муниципальных властей Нанта от 9 января; письмо субделегата Плоермея от 4 июля; ibid. F7, 2353. Письмо посреднической комиссии Эльзаса,

8 сентября; там же. F7, 3227. Письмо интенданта Казе де ла Бове от 16 июня; там же, Н. 1453. Письмо Террея, интенданта Лиона, от 4 июля; письмо прево Эшевена от 5 и 7 июля].

1127 (возвращение)

[(Налог на все товары, ввозимые в город. СР.)].

1128 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо мэра и советов Агды от 21 апреля; от М. де Перигора от 19 апреля, 5 мая].

1129 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письма М. де Карамана от 23 марта, 26 27 28 марта; сенешаля Миссисси от 24 марта; мэра Гиера от 25 марта и т.д.; там же Н. 1274; М. де Монмайрана от 2 апреля; М. де Карамана от 18 марта, 12 апреля; интенданта М. де ла Тура от 2 апреля; генерального прокурора М. д'Антемана, 17 апреля, и отчет от 15 июня; муниципальных властей Тулона, 11 апреля; субделегата Маноска, 14 марта; М. де Сен-Тропе, 21 марта. Протоколы заседания, подписанные 119 свидетелями, о восстании в Эксе, 5 марта, и т.д.].

1130 (возвращение)

[Восстание крестьян. Термин используется для обозначения сельской толпы в отличие от городской или поселковой].

1131 (возврат)

["Archives Nationales", Н.1274. Письмо М. де ла Тура от 2 апреля (с подробным меморандумом и показаниями)].

1132 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1274. Письмо М. де Карамана от 22 апреля:- "Из этого несчастья вытекает одна реальная польза. . . Зажиточное сословие получает возможность поддержать то, что превышало силы бедных поденщиков. Мы видим, что дворяне и люди в хорошем положении стали немного внимательнее к бедным крестьянам: теперь они привыкли говорить с ними более мягко". Месье де Караман был ранен, как и его сын, в Эксе, и если солдаты, которых забрасывали камнями, в конце концов открыли огонь по толпе, то он не отдавал приказа] - Там же, письмо месье д'Антемана от 17 апреля; месье де Барентена от 11 июня.

ГЛАВА II. ПАРИЖ ДО 14 ИЮЛЯ.

I.- Новобранцы мафии в окрестностях.

Количество бродяг. Количество нищих.

ИДЕАЛЬНО, именно в центре города конвульсии сильнее всего. Нет ничего, что могло бы усугубить восстание, - ни самой живой провокации, чтобы стимулировать его, ни самых многочисленных банд для его осуществления. Окрестности Парижа поставляют рекрутов; нигде нет столько несчастных, столько голодающих и столько мятежных существ. Грабежи зерна происходят повсюду - в Орлеане, в Косне, в Рамбуйе, в Жуи, в Пон-Сен-Максансе, в Брей-сюр-Сен, в Сенсе, в Нанжи.¹²⁰¹ Пшеничной муки так не хватает в Мёдоне, что каждому покупателю приказано покупать одновременно равное количество ячменя. В Вирофлее тридцать женщин с арьергардом из мужчин останавливают на главной дороге машины, которые, как они полагают, гружены зерном. В Монлери камни и дубинки разгоняют семь бригад полиции. Огромная толпа из восьми тысяч человек, женщин и мужчин, снабженных мешками, обрушивается на выставленное на продажу зерно. Они заставляют отдать им пшеницу стоимостью 40 франков за 24 франка, грабят половину и увозят без оплаты. "Констебль обескуражен, - пишет субделегат, - решимость народа удивительна; я в ужасе от того, что видел и слышал". 13 июля 1788 года, в день града, крестьянство охватило отчаяние; как ни были настроены владельцы, помочь им было невозможно. "Ни одна мастерская не открыта;¹²⁰² дворяне и буржуа, вынужденные предоставлять отсрочки в выплате своих доходов, не могут дать никакой работы". Поэтому "голодающие готовы рисковать жизнью ради жизни" и открыто и смело ищут пропитание везде, где его можно найти. В Конфлан-Сен-Онорине, Эраньи, Нёвиле, Шеневьере, в Сержи, Понтуазе, Иль-Адаме, Пресле и Бомоне мужчины, женщины и дети, прихожане норы, бороздят страну, расставляют силки и уничтожают норы. "Ходят слухи, что правительство, информированное о вреде, наносимом дичью земледельцам, разрешает ее уничтожение. ...и действительно зайцы уничтожили около пятой части урожая. Сначала арестовывают девять браконьеров, но их отпускают, "принимая во внимание обстоятельства". В результате в течение двух месяцев в поместье принца де Конти и посла Мерси д'Аржанто идет бойня; за неимением хлеба они едят кроликов... Наряду со злоупотреблением собственностью они, по естественному побуждению, нападают на саму собственность. Недалеко от Сен-Дени опустошаются леса, принадлежащие аббатству. "Крестьяне, живущие по соседству, вывозят груды дров, запряженные четверками и пятерками лошадей; жители деревень Виль-Паризис, Тремблей, Вер-Галант, Вильпинт публично продают их и угрожают дровосекам побоями. 15 июня ущерб уже оценивается в 60 000 ливров - и неважно, был ли владелец благосклонен, как месье де Талару,¹²⁰³ который предыдущей зимой поддерживал бедняков в своем поместье в Исси. Крестьяне разрушают дамбу, отводящую воду к его коммунальной мельнице; приговоренные парламентом к ее восстановлению, они заявляют, что не только не подчинятся. Если месье де Талару попытается восстановить ее, они вернутся с тремя сотнями вооруженных людей и снесут ее во второй раз.

Для тех, кто оказался в тяжелом положении, Париж - ближайшее убежище. Для самых бедных и измученных дверь кочевой жизни широко открыта. Вокруг столицы, как и в странах, где человеческое общество еще не сформировалось или прекратило свое существование, возникают группы. В первые две недели мая 1204 года около Вильжюифа группа из пяти-шести сотен бродяг стремится форсировать Бикетр и подойти к Сен-Клу. Они прибывают с расстояния тридцати, сорока и шестидесяти лье, из Шампани, из Лотарингии, со всей территории страны, опустошенной градом. Все они снуют вокруг Парижа и оказываются там, как в сточной канаве, несчастные вместе с преступниками, одни в поисках работы, другие - чтобы попрошайничать и скитаться под пагубным влиянием голода и слухов по общественным улицам. В последние дни апреля 1205 года клерки на платных дорогах отмечают появление "ужасающего количества плохо одетых мужчин зловещего вида". В первые дни мая отмечается изменение внешнего вида толпы. В ней смешиваются "несколько иностранцев из всех стран, большинство из них в лохмотьях, вооруженные большими палками, и сам вид которых говорит о том, что их следует опасаться". Уже сейчас, до этого окончательного наплыва, общественная раковина переполнена до отказа. Подумайте о необычайном и быстром росте населения в Париже, о множестве ремесленников, пришедших туда в результате недавних сносов и построек. Вспомните всех ремесленников, которых застой в мануфактурах, увеличение октрои, суровая зима и дороговизна хлеба довели до крайнего отчаяния. Вспомните, что в 1786 году "было насчитано двести тысяч человек, чье имущество, в совокупности, не имеет внутренней стоимости в пятьдесят крон". Вспомните, что с незапамятных времен они враждовали с городскими стражниками. Вспомните, что в 1789 году в столице насчитывается двадцать тысяч браконьеров и что, чтобы обеспечить их работой, признано необходимым учредить национальные мастерские. Вспомните, "что двенадцать тысяч бесполезно заняты рытьем на холме Монмартр, и им платят по двадцать су в день". Помните, что ими усыпаны пристани и набережные, что ими заложена гостиница де Виль и что вокруг дворца они кажутся укором бездействию обезоруженного правосудия". Ежедневно они ожесточаются и возбуждаются у дверей булочных, где, долго ожидая, они не уверены, что получают хлеб. Можно представить себе, с какой яростью и силой они штурмуют любое препятствие, на которое направлено их внимание.

II. Пресса.

Возбуждение прессы и общественного мнения.
свой выбор.

В течение последних двух лет им было указано на такое препятствие, как министерство, суд, правительство, короче говоря, весь древний режим. Тот, кто протестует против него в пользу народа, обязательно последует за ним так же далеко, а может быть, даже дальше, чем он сам решит вести. 7 июня 1788 года в Гренобле плитка дождем сыплется на головы солдат, и военная сила оказывается бессильной. В Ренне, чтобы усмирить восставший город, требуется армия, а после нее - постоянный лагерь из четырех полков пехоты и двух кавалерии под командованием маршала Франции. **1206** В следующем году, когда парламенты становятся на сторону привилегированного класса, снова начинаются волнения, но на этот раз против парламентов. В феврале 1789 года в Безансоне и в Эксе на мировых судей обрушиваются крики, их преследуют на улицах, осаждают в ратуше, они вынуждены скрываться или бежать. **1206** Если такова обстановка в провинциальных столицах, то какова же она должна быть в столице королевства? Для начала, в августе 1788 года, после отставки Бриенна и Ламуаньона, толпа, собравшаяся на площади Дофине, объявляет себя судьей, сжигает чучела обоих министров, разгоняет стражу и оказывает сопротивление войскам: такой кровавой смуты не было в течение столетия. Через два дня бунт вспыхивает во второй раз; народ охвачен решимостью пойти и сжечь резиденции обоих министров и лейтенанта полиции Дюбуа - очевидно, что в невежественные и жестокие массы проникло новое брожение, и новые идеи дают свои плоды. В течение долгого времени они незаметно просачивались вниз, из слоя в слой. Овладев аристократией, всей частью третьего сословия, адвокатами, школами, всей молодежью, они капля за каплей и через тысячу трещин проникли в класс, который поддерживает себя трудом собственных рук. Дворяне в своих туалетах насмехались над христианством и утверждали права человека перед своими камердинерами, парикмахерами, поставщиками и всеми, кто их обслуживает. Литераторы, юристы и адвокаты повторяли в самом горьком тоне те же диатрибы и те же теории в кофейнях и ресторанах, на набережных и во всех общественных местах. Они выступали перед низшим классом, как будто его не было, и от всего этого красноречия, изливаемого без всякой предосторожности, в мозгу ремесленника, мытаря, посыльного, лавочника и солдата образовались пузырьки.

Поэтому достаточно года, чтобы превратить немое недовольство в политическую страсть. С 5 июля 1787 года, по приглашению короля, который созывает Генеральные штаты и требует совета от всех, и речь, и пресса меняют свой тон. **1207** Вместо общих разговоров умозрительного характера появляется проповедь, нацеленная на практическое действие, внезапное, радикальное и близкое, проповедь пронзительная и волнующая, как взрыв трубы. Революционные памфлеты появляются быстрой чередой: "Что есть что для Тира?" Съеса; "Памятка для французского народа" Черутти; "Соображения об интересах государства Тира" Рабтау Сент-Этьенна; "Моя позиция" Таргета; "Права государственных образований" М. д'Антрагеса; чуть позже - "Свободная Франция" Камиля Десмулена и другие сотни и **тысячи** **1208**. Все это повторяется и усиливается в избирательных собраниях, куда приходят новоиспеченные граждане, чтобы заявить о себе и усилить свое волнение. **1209** Единодушный, всеобщий и ежедневный крик перекачивается от эха к эху, в казармы и в флибустьеры, на рынки, в мастерские и в чердаки. В феврале 1789 года Неккер заявляет, "что повиновения не найти нигде, и что даже на войска нельзя положиться". В мае месяце рыбацки, а затем зеленщики на городских рынках собираются, чтобы рекомендовать интересы народа органам выборщиков и петь рифмы в честь Третьего государства. В июне брошюры попадают во все руки; "даже лакеи корпят над ними у ворот гостиниц". В июле, когда король подписывает приказ, патриотически настроенный камердинер настораживается и читает его через плечо. - Здесь нет иллюзий; не только буржуазия выступает против законной власти и против установленного режима. Это и весь народ. Ремесленники, лавочники и домашние хозяйки, рабочие всех видов и степеней, толпа под

народом, бродяги, уличные бродяги и нищие, вся толпа, которая, скованная заботами о хлебе насущном, никогда не поднимала глаз, чтобы взглянуть на великий общественный строй, в котором она является низшим слоем и всю тяжесть которого она несет на себе.

III.- Дело Ревейона.

Вдруг народ зашевелился, и надстроенные подмости покачнулись. Это движение грубой природы, возбужденной нуждой и обезумевшей от подозрений... Неужели невидимые платные руки подтолкнули его снизу? Современники убеждены в этом, и, вероятно, так оно и есть. [1210](#) Но одного только шума, поднятого вокруг страдающей скотины, достаточно, чтобы заставить ее робеть и объяснить ее возбуждение. 1210 - 21 апреля в Париже начались избирательные собрания; по одному в каждом квартале, одно для духовенства, одно для дворянства и одно для Третьего сословия. Каждый день, вот уже почти месяц, по улицам проходят колонны избирателей. Избиратели первой степени продолжают собираться после выдвижения кандидатов второй степени: нация должна следить за выполнением своих мандатов и поддерживать свои неотъемлемые права. Если эти права были им делегированы, они все равно принадлежат нации, и она оставляет за собой привилегию вмешиваться, когда ей заблагорассудится. Подобные притязания быстро распространяются; сразу после Третьего государства собраний они достигают Третьего государства улиц. Нет ничего более естественного, чем желание руководить своими вождями: при первом же недовольстве они накладывают руки на тех, кто остановился, и заставляют их идти дальше, как приказано. В субботу, 25 [апреля](#) [1211](#), прошел слух, что Ревейон, выборщик и фабрикант обоев с улицы Сент-Антуан, и Лерат, комиссар, "плохо говорили" на избирательном собрании Сент-Маргерит. Плохо говорить - значит плохо отзываться о народе. Что сказал Ревейон? Никто не знает, но народное воображение с его ужасающей способностью к выдумке и точности, с готовностью фабрикует или приветствует убийственную фразу. Он сказал, что "рабочий с женой и детьми может прожить на пятнадцать су в день". Такой человек - предатель, и от него нужно немедленно избавиться; "все его имущество должно быть предано огню и мечу". Слухи эти, надо заметить, ложные. [1212](#) Ревейон платит своим самым бедным рабочим двадцать пять су в день, он обеспечивает работой триста пятьдесят человек, и, несмотря на скучный сезон предыдущей зимы, он держит всех на прежнем уровне заработной платы. Он сам когда-то был рабочим, получил медаль за свои изобретения и пользуется благосклонностью и уважением всех уважаемых людей... Все это ничего не дает; группы бродяг и иностранцев, только что прошедших через барьеры, не так пристально вглядываются в дела, а подмастерья, извозчики, сапожники, каменщики, мангальщики и камнерезы, к которым они ходят просить в свои жилища, так же невежественны, как и они сами. Когда раздражение накапливается, оно вырывается наружу бессистемно.

Как раз в это время парижское духовенство отказывается от своих привилегий в виде [поборов](#) [1213](#), и народ, принимая друзей за противников, добавляет в своих ругательствах имя духовенства к имени Ревейона. В течение всего дня, а также во время отдыха в

воскресенье, брожение усиливается; в понедельник 27-го, еще один день безделья и пьянства, банды приходят в движение. Некоторые очевидцы встречают одну из них на улице Сен-Северин, "вооруженную дубинками" и настолько многочисленную, что перекрывает проход. Магазины и двери закрыты со всех сторон, и люди кричат: "Вот оно, восстание!". Мятежная толпа изрыгает проклятия и ругательства в адрес духовенства, "и, увидев аббата, кричит "Священник!"". Другая группа шествует с чучелом Ревейона, украшенным лентой ордена Святого Михаила, которое подвергается пародии на приговор и сжигается на площади Грев, после чего они угрожают его дому. Оттесненные стражей, они вторгаются в дом производителя селитры, его друга, сжигают и громят его вещи и мебель.¹²¹⁴ Только ближе к полуночи толпа рассеивается, и восстание считается оконченным. На следующий день оно начинается снова с большей жестокостью; ведь помимо обычных стимулов - [несчастья](#)¹²¹⁵ и жажды свободы - у них появился новый стимул - идея дела, которое нужно защищать, убеждение, что они сражаются "за Третье государство". В таком деле каждый должен помогать себе сам; и все должны помогать друг другу. "Мы пропадем, - воскликнул один из них, - если не будем поддерживать друг друга". Убежденные в этом, они трижды посылали делегации в Фобур Сен-Марсо за рекрутами, и по пути, с поднятыми дубинками, они записывали, вольно или невольно, всех, кого встречали. Другие, у ворот Сент-Антуан, арестовывают людей, возвращающихся со скачек, требуя от них, за кого они - за дворян или за Третье государство, и заставляют женщин спускаться с машин и кричать "Vive le Tiers-Etat"¹²¹⁶. Тем временем толпа перед жилищем Ревейона увеличилась; тридцать человек, стоявших на страже, не в состоянии оказать сопротивления; в дом вторгаются и грабят его сверху донизу; мебель, провизия, одежда, кассы, повозки, даже домашняя птица на заднем дворе - все бросают в пылающие костры, зажженные в трех разных местах; похищают пятьсот луидоров, готовые деньги и серебряные тарелки. Несколько человек бродят по подвалам, бессистемно пьют ликер или лак, пока не падают замертво пьяными или не умирают в конвульсиях. Против этой воющей орды виднеется корпус дозорных, конных и [пеших](#)¹²¹⁷, а также сотня кавалерии "королевских хорватов", французских гвардейцев, а позже и швейцарских гвардейцев. "На солдат сыплются черепицы и трубы, которые отстреливаются по четыре штуки за раз. Бунтовщики, опьяненные бренди и яростью, отчаянно защищаются в течение нескольких часов; более двухсот человек убито и около трехсот ранено; их удается утихомирить только пушками, а толпа продолжает действовать до глубокой ночи. Ближе к восьми часам вечера на улице Вьель-дю-Темпль парижская гвардия продолжает делать вылазки, чтобы защитить двери, которые пытаются выбить злоумышленники. В половине одиннадцатого вечера на улице Сентонж и на улице Бретань взламываются две двери - торговца свининой и булочника. Даже в этой последней волне утихающей вспышки можно различить элементы, которые породили восстание и которые вот-вот приведут к революции: голод - один из них: на улице Бретань банда, грабящая булочную, разносит хлеб женщинам, остановившимся на углу улицы Сентонж. Лазутчики дю Шатле, скользя по канаве, "видят группу грубиянов", собравшихся за Барьер-дю-Трон, и их предводитель, сидящий на небольшом холме, призывает их начать все сначала; а в последующие дни на дорогах бродяги говорят друг другу: "В Париже мы больше ничего не можем сделать, потому что они слишком бдительны; давайте отправимся в Лион!" Есть, наконец, и патриоты: вечером в день восстания между Пон-о-Шанж и Пон-Мари полуголые оборванцы, перемазанные грязью, носящие на руках брови, полностью отдаются своему делу; они громким голосом просят милостыню и протягивают шляпы прохожим, говоря: "Пожалейте это бедное Третье Государство!" Голодающие, грубияны и патриоты - все они составляют одно тело, и отныне нищета, преступность и общественный дух объединяются, чтобы обеспечить всегда готовое восстание для агитаторов, желающих его поднять.

IV.-Пале-Рояль.

Но агитаторы уже находятся на постоянной сессии. Пале-Рояль - это клуб под открытым небом, где в течение всего дня и даже ночи один возбуждает другого и побуждает толпу к ударам. В этот загон, защищенный привилегиями Орлеанского дома, полиция не смеет войти. Речь свободна, а публика, пользующаяся этой свободой, кажется, специально выбрана для того, чтобы злоупотреблять ею.¹²¹⁸ Публика и место приспособлены друг к другу. Пале-Рояль, центр проституции, игры, безделья и памфлетов, привлекает все то оторванное от жизни население, которое плавает по большому городу и, не имея ни занятия, ни дома, живет только ради любопытства или удовольствия - завсегдатаев кофеен, бегунов игорных залов, Авантюристы и изгои общества, беглые дети или потерявшие надежду представители литературы, искусства и адвокатуры, адвокатские клерки, студенты высших учебных заведений, любопытные, бездельники, незнакомцы и обитатели меблированных квартир, которых, говорят, в Париже насчитывается до сорока тысяч. Они заполняют сад и галереи; "вряд ли здесь можно найти одного из тех, кого называли "шестью телами "¹²¹⁹, буржуа, остепенившегося и занятого своими делами, человека, которого дела и семейные заботы делают серьезным и влиятельным. Здесь нет места трудолюбивым и упорядоченным пчелам; это место встречи политических и литературных трутней. Они стекаются сюда со всех концов Парижа, и буйный, жужжащий рой покрывает землю, как перевернутый улей. "Десять тысяч человек, - пишет Артур Янг¹²²⁰ , - весь этот день находятся в Пале-Рояле"; давка настолько велика, что яблоко, брошенное с балкона на движущийся пол голов, не долетит до земли. Состояние этих голов можно себе представить: они пуще всех во Франции, наиболее раздуты спекулятивными идеями, наиболее возбудимы и наиболее взвинчены. В этой толчее импровизированных политиков никто не знает, кто говорит, никто не отвечает за свои слова. Каждый находится там, как в театре, неизвестный среди неизвестных, требующий сенсационных впечатлений и сильных эмоций, жертва заразы окружающих его страстей, увлекаемый вихрем звучащих фраз, готовых новостей, растущих слухов и прочих преувеличений, которыми фанатики перещеголяют друг друга. Крики, слезы, аплодисменты, удары и хлопки, как на представлении трагедии; тот или иной человек становится таким воспаленным и хриплым, что умирает на месте от лихорадки и истощения. Напрасно Артур Янг привык к буйству политической свободы; он ошеломлен тем, что видит.¹²²¹ По его словам, волнение "невероятно. . . . Нам иногда кажется, что магазины Дебретта или Стокдейла в Лондоне переполнены; но они просто пустыня по сравнению с магазинами Десенна и некоторыми другими здесь, в которых едва можно протиснуться от двери до прилавка. . . . Каждый час выпускается памфлет; сегодня вышло 13, вчера - 16, а на прошлой неделе - 92. 95 % этой продукции - в пользу свободы"; под свободой подразумевается отмена привилегий, численный суверенитет, применение социального договора, "Республика" и многое другое, а также всеобщая нивелировка, постоянная анархия и даже жакерия. Камиль Десмулен, один из ораторов, обычно присутствовавших там, объявляет об этом и призывает к этому в точных выражениях:

"Теперь, когда животное попало в капкан, пусть его бьют до смерти... Никогда победители не получают более богатой добычи. Сорок тысяч дворцов, особняков и замков, две пятых

имущества Франции, станут вознаграждением за доблесть. Те, кто претендует на роль завоевателей, будут завоеваны в свою очередь. Нация будет очищена".

Вот она, предварительная программа царствования террора.

Теперь все это не только читается, но и декламируется, усиливается, переходит в практическую плоскость. Перед кофейнями "те, у кого легкие звучат звонко, каждый вечер подбадривают друг друга" ¹²²²: "Они встанут на стул или на стол, читают самые сильные статьи о текущих делах, ... нельзя себе представить, с какой готовностью их слушают и какой гром аплодисментов они получают за каждое чувство более чем обычной твердости или жестокости по отношению к нынешнему правительству". "Три дня назад ребенок четырех лет, хорошо обученный и умный, среди бела дня не менее двадцати раз прогуливался по саду, несясь на плечах уличного носильщика, выкрикивая: "Вердикт французского народа: Полиньяк сослан на сто лье от Парижа; Конде - туда же; Конти - туда же; Артуа - туда же; королева - я не смею этого писать". Зал из досок в центре Пале-Рояля всегда полон, особенно молодыми людьми, которые ведут свои обсуждения на парламентский манер: вечером председатель приглашает зрителей выйти вперед и подписать принятые днем ходатайства, оригиналы которых помещаются в кафе ¹²²³. Врагов страны пересчитывают по пальцам: "и сначала два королевских высочества (месье и граф д'Артуа), три светлейших высочества (принц де Конде, герцог де Бурбон и принц де Конти), одна фаворитка (мадам де Полиньяк), М.М. де Вандрей, де ла Трамвай, дю Шатле, де Вилледей, де Барентен, де ла Галезьер, Видо де ла Тур, Бертье, Фулон, а также месье Линге". Вывешиваются плакаты с требованием отправить аббата Мори на столб на Пон-Нёф. Один из ораторов предлагает "сжечь дом месье д'Эспремения, его жену, детей и мебель, а также его самого: это принято единогласно" - возражения не принимаются. Одного из присутствующих, проявившего некоторый ужас перед столь кровавыми действиями, "хватают за воротник, заставляют встать на колени, принести извинения и поцеловать землю". Ему назначают наказание, которому подвергаются дети; его несколько раз окунают в один из фонтанов, после чего передают толпе, которая валяет его в грязи". На следующий день церковника топчут ногами и перебрасывают с руки на руку. Через несколько дней после этого, 22 июня, происходят два похожих события. Суверенная толпа выполняет все функции суверенной власти: законодателя - с функциями судьи, а судьи - с функциями палача; ее идола священный; если кто-либо не проявляет к ним уважения, он виновен в неуважении и немедленно наказывается. В первую неделю июля аббата, плохо отзывающегося о Неккере, подвергают порке; женщину, оскорбившую бюст Неккера, раздевают рыбачки и бьют до крови. Объявлена война подозрительным мундирам. "При появлении гусара, - пишет Десмулен, - кричат: "Вон идет Панч!", а камнерезы забрасывают его камнями". Вчера вечером два офицера гусар, господ де Сомбрей и де Полиньяк, пришли в Пале-Рояль. ... В них бросали стульями, и они были бы сбиты с ног, если бы не убежали. Позавчера они схватили полицейского шпиона и устроили ему выволочку в фонтане. Его гнали, как оленя, толкали, забрасывали камнями, били тростями, выкололи один глаз и, несмотря на мольбы и крики о пощаде, во второй раз окунули в фонтан. Его мучения продолжались с полудня до половины пятого утра, и у него было около десяти тысяч палачей", - подумайте о том, какой эффект производит такой фокусный центр в наше время. Наряду с законной властью возникла новая сила - законодательная власть на дорогах и площадях, анонимная, безответственная, ничем не сдерживаемая. Она движется вперед благодаря теориям кофейни, сильным эмоциям и ярости бандитов, а голые руки, только что совершившие разрушительную работу на Фобур-Сент-Антуан, составляют ее телохранителей и министерский кабинет.

V.- Народные толпы становятся политической силой.

Давление на Собрание. Дезертирство солдат.

Это диктатура толпы, и ее действия, в соответствии с ее природой, заключаются в актах насилия; везде, где она встречает сопротивление, она наносит удары.¹²²⁴ В понедельник, 22 июня, "д'Эспремений едва избежал того, чтобы его сбили с ног; аббат Мори. . обязан своим спасением силе куратора, который поднимает его на руки и швыряет в карету архиепископа Арльского". 23-го числа "архиепископ Парижский и хранитель печатей подвергаются улюлюканью, насмешкам и издевательствам, пока не тонут от стыда и ярости". Буря ярости, с которой их встретили, была столь грозной, что Пассере, секретарь короля, сопровождавший министра, умер от волнения в тот же день. 24-го числа епископа Бове чуть не сбивают с ног камнем, ударившим его по голове. 25-го числа архиепископ Парижа спасается только благодаря скорости своих лошадей: толпа преследует его и забрасывает камнями. Его особняк осажден, все окна разбиты, и, несмотря на вмешательство французских гвардейцев, опасность настолько велика, что он вынужден пообещать, что присоединится к депутатам Третьего государства. Вот так грубая рука народа приводит к воссоединению орденов. На своих представителей она действует так же жестко, как и на противников. "Хотя наш зал был закрыт для публики, - говорит Бейли, - в нем всегда присутствовало более шестисот зрителей"¹²²⁵. Они были не почтительны и молчаливы, а активны и шумны, смешивались с депутатами, поднимали руки для голосования во всех случаях, участвовали в обсуждениях, аплодируя и шипя: побочное собрание, которое часто навязывает свою волю другому. Они записывают имена своих противников, передают их председателям, стоящим у входа в зал, а от них - толпе, ожидающей ухода депутатов; эти имена отныне считаются именами врагов общества¹²²⁶. Списки составляются и печатаются, и вечером в Пале-Рояле они становятся списками проскрибированных. Под этим жестоким давлением принимаются многие декреты, и среди них тот, которым общинники объявляют себя Национальным собранием и берут на себя верховную власть. Накануне вечером Малуэ предложил выяснить путем предварительного голосования, на чьей стороне большинство. В одно мгновение все противники собрались вокруг него в количестве трехсот человек. В этот момент с галерей выскочил человек, налетел на него и схватил за воротник, воскликнув: "Попридержи язык, лживый гражданин!" Малуэ отпускают, и гвардия выходит вперед, "но по залу пронесся ужас, в адрес противников стали раздаваться угрозы, и на следующий день нас было всего девяносто". Более того, списки с их именами были распространены; некоторые из них, депутаты из Парижа, отправились к Бейли в тот же вечер. Одному из них, "очень честному человеку и хорошему патриоту", сообщили, что его дом должен быть подожжен. Его жена только что родила ребенка, и малейший переполох в доме был бы смертельным. Такие аргументы являются решающими. Поэтому через три дня после этого на Теннис-корте только один депутат, Мартен д'Ош, осмеливается написать после своего имени слово "против". Оскорбленный многими коллегами, "сразу же обличенный людьми, собравшимися у входа в здание, он вынужден бежать через боковую дверь, чтобы не быть изрезанным на куски", и в течение нескольких

дней держаться в стороне от [заседаний1227](#). -После этого вмешательства галерей радикальное меньшинство, насчитывающее около тридцати [человек1228](#) , возглавляет большинство и не позволяет ему освободиться. 28 мая Малуэ, потребовав тайного заседания для обсуждения примирительных мер, предложенных королем, набрасывается на него, и один из депутатов, мсье Бурш, обращается к нему в весьма откровенных выражениях. "Вы должны знать, сударь, что мы совещаемся здесь в присутствии наших хозяев и что мы должны отчитываться перед ними за наши мнения". Такова доктрина Социального договора. Через робость, страх перед судом и привилегированным классом, через оптимизм и веру в человеческую природу, через энтузиазм и необходимость придерживаться прежних действий, депутаты, начинающие, провинциальные, преданные теориям, не смеют и не знают, как вырваться из тирании господствующей догмы - отныне она становится законом. Все собрания, Учредительное, Законодательное, [Конвенция1229](#) , полностью подчиняются ему. Публика на галереях - это признанные представители народа, под тем же титулом и даже под более высоким, чем депутаты. Эта публика - публика Пале-Рояля, состоящая из чужаков, бездельников, любителей новинок, парижских романтиков, руководителей кофейных домов, будущих столпов клубов, словом, диких энтузиастов из среднего класса, точно так же как толпа, которая грозит дверьми и бросает камни, набирается из диких энтузиастов низшего класса. Таким образом, в результате произвольного отбора фракция, составляющая общественную власть, состоит не из чего иного, как из буйных умов и буйных рук. Спонтанно и без предварительного согласования опасные фанатики объединяются с опасными грубиянами, и в условиях растущего раздора между законными властями это незаконная лига, которая непременно свергнет всех.

Когда командующий генерал заседает в совете со своими штабными офицерами и советниками и обсуждает план кампании, главный общественный интерес заключается в том, чтобы дисциплина оставалась нетронутой и чтобы злоумышленники, солдаты или служащие, не бросали вес своего буйства и бездумья на весы, которые должны быть осторожно и твердо удержаны их начальниками. Таково было прямое требование [правительства1230](#) , но оно не было принято во внимание; и против упорной узурпации толпы ему ничего не остается, кроме применения силы. Но сила сама ускользает из рук, а растущее неповиновение, как зараза, овладев народом, распространяется среди войск.[1231](#) С 23 июня две роты французской гвардии отказались исполнять свой долг. Запертые в казармах, они 27-го числа выходят на улицу, и отныне "каждый вечер их видят входящими в Пале-Рояль, марширующими в две шеренги". Они хорошо знают это место; это общее место встречи брошенных женщин, чьими любовниками и паразитами они [являются1232](#). "Патриоты собираются вокруг них, угощают мороженым и вином и развратничают перед лицом своих офицеров" - к этому, кроме того, следует добавить тот факт, что их полковник, м. дю Шатле, который давно им омерзителен, что он изнуряет их принудительными учениями, беспокоит их и сокращает число сержантов; что он подавил школу для обучения детей их музыкантов; что он использует палку для наказания солдат и ссорится с ними по поводу их внешнего вида, питания и одежды. В этом полку нет дисциплины: в нем образовалось тайное общество, и солдаты поклялись своим прапорщикам не выступать против Национального собрания. Таким образом, между ними и Пале-Роялем устанавливается конфедерация. 30 июня одиннадцать их лидеров, уведенных в аббатство, пишут с просьбой о помощи. Молодой человек садится на стул перед кафе "Фуа" и читает вслух их письмо; группа немедленно отправляется в путь, взламывает ворота кувалдой и железными прутьями, с триумфом возвращает пленников, устраивает им пир в саду и ставит вокруг них стражу, чтобы не допустить повторного захвата. -Когда подобные беспорядки остаются безнаказанными, порядок поддерживать невозможно; действительно, утром 14 июля пять из шести батальонов дезертировали. - Что касается других корпусов, то они не лучше и также

подвергаются соблазну. "Вчера, - пишет Десмулен, - артиллерийский полк последовал примеру французских гвардейцев, перебил часовых и пришел смешаться с патриотами в Пале-Рояль... Мы видим не что иное, как сброд, примыкающий к солдатам, с которыми они случайно сталкиваются. "Allons, Vive le Tiers-Etat!", и они ведут их в таверну, чтобы выпить за здоровье общин". Драгуны говорят офицерам, которые ведут их в Версаль: "Мы подчиняемся вам, но по прибытии вы можете сказать министрам, что если нам прикажут применить малейшее насилие против наших сограждан, то первый выстрел будет за вами". В Инвалиде двадцать человек, получив приказ снять затворы и тараны с пушек, хранящихся в угрожаемом арсенале, посвящают шесть часов тому, чтобы привести в негодность двадцать пушек; их цель - сохранить их в целости для грабежа и вооружения народа.

Короче говоря, большая часть армии дезертировала. Каким бы любезным ни был высший офицер, сам факт того, что он высший офицер, обеспечивает ему обращение с врагом. Губернатор, "господин де Сомбрей, которого эти люди не могут упрекнуть", вскоре увидит, как его артиллеристы наводят орудия на его квартиру, и только что избежит того, чтобы его самого повесили на железных перекрытиях. Таким образом, силы, выдвигаемые для подавления мятежа, лишь пополняют его ряды. И даже хуже, ведь демонстрация оружия, на которую рассчитывали, чтобы сдержать толпу, послужила толчком к восстанию.

VI.- 13 и 14 июля 1789 года.

Наступил роковой момент; теперь уже не правительство падает, чтобы уступить место другому; теперь все правительства прекращают свое существование, чтобы освободить место для периодического деспотизма, для фракций, слепо движимых энтузиазмом, легковерием, несчастьем и страхом.¹²³³ Подобно прирученному слону, внезапно вновь ставшему диким, толпа сбрасывает своего обычного погонщика, а новые проводники, которых она терпит на своей шее, существуют лишь для видимости. В дальнейшем она будет двигаться, как ей заблагорассудится, освобожденная от контроля и предоставленная собственным чувствам, инстинктам и аппетитам.³³ Очевидно, не было никакого желания делать больше, чем предвидеть ее отклонения. Король запретил любое насилие, командиры приказали войскам не [стрелять](#)¹²³⁴, но возбужденное и дикое животное принимает все меры предосторожности для оскорбления; в будущем оно намеревается быть собственным проводником и, чтобы начать, топчет своих проводников ногами.-12 июля, ближе к [полудню](#)¹²³⁵, при известии об отставке Неккера, в Пале-Рояле раздается крик ярости; Камиль Десмулен, встав на стол, объявляет, что двор замышляет "святого Варфоломея патриотов". Толпа обнимает его, принимает предложенную им зеленую кокарду, обязывает танцевальные салоны и театры закрыться в знак траура, спешит к резиденции Курциуса, берет бюсты герцога Орлеанского и Неккера и несет их с триумфом.-Тем временем драгуны принца де Ламбеска, выстроившиеся на площади Луи-Кинза, обнаруживают баррикаду из стульев у входа в Тюильри и встречают ее дождем камней и [бутылок](#)¹²³⁶. В другом месте, на бульваре, перед отелем Монморанси, несколько французских гвардейцев, сбежавших из казарм, открыли огонь по верному отряду "Рояль Аллеманд"... Со всех сторон раздаются сигналы тревоги, магазины, где продается оружие, разграблены, в Отель-де-Виль

вторгаются; пятнадцать или шестнадцать благожелательно настроенных избирателей, собравшихся там, приказывают округам собраться и вооружиться... Новый государь, народ в оружии и на улице, объявил себя.

Отбросы общества сразу же выходят на поверхность. В ночь с 12 на 13 [июля1237](#) "все шлагбаумы, от фобура Сент-Антуан до фобура Сент-Оноре, кроме фобуров Сен-Марсель и Сен-Жак, были взломаны и подожжены". Октября больше нет; город остался без доходов как раз в тот момент, когда ему приходится нести самые большие расходы; но это не имеет никакого значения для толпы, которая, прежде всего, хочет иметь дешевое вино. "Хулиганы, вооруженные пиками и палками, несколькими партиями отправляются сдавать на разграбление дома тех, кого считают врагами общественного благосостояния". Они ходят от двери к двери с криками: "Оружие и хлеб!". В течение этой страшной ночи буржуазия держалась замкнуто, каждый дрожал дома за себя и за тех, кто ему принадлежал". На следующий день, 13-го числа, столица оказывается отдана на откуп бандитам и низшим слоям населения. Один из отрядов срубает ворота Лазаристов, уничтожает библиотеку и печатни, картины, окна и лабораторию и бросается в подвалы, где заколачивает бочки и напивается: через двадцать четыре часа после этого около тридцати человек находят мертвыми и умирающими, утонувшими в вине, мужчин и женщин, причем один из них был при родах. Перед [домом1238](#) улица полна обломков, а на ней - грубияны, которые держат в руках, "одни - кушанья, другие - кувшины, заставляя прохожих пить, и разливают вино всем желающим. Вино стекает в сточную канаву, и запах его наполняет воздух"; это попойки: тем временем они уносят зерно и муку, которые монахи держали наготове по закону, - пятьдесят два груза их увозят на рынок. Другой отряд приходит в Ла Форс, чтобы освободить тех, кто был заключен в тюрьму за долги; третий врывается в Гард Мобле, унося ценное оружие и доспехи. Толпы собираются перед отелем мадам де Бретей и дворцом Бурбонов, которые они намерены разграбить, чтобы наказать их владельцев. Месье де Крон, один из самых либеральных и уважаемых людей Парижа, но, к несчастью для себя, лейтенант полиции, преследуется, с трудом спасаясь, а его отель разграблен. В ночь с 13 на 14 мая разграблены булочные и винные лавки; "люди самого низкого сословия, вооруженные ружьями, пиками и вертелами, заставляют людей открывать двери и дают им что-нибудь поесть и выпить, а также деньги и оружие". Бродяги, оборванцы, некоторые из них "почти голые", и "большинство из них вооружены, как дикари, и имеют отвратительный вид"; они "такие, что не помнят, чтобы видели их среди бела дня"; многие из них - чужаки, пришедшие неизвестно откуда. [1239](#) Утверждается, что их было 50 000 и что они завладели главными караульными помещениями.

В течение этих двух дней и ночей, говорит Байи, "Париж подвергался риску быть разграбленным, и от мародеров его спасла только Национальная гвардия". Уже на открытой [улице1240](#) "эти твари срывали с женщин туфли и серьги", и грабители начинали одерживать верх. К счастью, организовалось ополчение, и главные жители и господа записались в него; 48 000 человек сформированы в батальоны и роты; буржуазия покупает у бродяг ружья по три ливра за штуку, а сабли или пистолеты - за двенадцать су. Наконец, одних преступников вешают на месте, других разоружают, и восстание снова становится политическим. Но, какова бы ни была его цель, оно всегда остается диким, потому что находится в руках толпы. Дюсоль, его панегирист, [признается1241](#), что "ему казалось, что он наблюдает полный распад общества". Нет ни лидера, ни руководства. Избиратели, превратившие себя в представителей Парижа, похоже, командуют толпой, но это толпа командует ими. Одному из них, Леграну, чтобы спасти Отель-де-Виль, не остается ничего другого, как послать за шестью бочками пороха и объявить нападающим, что он сейчас все разнесет в пух и прах. Коменданту, которого они сами выбрали, мсье де Саллесу, в течение четверти часа в грудь

упираются двадцать штыков, и не раз весь комитет оказывается на грани расправы. Пусть читатель представит себе в помещении, где проходят обсуждения и подаются петиции, "толпу из пятнадцатисот человек, которых теснят сто тысяч других, вынуждающих войти", трещащую обшивку, скамьи, опрокинутые одна на другую, ограждение бюро, придвинутое к креслу президента, шум, напоминающий "судный день", предсмертные крики, песни, вопли, и "люди, в большинстве своем не понимающие, где они находятся и чего они хотят". "Каждый район - это еще и мелкий центр, в то время как Пале-Рояль - главный центр. Предложения, "обвинения и депутации кочуют из одного в другой, как людской поток, который то преграждает путь, то устремляется вперед, не имея иного ориентира, кроме собственной склонности и случайностей пути. Одна волна собирается здесь, другая - там, их стратегия состоит в том, чтобы толкаться и быть толкаемыми. Однако их вход осуществляется только потому, что их впускают. Если они попадают в Инвалиды, то только благодаря попустительству солдат. В Бастилии с десяти утра до пяти вечера стреляют из огнестрельного оружия по стенам высотой в сорок футов и толщиной в тридцать футов, и только по случайности один из выстрелов попадает в инвалида на башне. С ними обращаются так же, как с детьми, которых хочется как можно меньше обижать. Губернатор, получив первый призыв к сдаче, приказывает вывести пушки из амбразур; заставляет гарнизон поклясться не стрелять, если его не атакуют; приглашает на обед первую из депутаций; разрешает гонцу, посланному из Дома-де-Виль, осмотреть крепость; получает несколько разрядов, не возвращая их, и позволяет перебросить первый мост, не сделав ни одного [выстрела](#)¹²⁴². Когда же он все-таки открывает огонь, то только в крайнем случае, для защиты второго моста, и то после того, как уведомил нападавших, что собирается это сделать. Короче говоря, его терпение и выдержка чрезмерны, что соответствует гуманности того времени. Люди, в свою очередь, одержимы новыми ощущениями нападения и сопротивления, запахом пороха, азартом состязания; все, о чем они могут думать, - это броситься на каменную массу, причем их способы действуют наравне с их тактикой. Пивовар воображает, что может поджечь эту каменную глыбу, налив на нее спикенарда и макового масла, смешанного с фосфором. Молодой плотник, имеющий некоторые археологические представления, предлагает построить катапульту. Некоторые из них думают, что захватили дочь правителя, и хотят сжечь ее, чтобы заставить отца сдаться. Другие поджигают выступающий массив здания, наполненный соломой, и таким образом закрывают проход. "Бастилия не была взята главными силами, - говорит храбрый Эли, один из участников сражения, - она сдалась еще до того, как на нее напали" ¹²⁴³, капитулировав под обещание не причинять никому вреда. Гарнизон, находясь в полной безопасности, не имел больше сил стрелять по людям, не рискуя [ничем](#)¹²⁴⁴, а с другой стороны, их нервировал вид огромной толпы. В нападении участвовало всего восемь или девятьсот [человек](#)¹²⁴⁵, большинство из которых были рабочими или лавочниками, принадлежавшими к фавру, портными, колесниками, торговцами и виноторговцами, смешанными с французскими гвардейцами. Однако площадь Бастилии и все близлежащие улицы были переполнены любопытными, пришедшими посмотреть на это зрелище; "среди них, - говорит один из [очевидцев](#)¹²⁴⁶, - было несколько модных женщин весьма приятной наружности, которые оставили свои кареты на некотором расстоянии". Ста двадцати мужчинам гарнизона, смотревшим вниз со своих парапетов, казалось, что весь Париж вышел против них. Именно они опускают разводной мост и вводят врага: все потеряли голову, как осажденные, так и осаждающие, причем последние - в большей степени, поскольку опьянены чувством победы. Едва войдя, они приступают к разрушительной работе, и самые последние прибывшие стреляют наугад в тех, кто пришел раньше; "каждый стреляет, не обращая внимания на то, куда и в кого попадает его выстрел". Внезапное всемогущество и свобода убивать - слишком крепкое вино

для человеческой природы; в результате наступает головокружение; люди видят красное, и их неистовство заканчивается свирепостью.

Ведь особенность народного восстания в том, что никто никому не подчиняется; дурные страсти свободны так же, как и великодушные; герои не в силах сдержать убийц. Эли, первым ворвавшийся в крепость, Шолат, Юлин, храбрецы, идущие впереди, французские гвардейцы, знающие законы войны, пытаются сдержать слово чести; но толпа, наседающая сзади, не знает, кого бить, и бьет наугад. Они шадят швейцарских солдат, которые стреляли в них и которые, в своих синих плащах, кажутся им пленными; с другой стороны, в качестве компенсации, они яростно обрушиваются на инвалидов, открывших им ворота; человеку, помешавшему губернатору взорвать крепость, перебивают запястье ударом сабли, дважды протыкают саблей и вешают, а руку, спасшую один из районов Парижа, с триумфом проносят по улицам. Офицеров тащат за собой, и пятеро из них, а также трое солдат погибают на месте или по дороге. За долгие часы стрельбы инстинкт убийства пробудился, и желание убивать, превратившись в идею, распространяется в толпе, которая до сих пор бездействовала. Ее убеждает собственный шум; крик - это все, что ей теперь нужно; как только один наносит удар, все хотят его нанести. "Те, у кого не было оружия, - говорит один из офицеров, - бросали в меня [камни](#)¹²⁴⁷; женщины скрежетали зубами и потрясали кулаками. За моей спиной уже были убиты двое моих людей. Наконец я добрался до гостиницы де Виль на несколько сотен шагов, под общий крик, что меня должны повесить, когда мне показали голову, насаженную на пику, и в тот же момент мне сказали, что это голова месье де Лонэ, губернатора". Под аркадой Сен-Жан он был уже "тяжело ранен". Вокруг него одни говорили: "Ему надо отрубить голову", другие: "Пусть его повесят", третьи: "Его надо привязать к конскому хвосту". Тогда, отчаявшись и желая положить конец своим мучениям, он закричал: "Убей меня!" - и, борясь, ударил ногой в низ живота одного из державших его мужчин. В тот же миг его пронзают штыками, тащат в канаву и, ударяя по трупам, восклицают: "Это цинготный урод (galeux) и чудовище, предавшее нас; нация требует выставить его голову на всеобщее обозрение", а человека, которого пинали, просят отрубить ее. -Этот человек, безработный повар, простак, который "пошел в Бастилию посмотреть, что там происходит", считает, что, поскольку таково общее мнение, этот поступок патриотичен, и даже полагает, что "заслуживает медали за уничтожение чудовища". Взяв одолженную ему саблю, он наносит удар по обнаженной шее, но тупая сабля не справляется со своей задачей, он достает из кармана маленький нож с черной рукояткой и, "поскольку в качестве повара он знает, как резать мясо", успешно завершает операцию. Затем, насадив голову на конец трехзубых вил, в сопровождении более двухсот вооруженных людей, "не считая толпы", он шествует по улице Сент-Оноре, где к голове прикрепляют две надписи, чтобы безошибочно определить, чья это голова, они трижды склоняют голову, говоря: "Салют твоему господину!" Это последняя шутка: ее можно найти в каждом триумфе, а внутри мясника мы находим плута.

VII.- Убийства Фулона и Бертье.

Тем временем в Пале-Рояле другие шуты, которые с легкомыслием сплетников играют с жизнью так же свободно, как и со словами, составили в ночь с 13 на 14 июля список проскрипций, копии которого разбрасываются по городу. Озабочены тем, чтобы адресовать по одному из них каждому из указанных лиц: графу д'Артуа, маршалу де Брольи, принцу де Ламбеску, барону де Безенвалю, господам де Бретей, Фулону, Бертье, Мори, д'Эспремению, Лефевру д'Амекуру и другим. [1248](#) Награда обещана тому, кто принесет их головы в кафе де Каво. Вот имена для невооруженной толпы; теперь нужно только, чтобы какая-нибудь группа встретила человека, на которого написан донос; он дойдет до фонарного столба на углу улицы, но не дальше его. [1248](#) В течение всего дня 14-го этот импровизированный трибунал проводит постоянное заседание и подкрепляет свои решения действиями. Месье де Флессель, проректор купцов и председатель выборщиков в Гостиной-де-Виль, проявив некоторую неуверенность, [1249](#) объявляет его изменником и отправляет на виселицу. По дороге молодой человек убивает его пистолетным выстрелом, другие падают на его тело, а его голова, насаженная на пику, присоединяется к голове месье де Лонэ... Столь же смертоносные обвинения и столь же быстрая казнь летят в воздух и со всех сторон. "Под малейшим предлогом, - говорит один из курфюрстов, - они доносили на нас тем, кого считали противниками Революции, что уже означало, что они враги государства. Без всякого расследования говорили только о захвате их лиц, разрушении их жилищ и уничтожении их домов. Один молодой человек воскликнул: "Идите за мной, давайте немедленно отправимся к Безенвалю!" - Их мозги настолько напуганы, а разум настолько недоверчив, что на каждом шагу на улицах "нужно называть свое имя, свою профессию, место жительства и свои намерения". . . . Нельзя ни войти, ни выйти из Парижа, не будучи заподозренным в измене". Принц де Монбаррей, сторонник новых идей, и его жена останавливаются в своей карете у шлагбаума, и им грозит расправа. Депутата от дворянства, направлявшегося в Национальное собрание, хватают в такси и везут на площадь Грев; ему показывают труп мсье де Лонэ и говорят, что с ним поступят точно так же... Каждая жизнь висит на волоске, и в последующие дни, когда король отослал войска, уволил министров, отозвал Неккера и все разрешил, опасность остается такой же великой. Толпа, брошенная на произвол революционеров и сама себя, продолжает те же кровавые выходки, а избранные ею муниципальные [начальники](#)[1250](#), мэр Парижа Байи и комендант Национальной гвардии Лафайет, вынуждены прибегать к хитрости, умолять, становиться между толпой и несчастными, которых они хотят уничтожить.

15 июля, ночью, во дворе Отеля-де-Виль арестовывают женщину, переодетую мужчиной, и так жестоко с ней обращаются, что она теряет сознание; Байи, чтобы спасти ее, вынужден притвориться, что гневается на нее, и немедленно отправить ее в тюрьму. С 14 по 22 июля Лафайет, рискуя жизнью, спасает собственной рукой семнадцать человек в разных кварталах. [1251](#) 22 июля, по доносам, которые разлетаются по Парижу, как пороховые заряды, арестовывают двух высокопоставленных администраторов, мсье Фулона, государственного советника, и мсье Бертье, его зятя, одного возле Фонтенбло, а другого возле Компьеня. Месье Фулон, строгий [хозяин](#)[1252](#), но умный и полезный, предыдущей зимой потратил шестьдесят тысяч франков в своем поместье на то, чтобы дать работу беднякам. Месье Бертье, трудолюбивый и способный человек, провел официальное обследование и оценку Иль-де-Франса, чтобы уравнивать налоги, и снизил завышенные квоты сначала на одну восьмую, а затем на четверть. Но оба эти господина организовали детали лагеря, против которого восстал Париж; оба были публично проскрибированы на восемь дней Пале-Роялем, а в напуганном беспорядками, измученном голодом и одурманенном подозрениями народе обвиняемый - это виновный. -В отношении Фулона, как и в случае с

Ревейоном, придумывается история, отчеканенная на том же монетном дворе, своего рода валюта для народного обращения, которую сам народ производит, вложив в одно трагическое выражение всю сумму своих страданий и тревожных воспоминаний: ¹²⁵³ "Он сказал, что мы стоим не больше, чем его лошади, и что если у нас нет хлеба, мы должны есть только траву." - Семидесятичетырехлетнего старика привозят в Париж с охапкой сена на голове, ошейником из чертополоха на шее и ртом, набитым сеном. Напрасно избирательное бюро приказывает заключить его в тюрьму, чтобы спасти; толпа кричит: "Приговорен и повешен!" и авторитетно назначает судей. Напрасно Лафайет трижды настаивает и умоляет, чтобы приговор был вынесен регулярно и чтобы обвиняемого отправили в аббатство. Поднимается новая волна людей, и один человек, "хорошо одетый", восклицает: "Какая необходимость в приговоре для человека, осужденного на тридцать лет?" Фулона уносят, тащат через площадь и подвешивают к фонарному столбу. Веревка дважды рвется, и дважды он падает на тротуар. Его снова подвешивают на новой веревке, а затем отрубают голову, отделяют ее от тела и насаживают на конец пики. ¹²⁵⁴ Тем временем Бертье, высланный из Компьеня муниципалитетом, боявшимся держать его в своей тюрьме, где ему постоянно угрожали, прибывает в кабриолете под конвоем. Люди несут вокруг него плакаты, испещренные нелюбезными эпитетами; при смене лошадей они бросают в карету черствый черный хлеб, восклицая: "Вот, негодяй, смотри, какой хлеб ты заставил нас есть!" Когда он добрался до церкви Сен-Мерри, на него обрушился страшный шквал оскорблений. Его называют монополистом, "хотя он никогда не покупал и не продавал ни одного пшеничного зерна". В глазах толпы, вынужденной объяснять зло, как вызванное каким-то злодеем, он - автор голода. Проводив его в аббатство, его эскорт разгоняют, а его самого подталкивают к фонарному столбу. Тогда, видя, что все потеряно, он выхватывает пистолет у одного из убийц и храбро защищается. Солдат "Королевских хорватов" наносит ему удар саблей в живот, а другой вырывает сердце. Так как повар, отрубивший голову месье де Лонэ, оказался на месте, ему передают сердце, чтобы он унес его, а солдаты забирают голову, и оба отправляются в Отель-де-Виль, чтобы показать свои трофеи месье де Лафайету. По возвращении в Пале-Рояль, когда они сидят за столом в таверне, народ требует эти два останка. Они выбрасывают их из окна и заканчивают ужин, в то время как сердце шествует внизу в букете белых гвоздик. Таковы зрелища, которые представляет этот сад, где годом раньше "хорошее общество в полном облачении" приходило, выходя из Оперы, чтобы поболтать, часто до двух часов ночи, под мягким светом луны, слушая то скрипку Сен-Жоржа, то чарующий голос Гарата.

VIII.- Париж в руках народа.

Отныне ясно, что никто не находится в безопасности: ни новая милиция, ни новые власти не в состоянии обеспечить соблюдение закона. "Они не осмелились, - говорит Байи ¹²⁵⁵ , - выступить против людей, которые за восемь дней до этого взяли Бастилию". Напрасно после двух последних убийств Байи и Лафайет возмущенно грозятся уйти; они вынуждены остаться; их защита, какая бы она ни была, - это все, что осталось, и если Национальная гвардия не

может предотвратить каждое убийство, она предотвращает некоторые из них. Люди живут, как могут, в постоянном ожидании нового народного насилия. "Для каждого беспристрастного человека, - говорит Малуэ, - Террор начинается с 14 июля". 17-го, перед отъездом в Париж, король принимает причастие и составляет завещание в ожидании покушения. С 16-го по 18-е число Францию покидают двадцать высокопоставленных особ, в том числе большинство тех, за чьи головы назначена цена в Пале-Рояле: Граф д'Артуа, маршал де Брولли, принцы де Конде, де Конти, де Ламбеск, де Водемон, графиня де Полиньяк, герцогини де Полиньяк и де Гиш. На следующий день после двух убийств скрываются или бегут мсье де Кросн, мсье Думер, мсье Сюри, самые ревностные и самые ценные члены комитета по продовольствию, все те, кому поручено делать закупки и заботиться о складах. Накануне двух убийств парижские нотариусы под угрозой бунта вынуждены были выдать 45 000 франков, обещанных рабочим фобура Сент-Антуан; а из государственной казны, почти пустой, ежедневно выкачивают 30 000 ливров, чтобы уменьшить стоимость хлеба... Люди и имущество, большие и малые, частные лица и государственные чиновники, само правительство - все в руках толпы. "С этого момента, - пишет один из депутатов, [1256](#) - свободы не существовало даже в Национальном собрании. . Франция онемела перед тридцатью развратными личностями. Собрание стало в их руках пассивным инструментом, который они заставили служить им для осуществления своих проектов". Они сами не руководят, хотя и кажутся руководителями. Огромная скотина, взявшая в пасть сук, держится за него и все сильнее рвется вперед. Не только обе шпоры, которые привели его в бешенство, я имею в виду стремление к инновациям и ежедневную нехватку пищи, продолжают колоть его. Но и политические шершни, которые, увеличиваясь тысячами, жужжат вокруг его ушей. А свобода действий, которой он впервые наслаждается, в сочетании с аплодисментами, которыми его осыпают, с каждым днем все яростнее подталкивает его вперед. Восстание прославляется. Ни одного из убийц не ищут. Именно против заговора министров Собрание возбуждает расследование. Покорителей Бастилии награждают; объявляют, что они спасли Францию. Все почести воздаются народу - его здравому смыслу, великодушию и справедливости. Новому государю воздается поклонение: в Собрании и прессе ему публично и официально заявляют, что он обладает всеми достоинствами, всеми правами и всеми полномочиями. Если он и проливает кровь, то ненароком, по провокации, и всегда с безошибочным инстинктом. Более того, говорит один из депутатов, "эта кровь, разве она такая чистая?". Большая часть людей предпочитает теории из книг опыту своих глаз; они упорствуют в идиллии, которую сами для себя создали. В худшем случае их мечта, вытесненная из настоящего, укрывается в будущем. Завтра, когда Конституция будет завершена, народ, ставший счастливым, снова станет мудрым: давайте же выдержим бурю, которая ведет нас к столь благородной гавани.

Между тем, за королем, бездеятельным и обезоруженным, за Собранием, непокорным или покорным, появляется настоящий монарх, народ, то есть толпа из ста, тысячи, ста тысяч человек, собравшихся вместе по произволу, по порыву, по тревоге, внезапно и неодолимо ставших законодателями, судьями и палачами. Грозная сила, неопределенная и разрушительная, которую никто не может удержать и которая вместе со своей матерью, воющей и искаженной Свободой, стоит на пороге Революции, как два призрака Мильтона у ворот Ада.

. . . Перед воротами сидели

По обе стороны грозная фигура;

Одна казалась женщиной до пояса и была прекрасна,
но в конце концов, в чешуйчатых складках.

Объемистая и огромная, змея, вооруженная

Смертельным жалом: вокруг ее середины
Крик адских гончих, не переставая, лаял
С широкими церберскими пастями, громко и звонко.
Отвратительный писк: и все же, заслушавшись, они уползали,
Если бы их шум хоть немного потревожил, в ее чрево,
и устроили там конуру; но все равно лаяли и выли.
Внутри невидимые. . .
..... другая форма,
Если форму можно назвать формой, то у этой формы не было ничего
Различимых в членах, суставах и конечностях,
Или веществом можно назвать ту тень, что казалась тенью.
Ибо каждый из них не казался ни тем, ни другим: черен он был, как ночь,
Яростный, как десять фурий, страшный, как ад,
И метнул ужасный дротик; что казалось его головой
На ней было подобие царской короны.

Чудовище двигалось вперед так же быстро,
С ужасными шагами; ад содрогался, когда он шел.

1201 (возвращение)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо мсье Мирона, лейтенанта полиции, от 26 апреля; мсье Жоли де Флери, генерального прокурора, от 29 мая; мсье Марше и Бертье, апрель. Марше и Бертье, 18 и 27 апреля, 23 марта, 5 апреля, 5 мая; Артура Янга, 10 и 29 июня. "Archives Nationales", Н. 1453 Письмо субделегата Монлери от 14 апреля].

1202 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Письмо субделегата Гобера от 17 марта; письмо полицейских от 15 июня: "12, 13, 14 и 15 марта жители Конфлана в целом восстали против закона о дичи в отношении кролика"].

1203 (возвращение)

[Монжуа, 2-я часть, гл. XXI. с.14 (первая неделя июня). Монжуа - человек партийный; но он приводит даты и подробности, и его свидетельство, если оно подтверждается в других местах, заслуживает признания].

1204 (возвращение)

[Montjoie, 1st part, 92-101.- "Archives Nationales", Н. 1453. Письмо полицейского Сен-Дени: "Ежедневно прибывает много рабочих из Лотарингии, а также из Шампани", что повышает цены].

1205 ([возвращение](#))

[De Bezenval, "Mémoires", I.353. Ср. "Древний режим", с.509.- Мармонтель, II, 252 и последующие страницы.- Де Феррьер, I. 407].

1206 ([возвращение](#))

[Артуру Янгу, 1 сентября 1788 г.].

1207 ([возврат](#))

[Barrère, "Mémoires", I. 234.]

1208 ([возврат](#))

[См. длинный каталог сохранившихся в Национальной библиотеке].

1209 ([возврат](#))

[Malouet, I. 255. Bailly, I. 43 (9 и 19 мая).-D'Hezecques, "Souvenirs d'un page de Louis XV." 293.- De Bezenval, I. 368].

1210 ([возвращение](#))

[Marmontel, II, 249.-Montjoie, 1st part, p. 92.-De Bezenval, I. 387: "Эти шпионы добавили, что были замечены люди, возбуждавшие беспорядки и раздававшие деньги"].

1211 ([возвращение](#))

["Archives Nationales", Y.11441. Допрос аббата Роя, 5 мая - Y.11033, Допрос (28 апреля и 4 мая) двадцати трех раненых, доставленных в Отель-Дьё - Эти два документа имеют первостепенное значение для представления истинной картины восстания; к ним следует добавить рассказ месье де Безенваля, который был комендантом в это время вместе с месье де Шатле. Почти все остальные рассказы усилены или фальсифицированы из-за партийной предвзятости"].

1212 ([возвращение](#))

["Де Феррьер", т. III, прим. А (оправдательное объяснение Ревейона)].

1213 ([возврат](#))

[Bailly I. 25 (26 апреля)].

1214 ([возврат](#))

[Hérreau, IV. 377 (письма М. Перро от 29 апреля)].

1215 (возвращение)

[Письмо королю от жителя Фобур-Сент-Антуан - "Не сомневайтесь, сир, что наши недавние несчастья вызваны дороговизной хлеба"]].

1216 (возвращение)

[Dampmartin, "Événements qui se sont passés sous mes yeux", etc. I. 25: "Мы повернули назад и были задержаны небольшими группами негодяев, которые нагло предлагали нам кричать "Vive Necker! Vive le Tiers-Etat!". Два его спутника были рыцарями Святого Людовика, и их значки казались объектом "растущей ненависти". "Значок возбуждал грубую брань, даже со стороны лиц, которые казались выше агитаторов"]].

1217 (возвращение)

[Dampmartin, *ibid.* i. 25: "Я обедал в этот самый день в отеле д'Эккевилли, на улице Сен-Луи". Он выходит из дома пешком и становится свидетелем беспорядков. "Пятнадцать-шестнадцать сотен несчастных, экскременты нации, деградировавшие от постыдных пороков, покрытые лохмотьями и напившиеся бренди, представляли собой самое отвратительное и мерзкое зрелище. Более ста тысяч человек обоих полов, всех возрастов и состояний сильно мешали действиям войск. Вскоре началась стрельба, и полилась кровь: рядом со мной были ранены два невинных человека"]].

1218 (возвращение)

[Де Гонкур, "Французское общество в период революции". Здесь насчитан тридцать один игровой дом, а памфлет того времени озаглавлен "Pétition des deux mill cent filles du Palais-Royal"]].

1219 (возвращение)

[Montjoie, 2nd part, 144.-Bailly, II, 130].

1220 (возврат)

[Артур Янг, 24 июня 1789 г. - Монжуа, 2 часть, 69].

1221 (возвращение)

[Артур Юнг, 9, 24 и 26 июня 1789 г. - "Свободная Франция", процитировано К. Десмуленом].

1222 (возвращение)

[К. Десмулен, письма к отцу и Артуру Янгу, 9 июня].

1223 (возвращение)

[Монжуа, 2-я часть, 69, 77, 124, 144. К. Десмулен, письмо от 24 июня и в последующие дни].

1224 (возвращение)

[Этьен Дюмон, "Сувениры", с.72.-С. Десмулен, письмо от; 24 июня.- Артур Янг, 25 июня.- Буше и Ру, II. 28].

1225 (возвращение)

[Bailly, I. 227 и 179.-Monnier, "Recherches sur les causes", etc. I. 289, 291; II.61; -Malouet, I. 299; II. 10.- "Actes des Apôtres", V.43. (Письмо М. де Гильерми от 31 июля 1790 г.).-Мармонтель, I. 28: "Народ пришел даже в Собрание, чтобы поощрить своих сторонников, выбрать и указать свои жертвы, и напугать слабых людей страшным испытанием открытого голосования"].

1226 (возвращение)

[Рукописные письма депутата М. Буле муниципальным властям Понтиви с 1 мая 1789 года по 4 сентября 1790 года (переданы М. Розенцвейгом, архивариусом из Ванна). 16 июня 1789 года: "Толпа, собравшаяся вокруг зала. ... составляла в эти дни от 3 000 до 4 000 человек"].

1227 (возвращение)

[Письма М. Буле, 23 июня. "Как возвышен момент, когда мы с энтузиазмом связываем себя новой присягой стране! . . Почему этот момент должен выбрать один из нас, чтобы опозорить себя? Его имя теперь прославлено на всю Францию. А у этого несчастного есть дети! Внезапно ошеломленный общественным презрением, он уходит и падает в обморок у дверей, восклицая: "Ах! Это будет моя смерть! Я не знаю, что с ним стало с тех пор. Что странно, до этого времени он не вел себя плохо и голосовал за Конституцию"].

1228 (возвращение)

[De Ferrières, I. 168.-Malouet, I. 298 (по его словам, фракция насчитывала не более десяти членов),-idem II. 10.-Dumont, 250].

1229 (возвращение)

["Национальный конвент" управлял Францией с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1796 года. Различают три различных собрания: "Жирондистское собрание" 1792-93 годов, "Горное" 1793-94 годов и "Термидорианское" 1794-1795 годов. (SR).]

1230 (возврат)

[Декларация от 23 июня, статья 15.]

1231 (обратно)

[Монжуа, 2-я часть, 118.-С. Десмулен, письма от 24 июня и последующих дней. Достоверный рассказ М. де Сент-Фера, бывшего офицера французской гвардии, стр. 9.-Де Безенваль, III,

413.-Бушез и Ру, II. 35.- "Сувениры", Паскье (Этьен-Деннис, герцог), канцлер Франции. в VI томах, Librairie Plon, Paris 1893].

1232 (возврат)

[Peuchet ("Encyclopédie Méthodique", 1789, цит. по Parent Duchâtelet): "Почти все солдаты гвардии принадлежат к этому классу (сводников публичных женщин): многие, действительно, поступают в корпус только для того, чтобы жить за счет этих несчастных"].

1233 (возврат)

[Гувернер Моррис: "Свобода - это теперь общий крик; власть - это имя, но больше не реальность". (Переписка с Вашингтоном, 19 июля.)]

1234 (возврат)

[Bailly. I. 302. "Король был настроен очень благожелательно; его меры были направлены только на сохранение порядка и общественного спокойствия. . . Дю Шатле был вынужден фактами оправдать месье де Безенваля в покушении на народ и страну" - См. Marmontel, IV. 183; Mounier, II, 40].

1235 (возвращение)

[Десмулен, письмо от 16 июля. Buchez and Roux, II. 83].

1236 (возвращение)

[Суд над принцем де Ламбеском (Париж, 1790), с восемьюдесятью тремя показаниями и обсуждением показаний. Толпа начала атаку. Солдаты стреляли в воздух. Но один человек, сеньор Шовель, был легко ранен принцем де Ламбеском (показания М. Карбуара, стр. 84, и капитана де Рейнака, стр. 101). "Господин принц де Ламбеск, верхом на серой лошади с серым седлом, без кобур и пистолетов, едва успел въехать в сад, как дюжина человек бросилась к гриве и уздечке его лошади и приложила все усилия, чтобы стащить его. Маленький человек в серой одежде выстрелил в него из пистолета. . . Принц изо всех сил пытался освободиться и добился успеха, заставив свою лошадь встать на дыбы и размахивая шпагой; однако до сих пор он никого не ранил. . . Он утверждает, что видел, как принц ударил плоской саблей по голове человека, который пытался закрыть поворотный мост, что отрезало бы путь к отступлению его войск. Войска не делали ничего другого, как пытались сдержать толпу, которая атаковала их камнями и даже огнестрельным оружием с вершины террас" - Человек, пытавшийся закрыть мост, схватил лошадь принца одной рукой; рана, которую он получил, была царапиной длиной около 23 линий, которая была перевязана и вылечена повязкой, смоченной в бренди. Все подробности этого дела доказывают, что терпение и гуманность офицера были крайними. Тем не менее "на следующий день, 13-го числа, кто-то вывесил на переправе Бюсси плакат с рекомендацией жителям Парижа схватить принца и немедленно четвертовать его" (показания М. Коссона, с.114)].

1237 ([возвращение](#))

[Baily, I. 3, 6.-Marmontel, IV. 310].

1238 ([возврат](#))

[Монжуа, ч. 3, 86. "Я разговаривал с теми, кто охранял замок Тюильри. Они не принадлежали Парижу. . . . Страшные физиономии и отвратительная одежда". Монжуа, которому не стоит доверять во многих вопросах, заслуживает внимания в связи с небольшими фактами, свидетелем которых он был.-Морель, "Mémoires", I. 374.-Дюсоль, "L'oeuvre des sept jours", 352.-"Revue Historique", март, 1876. Допрос Десно. Его занятия во время 13 июля (опубликовано Гиффри)].

1239 ([возврат](#))

[Матье Дюма, "Mémoires", I. 531. "Мирные люди бежали при виде этих групп странных, неистовых бродяг. Все закрылись в своих домах. . . . Когда я добрался до дома, в квартале Сен-Дени, несколько этих разбойников вызвали большую тревогу, стреляя из ружей в воздух"].

1240 ([возвращение](#))

[Dusaulx, 379.]

1241 ([возвращение](#))

[Dusaulx, 359, 360, 361, 288, 336. "В сущности, их мольбы напоминали приказы, и не раз было невозможно сопротивляться им"].

1242 ([возвращение](#))

[Dusaulx, 447 (Изложение инвалидности). "Revue Rétrospective", IV. 282 (Рассказ командира тридцати двух швейцарских гвардейцев)].

1243 ([возвращение](#))

["Мармонтель", IV. 317.]

1244 ([возвращение](#))

[Dusaulx, 454. "Солдаты ответили, что они скорее примут все, что случится, чем станут причиной гибели столь большого числа своих сограждан"].

1245 ([возвращение](#))

[Dusaulx, 447. Число сражавшихся, искалеченных, раненых, мертвых и живых - 825 человек. 320. "К числу победителей, которое доведено до 800, добавлены люди, которых никогда не было рядом с этим местом"].

1246 (возвращение)

["Воспоминания" Паскье (Этьен-Деннис, герцог, 1767-1862), канцлер Франции. в VI томах, Librairie Plon, Paris 1893. Том I. стр.52. Паскье был очевидцем. Он прислонился к ограде сада Бомарше и смотрел на происходящее, рядом с ним была мадемуазель Конта, актриса, оставившая свою карету на площади Руаяль" - Marat, "L'ami du peuple", № 530. "Когда неслыханное стечение обстоятельств привело к падению плохо защищенных стен Бастилии, усилиями горстки солдат и отряда несчастных существ, в большинстве своем немцев и почти всех провинциалов, парижане сами представили себе крепость, и только любопытство привело их туда"].

1247 (возвращение)

[Рассказ командира тридцати двух швейцарцев; рассказ виноторговца Шолата, одного из победителей; допрос Десно (отрубившего голову месье де Лонэ)].

1248 (возвращение)

[Монжуа, часть 3, 85.- Дюсоль, 355, 287, 368].

1249 (возвращение)

[Больше ничего. Никто из свидетелей не утверждает, что видел притворную записку мсье дю Лонэ. По мнению Дюсо, у него не могло быть ни времени, ни средств для ее написания].

1250 (возвращение)

[Bailly, II. 32, 74, 88, 90, 95, 108, 117, 137, 158, 174. "Я отдавал приказы, которые не выполнялись и не слушались. . . . Они дали мне понять, что я не в безопасности". (15 июля.) "В эти печальные времена одного врага и одного клеветнического донесения было достаточно, чтобы возбудить толпу. Все, кто раньше обладал властью, все, кто досаждал или сдерживал мятежников, были уверены, что их арестуют"].

1251 (возвращение)

[M. de Lafayette, "Mémoires", III. 264. Письмо от 16 июля 1789 года. "Я уже спас жизнь шести человек, которых вешали в разных кварталах"].

1252 (возвращение)

[Poujoulat. "Histoire de la Révolution Française", p.100 (с подтверждающими документами). Procès-verbaux провинциального собрания, Иль-де-Франс (1787), p.127].

1253 (возврат)

[Например: "Он суров со своими крестьянами" - "Он не дает им хлеба и хочет, чтобы они ели

траву". "Он хочет, чтобы они ели траву, как лошади". "Он сказал, что они вполне могли бы есть сено и что они не лучше лошадей".]

1254 (возвращение)

[Bailly, II. 108. "Народ, менее просвещенный и столь же властный, как и деспоты, не признает никаких положительных признаков хорошего управления, кроме успеха"].

1255 (обратно)

[Bailly, II, 108, 95.-Malouet, II, 14.]

1256 (возвращение)

[De Ferrières, I. 168.]

ГЛАВА III.

I.- Анархия с 14 июля по 6 октября 1789 года

Разрушение правительства. Кому принадлежит реальная власть?
принадлежит реальная власть?

Каким бы плохим ни было конкретное правительство, есть нечто еще худшее, и это - подавление всякого правительства. Ведь именно благодаря правительству человеческие воли образуют гармонию, а не хаос. Оно служит обществу, как мозг служит живому существу. Неспособный, невнимательный, экстравагантный, увлекающийся, он часто злоупотребляет своим положением, переутомляя или вводя в заблуждение организм, о котором должен заботиться и которым должен руководить. Но, принимая все во внимание, что бы он ни делал, пользы от него больше, чем вреда, ведь благодаря ему тело стоит прямо, марширует и направляет свои шаги. Без нее нет организованного целенаправленного действия, полезного для всего организма. Только в нем мы находим всеобъемлющие взгляды, знание членов, из которых он состоит, и их целей, представление о внешних связях, полную и точную информацию, короче говоря, высший разум, который понимает, что лучше для общих интересов, и приспособливает средства к целям. Если он ослабевает и перестает подчиняться, если его принуждают и толкают извне насильственным давлением, он перестает контролировать общественные дела, и социальная организация регрессирует на много ступеней. В результате распада общества и изоляции индивидов каждый человек

возвращается к своему первоначальному слабому состоянию, а власть переходит к мимолетным агрегатам, которые, как вихри, возникают из человеческой пыли. Можно понять, как эта власть, которую самым компетентным людям трудно применить должным образом, осуществляется группами людей, возникающими из ниоткуда. Это вопрос поставок, их имущества, цен и распределения. Это вопрос налогов, их пропорции, распределения и сбора; частной собственности, ее разновидностей, прав и ограничений. Это проблема государственной власти, ее распределения и пределов; всех тех тонких шестеренок, которые, работая друг с другом, составляют великую экономическую, социальную и политическую машину. Каждая группа в своем кантоне накладывает свои грубые руки на колеса, находящиеся в пределах ее досягаемости. Они крутят или ломают их бессистемно, под влиянием сиюминутного импульса, не обращая внимания на последствия, даже когда реакция завтрашнего дня сокрушает их в разрушениях, которые они причиняют сегодня. Так раскованные негры, каждый из которых тянет и тащит свою ношу, берутся управлять кораблем, над которым только что получили власть... При таком положении вещей белые вряд ли стоят больше, чем черные. Ибо не только группа, чьей целью является насилие, состоит из тех, кто наиболее обездолен, наиболее энтузиаст, наиболее склонен к разрушительности и лицензированию. Но и по мере того, как эта группа бурно осуществляет свои насильственные действия, каждый индивид, самый жестокий, самый иррациональный и самый развращенный, опускается ниже самого себя, вплоть до темноты, безумия и дикости отбросов общества. В самом деле, человек, который, обмениваясь ударами, мог бы противостоять азарту убийства, а не использовать свою силу, как дикарь, должен быть знаком с оружием. Он должен быть привычен к опасности, хладнокровен, жив чувствами чести и, прежде всего, чувствителен к тому суровому военному кодексу, который в воображении солдата всегда представляет ему провиантскую виселицу, на которую он непременно попадет, если нанесет один удар слишком много. Если все эти сдерживающие факторы, как внутренние, так и внешние, отсутствуют, человек впадает в мятеж. В актах насилия, которые он совершает, он новичок. Он не боится закона, потому что отменяет его. Начатое действие заводит его дальше, чем он собирался. Опасность и сопротивление обостряют его гнев. Он заражается лихорадкой от общения с теми, кого лихорадит, и следует за грабителями, которые стали его товарищами.¹³⁰¹ Добавьте к этому шум, пьянство, зрелище разрушения, нервную дрожь тела, напряженного сверх всякой меры, и мы поймем, как из крестьянина, рабочего и буржуа, умиротворенных и укрощенных старой цивилизацией, внезапно появляется варвар. Или, что еще хуже, первобытное животное, ухмыляющийся, кровожадный, бесполезный павиан, который хихикает, убивая, и с азартом разглядывает разрушения, которые он совершил. Таково фактическое правление, которому отдана Франция, и после восемнадцатимесячного опыта самый квалифицированный, самый рассудительный и самый глубокий наблюдатель Революции не найдет ничего, с чем бы ее можно было сравнить, кроме вторжения в Римскую империю в четвертом веке.¹³⁰² "Гунны, герулы, вандалы и готы не придут ни с севера, ни с Черного моря; они в самой нашей середине".

II.- Провинции

Разрушение старых властей - Несовершенство новых Власти

Когда в здании уступает место главная балка, трещины следуют за ней и множатся, а второстепенные балки падают одна за другой из-за отсутствия подпорки, которая их поддерживала. Подобным образом, если власть короля нарушена, все полномочия, которые он делегировал, падают на землю. **1303** Интенданты, парламенты, военные командования, великие прокуроры, административные, судебные и полицейские функционеры в каждой провинции и в каждой отрасли службы, которые поддерживают порядок и защищают собственность, наученные убийством месье де Лонэ, заключением месье де Бешенваля, бегством маршала де Брольи, убийствами Фуллона и Бертье, знают, чего они стоят, если пытаются выполнять свои обязанности. Если об этом забывают, в дело вмешиваются местные мятежи, которые не дают им забыть об этом.

Офицер, командующий в Бургундии, находится в плену в Дижоне, у его дверей стоит стража; ему запрещено разговаривать с кем-либо без разрешения и без присутствия свидетелей. **1304** Комендант Кана осажден в старом дворце и капитулирует. Комендант Бордо сдает Шато-Тромпетт с пушками и снаряжением. Комендант Меца, сохранивший твердость, терпит оскорбления и приказы населения. Комендант Бретани скитается по своей провинции "как бродяга", а в Ренне его люди, мебель и тарелки хранятся в качестве залога. Как только он ступает в Нормандию, его окружают и ставят часового у его дверей; интендант Безансона спасается бегством; интендант Руана видит, что его жилище разграблено сверху донизу, и убегает под крики толпы, требующей его головы; в Ренне декан парламента арестован, подвергнут жестокому обращению, содержится в своей комнате под охраной, а затем, несмотря на болезнь, высылается из города под конвоем. -В Страсбурге "тридцать шесть домов магистратов отмечены для разграбления. " **1305 -В** Безансоне председатель парламента вынужден выпустить из тюрьмы повстанцев, арестованных во время недавней вспышки, и публично сжечь все бумаги, принадлежащие обвинению. -В Эльзасе с начала беспорядков прокуроры были вынуждены бежать, судебные исполнители и судьи спрятались, лесные инспекторы разбежались, а дома стражников были разрушены. Одного мужчину, шестидесяти лет, зверски избили и провели по деревне, а люди тем временем вырывали ему волосы; от его жилища не осталось ничего, кроме стен и части крыши. Вся его мебель и вещи разбиты, сожжены или украдены. Его заставляют подписать вместе с женой акт, в котором он обязуется возместить все наложенные на него штрафы и отказаться от всех претензий на возмещение ущерба, нанесенного ему только что. - Во Франш-Конте власти не смеют осудить преступников, а полиция не арестовывает их; военный комендант пишет, что "преступления всех видов растут, и что у него нет средств наказать их". Неповиновение царит во всех провинциях; одна из провинциальных комиссий с грустью констатирует:

"Когда все власти в смятении и уничтожены, когда общественная сила больше не существует, когда все связи разорваны, когда каждый человек считает себя освобожденным от всех видов обязательств, когда государственная власть больше не смеет заявлять о себе, а быть облеченным ею считается преступлением, чего можно ожидать от наших усилий по восстановлению порядка? " **1306**

Все, что осталось от этого великого разрушенного государства, - это сорок тысяч групп людей, каждая из которых разделена и изолирована, в городах и маленьких рыночных деревнях, где муниципальные органы, выборные комитеты и импровизированные

национальные гвардии пытаются предотвратить худшие эксцессы. Избранные путем аккламации, они верят в права народа; в разгар беспорядков они чувствуют себя в опасности. Поэтому, как правило, они подчиняются толпе.

"Редко, - говорится в одном из отчетов провинциальных комиссий, - муниципальные власти выдают повестку; они допускают самые большие эксцессы, не желая возбуждать преследования, за которые рано или поздно они могут быть привлечены к ответственности своими согражданами". . . . Муниципальные органы уже не в силах чему-либо противостоять".

Особенно в сельских районах мэр или синдик, который является фермером, ставит своей главной целью не наживать себе врагов и уйдет со своего места, если оно принесет ему какие-либо "неприятности". В городах, особенно в крупных, его власть почти так же слаба и более ненадежна, потому что взрывчатых веществ здесь накапливается гораздо больше, и муниципальные чиновники, сидя в своих креслах в ратуше, сидят над миной, которая может взорваться в любой момент. Завтра, возможно, искрой послужит какая-нибудь резолюция, принятая в таверне в пригороде, или зажигательная газета, только что полученная из Парижа... Нет другой защиты от населения, кроме сентиментальных прокламаций Национального собрания, бесполезного присутствия войск, которые стоят и смотрят, и неопределенной помощи национальной гвардии, которая прибудет слишком поздно. Время от времени эти горожане, ставшие теперь правителями, из-под рук уличных государей, схвативших их за горло, издадут вопль бедствия. В Пюи-ан-Веле, [1307](#) городе с населением в двадцать тысяч человек, президиум, [1308](#) комитет из двадцати четырех комиссаров, двести драгун и восемьсот человек гвардии бургомистров "парализованы и полностью одурманены мерзким населением". Мягкое обращение только усиливает его непокорность и наглость". Это население проскрибирует всех, кого пожелает, и шесть дней назад воздвигнутая его руками виселица возвестила новым магистратам о судьбе, которая их ожидает.

" Что будет с нами этой зимой, - восклицают они, - в нашей обедневшей стране, где нет хлеба! Мы станем добычей диких зверей!"

III.- Общественные чувства.- ФАМИН

Эти люди, по правде говоря, голодны, и после революции их страдания только усилились. Вокруг Пюи-ан-Веле земля опустела, а почва разрушена страшной бурей, яростным градом и ливнем. На юге урожай оказался умеренным и даже недостаточным.

"Обрисовать состояние Лангедока, - пишет [интендант1309](#) , - означало бы дать отчет о бедствиях всех мастей. Паника, которая царит во всех общинах и которая сильнее всех законов, останавливает движение и вызывает голод даже в разгар изобилия. Товары непомерно дороги, а наличных денег не хватает. Общины разоряются из-за огромных расходов, которым они подвергаются: Выплата депутатам сенешальского суда, создание гвардии бюргеров, караулов для этого ополчения, покупка оружия, обмундирования, расходы на формирование коммун и постоянных советов. К этому следует добавить расходы

на всевозможную печать и публикацию пустяковых обсуждений. Далее, потеря времени из-за беспорядков, вызванных этими обстоятельствами, и полный застой в мануфактурах и торговле". Все эти причины вместе взятые "довели Лангедок до последней крайности". В центре и на севере, где урожаи хорошие, провизии не меньше, потому что пшеницу не пускают в оборот, а прячут.

"В течение пяти месяцев, - пишет муниципальное собрание [Лувье1310](#), - ни один фермер не появлялся на рынках этого города. Подобное обстоятельство никогда не было известно ранее, хотя время от времени в значительной степени преобладали высокие цены. Напротив, рынки всегда были хорошо снабжены пропорционально высокой цене на зерно".

Напрасно муниципалитет приказывает близлежащим сорока семи приходам обеспечить их пшеницей. Они не обращают внимания на мандат; каждый сам за себя и каждый за свой дом; интендант больше не присутствует, чтобы заставить местные интересы уступить место общественным.

"В окружающих нас пшеничных районах, - говорится в письме одного из бургундских городов, - мы не можем рассчитывать на то, что сможем делать свободные покупки. Специальные правила, поддерживаемые гражданской гвардией, препятствуют отправке зерна и останавливают его оборот. Прилегающие рынки бесполезны для нас. На наш рынок уже около восьми месяцев не поступает ни одного мешка зерна".

В Труа хлеб стоит четыре су за фунт, в Бар-сюр-Обе и окрестностях - четыре с половиной су за фунт. Ремесленник, оставшийся без работы, зарабатывает сейчас двенадцать су в день на работах по оказанию помощи и, отправляясь в деревню, видит, что урожай зерна хороший. К какому выводу он может прийти, кроме как к тому, что нехватка зерна вызвана монополистами и что, если он умрет от голода, это произойдет потому, что эти негодяи уморили его голодом? В силу этих рассуждений, кто бы ни имел отношение к этим положениям, будь то собственник, фермер, торговец или администратор, все они считаются предателями. Совершенно очевидно, что существует заговор против народа: правительство, королева, духовенство, дворяне - все участники его; точно так же и магистраты, и богачи среди буржуазии и богачей. В Иль-де-Франс ходят слухи, что мешки с мукой бросают в Сену, а кавалерийских лошадей специально заставляют есть недозрелую пшеницу в стеблях. В Бретани утверждают, что зерно вывозится и хранится за границей. В Турени уверены, что тот или иной оптовый торговец позволяет зерну прорасти в своих амбарах, а не продает его. В Труа ходят слухи, что другой отравил свою муку квасцами и мышьяком по заказу пекарей... Представьте себе, как подобные подозрения действуют на страдающую толпу! Волна ненависти поднимается от пустого желудка к больному мозгу. Люди повсюду ищут своих воображаемых врагов, с закрытыми глазами бросаются вперед, неважно на кого и на что, не только всей массой, но и со всей энергией своей ярости.

IV.- Паника.

Всеобщее вооружение.

С первых же недель они уже были встревожены. Привыкшее быть ведомым, человеческое стадо пугается, когда оказывается предоставленным самому себе; оно скучает по своим вожакам, которых топтало ногами; сбросив их оковы, оно лишило себя их защиты. Оно чувствует себя одиноким, в незнакомой стране, подверженным опасностям, о которых оно не знает и от которых не может защититься. Теперь, когда пастухи убиты или обезоружены, предположим, что неожиданно появятся волки! А волки - я имею в виду бродяг и преступников - только что вышли из темноты. Они грабят и жгут, и их можно встретить при каждом восстании. Теперь, когда полиция их больше не пресекает, они проявляют себя, а не скрывают. Им стоит только затаиться и выступить группой, и жизнь и имущество окажутся в их власти.- Глубокая тревога, смутное чувство ужаса охватывает город и деревню: в конце июля паника, подобно ослепляющему, удушливому вихрю пыли, внезапно охватывает сотни лиг территории. Разбойники наступают! Они сжигают посевы! До них всего шесть лиг, а потом только две - беженцы, бежавшие от беспорядков, доказывают это.

28 июля в [Ангюлеме](#)¹³¹¹ около трех часов дня раздается тревожный звонок, барабаны бьют в набат, на валах устанавливаются пушки. Город должен быть приведен в состояние обороны против 15 000 приближающихся бандитов, и со стен с ужасом обнаруживают облако пыли на дороге. Это оказывается почтовая повозка, направляющаяся в Бордо. После этого число разбойников сокращается до полутора тысяч, но нет сомнений, что они опустошают страну. В девять часов вечера 20 000 человек под оружием, и так они проводят ночь, постоянно прислушиваясь и ничего не слыша. Ближе к трем часам утра раздается новый сигнал тревоги, звонят церковные колокола, и люди выстраиваются в боевой порядок. Они уверены, что разбойники сожгли Руффек, Вернениль, Ла Рошфуко и другие места. На следующий день в город стекаются жители, чтобы оказать помощь разбойникам, которых все еще нет. "В девять часов, - говорит один из очевидцев, - в городе было 40 000 человек, которым мы выражали свою благодарность". Поскольку разбойники не показываются, должно быть, потому, что они скрываются; сотня всадников и множество пеших людей отправляются прочесывать Брасонский лес и, к своему великому удивлению, ничего не находят. Но ужас не утихает; "в течение последующих дней выставляется караул, а среди горожан набираются роты", а Бордо, получив должную информацию, посылает курьера с предложением о поддержке в 20 000 человек и даже 30 000. "Что удивительно, - добавляет рассказчик, - так это то, что на расстоянии десяти лье по соседству, в каждом приходе, произошли аналогичные беспорядки, и примерно в тот же час" - все, что требуется, это чтобы девушка, возвращающаяся ночью в деревню, встретила двух мужчин, которые не принадлежат к этому району. В Оверни дело обстоит точно так же. Целые приходы под влиянием этой информации уходят на ночь в леса, бросая свои дома и унося мебель; "беглецы вырывают и уничтожают свои собственные посевы; беременные женщины получают травмы в лесах, а другие лишаются рассудка". Страх окрыляет их. Через два года после этого мадам Кампан показали скалистый пик, на котором укрылась женщина, и с которого ее пришлось спускаться на веревках... Наконец люди возвращаются в свои дома и возобновляют привычный образ жизни. Но такие большие массы людей не могут быть безнаказанными; подобные волнения сами по себе являются живым источником тревоги. Поскольку страна поднялась, это должно было быть вызвано угрожающей опасностью, и если эта опасность не была вызвана разбойниками, она должна была исходить из другого места. Артур Янг в Дижоне и [Эльзасе](#)¹³¹² слышит за общественными обедами, что королева организовала заговор с

целью подрыва Национального собрания и резни во всем Париже. Позже его арестовывают в деревне под Клермоном и допрашивают, поскольку он, очевидно, сговорился с королевой и графом д'Антрагесом взорвать город, а оставшихся в живых отправить на галеры.

Никакие доводы, никакой опыт не могут противостоять множасьимся фантомам перевозбужденного воображения. Отныне каждая коммуна и каждый мужчина обеспечивают себя оружием и держат его наготове. Крестьянин перебирает свои запасы и "находит от десяти до двенадцати франков на покупку ружья". "Национальное ополчение можно найти в самой бедной деревне". Бургомистры и роты добровольцев патрулируют все города. Военные командиры поставляют оружие, боеприпасы и снаряжение по требованию муниципальных органов, а в случае отказа арсеналы разграбляются, и, добровольно или насильно, четыреста тысяч орудий переходят в руки народа за шесть месяцев.¹³¹³ Не довольствуясь этим, они должны иметь пушки. Брест потребовал две, все города Бретани делают то же самое; на карту поставлено их чувство собственного достоинства, а также потребность ощущать себя сильными. Вся власть, вся сила, все средства принуждения и устрашения находятся в их руках, и только в их; и этим суверенным рукам нечем руководствоваться в этом фактическом безвременье всех законных полномочий, кроме диких или убийственных побуждений голода или недоверия.

V.- Нападения на государственных лиц и государственную собственность.

В Страсбурге, в Шербуре, в Моберже, в Руане, в Безансоне, Труа.

Перечисление всех совершенных насильственных действий заняло бы слишком много места: конвоиры арестованы, зерно разграблено, мельники и торговцы кукурузой повешены, обезглавлены, зарезаны, крестьяне под угрозой смерти вынуждены отдать даже семена, припасенные для посева, владельцы выкуплены, а дома разграблены.¹³¹⁴ Эти бесчинства, безнаказанные, терпимые, даже оправданные или плохо подавленные, постоянно повторяются, и сначала они направлены против государственных людей и государственной собственности. Как это обычно бывает, сброд возглавляет шествие и накладывает печать на характер всего восстания.

19 июля в Страсбурге, при известии о возвращении Неккера на свой пост, он по-своему интерпретирует общественную радость, свидетелем которой становится. Пять или шесть сотен [нищих](#)¹³¹⁵, число которых вскоре увеличилось за счет мелких торговцев, устремляются к ратуше, причем магистраты успевают проскочить через черный ход. Солдаты, со своей стороны, с оружием в руках, позволяют всему этому продолжаться, а некоторые из них подстегивают нападающих. Под градом камней окна разбиваются вдребезги, двери выбиваются железными ломом, и народ входит в здание под бурные аплодисменты зрителей. Сразу же через все отверстия в здании с фасадом в восемьдесят

футов "посыпались ставни, створки, стулья, столы, диваны, книги и бумаги, а затем черепица, доски, балконы и обломки деревянных конструкций". Государственные архивы выброшены на ветер, ими усеяны прилегающие улицы; грамоты, хартии привилегий, все подлинны акты, которые со времен Людовика XIV гарантировали свободу города, погибли в пламени. Одни из них в подвалах ставят бочки с драгоценным вином; пятнадцать тысяч мер этого вина пропадают, образуя бассейн глубиной в пять футов, в котором тонут несколько человек. Другие, нагруженные добычей, уходят под взглядами солдат, не будучи арестованными. Беспорядки продолжаются три дня; несколько домов, принадлежащих некоторым магистратам, "разграблены от чердака до подвала". Когда честные горожане наконец получают оружие и восстанавливают порядок, они довольствуются повешением одного из грабителей; хотя, чтобы угодить народу, магистратов меняют, а цены на хлеб и мясо снижают. Неудивительно, что после такой тактики и такого вознаграждения бунт распространяется по окрестностям далеко и близко: ведь начиная со Страсбурга он охватывает Эльзас, а в деревне, как и в городе, всегда найдутся пьяницы и негодяи, чтобы возглавить его.

Неважно, где, на востоке, на западе или на севере, зачинщики всегда принадлежат к этой марке. В Шербуре, 21 [июля 1316](#), два лидера бунта - "разбойники с большой дороги", которые становятся во главе женщин пригорода, иностранных матросов, жителей гавани, а также солдат в рабочих костюмах. Они заставляют отдать ключи от зерновых складов, разрушают жилища трех богатейших купцов, а также жилище господина де Гаранто, субделегата: "Все записи и бумаги сожжены; только у господина де Гаранто убытки оцениваются более чем в 100 000 крон" - повсюду преобладает один и тот же инстинкт разрушения, своего рода завистливая ярость против всех, кто чем-либо владеет, распоряжается или пользуется. В Мобёже, 27 июля, на самом собрании представителей [коммуны 1317](#), сброд вмешивается непосредственно, в своей обычной манере. Группа гвоздильщиков и оружейников овладевает ратушей и заставляет мэра снизить цену на хлеб. Почти сразу после этого другая группа, издавая предсмертные крики, бьет окна, а гарнизон, которому было приказано выйти, спокойно созерцает нанесенный ущерб. Смерть мэру, всем правителям и всем служащим! Бунтовщики вскрывают тюрьмы, освобождают заключенных и нападают на налоговые конторы. Конторы октрои разрушены сверху донизу, порттовые конторы снесены, весы и гири брошены в реку. Все таможенные и акцизные магазины разграблены, а чиновники вынуждены давать знакомства. Дома регистратора и шерифа, а также контролера доходов, расположенные в двухстах ярдах от города, разграблены; двери и окна выбиты, мебель и белье разорваны в клочья, а тарелки и драгоценности брошены в колодцы. Тот же хаос творится в городском доме мэра, а также в его загородном доме в лиге от города. "Ни одно окно, ни одна дверь, ни одна вещь или съестное" не уцелели; более того, они добросовестно выполняют свою работу, не останавливаясь ни на минуту, "с десяти вечера до десяти утра следующего дня". Кроме того, мэр, прослуживший тридцать четыре года, слагает с себя полномочия по просьбе благожелательно настроенных, но напуганных людей и покидает страну.- В Руане после 24 июля [1318 года](#) написанный плакат показывает своей орфографией и стилем, какие умы его составили и какие действия должны последовать за ним:

"Нация, у вас здесь четыре головы, которые нужно срубить: Понткарри (первый президент), Мосьон (интендант), Годар де Бельбоф (генеральный прокурор) и Дюран (поверенный короля в городе). Без этого мы пропадем, и если вы этого не сделаете, люди примут вас за бессердечную нацию".

Ничто не могло быть более ясным. Однако муниципальный орган, которому парламент передает этот список запретов, с вынужденным оптимизмом отвечает, что

"Ни один гражданин не должен считать себя проскрибированным; он может и должен считать себя в безопасности в своем собственном жилище, будучи уверенным, что в городе нет человека, который не прибежал бы к нему на помощь".

Это равносильно тому, чтобы сказать населению, что оно вольно поступать так, как ему заблагорассудится. Опираясь на это, лидеры бунта в течение десяти дней работают в охране. Один из них - человек по имени Журден, адвокат из Лизье, как и большинство его собратьев, демагог по своим принципам; другой - бродячий актер из Парижа по имени Бордье, известный в роли [арлекина1319](#), хулиган в доме дурной славы, "ночной бродяга и пьяница, не боящийся ни Бога, ни черта", занялся патриотизмом и приехал в провинцию, чтобы играть трагедию, причем трагедию наяву. Пятый акт начинается в ночь на 3 августа, главные действующие лица - Бордье и Журден, а за ними - сброд и несколько рот свежих добровольцев. Раздаются крики: "Смерть монополистам! Смерть Мосьону! Мы должны получить его голову!". Они грабят его гостиницу: многие из них напиваются и засыпают в подвале. Разрушены доходные кассы, городские ворота, акцизная контора, все здания, в которых собираются королевские доходы. На улицах и на старой рыночной площади зажигаются огромные костры; мебель, одежда, бумаги, кухонная утварь - все это бросается в кучу, а кареты вытаскиваются и опрокидываются в Сену. Только после нападения на ратушу Национальная гвардия, начав беспокоиться, решается схватить Бордье и некоторых других. Однако на следующее утро под крики Карабо и под предводительством Журдена тюрьма была взломана, Бордье освобожден, а резиденция интенданта с офисами разграблена во второй раз. Когда, наконец, обоих негодяев берут и ведут на эшафот, народ настолько сильно поддерживает их, что приходится направить на них заряженные пушки, чтобы удержать их на месте. - В [Безансоне1320](#) 13 августа вожаки состоят из слуги торговца дикими животными, двух воротил, одного из которых уже заклеили в результате бунта, и нескольких "жителей дурного толка", которые ближе к вечеру распространяются по городу вместе с солдатами. Артиллеристы оскорбляют встречных офицеров, хватают их за горло и хотят бросить в Дуб. Другие идут к дому коменданта, господина де Ланжерона, и требуют у него денег; когда он отказывается их дать, они срывают с себя кокарды и восклицают: "Мы тоже принадлежим к Третьему государству!", другими словами, что они здесь хозяева: затем они требуют голову интенданта, господина де Комартена, насильно входят в его жилище и ломают его мебель. На следующий день сброд и солдаты входят в кофейни, монастыри и трактиры, требуют, чтобы им подавали вина и съестных припасов столько, сколько они хотят, а затем, разгоряченные выпивкой, сжигают акцизные конторы, силой открывают несколько тюрем и выпускают на свободу всех контрабандистов и дезертиров. Чтобы положить конец этой сатурналии, предлагается устроить грандиозный банкет под открытым небом, на котором национальная гвардия должна брататься со всем гарнизоном; но банкет превращается в попойку, целые роты остаются под столами мертвецки пьяными; другие роты уносят с собой четыре бочонка вина, а остальные, оказавшись в затруднительном положении, разбредаются за стены, чтобы грабить погреба соседних деревень. На следующий день, воодушевленные примером, часть гарнизона в сопровождении нескольких рабочих повторяет экспедицию в деревне. Наконец, после четырех дней этой оргии, чтобы Безансон и его окрестности не превратились на неопределенный срок в завоеванную страну, гвардия бюргеров в союзе с солдатами, сохранившими верность, восстает против мятежа, отправляется на поиски мародеров и в тот же вечер вешает двоих из них. - Вот это бунт![1321](#) Это вспышка грубой силы, которая, вырвавшись на свободу в местах обитания людей, не может делать ничего, кроме как изнурять себя, расточать, ломать, разрушать и причинять себе вред; и если мы проследим за деталями местной истории, то увидим, что в наши дни подобных вспышек насилия можно ожидать в любое время.

В Труа¹³²², 18 июля, в базарный день, крестьяне отказываются платить пошлину за вход; октрои был подавлен в Париже, должен был быть подавлен и в Труа. Население, возбужденное этим первым беспорядком, собирается в толпу, чтобы поделить между собой зерно и оружие, и на следующий день ратушу осаждают семь или восемь тысяч человек, вооруженных дубинами и камнями. На следующий день отряд, набранный в окрестных деревнях, вооруженный граблями, лопатами и вилами, вступает в город под предводительством столяра, который шествует во главе его с саблей наперевес; к счастью, "все честные люди из числа бургомистров" немедленно формируют Национальную гвардию, и эта первая попытка жакерии пресекается. Но волнение продолжается, и ложные слухи постоянно поддерживают его. 29 июля, после распространения сообщения о том, что пятьсот "разбойников" покинули Париж и идут разорять страну, в деревнях раздается тревожный звонок, и крестьяне выходят на улицы вооруженными. Отныне смутное представление о надвигающейся опасности заполняет все умы; необходимость обороны и защиты от врагов сохраняется. Новые демагоги пользуются этим, чтобы удержать власть над народом, а когда приходит время, использовать ее против своих вождей. Бесполезно уверять народ, что последние - патриоты; что недавно Неккер был встречен восторженными криками; что священники, монахи и каноники первыми приняли национальную кокарду; что дворяне города и его окрестностей - самые либеральные во Франции; что 20 июля гвардия бюргеров спасла город; что все богачи отдают деньги в национальные мастерские; что мэр Гюзэ, "почтенный и честный магистрат", благодетельствует бедным и обществу. Все старые лидеры вызывают недоверие. 8 августа толпа требует увольнения драгун, оружия для всех добровольцев, хлеба по два су за фунт и свободы всем заключенным. 19 августа Национальная гвардия отвергает своих старых офицеров как аристократов и избирает новых. 27 августа толпа вторгается в ратушу и распределяет оружие между собой. 5 сентября двести человек во главе с Трюэлем, председателем нового комитета, захватывают соляной склад и получают соль по шесть су за фунт. В то же время в самых низких кварталах города придумывают историю о том, что нехватка пшеницы объясняется тем, что мэр Юэз и месье де Сен-Жорж, старый комендант, являются монополистами, и теперь о Юэзе говорят то же, что пятью неделями раньше о Фулоне, - "он хочет заставить людей есть сено". Многоголовая скотина свирепо рычит и вот-вот сорвется с места. Как обычно, вместо того чтобы сдерживать его, они пытаются управлять им.

"Вы должны на время отбросить свою власть, - пишет шерифам помощник шерифа из Труа, - и вести себя с людьми как с друзьями; будьте с ними так же ласковы, как с равными, и будьте уверены, что они способны ответить на это".

Так поступает Гюзэ, и даже больше: он не обращает внимания на их угрозы, отказывается обеспечить собственную безопасность и почти приносит себя в жертву.

"Я никому не причинил зла, - восклицает он, - почему же кто-то должен испытывать ко мне неприязнь?"

Его единственная мера предосторожности - обеспечить чем-нибудь несчастных бедняков, когда его не станет: в завещании он завещал 18 000 ливров бедным, а накануне смерти отправил 100 крон в бюро благотворительности. Но что стоят самоотречение и благодеяние против слепой, безумной ярости! 9 сентября, когда три груза муки оказываются негодными, народ собирается и кричит,

"Долой мукомолов! Долой машины! Долой мэра! Смерть мэру, и пусть Трюэль будет поставлен на его место!"

Выйдя из зала суда, Гюэз оказывается сбитым с ног, убитым пинками и ударами, задушенным, затащенным в зал приемов, по голове его бьют деревянным башмаком и сбрасывают с парадной лестницы. Муниципальные служащие тщетно пытаются защитить его; на шею ему надевают веревку и начинают тащить за собой. Священника, умоляющего дать ему возможность спасти хотя бы душу, отталкивают и избивают. Женщина прыгает на распростертого старика, бьет его по лицу и несколько раз тычет ножницами ему в глаза. Его тащат с веревкой на шее до Пон-де-ла-Сель, бросают в соседний брод, а затем вытаскивают, снова тащат по улицам и сточным канавам, с охапкой сена во рту¹³²³.

Тем временем его дом, а также дом лейтенанта полиции, нотариуса Гийо и месье де Сен-Жоржа подвергаются разграблению; грабеж и разрушение продолжаются четыре часа; в доме нотариуса съедено или унесено шестьсот бутылок вина; ценные вещи разделены, а все остальное, вплоть до железного балкона, разрушено или сломано; уходя, бунтовщики кричат, что им еще предстоит сжечь двадцать семь домов и взять двадцать семь голов. "Никто в Труа не ложился спать в ту роковую ночь"... В последующие дни, на протяжении почти двух недель, общество словно растворилось. На улицах развешаны плакаты, запрещающие посещать муниципальных служащие, каноников, прорицателей, привилегированных лиц, видных купцов и даже благотворительных дам; последние так напуганы, что бросают свои конторы, а некоторые уезжают в деревню; другие баррикадируются в своих домах и открывают двери только с саблей в руке. Только к 26-му числу представители организованных слоев населения собираются с силами, чтобы взять верх и арестовать злоумышленников.- Такова общественная жизнь во Франции после 14 июля: магистраты в каждом городе чувствуют, что находятся во власти банды дикарей, а иногда и канибалов. Жители Труа только что пытали Гюэза по примеру гуронов, а жители Кана поступили еще хуже; майор де Бельзанс, не менее невинный и находившийся под клятвенной защитой¹³²⁴, был разрублен на куски, как Лаперуз на островах Фиджи, и женщина съела его сердце.

VI.- Налоги больше не платятся.

Опустошение лесов, новые законы о дичи.

При таких обстоятельствах можно предсказать, будут ли поступать налоги и будут ли муниципалитеты, которые колышутся на каждом народном ветерке, иметь полномочия собирать одиозные доходы.- К концу сентября 1325 года я нашел список тридцати шести комитетов или муниципальных органов, которые в радиусе пятидесяти лье вокруг Парижа отказываются обеспечить сбор налогов. Один из них допускает продажу контрабандной соли, чтобы не возбуждать беспорядков. Другой принял меры предосторожности и разоружил служащих акцизного департамента. В третьем муниципальные служащие первыми обеспечили себя контрабандной солью и контрабандным табаком.

В Перонне и в Хаме, получив приказ восстановить платные палаты, жители разрушают солдатские помещения, ведут всех служащих по домам и приказывают им покинуть город в

течение двадцати четырех часов под страхом смерти. После двадцатимесячного сопротивления Париж положит конец этому делу, заставив Национальное собрание сдаться и добившись окончательного отмены октрои.¹³²⁶ Из всех кредиторов, чью руку каждый чувствовал на своих плечах, казначейство было самым тяжелым, а теперь оно самое слабое; поэтому оно первое, чья хватка должна быть разжата; нет ни одного, который бы вызывал более сильное отвращение или с которым бы обращались более сурово. Особенно ярость всеобщая против сборщиков соляного налога, таможенников и акцизников. Они повсеместно¹³²⁷ подвергают свою жизнь опасности и вынуждены бежать. В Фалезе, в Нормандии, народ угрожает "разрубить на куски директора акциза". В Бинь, в Сентонже, его дом опустошен, бумаги и имущество сожжены; к горлу его сына, ребенка шести лет, приставили нож со словами: "Ты должен погибнуть, чтобы не было больше твоего рода". В течение четырех часов клерки находятся на грани растерзания; благодаря мольбам хозяина поместья, который видит косы и сабли, направленные на его собственную голову, их отпускают только при условии, что они "откажутся от своей работы". И снова, в течение двух месяцев после взятия Бастилии, восстания вспыхивают сотнями, подобно залпу мушкетов, против косвенного налогообложения. 23 июля интендант Шампани сообщает, что "восстание происходит почти во всех городах, находящихся под его командованием". На следующий день интендант Аленсона пишет, что в его провинции "королевские пошлины больше не будут выплачиваться нигде". 7 августа М. Неккер сообщает Национальному собранию, что в двух интендантских округах - Кан и Аленсон - пришлось снизить цену на соль в два раза; что "в бесконечном количестве мест" сбор акциза прекращен или приостановлен; что контрабанда соли и табака осуществляется "конвоями и открытой силой" в Пикардии, в Лотарингии и в Труа-Эвеке; что косвенный налог не поступает, что генеральные приемщики и приемщики хвоста "на свободе" и не могут более выполнять свои обязательства. Общественный доход уменьшается из месяца в месяц; в общественном организме сердце, и без того слабое, слабеет; лишенное крови, которая больше не поступает к нему, оно перестает подавать к мышцам живительный ток, который восстанавливает их истощение и прибавляет им энергии.

"Все контролирующие силы ослаблены", - говорит Неккер, - "все становится жертвой страстей отдельных людей". Где же сила, способная сдерживать их и обеспечивать государству его подати? Духовенство, дворяне, богатые горожане, некоторые смелые ремесленники и фермеры, несомненно, платят, и даже иногда отдают спонтанно. Но в обществе те, кто обладает умом, кто находится в легких обстоятельствах и совестлив, составляют небольшой избранный класс; огромная масса эгоистична, невежественна и нуждается, и пускает свои деньги в оборот только под принуждением; есть только один способ собирать налоги, и это - вымогательство. С незапамятных времен прямые налоги во Франции собирались только судебными приставами и конфискациями; что неудивительно, ведь они отнимают целую половину чистого дохода. Теперь, когда крестьяне каждой деревни вооружены и объединились в группы, пусть сборщик приходит и производит конфискацию, если посмеет!" "Сразу же после декрета о равенстве налогов, - пишет провинциальная комиссия Эльзаса¹³²⁸, - народ вообще отказался вносить какие-либо платежи, пока освобожденные и привилегированные не будут внесены в местные списки". Во многих местах крестьяне угрожают добиться возмещения своих платежей, в других настаивают на том, чтобы указ имел обратную силу и чтобы новые плательщики платили за прошлый год. "Ни один коллектор не осмеливается послать чиновника для сбора податей; ни один из посланных не осмеливается выполнить свою миссию". "Не добрые буржуа" вызывают страх, "а сброд, который заставляет бояться их и всех остальных"; сопротивление и беспорядки повсюду исходят от "людей, которым нечего терять". Они не только освобождаются от налогов, но и узурпируют собственность, заявляя, что, будучи Народом, все, что

принадлежит Народу, принадлежит им. Эльзасские леса опустошаются, как сеньориальные, так и общинные, и уничтожаются с расточительностью детей или маньяков. "Во многих местах, чтобы избежать хлопот по вывозу леса, его сжигают, и люди довольствуются тем, что уносят пепел". После декретов от 4 августа, несмотря на закон, разрешающий владельцу охотиться только в своих угодьях, побуждение нарушить закон становится непреодолимым. Каждый, кто может достать ружье, начинает [действовать](#)¹³²⁹; посевы, которые еще стоят, вырываются с корнем, в господские резиденции вторгаются, палисадники обрываются; сам король в Версале разбужен выстрелами в своем парке. Оленей, телят, ланей, кабанов, зайцев и кроликов убивают тысячами, готовят на украденных дровах и съедают на месте. В течение двух с лишним месяцев по всей Франции идет непрерывная стрельба из мушкетов, и, как в американских прериях, каждое живое животное принадлежит тому, кто его убил. В Шуазеле, в Шампани, не только истреблены все зайцы и куропатки баронства, но и пруды истощены рыбой; в замковый двор даже входят, чтобы обстрелять голубятню и уничтожить голубей, а затем голубей и рыбу, которых у них слишком много, предлагают владельцу для продажи... Эту экспедицию совершают "патриоты" деревни вместе с "контрабандистами и плохими людьми", живущими по соседству; Они стоят в первых рядах при каждом акте насилия, и нетрудно предвидеть, что под их руководством за нападениями на государственных лиц и государственную собственность последуют нападения на частных лиц и частную собственность.

VII.- Нападение на частных лиц и частную собственность.

Аристократы объявлены народу его врагами.

-Влияние новостей из Парижа.

адвокатов.-Отдельные акты насилия.-Всеобщее восстание

крестьянства на востоке.-Война против замков, феодальных

феодальных владений и собственности.-Подготовка к другим жакам.

Действительно, уже существует класс, объявленный вне закона, их называют "аристократами". Этот смертоносный термин, примененный сначала к дворянам и прелатам в Генеральных штатах, которые отказались участвовать в воссоединении трех орденов, был расширен, чтобы охватить всех, чьи титулы, должности, союзы и образ жизни выделяют их из толпы. То, что давало им право на уважение, становится объектом недоброжелательства; а народ, который, хотя и страдал от их привилегий, не относился к ним лично с ненавистью, теперь приучен считать их своими врагами. Каждый из них в своем поместье несет ответственность за злые замыслы, приписываемые его собратям в Версале, а по ложному сообщению о заговоре в центре крестьяне причисляют его к заговорщикам.¹³³⁰ Так начинается крестьянская жакерия, и фанатики, раздувшие пламя в Париже, должны сделать то же самое в провинциях. "Вы хотите знать авторов этой агитации, - пишет один здравомыслящий человек в следственный комитет, - вы найдете их среди депутатов Третьего государства", и особенно среди адвокатов и защитников. "Они рассылают подстрекательские письма своим избирателям, которые получают муниципальные органы,

состоящие как из адвокатов, так и из защитников.... их читают вслух на публичных площадях, а их копии распространяются по всем деревням. В этих деревнях, если кто и умеет читать, кроме священника и хозяина поместья, так это практикующий юрист, "прирожденный враг хозяина поместья, чьего места он жаждет, тщеславный в своих ораторских способностях, озлобленный своей властью и не перестающий чернить все вокруг" ¹³³¹. Весьма вероятно, что именно он сочиняет и распространяет плакаты, призывающие народ от имени короля прибегать к насилию. ¹³³² 23 июля в Секондиньи, в Пуату, ¹³³² лесные рабочие получают письмо, "в котором их призывают напасть на всех окрестных сеньоров и без пощады расправиться со всеми, кто откажется отказаться от своих привилегий...., обещая им, что их преступления не только останутся безнаказанными, но даже будут вознаграждены". Месье Депре-Монпеза, корреспондента депутатов от дворянства, хватают и вместе с сыном тащат в жилище фискального прокурора, чтобы заставить его дать свою подпись; жителям запрещено оказывать ему помощь "под страхом смерти и огня". "Подписывай, - восклицают они, - или мы вырвем твое сердце и подожжем этот дом!" В этот момент появляется соседний нотариус, несомненно, сообщник, с бумагой, заверенной печатью, и говорит ему: "Месье, я только что приехал из Ниорта, где Третье государство сделало то же самое со всеми господами города; одного, который отказался, разрубили на куски на наших глазах" - "Нас заставляют подписать отказ от наших привилегий и дать согласие на одно и то же налогообложение, как будто дворяне еще не сделали этого". Группа дает понять, что будет действовать так же, как и все замки в окрестностях, и террор предшествует или следует за ними. "Никто не смеет писать, - сообщает мсье Депре, - я делаю это с риском для жизни". Дворяне и прелаты повсюду становятся объектами подозрений; деревенские комитеты вскрывают их письма, а сами они вынуждены терпеть обыски в своих домах. ¹³³³ Их заставляют принять новую кокарду: быть дворянином и не носить ее - значит заслуживать повешения. В Мамерсе, в штате Мэн, мсье де Бовуар отказывается ее носить, и его уже готовы посадить на столб и избить. Недалеко от Ла Ф1еш арестован месье де Бриссак, и в Париж отправлено послание, чтобы узнать, отвезут ли его туда, "или тем временем обезглавят". Два депутата от дворянства, господа де Монтессон и де Вассе, приехавшие просить согласия своих избирателей на вступление в Третье государство, узнаны под Мансом; их благородные намерения и обещания избирателям не имеют значения, как и шаг, который они сейчас предпринимают для их выполнения; достаточно того, что они голосовали против Третьего государства в Версале; народ преследует их, разбивает их кареты и грабит их сундуки. -Горе дворянам, особенно если они принимали участие в местном самоуправлении и выступали против народной паники! Месье Кюро, заместитель мэра Манса ¹³³⁴, издавал приказы во время голода и, удалившись в свой замок Нуай, сказал крестьянам, что объявление о приходе разбойников было ложной тревогой; он считал, что нет необходимости бить в колокол тревоги, и все, что нужно, - это сохранять спокойствие. Соответственно, его обвиняют в сговоре с разбойниками, а кроме того, он монополист и скупщик урожая. Крестьяне ведут его вместе с его зятем, месье де Монтессоном, в соседнюю деревню, где есть судьи. По дороге "они тащили свои жертвы по земле, били их, топтали, плевали им в лицо и обмазывали грязью". Месье де Монтессон застрелен, а месье Кюро убит; плотник отрубает обоюдоострым топором головы, и дети несут их под звуки барабанов и скрипок. Тем временем судьи этого места, приведенные силой, составляют официальный отчет, в котором говорится о нахождении в карманах месье де Кюро тридцати луидоров и нескольких векселей банка д'Эскомпт, при обнаружении которых поднимается триумфальный крик: эти улики доказывают, что они собирались скупать стоящую пшеницу! Таков ход народного правосудия. Теперь, когда Третье государство превратилось в нацию, каждая толпа считает себя вправе выносить приговоры, которые она и приводит в исполнение, как над жизнями, так и над имуществом.

Эти взрывы единичны в западных, центральных и южных провинциях; на востоке же пожар носит всеобщий характер. На полосе земли шириной от тридцати до пятидесяти лье, простирающейся с крайнего севера до Прованса. Эльзас, Франш-Конте, Бургундия, Маконне, Божоле, Овернь, Вьеннуа, Дофини - вся эта территория напоминает сплошную мину, которая взрывается в одно и то же время. Первый столб пламени вздымается на границе Эльзаса и Франш-Конте, в окрестностях Бельфора и Везуля, феодального района, в котором крестьянин, обремененный налогами, с большим нетерпением несет тяжелое иго. В его голове, сам того не ведая, разгорается инстинктивный спор. "Доброе Собрание и добрый король хотят, чтобы мы были счастливы, пусть мы им поможем! Они говорят, что король уже освободил нас от налогов, так давайте же избавим себя от уплаты ренты! Долой дворян! Они не лучше сборщиков налогов!" - 16 июля разграблен замок Санси, принадлежащий принцессам де Бофремон, а 18-го - замки Люр, Битен и [Моланс1335](#). 29-го числа несчастный случай, произошедший с фейерверками на народном празднике в доме господина де Месмэ, заставляет представителей низшего сословия поверить, что приглашение, направленное им, было ловушкой, и что от них хотели избавиться путем предательства.[1336](#) Охваченные яростью, они поджигают замок, и в течение следующей [недели1337](#) разрушают три аббатства, разоряют одиннадцать замков и грабят другие. "Все записи уничтожены, реестры и судебные книги унесены, депозиты нарушены" - начиная с этого места, "ураган восстания" пронесся по всему Эльзасу от Гунинга до Ландау.[1338](#) Восставшие вывешивают плакаты с подписью Людовика о том, что в течение определенного времени им будет позволено самим осуществлять правосудие, а в Сундгау хорошо одетый ткач, украшенный синим поясом, выдается за принца, второго сына короля. Они начинают с того, что обрушиваются на евреев, своих наследственных пиявок; они грабят их жилища, делят их деньги между собой и выслеживают их, как ланей. Только в Бале, говорят, прибыло двенадцать сотен этих несчастных беглецов со своими семьями... Расстояние между евреем-кредитором и христианским собственником невелико, и оно скоро сокращается. Ремиремон спасает только отряд драгун. Восемьсот человек атакуют замок Убербрюнн. Аббатство Нойбург взято штурмом. В Гебвиллере 31 июля пятьсот крестьян, подданных аббатства Мурбах, обрушиваются на дворец аббата и дом каноников. Шкафы, сундуки, кровати, окна, зеркала, рамы, даже черепица на крыше и петли на створках разлетаются на куски: "Они разжигают костры на прекрасных инкрустированных полах апартаментов, сжигают библиотеку и документы на право собственности". Великолепная карета аббата так разбита, что ни одно колесо не осталось целым. "Вино течет по подвалам. Один бочонок с шестнадцатью сотнями мер наполовину пропал; тарелки и белье унесены" - общество явно ниспровергается, а вместе с властью переходит и собственность.

Это их слова. Во [Франш-Конте1339](#) жители восьми коммун приходят и заявляют бернардинцам Грас-Дье и Лье-Круассана, "что, будучи Третьим государством, народу пора управлять аббатами и монахами, учитывая, что господство последних длилось слишком долго", и после этого они уносят все титулы на имущество и ренту, принадлежащие аббатству в их коммуне. В Верхней Дофине во время разрушения замка господина де Мюрата человек по имени Ферреоль бил по мебели большой палкой, восклицая: "Эй, вот тебе и Мюрат; ты долго был хозяином, теперь наша очередь!"[1340](#) Те, кто грабит дома и ворует, как разбойники с большой дороги, думают, что защищают свое дело, и на вопрос: "Кто туда ходит?" отвечают: "Мы за разбойников". "Мы за разбойничье Третье государство!" - везде преобладает убеждение, что они облечены властью, и они ведут себя как орда завоевателей по приказу отсутствующего генерала. В Ремиремоне и Люксеиле они выпускают эдикт, в котором говорится, что "все эти разбойничьи нападения, грабежи и разрушения" разрешены. В Дофине лидеры банд заявляют, что у них есть приказ короля. В Оверни "они следуют настоящим приказам, будучи уведомлены, что такова воля его величества".

Нигде мы не видим, чтобы восставшая деревня осуществляла личную месть своему господину. Если люди стреляют по встречным дворянам, то не из личной ненависти. Они уничтожают класс, а не преследуют отдельных людей. Они ненавидят феодальные привилегии, держателей хартий, проклятые пергаменты, на основании которых их заставляют платить, но не дворянина, который, когда живет дома, имеет гуманные намерения, сострадает и даже часто благодетельствует. В Люксе́е аббат, которого с поднятым топором заставляют подписать отказ от прав на двадцать три поместья, прожил среди них сорок шесть лет и был всецело предан им.¹³⁴¹ В кантоне Кремье, "где царит огромный хаос", все дворяне, пишут муниципальные чиновники, "патриоты и благожелатели". В Дофине инженеры, магистраты и прелаты, чьи замки были разграблены, первыми выступили на стороне народа и общественных свобод против министров. В Оверни сами крестьяне "проявляют сильное отвращение к тому, чтобы действовать подобным образом против столь любезных хозяев". Но это необходимо сделать; единственная уступка, которую можно сделать в благодарность за оказанную им доброту, - это не сжигать замок дам Ванес, которые были так милосердны; но они сжигают все свои титулы и трижды пытаются огнем делового агента, чтобы заставить его доставить документ, которого у него нет; затем они вынимают его из огня только наполовину сгоревшим, потому что дамы, стоя на коленях, просят его пощадить. Они похожи на солдат в походе, которые с покорностью выполняют приказы, единственным аргументом для которых является необходимость, и, не считая себя разбойниками, совершают разбойничьи действия.

Но здесь ситуация более трагична, ведь это война посреди мира, война жестокой и варварской толпы против высококультурных, благожелательных и доверчивых людей, которые не ожидали ничего подобного, даже не мечтали о защите и не имели никакой защиты. Граф де Куртиврон с семьей остановился на водопое в Люксе́е у своего дяди, аббата Клермон-Тоннерра, семидесятилетнего старика. 19 июля пятьдесят крестьян из Фужероля врываются в дома сеньора и акцизного сборщика и разрушают их. После этого мэр города сообщает дворянам и магистратам, принимающим воду, что им лучше покинуть дом через двадцать четыре часа, так как "ему сообщили о намерении сжечь дома, в которых они остановились", и он не хотел бы, чтобы из-за их присутствия Люксе́й подвергся этой опасности. На следующий день стража, столь же услужливая, как и мэр, разрешает группе войти в город и силой захватить аббатство: следуют обычные события, вымогаются отречения, разграбляются записи и погреба, похищаются тарелки и другие вещи. Месье де Куртиврон бежит ночью со своим дядей, поднимается тревога, их преследуют, и они с трудом укрываются в Пломбье́ре. Однако буржуазия Пломбье́ра, боясь скомпрометировать себя, вынуждает их уехать. По дороге двести повстанцев угрожают убить их лошадей и разбить карету, и только в Порентруи, за пределами Франции, они наконец обретают безопасность. По возвращении месье де Куртиврон попадает под обстрел банды, только что разграбившей аббатство Люр, и кричит ему вслед: "Давайте расправимся с дворянами!". Тем временем замок Вовилье, куда перевезли его больную жену, опустошен сверху донизу; толпа ищет ее повсюду, и ей удается спастись, спрятавшись на сеновале. Оба хотят бежать в Бургундию, но им сообщают, что в Дижоне "дворяне блокированы народом", а в деревне они грозятся поджечь их дома - убежища нет ни в собственных домах, ни в чужих, ни на дорогах: беглецов останавливают во всех маленьких деревнях и рыночных городках. В Дофине¹³⁴² "настоятельница Сен-Пьер-де-Лион, одна из монахинь, мсье де Перротен, мсье де Беллегарде, маркиз де ла Тур-дю-Пен и шевалье де Муадье арестованы в Шампье вооруженным населением, приведены на берег Сент-Андре, заключены в ратушу, откуда они посылают в Гренобль за помощью", и, чтобы их освободить, Гренобльский комитет вынужден прислать комиссаров. Их единственное убежище - крупные города, где существует хоть какое-то подобие шаткого порядка, и ряды городской стражи, которая марширует из Лиона,

Дижона и Гренобля, чтобы сдержать наводнение. По всей стране разрозненные замки поглощаются народным потоком, и, поскольку феодальные права часто находятся в руках плебеев, он незаметно выходит за пределы своего первого разлива. - Восстанию против собственности нет предела. Оно распространяется от аббатств и замков до "домов буржуазии". ¹³⁴³ Сначала недовольство было ограничено владельцами хартий, теперь оно распространяется на всех, кто чем-либо владеет. Зажиточные крестьяне и священники бросают свои приходы и бегут в города. За путешественников требуют выкуп. Воры, грабители и вернувшиеся каторжники во главе вооруженных банд захватывают все, что попадает им под руку. На таких примерах воспламеняется скупость; в опустевших и беспорядочных владениях, где нет ничего, что указывало бы на присутствие хозяина, все, кажется, переходит к первому встречному. Мелкий фермер, живущий по соседству, унес вино и на следующий день возвращается в поисках сена. Вся мебель замка в Дофине вывезена, вплоть до дверных петель, большим подкреплением телег. "Это война бедных против богатых", - говорит один из депутатов, - и 3 августа Комитет по отчетам заявляет Национальному собранию, что "ни один вид собственности не был пощажен". Во Франш-Конте "почти сорок замков и особняков сеньоров были разграблены или сожжены". ¹³⁴⁴ От Лансеров до Грея разграблены примерно три из пяти замков. В Дофине сожжено или разрушено двадцать семь; пять - в небольшом округе Вьенн, и, кроме того, все монастыри - по меньшей мере девять в Оверни, семьдесят два, как говорят, в Маконне и Божоле, не считая эльзасских. 31 июля Лалли-Толлендаль, войдя в трибуну, получил в руки письма с известиями о бедствиях, в которых перечислялись тридцать шесть замков, сожженных, разрушенных или разграбленных в одной провинции, и подробности еще более ужасного насилия над людьми: ¹³⁴⁵

"В Лангедоке, мсье де Баррас, разрубленный на куски де Баррас, разрубленный на куски в присутствии своей жены, которую собирались заключить в тюрьму и которая в результате умерла; в Нормандии парализованный джентльмен, оставленный на горящей свае и снятый с нее с обожженными руками; во Франш-Конте мадам де Батильи заставили топором по голове отказаться от своих титулов и даже от своего поместья; мадам де Листеней заставили сделать то же самое, приставив вилы к ее шее, а двух ее дочерей - в обмороке у ее ног; графа де Монжустена с женой в течение трех часов держали у его горла пистолет; Их обоих вытащили из кареты и бросили в пруд, где их спас проходящий мимо полк солдат; барон де Монлюстен, один из двадцати двух популярных дворян, провисел час в колодце, слушая дискуссию о том, сбросят ли его вниз или он должен умереть каким-то другим способом; шевалье д'Амбли, вырванный из своего замка и притащенный голым в деревню, уложенный на навозную кучу после вырывания бровей и всех волос, а толпа продолжала танцевать вокруг него."

Посреди распавшегося общества, в котором существует лишь видимость правительства, очевидно, что происходит вторжение варваров, которое завершит террором то, что было начато насилием, и которое, подобно вторжениям норманнов в X и XI веках, закончится покорением и лишением собственности целого класса. Напрасно Национальная гвардия и другие войска, сохранившие верность, пытаются остановить первый поток; напрасно Ассамблея вырывает для него русло и пытается оградить его установленными границами. Декреты от 4 августа и последующие постановления - это всего лишь паутина, натянутая на поток. Более того, крестьяне, накладывая на декреты свое собственное толкование, превращают новые законы в авторитет для того, чтобы продолжать их или начинать заново. Никакой больше ренты, какой бы законной, какой бы легальной она ни была!

"Вчера, - пишет дворянин из Оверни¹³⁴⁶, - нас уведомили, что фруктовые тите (percières) больше не будут выплачиваться, и что пример других провинций лишь подхватывается, которые больше не платят десятину, даже по королевскому указу". Во Франш-Конте "многочисленные общины удовлетворены тем, что они больше ничего не должны ни королю, ни своим сеньорам. . . . Деревни делят между собой поля и леса, принадлежащие дворянам".

Следует отметить, что в трех четвертях Франции до сих пор сохранились хартии и феодальные титулы, что крестьянин заинтересован в их исчезновении и что он всегда вооружен. Чтобы обеспечить новую вспышку жакерий, необходимо лишь отменить централизованное управление, которое и так уже ввергнуто в беспорядок. Это дело Версаля и Парижа; и там, в Париже, как и в Версале, одни, по непредусмотрительности и увлеченности, другие, по слепоте и нерешительности, - вторые по слабости, а первые по жестокости, - все трудятся над его осуществлением.

1301 (возвращение)

[Dusaulx, 374. "Я заметил, что если в то время среди людей было немного тех, кто осмеливался совершать преступления, то было несколько тех, кто желал этого, и что каждый терпел это" - "Archives Nationales", DXXIX, 3. (Письмо муниципальных властей Кремье, Дофине, 3 ноября 1789 г.) "Забота о том, чтобы привести их сначала в подвалы и опьянить, может только дать представление о невероятных эксцессах ярости, которым они предавались при разграблении и сожжении замков"]].

1302 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 4 января 1792 года. ("Revue politique de l'année 1791", автор Малле дю Пан)].

1303 (возврат)

[Albert Babeau, I. 206. (Письмо депутата Камузе де Беломбре от 22 августа 1789 г.) "Исполнительная власть на сегодняшний день полностью исчезла" - Гувернер Моррис, письмо от 31 июля 1789 г: "Эта страна сейчас настолько близка к состоянию анархии, насколько это возможно для сообщества, не распадающегося на части"]].

1304 (возврат)

["Archives Nationales", H. 1453. Письмо М. Амело от 24 июля; H. 784, письмо М. де Ланжерона от 16 и 18 октября.-KK. 1105. Переписка М. де Тиара, 7 и 30 октября, 4 сентября.-Floquet, VII. 527, 555.-Guadet, "Histoire des Girondins" (29 июля 1789 г.)].

1305 (возвращение)

[M. de Rochambeau, "Mémoires", I. 353 (18 июля).-Sauzay, "Histoire de la Persécution Révolutionnaire dans le Département de Doubs", I. 128 (19 июля).-"Archives Nationales", F7, 3253. (Письмо депутатов провинциальной комиссии Эльзаса от 8 сентября). Д. XXIX. I. Записка м-ль

де Латур-дю-Пен от 28 октября 1789 г. - Письмо м-ль де Ланжерон от 3 сентября; письмо Брейтмана, садо-марто, Валь-Сен-Амарин (Верхний Эльзас), от 26 июля].

1306 (возвращение)

[Леонс де Лавернь, 197 г. (Письмо промежуточной комиссии Пуату, последний месяц 1789 г.) - См. Бриссо (Le patriote français, август 1789 г.). "Всеобщее неповиновение преобладает в провинциях, потому что сдерживающие факторы исполнительной власти больше не ощущаются. Что еще недавно служило гарантией этой власти? Интенданты, трибуналы и армия. Интенданты исчезли, трибуналы молчат, а армия выступает против исполнительной власти и на стороне народа. Свобода - не пища для неподготовленных желудков"]].

1307 (возвращение)

["Archives Nationales", D. XXIX. I. (Письмо духовенства, консулов, президиумов и главных купцов Пюи-ан-Веле, 16 сентября 1789 г.) - Н. 1453. (письмо интенданта из Аленсона от 18 июля). "Я не должен оставлять вас в неведении относительно множества вспышек, которые мы имеем во всех частях моей юрисдикции. Безнаказанность, с которой они льстят себе, поскольку судьи боятся раздражать народ примерами суровости, только ободряет их. Злоумышленники, путаясь в честных людях, распространяют ложные сведения о конкретных лицах, которых они обвиняют в сокрытии зерна или в том, что они не принадлежат к Третьему государству, и под этим предлогом грабят их дома, забирая все, что могут найти, причем хозяева избегают смерти только бегством"]].

1308 (возвращение)

[Орган магистратов, образующий один из низших трибуналов].

1309 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 942. (Заметки мсье де Балленвилье, 30 октября 1789 г.)].

1310 (возврат)

["Archives Nationales", D, XXIX. 1. Письмо муниципального собрания Лувье от конца августа 1789 г. - Письмо муниципального собрания Сен-Брис (бейливик Осер) от 25 сентября - Письмо муниципальных чиновников Риси-От, близ Бар-сюр-Сен, от 25 августа; шевалье д'Аллувиля от 8 сентября].

1311 (возврат)

["Archives Nationales", D, XXIX. I. Письмо мсье Бриан-Делессара (Ангулем, 1 августа); мсье Бре, генерал-лейтенанта провиантской службы Мардони, 5 сентября; шевалье де Кастелласа (Овернь), 15 сентября (относится к ночи со 2 на 3 августа); мадам Кампан, II. 65.]

1312 (возвращение)

[Артур Юнг, "Путешествия по Франции", 24 и 31 июля, 13 и 19 августа].

1313 (возврат)

[De Bouillé, 108.- "Archives Nationales", KK. 1105. Корреспонденция М. де Тиара, 20 сентября 1789 г. (по поводу ста пушек, подаренных городу Сен-Бриё). "От них нет ни малейшей пользы, но эта страсть к оружию - временная эпидемия, которой нужно дать утихнуть самой по себе. Люди готовы верить в разбойников и врагов, тогда как ни тех, ни других не существует." - 25 сентября: "Ими движет одно лишь тщеславие, а гордость от обладания пушками - единственный мотив"].

1314 (возвращение)

["Archives Nationales", H. 1453. Письма М. Амело от 17 и 24 июля. "Несколько богатых частных лиц города (Осен) были выкуплены этой бандой, большая часть которой состоит из грубиянов". Письмо девяти земледельцев из Бретей (Пикардия) от 23 июля (их амбары были разграблены до последнего зерна накануне вечером). "Они угрожают разграбить наши посевы и поджечь амбары, как только они наполнятся. К месье Тассару, нотариусу, в его дом пришли люди и угрожают его жизни". Письмо Моро, прокурора короля в суде Сенешаля в Бар-ле-Дюк, 15 сентября 1789 года, D, XXIX, 1. "27 июля народ поднялся и жестоко убил купца, торгующего пшеницей. 27 и 28 числа его дом и дом другого были разграблены" и т. д.].

1315 (возвращение)

[Хроника Доминика Шмутца ("Revue d'Alsace", V. III. 3-я серия). Это его собственные выражения: Gesindel, Lumpen-gesindel.-De Rochambeau, "Mémoires", I. 353.-Arthur Young (очевидец), 21 июля.-Of Dampmartin (очевидец), I. 105. Месье де Рошамбо проявляет обычную нерешительность и отсутствие бодрости: в то время как толпа грабит дома и выбрасывает вещи из окон, он проходит перед своими полками (8000 человек), собранными для действий, и говорит: "Друзья мои, мои добрые друзья, вы видите, что происходит. Какой ужас! Увы! Это ваши бумаги, ваши титулы и титулы ваших родителей". Солдаты улыбаются этой сентиментальной болтовне].

1316 (возвращение)

["Дюмурье" (очевидец), кн. III, гл. 3. Суд был начат и вынесен двенадцатью адвокатами и заседателем, которых народ, взявшись за руки, сам назначил.-Hirpeau, IV. 382.]

1317 (возвращение)

["Archives Nationales", F7 3248. (Письмо мэра, мсье Пуссиауда де Тьерри, 11 сентября)].

1318 (возврат)

["Floquet", VII. 551.]

1319 (возврат)

[De Goncourt, "La Société française pendant la Révolution", 37.]

1320 (возврат)

["Archives Nationales", D. XXIX. 1. Письмо офицеров бейлирика Доле, 24 августа - Sauzay I. 128].

1321 (возврат)

[Аналогичный случай произошел в Страсбурге, через несколько дней после разграбления ратуши. Муниципалитет выделил каждому человеку гарнизона по двадцать су, солдаты оставляют свой пост, освобождают заключенных в Пон-Куверте, устраивают на улицах публичные пиршества с женщинами, выведенными из тюрьмы, и заставляют трактирщиков и содержателей питейных заведений отказаться от провизии. Все магазины закрыты, и в течение двадцати четырех часов офицеры не слушаются". (De Dampmartin, I. 105.)].

1322 (возвращение)

[Albert Babeau, I. 187-273.-Moniteur, II. 379. (Выдержка из приговора прокурора от 27 ноября 1789 г.)].

1323 (возврат)

["Moniteur", там же. Пикар, главный убийца, признался, "что заставил его сильно страдать; что упомянутый сеньор Юэз не умирал, пока они не подошли к гостинице Шодрон; что он, тем не менее, намеревался заставить его страдать еще больше, нанося ему удары в шею на углу каждой улицы, (и) подстроив так, чтобы делать это часто, пока в нем есть жизнь; что день, в который умер месье Юэз, принес ему десять долларов. Гюэз умер, он получил десять франков вместе с шейной пряжкой месье Гюэза, найденной при нем, когда он был арестован во время бегства"].

1324 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 26 сентября 1789 года. Письма офицеров полка Бурбонов и членов генерального комитета Кана -Floquet, VII. 545.]

1325 (возврат)

["Archives Nationales", H. 1453.-Ibid. D. XXIX. I. Записка мсье де ла Тур-дю-Пена от 28 октября].

1326 (возврат)

[Декрет от 5 февраля 1789 года, введен в действие 1 мая следующего года].

1327 (обратно)

["Archives Nationales", D. XXIX. I. Письмо графа де Монтозье от 8 августа с примечаниями мсье Паулиана, директора акцизной службы (восхитительное письмо, скромное и либеральное, заканчивающееся требованием помилования заблудших).-H. 1453. Письмо прокурора

избирательного округа Фалеза от 17 июля и т. д.-Moniteur, I. 303, 387, 505 (заседания 7 и 27 августа и 23 сентября). "Королевские доходы неуклонно сокращаются" - Buchez and Roux, III. 219 (заседание 24 октября 1789 года). Выступление депутации из Анжу: "Шестьдесят тысяч человек вооружены; шлагбаумы разрушены, лошади клерков проданы с аукциона; служащим велено покинуть провинцию в течение восьми дней. Жители заявили, что не будут платить налоги до тех пор, пока существует налог на соль"].

1328 (возвращение)

["Archives Nationales", F7 3253 (письмо от 8 сентября 1789 г.)].

1329 (возврат)

[Артуру Янгу, 30 сентября. "Говорят, что все ржавые ружья в Провансе работают, убивая всевозможных птиц; выстрелы пять или шесть раз падали в мой фаэтон и около моих ушей" - Beugnot, I.142 - "Archives Nationales", D. XXIX. I. Письмо шевалье д'Аллонвиля от 8 сентября 1789 года (близ Бар-сюр-Об). "Крестьяне вооруженными отрядами идут в лес, принадлежащий аббатству Труа-Фонтен, который они вырубают. Они пилят дубы и перевозят их на повозках в Пон-Сен-Дизье, где продают. В других местах они ловят рыбу в прудах и ломают набережные"].

1330 (возвращение)

["Archives Nationales", D. XXIX. 1. Письмо асессора полиции Сен-Флура, 3 октября 1789 года. 31 июля распространяется слух о том, что идут разбойники. 1 августа крестьяне вооружаются. "Они развлекаются выпивкой, ожидая прибытия разбойников; волнение усиливается настолько, что они начинают верить, что господин граф д'Эспиншаль накануне вечером прибыл в Массиак в замаскированном виде, что именно он является автором беспорядков, волнующих провинцию в это время, и что он скрывается в своем замке". На основании этого в окна стреляют, проводятся обыски и т. д.].

1331 (возвращение)

["Archives Nationales", D, XXIX, I, Письмо Этьена Фермье, Навьен, 18 сентября (возможно, что автор, ради осторожности, взял вымышленное имя)]. Буле, депутата от Понтиви, к своим избирателям, представляет собой тип этого декламационного и подстрекательского письма.- Письмо консулов, священников и купцов Пюи-ан-Веле, 16 сентября.- "Древний режим", стр. 396].

1332 (возвращение)

["Archives Nationales", D. XXIX. 1. Письмо М. Депре-Монпеза, бывшего артиллерийского офицера, от 24 июля (с несколькими другими подписями). В тот же день в пятидесяти деревнях объявлена тревога из-за распространившегося слуха, что 7000 разбойников, англичан и бретонцев, вторглись в страну].

1333 (возвращение)

["Archives Nationales", D. XXIX. I. Письмо Бриана-Делессара от 1 августа (посещение кармелитов Ангулема, куда, как утверждается, только что прибыла госпожа де Полиньяк) - Beugnot, I. 140.-Arthur Young, July 20th, etc.-Buche and Roux, IV. 166. Письмо из Мамерса, 24 июля; из Манса, 26 июля].

1334 (возвращение)

[Montjoie, ch. LXXII, p. 93 (согласно актам судопроизводства). В отряде был солдат, служивший под началом мсье де Монтессона и желавший отомстить за наказания, которым он подвергся в полку].

1335 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 20 августа (письмо Везуля от 13 августа).

1336 (возвращение)

[М. де Меммай впоследствии доказал свою невиновность и был реабилитирован общественным решением после двухлетнего разбирательства (заседание 4 июня 1791 г.; Mercure от 11 июня)].

1337 (возвращение)

["Journal des Débats et Décrets", I. 258. (Письмо муниципалитета Везуля от 22 июля; выступление мсье де Тулужона от 29 июля)].

1338 (возвращение)

[De Rochambeau, "Mémoires", I. 353.- "Archives Nationales", F7, 3253. (Письмо М. де Рошамбо от 4 августа.)- Хроника Шмутца (там же), стр. 284. "Archives Nationales", D. XXIX. I. (Письмо госпожи Ферретт из Ремиремона от 9 августа)].

1339 (возврат)

[Sauzay, I. 180. (Письма монахов, 22 и 26 июля)].

1340 (возврат)

["Archives Nationales", D. XXIX. I. (Письмо мсье де Бержерона, адвоката президиума Валанса, от 28 августа, с подробным изложением приговора). Официальный отчет ополчения Лиона, направленный президенту Национального собрания, 10 августа. (Экспедиция в Серрьер, в Дофине, 31 июля)].

1341 (возвращение)

[Письмо графа Куртиврона, заместителя заместителя (очевидца) - "Archives Nationales", D.

XXIX. I. Письмо муниципальных чиновников Кремье (Дофины), 3 ноября. Письмо виконта де Карбоньера (Овернь), 3 августа.- Артур Юнг, 30 июля (Дижон), говорит о дворянской семье, которая почти голая выбралась из своего горящего замка: "Они пользовались уважением соседей; их добродетели должны были вызывать любовь бедняков, для недовольства которых не было причин"].

1342 (возвращение)

["Archives Nationales", XXIX. I. (Письмо комиссии штатов Дофины от 31 июля)].

1343 (возврат)

["Désastres du Mâconnais", автор Puthod de la Maison-Rouge (август, 1789). "Ravages du Mâconnais."-Arthur Young, July 27th.-Buche and Roux, IV. 215, 214.-Меркюр де Франс, 12 сентября 1789 года. (Письмо орлеанского волонтера.) "15 августа восемьдесят восемь грубиянов, называющих себя жнецами, появляются в Басконе, в Босе, а на следующий день - в замке по соседству, где они в течение часа требуют голову сына хозяина поместья, месье Тассена, который может искупить свою вину только взносом в 1600 ливров и разграблением своих подвалов".]

1344 (возвращение)

[Письмо графа де Куртиврона - Артуру Янгу, 31 июля - Буше и Ру, II. 243 - Меркюр де Франс, 15 августа 1789 года (заседание 8-го числа, выступление депутата от Дофине) - Мерме, "Histoire de la Ville de Vienne", 445 - "Archives Nationales", там же (письмо комиссии штатов Дофине, 31 июля) - "Список сожженных или опустошенных замков огромен". Комиссия уже приводит шестнадцать из них.-Путод де ла Мезон-Руж, там же: "Если бы все опустошенные места были упомянуты, пришлось бы привести всю провинцию" (письмо из Макона). "Они не менее разрушили большинство замков и буржуазных жилищ, либо сжигая их, либо снося"].

1345 (возвращение)

[Лалли-Толлендаль, "Второе письмо к моим избирателям", 104].

1346 (возвращение)

[Doniol, "La Révolution et la Féodalité", p.60 (через несколько дней после 4 августа) - "Archives Nationales", N. 784. Письма М. де Ланжерона, военного коменданта в Безансоне, от 16 и 18 октября.-Ibid. , D. XXIX. I. То же письмо, 3 сентября. Артур Юнг (в Провансе, в доме барона де ла Тур-д'Эньи). "Барон сильно пострадал от Революции; огромные территории, принадлежавшие по праву его предкам, были отданы за квитанции, цеусы и другие феодальные платежи, так что нет никакого сравнения между землями, которые остались у него, и теми, которые были отданы его семье. . . . Твердые платежи, которые Ассамблея объявила подлежащими выкупу, с каждым часом уменьшаются до нуля, без тени возмещения. . . Положение дворянства в этой стране плачевно; они опасаются, что им не останется ничего, кроме тех домов, которые толпа позволит сохранить непогашенными; что мелкие фермеры сохраняют свои хозяйства, не выплатив помещику его половину продукции; и что в случае такого отказа в стране фактически нет ни закона, ни власти, чтобы

предотвратить его. Этот замок, великолепный даже в руинах, с состоянием и жизнями владельцев, находится во власти вооруженного сброда"].

ГЛАВА IV. ПАРИЖ.

I.-Париж.

Беспомощность и раздоры властей, народ,
король.

Беспомощность главы правительства и отсутствие дисциплины среди всех его подчиненных в столице гораздо сильнее, чем в провинциях. В Париже есть мэр, Байи; но "с первого дня и самым простым образом "[1401](#) его муниципальный совет, то есть "собрание представителей коммуны, привык осуществлять управление в одиночку, полностью от него отстраняясь". Существует центральная администрация, муниципальный совет, возглавляемый мэром; но "в настоящее время власть существует везде, кроме тех мест, где она должна быть преобладающей; округа делегировали ее и в то же время сохранили ее за собой"; каждый из них действует так, как будто он один и верховный.-Есть второстепенные власти, районные комитеты, каждый со своим председателем, своим секретарем, своими канцеляриями и комиссарами; но толпы на улицах маршируют, не дожидаясь их приказов, а народ, крича под их окнами, навязывает им свою волю; - короче говоря, снова говорит Байи, "все умели командовать, но никто не умел подчиняться".

"Представьте себе, - пишет сам [Лустало1402](#) , - человека, чьи ноги, руки и конечности обладали бы каждая своим умом и волей, чья одна нога желала бы идти, когда другая хотела бы отдохнуть, чье горло закрывалось бы, когда желудок требовал пищи, чей рот пел бы, когда веки отяжелели от сна; и вы получите поразительное представление о состоянии дел в столице".

В Париже существует "шестьдесят республик "[1403](#); каждый район - это независимая, изолированная власть, которая не принимает ни одного приказа без критики, всегда в разногласиях и часто в конфликте с центральной властью или с другими районами. Он принимает доносы, назначает визиты к жителям, посылает депутатов в Национальное собрание, принимает резолюции, размещает свои законопроекты не только в своем квартале, но и во всем городе, а иногда даже распространяет свою юрисдикцию за пределы Парижа. Все входит в его компетенцию, и особенно то, что не должно этого делать. 18 июля

округ [Пти-Огюстен1404](#) "декретирует от своего имени учреждение мировых судей" под названием трибун и сразу же приступает к выборам, выдвигая актера Моле. 30-го числа Ораторский совет отменяет амнистию, объявленную представителями коммуны в Гостиной-де-Виль, и приказывает двум своим членам отправиться за тридцать лье, чтобы арестовать господина де Безенваля. 19 августа Назарете выдает поручение изъять и доставить в Париж оружие, хранящееся в укрепленных пунктах. С самого начала каждое собрание посылало в Арсенал от своего имени и "получало столько патронов и столько пороха, сколько желало". Другие претендуют на право присматривать за Отель-де-Виль и делать выговоры Национальному собранию. Оратория решает, что представители коммуны должны быть приглашены для публичного обсуждения. Сен-Николас де Шан обсуждает вопрос о вето и просит Ассамблею приостановить голосование... Странное зрелище представляют собой эти различные органы власти, противоречащие друг другу и уничтожающие друг друга. Сегодня Отель-де-Виль присваивает пять грузов сукна, отправленных правительством, а округ Сен-Жерве выступает против решения Отеля-де-Виль. Завтра Версаль перехватывает зерно, предназначенное для Парижа, а Париж угрожает, если его не восстановят, пойти на Версаль. Я опускаю нелепые инциденты: [1405](#) анархия по своей сути трагична и гротескна, и в этом всеобщем разрыве вещей столица, как и королевство, напоминает медвежий сад, когда не напоминает Вавилон.

Но за всеми этими разногласиями властей очень скоро обнаруживается настоящий государь, которым является толпа. 15 июля она по собственной воле предпринимает снос Бастилии, и этот народный акт получает одобрение, ибо необходимо поддерживать видимость, даже отдавать приказы после нанесения удара и следовать за ней, когда вести уже невозможно. [1406](#) Через некоторое время после этого было приказано возобновить сбор пошлин у шлагбаумов; однако сорок вооруженных человек явились в свой район и заявили, что если на посты пошлин будут поставлены стражники, то "они будут сопротивляться силе силой и даже пустят в ход свои пушки". "По ложному слуху, что в аббатстве Монмартр спрятано оружие, настоятельницу, мадам де Монморанси, обвиняют в предательстве, и двадцать тысяч человек вторгаются в монастырь. Командир Национальной гвардии и мэр постоянно ожидают бунта; они едва ли осмелятся отлучиться на день, чтобы присутствовать на празднике короля в Версале. Как только толпа может собраться на улицах, взрыв неминуем. "В дождливые дни, - говорит Бейли, - я был совершенно спокоен". Правительство находится под таким постоянным давлением, и народные избранники, наиболее уважаемые магистраты, те, кто пользуется наилучшей репутацией, оказываются во власти толпы, которая с шумом врывается в их двери. В округе [Сен-Рош1407](#), после многих бесполезных отказов, Генеральная Ассамблея, несмотря на все упреки совести и сопротивление разума, вынуждена открыть письма, адресованные Месье, герцогу Орлеанскому, военному, иностранному и морскому министрам. В комитете по вопросам пропитания мсье Серро, который является незаменимым и подтвержден публичной прокламацией, осуждают, угрожают и вынуждают покинуть Париж. Месье де ла Саль, один из самых сильных патриотов среди дворян, находится под угрозой убийства за то, что подписал приказ о перевозке [пороха1408](#); толпа, преследуя его, привязывает веревку к ближайшему фонарю, грабит Отель-де-Виль, выламывает все двери, забирается на колокольню и ищет предателя даже под ковром бюро и между ног избирателей, и только прибытие Национальной гвардии останавливает их ход.

Народ не только выносит приговор, но и исполняет его, причем, как всегда, вслепую. В Сен-Дени Шатель, лейтенант мэра, в чьи обязанности входит распределение муки, за свой счет снизил цену на хлеб: 3 августа его дом в два часа ночи вскрывают, и он укрывается на шпилье; толпа преследует его, перерезает ему горло и тащит его голову по улицам - народ не только

казнит, но и прощает, причем с одинаковой пронизательностью. 11 августа в Версале, когда отцеубийцу собираются сломать на колесе, толпа требует его освобождения, бросается на палача и отпускает его на свободу.¹⁴⁰⁹ Поистине, это власть суверена, подобная власти восточного государя, который по своему усмотрению присуждает жизнь или смерть! Женщину, протестующую против этого скандального помилования, хватают и едва не вешают, ибо новый монарх считает преступлением все, что оскорбляет его новое величество. Он снова принимает публичные и скромные почести. Премьер-министр, прося о помиловании господина де Безенваля в Котле-де-Виль, в присутствии избирателей и публики, выразил это в подходящих словах:

"Перед самым неизвестным, самым непонятным гражданином Парижа я преклоняю колена; у его ног я преклоняю колени".

За несколько дней до этого в Сен-Жермен-ан-Ле и в Пуасси депутаты Национального собрания не только на словах, но и на деле долгое время стоят на коленях на тротуаре на улице и протягивают руки, плача, чтобы спасти две жизни, из которых им дарована только одна... Призовите монарха этими блестящими знаками! Молодые, которые охотно подражают всем действиям, входящим в моду, уже подражают им в миниатюре; в течение месяца, следующего за убийством Бертье и Фулона, Байи сообщает, что гамини на улицах шествуют с головами двух кошек, насаженными на концы двух [шестов](#)¹⁴¹⁰.

II.- Бедственное положение народа.

Нехватка и отсутствие работы.

как набирают людей с исполнительными способностями.

Жалкий монарх, чей признанный суверенитет делает его еще более несчастным, чем он был раньше! Хлеба всегда не хватает, а перед дверями пекарен вереница ожидающих не уменьшается. Напрасно Бейли проводит ночи с комитетом по снабжению; они всегда находятся в состоянии страшной тревоги. Каждое утро в течение двух месяцев есть только один или два дня запаса муки, и часто вечером ее не хватает на следующее утро.¹⁴¹¹ Жизнь столицы зависит от конвоя, который находится в десяти, пятнадцати, двадцати лье от нее и может никогда не прибыть: один конвой из двадцати телег был разграблен 18 июля на Руанской дороге; другой, 4 августа, в окрестностях Лувье. Если бы не швейцарский полк Салиса, который с 14 июля до конца сентября день и ночь марширует в качестве эскорта, ни одна лодка с зерном не достигла бы Парижа из Руана.¹⁴¹² Комиссары, которым поручено делать закупки или следить за экспедициями, подвергают свою жизнь опасности. Тех, кого посылают в провинции, захватывают, и для их доставки приходится отправлять колонну из четырехсот человек с пушками. Тот, кого отправляют в Руан, узнает, что его повесят, если он осмелится войти в это место. В Манте толпа окружает его кабриолет, жители считают того, кто приезжает туда для перевозки зерна, общественным вредителем; ему с трудом удастся выбраться через заднюю дверь и вернуться пешком в Париж.- С самого начала, согласно всеобщему правилу, страх перед дефицитом способствует усилению голода. Каждый делает

запас на несколько дней; однажды в чердаке одной старухи нашли шестнадцать буханок по четыре фунта каждая. Пекарни, рассчитанные на один день, становятся недостаточными, и последние из тех, кто ждет хлеба в булочных, возвращаются домой с пустыми руками. С другой стороны, ассигнования, выделяемые городом и государством для снижения цены на хлеб, лишь удлинляют ряды тех, кто его ждет; деревенские жители стекаются туда и возвращаются домой в свои деревни груженными. В Сен-Дени хлеб подешевел до двух су за фунт, и жителям не осталось ничего. К этому постоянному беспокойству добавляется безработица. Мало того, что нет никакой уверенности в том, что на предстоящей неделе у булочников будет хлеб, многие знают, что на предстоящей неделе у них не будет денег, чтобы купить хлеб. Теперь, когда безопасность исчезла, а права собственности пошатнулись, работы не хватает. Богатые, лишённые феодальных повинностей и, кроме того, ренты, сократили свои расходы; многие из них, подвергаясь угрозам со стороны следственного комитета, подвергаясь домашним визитам и подвергаясь доносам со стороны слуг, эмигрировали. В сентябре М. Неккер сетует на то, что за пятнадцать дней самым богатым жителям было выдано шесть тысяч паспортов. В октябре высокопоставленные дамы, беженки в Риме, сообщают, что их домработницы должны быть выписаны, а дочери помещены в монастыри. До конца 1789 года беглецов в Швейцарии становится так много, что один дом, как говорят, приносит больше арендной платы, чем стоит как капитал. С этой первой эмиграцией, в которой участвуют главные транжиры, граф д'Артуа, принц де Конти, герцог де Бурбон и многие другие, уехали и богатые иностранцы, а во главе их - герцогиня де л'Инфантадо, которая тратила 800 000 ливров в год. В Париже всего три англичанина.

Когда-то это был город роскоши, европейский очаг дорогих и изысканных удовольствий, но как только стекло было разбито, нежные растения погибли, их любители уехали, и теперь нет работы для бесчисленных рук, которые их выращивали. Счастливы те, кто на работах по оказанию помощи получает жалкую сумму, орудуя киркой! "Я видел, - говорит Байи, - как мерсера, ювелиры и торговцы умоляли дать им работу за двадцать су в день". Перечислите, если сможете, в одной или двух признанных профессиях руки, которые ничего не делают: 1413 1 200 парикмахеров содержат около 6 000 подмастерьев; 2 000 других занимаются тем же в частных домах; 6 000 лакеев занимаются только этой работой. Портные состоят из 2 800 мастеров, у которых в подчинении 5 000 рабочих. "Добавьте к этому число частных работников - беженцев в привилегированных местах, таких как аббатства Сен-Жермен и Сен-Марсель, обширные помещения Храма, Сен-Иоанна Латеранского и Фобур Сент-Антуан, и вы обнаружите не менее 12 000 человек, занимающихся кройкой, подгонкой и шитьем". Сколько людей из этих двух групп сейчас бездельничают! А сколько еще ходит по улицам: обойщики, кружевницы, вышивальщицы, веера, позолотчики, карнажисты, переплетчики, гравёры и все прочие производители парижских штучек! Для тех, кто еще работает, сколько дней проходит у дверей булочных и в патрулировании в качестве национальных гвардейцев! Несмотря на запреты Отель-де-Виль, 1414 собираются собрания и открыто обсуждают свое бедственное положение: 3 000 подмастерьев портных у Колоннады, столько же подмастерьев сапожников на площади Людовика XV, подмастерья-парикмахеры на Елисейских полях, 4 000 домашних слуг без мест на подступах к Лувру, - и их предложения не уступают их интеллекту. Слуги требуют изгнать из Парижа савояров, которые вступают с ними в конкуренцию. Подмастерья портные требуют установить дневную зарплату в сорок су и запретить торговцам старой одеждой шить новую. Подмастерья-сапожники заявляют, что те, кто делает обувь по цене ниже установленной, будут изгнаны из королевства. Каждая из этих раздраженных и взволнованных толп содержит в себе зародыш вспышки - и, по правде говоря, эти зародыши можно найти на каждом тротуаре Парижа: у работ по оказанию помощи, которые на Монмартре собирают 17 000 нищих; на рынке, где булочники хотят повесить комиссионеров по муке, и у дверей булочников, из которых двое,

14 сентября и 5 октября, попадают под фонарный столб и едва спасаются от смерти. -В этой страдающей, нищенствующей толпе предприимчивые люди становятся с каждым днем все многочисленнее: они состоят из дезертиров, причем из всех полков; они добираются до Парижа группами, часто по 250 человек за день. Там, "приласканные и накормленные до отвала" ¹⁴¹⁵, получив от Национального собрания по 50 ливров, поддерживаемые королем в пользовании их авансом, развлекаемые округами, из которых один только имеет долг в 14 000 ливров за вино и колбасы, поставленные им, "они приучают себя к большим расходам", к большей свободе, и за ними следуют их товарищи. "В ночь на 31 июля французские гвардейцы, дежурившие в Версале, оставляют короля и отправляются в Париж, без своих офицеров, но с оружием и багажом, чтобы "принять участие в веселье, которое город Париж оказывает их полку". В начале сентября насчитали 16 000 таких дезертиров. ¹⁴¹⁶ Среди тех, кто совершает убийства, эти люди занимают первое место; и это неудивительно, если принять во внимание их происхождение, воспитание и привычки. Это был солдат "Королевского хорватского полка", который вырвал сердце Бертье. Это были три солдата полка Прованса, которые захватили дом Шателя в Сен-Дени и протащили его голову по улицам. Именно швейцарские солдаты в Пасси сбивают комиссаров полиции своими ружьями. Их штаб-квартира находится в Пале-Рояле, среди женщин, чьими орудиями они являются, и среди агитаторов, от которых они получают команды. Отныне все зависит от этого слова, и нам достаточно взглянуть на новых народных вождей, чтобы понять, каким оно будет.

III.- Новые народные вожди.

Их возвышение, их образование, их настроения.
-Их положение... Их советы... Их доносы.

Администраторы и члены районных собраний, агитаторы в казармах, кофейнях, клубах и на улицах, сочинители памфлетов, грошовых газет множатся так же быстро, как жужжащие насекомые вылупляются в знойную ночь. После 14 июля тысячи рабочих мест становятся доступными для освободившихся амбиций; "адвокаты, нотариусы, художники, купцы, лавочники, комики и особенно адвокаты; ¹⁴¹⁷ каждый хочет быть либо офицером, либо директором, либо советником, либо министром нового царствования; а журналы, которые учреждаются десятками, ¹⁴¹⁸ образуют постоянную трибуну, куда приходят ораторы, чтобы судить народ к своей личной выгоде". Философия, попавшая в такие руки, кажется пародией на саму себя; и ничто не сравнится с ее пустотой, разве что ее озорство и успех. Адвокаты в шестидесяти округах собрания пересказывают благозвучные догмы революционного катехизиса. Тот или иной, переходя от вопроса о партийной стене к конституции империй, становится импровизированным законодателем, тем более неисчерпаемым и тем более аплодируемым, что поток его слов, обрушиваясь на слушателей, доказывает им, что любая способность и любое право принадлежат им естественно и законно.

"Когда этот человек открывал рот, - говорит хладнокровный свидетель, - на нас сыпались цитаты и афоризмы, часто относящиеся к уличным фонарным столбам или к прилавку торговца травами. От его звенящего голоса звенели своды; а после того как он проговорил два часа и его дыхание полностью иссякло, восхищенные и восторженные крики, которыми его приветствовали, доходили почти до исступления. Таким образом, оратор вообразил себя Мирабо, а зрители - Учредительным собранием, решающим судьбу Франции".

Журналы и памфлеты написаны в том же стиле. Каждый мозг наполнен дымом самомнения и громких слов; вождь толпы - это тот, кто больше всех бредит, и он направляет дикий энтузиазм, который он усиливает.

Давайте рассмотрим самых популярных из этих вождей; они - зеленые или сухие плоды литературы и адвокатуры. Газета - это прилавок, который каждое утро предлагает их на продажу, и если они подходят перевозбужденной публике, то только благодаря своему кислому или горькому вкусу. Их пустые, непрактичные умы совершенно лишены политических концепций; у них нет ни способностей, ни практического опыта. Десмулену двадцать девять лет, Лустало - двадцать семь, а их интеллектуальный балласт состоит из воспоминаний о колледже, сувениров из юридических школ и общих мест, подхваченных в домах Рейналя и его соратников. Что касается Бриссо и Марата, которые являются показными гуманитариями, то их знания о Франции и других странах состоят из того, что они видели через мансардные окна своих чердаков и утопические зрелища. Для таких пустых или заблудших умов Contrat-Social не мог не стать евангелием; ведь он сводит политическую науку к строгому применению элементарной аксиомы, которая освобождает их от всякого изучения, и отдает общество на волю каприза народа, или, другими словами, отдает его в их собственные руки; таким образом они разрушают все, что осталось от социальных институтов, и настаивают на уравниловке, пока все не будет сведено к одному уровню.

"С моими принципами, - пишет [Десмулен1419](#), - связано удовлетворение от того, что я могу поставить себя на место, показать свою силу тем, кто меня презирал, опустить до своего уровня всех, кого фортуна поставила выше меня: мой девиз - девиз всех честных людей: "Нет вышестоящих!"".

Так, под великим именем Свободы, каждый тщеславный дух ищет своей мести и находит себе пропитание. Что может быть слаще и естественнее, чем оправдывать страсти теорией, быть фактическим в убеждении, что это патриотизм, и прикрывать интересы честолюбия интересами человечества?

Давайте представим себе этих руководителей общественного мнения такими, какими они были тремя месяцами ранее: Десмулен, безвестный барристер, живущий в меблированных квартирах, с мелкими долгами и на несколько луидоров, полученных от своих родственников. Лустало, еще более неизвестный, в предыдущем году был принят в парламент Бордо и приехал в Париж в поисках карьеры. Дантон, еще один второсортный адвокат, выйдя из лачуги в Шампани, занял денег на оплату своих расходов, а его скудное хозяйство поддерживается только за счет луидоров, которые еженедельно выдает ему тесть, содержатель кофейни. Бриссо, бродячий богемец, бывший сотрудник литературных пиратов, пятнадцать лет скитался по свету, не привезя с собой ни из Англии, ни из Америки ничего, кроме пальто на локтях и ложных идей; и, наконец, Марат; писатель, на которого шипели, несостоявшийся ученый и философ, искажитель собственных переживаний, пойманный натурфилософом Шарлем при совершении научного обмана и скатившийся с вершины своего неумеренного честолюбия до подчиненной должности врача в конюшнях графа д'Артуа. - В настоящее время Дантон, председатель кордельеров, может арестовать любого,

кого пожелает, в своем районе, и его бурные жесты и громовой голос обеспечивают ему, пока не найдется что-нибудь получше, управление своей частью города. Слово Марата только что стало причиной убийства майора Бельзунса в Кане. Десмулен с улыбкой триумфа объявляет, что "большая часть столицы считает его одним из главных зачинщиков Революции, и многие даже заходят так далеко, что говорят, что он является ее автором". Можно ли предположить, что, поднятые так высоко столь внезапным рывком судьбы, они захотят накинуть на себя шлейф и снова спуститься вниз? И разве не ясно, что они всеми силами будут помогать восстанию, которое поднимает их на самые высокие вершины? - Кроме того, на подобной высоте мозг закручивается; внезапно поднявшись в воздух и чувствуя, что вокруг них все шатается, они произносят возгласы возмущения и ужаса, видят заговоры со всех сторон, воображают невидимые шнуры, тянущиеся в противоположном направлении, и призывают народ перерезать их. Со всей тяжестью своей неопытности, неспособности и импровизации, своих страхов, легковерия и догматического упрямства они призывают народ к нападкам, и все их газетные статьи или речи сводятся к следующим фразам:

"Сограждане, вы, люди низшего сословия, вы, которые меня слушаете, у вас есть враги при дворе и в аристократии. Отель-де-Виль и Национальное собрание - ваши слуги. Схватите своих врагов сильной рукой, повесьте их, и пусть ваши слуги знают, что они должны ускорить шаг!"

Десмулен называет себя "окружным прокурором виселицы" ¹⁴²⁰, и если он и сожалеет об убийстве Фулона и Бертье, то только потому, что благодаря этому слишком быстрому суду погибли доказательства заговора, что спасло ряд предателей: он сам упоминает двадцать из них бессистемно, и его мало волнует, ошибается ли он.

"Мы находимся в темноте, и хорошо, если верные псы будут лаять даже на всех, кто проходит мимо, чтобы не было страха перед разбойниками".

С этого момента ¹⁴²¹ Марат обличает короля, министров, администрацию, судей, адвокатуру, финансовую систему и академии - все они "подозрительны"; в любом случае народ страдает только по их вине.

"Правительство монополизирует зерно, чтобы заставить нас платить через нос за ядовитый хлеб".

Правительство, опять же в результате нового заговора, собирается блокировать Париж, чтобы с большей легкостью уморить его голодом. Подобные высказывания в такое время - это огненные мечи, брошенные на страх и голод, чтобы разжечь пламя ярости и жестокости. Этой напуганной и постящейся толпе агитаторы и газетчики продолжают повторять, что она должна действовать, и действовать наряду с властями, а если понадобится, то и против них. Другими словами, мы будем делать все, что захотим; мы - единственные законные хозяева;

"В хорошо устроенном правительстве народ как единое целое является настоящим государем: наши делегаты назначаются только для того, чтобы исполнять наши приказы; какое право имеет глина восставать против гончара?"

Опираясь на эти принципы, бурный клуб, занимающий Пале-Рояль, заменяет собой Версальскую ассамблею. Разве у него нет всех титулов для этой должности? Пале-Рояль "спас нацию" 12 и 13 июля. Пале-Рояль, "через своих ораторов и памфлеты", сделал всех и даже солдат "философами". Это дом патриотизма, "место встречи избранных патриотов", будь то провинциалы или парижане, всех, кто обладает избирательным правом, но не может

или не хочет воспользоваться им в своем округе. "Это сэкономит время, если вы придете в Пале-Рояль. Там не нужно обращаться к президенту за правом выступить или ждать своего часа несколько часов. Оратор предлагает свое предложение и, если оно находит сторонников, садится на стул. Если ему аплодируют, оно облекается в надлежащую форму. Если на него шипят, он уходит. Так поступали римляне". Вот настоящее Национальное собрание! Оно выше других полуфеодальных собраний, обремененных "шестьюстами депутатами от духовенства и дворянства", которые так часто вмешиваются и которых "следовало бы выслать на галереи" - здесь чистое Собрание правит нечистым Собранием, и "кафе Фуа претендует на управление Францией".

IV.- Вмешательство народных лидеров в дела правительства.

Их давление на Собрание.

30 июля арестован арлекин, возглавивший восстание в Руане, "в Пале-Рояле¹⁴²² открыто предлагают пойти всем телом и потребовать его освобождения". 1 августа Туре, которого умеренная партия Собрания только что сделала президентом, вынужден уйти в отставку; Пале-Рояль угрожает послать отряд и убить его вместе с теми, кто за него голосовал, и начинают распространяться проскрипционные списки, в которые вписаны несколько депутатов.-С этого времени по всем важнейшим вопросам - отмена феодальной системы, отмена десятины, декларация прав человека, спор о палатах, право вето [короля¹⁴²³](#) - давление извне склоняет чашу весов: так Декларация прав, отвергнутая на тайном заседании двадцатью восемью бюро из тридцати, проталкивается трибунами на публичном заседании и принимается большинством голосов.-Как и до 14 июля, и в еще большей степени, на голосование влияют два вида принуждения, и всегда правящая фракция использует обе руки, чтобы уничтожить своих противников. С одной стороны, эта фракция занимает места на галереях в узлах, состоящих почти всегда из одних и тех же лиц, "пяти или шестисот постоянных актеров", которые кричат по понятным сигналам и по команде.¹⁴²⁴ Многие из них - французские гвардейцы в штатском, которые подстраховывают друг друга: раньше они спрашивали своего любимого депутата, "в котором часу они должны прийти, все ли идет хорошо, и доволен ли он этими дураками парсонами (calotins) и аристократами". Другие состоят из низких женщин под командованием куртизанки-вираго Тероньи де Мерикур, которая расставляет их по местам и дает сигнал для улюлюканья или аплодисментов. Публично и в полном составе, по случаю дебатов о вето, "депутаты подвергаются аплодисментам или оскорблениям со стороны галерей в зависимости от того, произносят они слово "подозрительно" или слово "неопределенно". "Угрозы", - говорит один из них, - "циркулировали; я слышал их со всех сторон вокруг себя". Эти угрозы повторяются при выходе на улицу: "Уволенные хозяевами валеты, дезертиры, женщины в лохмотьях, - угрожают несговорчивым фонарным столбом, - и тычут кулаками в лицо". В самом зале, и гораздо точнее, чем до 14 июля, записываются их имена, и списки, переданные населению", отправляются в Пале-Рояль, откуда их рассылают в переписке и газетах по провинциям.¹⁴²⁵ Таким образом, мы видим второе средство принуждения; каждый депутат отвечает за свой

голос, в Париже - собственной жизнью, а в провинции - жизнью своей семьи. Члены бывшего Третьего государства заявляют, что отказываются от идеи двух палат, потому что "не желают, чтобы их женам и детям перерезали горло". 30 августа Сент-Урюг, самый шумный из лающих в Пале-Рояле, отправляется в Версаль во главе полутора тысяч человек, чтобы завершить преобразование Собрания. Этот садовый клуб с высоты своей великой образованности, честности и безупречной репутации решает, что от невежественных, продажных и сомневающихся депутатов необходимо избавиться". То, что они таковыми являются, не подлежит сомнению, поскольку они защищают королевскую санкцию; их более 600 и более, 120 - депутаты коммун, которые должны быть сначала изгнаны, а затем предстать перед судом. ¹⁴²⁶ Тем временем им, как и епископу Лангра, председателю Национального собрания, сообщают, что "15 000 человек готовы зажечь их замки, и в частности ваш, сударь". Во избежание ошибок секретари Собрания письменно уведомляются, что в провинции будет разослано "2000 писем", чтобы донести до народа поведение злонамеренных депутатов: "Ваши дома служат поручительством за ваши мнения: помните об этом и спасайтесь!" Наконец, утром 1 августа пять депутатий от Пале-Рояля, одну из которых возглавлял Лустало, поочередно направляются в Отель-де-Виль, настаивая на том, чтобы забили барабаны и созвали граждан для смены депутатов или их инструкций, а также для того, чтобы Национальное собрание приостановило обсуждение вопроса о вето до тех пор, пока округа и провинции не смогут выразить свою волю: В сущности, только народ, будучи суверенным и только компетентным, всегда имеет право уволить или заново проинструктировать своих слуг - депутатов". На следующий день, 2 августа, чтобы упростить ситуацию, новые делегаты из того же Пале-Рояля заменяют слова жестами; они прикладывают два пальца к горлу, когда их представляют представителям коммуны, в знак того, что если те не подчинятся, их повесят.

После этого Национальному собранию бесполезно демонстрировать свое возмущение, заявлять, что оно презирает угрозы, и протестовать против своей независимости; впечатление уже произведено. "Более 300 членов коммун, - пишет Мунье, - решили поддержать абсолютное вето". К концу десяти дней большинство из них перешли на сторону короля, некоторые из них - через привязанность к нему, потому что они боялись "всеобщего восстания" и "не хотели подвергать опасности жизнь королевской семьи". Но подобные уступки лишь провоцируют новые поборы. Уличные политики теперь на собственном опыте знают, как жестокое насилие влияет на законную власть. Окрыленные успехом и безнаказанностью, они рассчитывают свои силы и слабость последней. Еще один удар - и они бесспорные хозяева. Кроме того, для дальновидных людей вопрос уже очевиден. Когда агитаторы на улицах и носильщики на углах, убежденные в своей высшей мудрости, навязывают декреты силой своих легких, кулаков и пик, в этот момент опыт, знание, здравый смысл, хладнокровие, гений и рассудительность исчезают из человеческих дел, и все возвращается к хаосу. Мирабо, выступавший за пожизненное вето, видел, как толпа со слезами на глазах умоляла его изменить свое мнение:

"Месье граф, если король получит это вето, что толку от Национального собрания? Мы все станем рабами" ¹⁴²⁷.

Подобные выпады не выдерживают никакой критики, и все пропадает. Уже к концу сентября применимо замечание, которое Мирабо делает графу де ла Марку:

"Да, все потеряно; король и королева будут сметены, и вы увидите, как народ будет топтать их безжизненные тела".

Через восемь дней после этого, 5 и 6 октября, вспыхивают волнения против короля и королевы, против Национального собрания и правительства, против всех правительств, существующих и будущих; буйная партия, правящая в Париже, завладевает вождями Франции, чтобы держать их под строгим надзором и оправдать свои периодические возмущения одним постоянным возмущением.

V.- 5 и 6 октября.

Снова два различных течения объединяются в один поток, чтобы торопить толпу к общему концу. С одной стороны - жажда желудка, с другой - женщины, возбужденные голодом:

"Теперь, когда в Париже нельзя достать хлеба, пойдем в Версаль и потребуем его там; когда среди нас будут король, королева и дофин, они будут обязаны нас накормить"; мы приведем "пекаря, пекариху и мальчика пекаря". -С другой стороны, есть фанатизм и люди, которых толкает необходимость доминировать.

"Теперь, когда наши вожди не подчиняются нам, - пойдем и заставим их немедленно подчиниться нам; король спорит о Конституции и правах человека - заставим его утвердить их; его гвардейцы отказываются носить нашу кокарду - заставим их принять ее; они хотят увезти его в Мец - заставим его приехать в Париж; здесь, под нашими глазами и в наших руках, он, и хромая Ассамблея тоже, будут идти прямо, и быстро, нравится им это или нет, и всегда по верному пути". - Под влиянием этого слияния идей экспедиция [организуется](#)¹⁴²⁸. За десять дней до этого о ней публично заговорили в Версале. 4 октября в Париже женщина предлагает ее в Пале-Рояле; Дантон ревет в Кордельерах; Марат, "один, производит столько же шума, сколько четыре трубы в Судный день". Лустало пишет, что необходим второй революционный пароксизм". "День проходит, - пишет Десмулен, - в проведении советов в Пале-Рояле и на Фобур-Сент-Антуан, на концах мостов и на набережных... в срывании кокард только с одного цвета..... Их срывают и топчут ногами, угрожая фонарным столбом, в случае нового проступка; солдат, пытающийся закрепить свою, передумывает, увидев сотню палок, поднятых против него". ¹⁴²⁹ Это предвестники кризиса; в этом лихорадочном, страдающем теле образовалась огромная язва, и она вот-вот прорвется.

Но, как это обычно бывает, она представляет собой гнойное скопление самых ядовитых страстей и самых низменных побуждений. В нем участвовали самые мерзкие люди. Деньги раздавались свободно. Были ли это происки подчиненных, которые, играя на чаяниях герцога Орлеанского, вымогали у него миллионы под предлогом сделать его генерал-лейтенантом королевства? Или это заслуга фанатиков, которые с конца апреля объединились в клубы, чтобы развратить солдат и возбудить ряженых для того, чтобы сравнять с землей и разрушить все вокруг?¹⁴³⁰ На дорогах и в домах с дурной славой всегда найдутся Макиавелли, готовые взбудоражить нечисть и мерзость обоих полов. В первый же день, когда фламандский полк отправляется в гарнизон Версаля, предпринимается попытка развратить его деньгами и женщинами. Для этого из Парижа присылают шестьдесят

брошенных женщин, а французские гвардейцы приходят и угощают своих новых товарищей. Последних угощают в Пале-Рояле, а трое из них в Версале восклицают, показывая несколько коронок по шесть ливров: "Как приятно ездить в Париж! Всегда возвращаешься с деньгами!" Таким образом, сопротивление преодолевается заранее. Что касается нападения, то женщины должны быть передовым отрядом, потому что солдаты не решатся стрелять в них; их ряды, однако, будут усилены несколькими мужчинами, переодетыми в женщин. При внимательном рассмотрении их легко узнать, несмотря на румяна, по плохо выбритым бородам, голосам и походке.¹⁴³¹ Не было никаких трудностей с тем, чтобы найти мужчин и женщин среди проституток Пале-Рояля и военных дезертиров, которые служат им в качестве громил. Вполне вероятно, что первые одалживали своим любовникам списанные платья, которые у них были в запасе. Ночью все снова собираются в общем месте встречи, на скамьях Национального собрания, где они чувствуют себя так же уютно, как и в собственных домах.¹⁴³² Во всяком случае, первая группа, которая выходит на марш, именно такая, демонстрирующая нарядность и веселость профессии; "большинство из них молодые, одетые в белое, с напудренными волосами и веселым настроением"; многие из них "смеются, поют и пьют", как они делают, отправляясь на пикник в деревню. Трое или четверо из них известны по именам: один из них - со шпагой, а другой - пресловутый Теруань. Мадлен Шабри Луизон, выбранная для обращения к королю, - хорошенькая гризетка, которая продает цветы и, несомненно, что-то еще в Пале-Рояле. Некоторые из них, по-видимому, принадлежат к первому разряду в своем деле, обладают тактом и светскими манерами - предположим, например, что Шамфор и Лаклос прислали своих любовниц. К ним следует добавить прачек, нищих, босоногих женщин и рыбачек, набранных за несколько дней до этого и получивших соответствующее вознаграждение. Это первое ядро, и оно продолжает расти, потому что по принуждению или по согласию отряд включает в себя всех женщин, которых он встречает, швей, портнихи, экономки и даже респектабельные женщины, в чьи дома входят с угрозой отрезать им волосы, если они не придут. К ним следует добавить бродяг, уличных бродяг, грубиянов и грабителей - парижское отребье, которое накапливается и выходит на поверхность при каждом волнении: их можно найти уже в первом часу, за отрядом женщин у отеля де Виль. Другие следуют за ними вечером и ночью. Другие ждут в Версале. Многие, как в Париже, так и в Версале, находятся на жалованье: один, в грязном белесом жилете, чеканит в руке золотые и серебряные монеты... Таков отброс, который, как впереди, так и сзади, катится вместе с народным приливом; что бы ни делали, чтобы остановить поток, он расширяется и оставляет свой след на каждом этапе своего разлива.

Первый отряд, состоящий из четырех или пятисот женщин, начинает действовать, оттеснив охрану отеля де Виль, которая не желает использовать свои штыки. Они распространяются по комнатам и пытаются сжечь все письменные документы, которые им удастся найти, заявляя, что с начала Революции не было ничего, кроме писанины.¹⁴³³ За ними следует толпа мужчин, которые врываются в двери и грабят оружейный магазин. Двести тысяч франков в казначейских билетах похищены или исчезли; несколько человек поджигают здание, другие вешают аббата. Аббат зарублен, а пожар потушен только вовремя: таковы интермедии народной драмы. Тем временем толпа женщин на площади де Грив увеличивается, все время раздается один и тот же непрекращающийся крик: "Хлеба!" и "В Версаль!". Один из покорителей Бастилии, ростовщик Майяр, предлагает себя в качестве вожака. Его принимают, и он бьет в свой барабан; когда он покидает Париж, с ним семь или восемь тысяч женщин и, кроме того, несколько сотен мужчин; путем уговоров ему удастся поддерживать некоторый порядок среди этого сброда вплоть до Версаля, - но это все же сброд, а значит, грубая сила, одновременно анархическая и властная. С одной стороны, каждый, и самый худший из них, делает то, что ему заблагорассудится, что станет очевидным

уже сегодня вечером. С другой стороны, его громоздкая масса сокрушает все авторитеты и отменяет все правила и предписания, что сразу же становится очевидным по прибытии в Версаль. -Допущенные в Собрание, сначала в небольшом количестве, женщины толпятся у дверей, врываются внутрь, заполняют галереи, затем зал, мужчины вместе с ними, вооруженные дубинами, алебардами и пиками, все они идут бок о бок с депутатами, занимают свои скамьи, голосуют вместе с ними и собираются вокруг президента, который, окруженный, подвергаемый угрозам и оскорблениям, в конце концов оставляет свой пост, а его кресло занимает женщина. ¹⁴³⁴ Женщина-рыба командует на галерее, и около сотни женщин вокруг нее кричат или молчат по ее приказу, а она перебивает и оскорбляет депутатов:

"Кто этот оратор? Заткните этого болтуна, он не знает, о чем говорит. Вопрос в том, как добыть хлеб. Пусть говорит папаша Мирабо - мы хотим его послушать".

Приняв декрет о пропитании, вожди требуют дополнения: им должны разрешить входить во все места, где, по их мнению, происходит монополизация, а цена "на хлеб должна быть установлена в шесть су за четыре фунта, а на мясо - в шесть су за фунт".

"Вы не должны думать, что мы дети, с которыми можно играть. Мы готовы к забастовке. Делайте, что вам велено".

Все их политические предписания исходят из этой главной идеи. И далее:

"Отправьте назад фламандский полк - это еще тысяча человек, которых надо кормить, а они вырывают хлеб из наших ртов"; "Накажите аристократов, которые мешают пекарям печь". "Долой черепную коробку; священники - причина наших бед!" - "Месье Мунье, зачем вы поддержали это злодейское вето? Остерегайтесь фонарного столба!"

Под таким давлением депутация Собрания с Председателем во главе отправляется пешком, по грязи, под дождем, под присмотром воющего эскорта женщин и мужчин, вооруженных пиками: после пяти часов ожидания и уговоров она добивается от короля, помимо декрета о пропитании, по поводу которого не было никаких трудностей, принятия, чистого и простого, Декларации прав и его санкции на конституционные статьи - такова независимость короля и Собрания. ¹⁴³⁵ Так устанавливаются новые принципы правосудия, грандиозные контуры Конституции, абстрактные аксиомы политической истины под диктатурой толпы, которая не только слепо требует, но и наполовину сознает свою слепоту.

"Месье президент, - говорят некоторые женщины Мунье, вернувшемуся с королевской санкцией, - будет ли от этого реальная польза? Даст ли это беднякам хлеб в Париже?"

Тем временем вокруг замка бурлит мразь, и брошенные женщины, получающие субсидии в Париже, продолжают свое дело. ¹⁴³⁶ Они пробираются в ряды полка, выстроенного на площади, невзирая на часовых. Теруань, в красном жилете амазонки, раздает им деньги.

"Переходите на нашу сторону, - говорят одни, - мы скоро побьем королевских гвардейцев, снимем с них прекрасные плащи и продадим их".

Другие ложатся на землю, заманивая солдат, и делают такие предложения, что один из них восклицает: "Мы собираемся весело провести время!" До конца дня полк соблазнен; женщины, по их собственному мнению, действовали из лучших побуждений. Когда политическая идея проникает в такие головы, вместо того чтобы облагородить их, она там деградирует; ее единственное следствие - дать волю порокам, которые остатки скромности еще держат в подчинении, и под прикрытием общественного блага дать полную волю

роскошным или свирепым инстинктам. -Страсти, кроме того, усиливаются в результате их взаимного взаимодействия; толпы, шум, беспорядок, тоска и пост заканчиваются состоянием неистовства, из которого не может выйти ничего, кроме головокружительного безумия и ярости. - Это неистовство начало проявляться уже в пути. Уже отправляясь в путь, одна женщина воскликнула,

"Мы привезем голову королевы на конце пики!"¹⁴³⁷

Достигнув Севрского моста, другие добавили,

"Перережем ей горло и сделаем кокарды из ее внутренностей!"

Идет дождь; им холодно, они устали и голодны, и им не достается ничего, кроме куска хлеба, который с трудом и в поздний час раздают на площади д'Армс. Один из отрядов разделяет убитую лошадь, жарит ее и ест полусырой, на манер дикарей. Неудивительно, что под именем патриотизма и "справедливости" в их умах возникают дикие идеи против "членов Национального собрания, которые не согласны с принципами народа", против "епископа Лангрского, Мунье и остальных". Один человек в поношенном старом красном пальто заявляет, что "должен иметь голову аббата Мори, чтобы играть ею в девять кеглей". Но больше всего женское воображение возбуждается против королевы, которая является женщиной и находится на виду.

"Только она одна является причиной всех бед, которые мы терпим, и только она одна должна быть убита и четвертована". -Ночь наступает; происходят акты насилия, а насилие порождает насилие.

"Как бы я был рад, - говорит один человек, - если бы только мог наложить руку на эту дьяволицу и отрубить ей голову на первом же бордюрном камне!"

Ближе к утру некоторые восклицают,

"Где эта проклятая кошка? Мы должны съесть ее сердце... Мы оторвем ей голову, вырежем сердце и поджарим печень!" -С первыми убийствами аппетит к крови пробудился; парижанки говорят, что "они принесли кадки, чтобы унести обрубки королевских гвардейцев", и при этих словах другие хлопают в ладоши. Кто-то из толпы осматривает веревку фонарного столба во дворе Национального собрания и, сочтя ее недостаточно прочной, желает заменить ее другой, "чтобы повесить архиепископа Парижского, Мори и д'Эспремения". Эта убийственная, плотоядная ярость проникает даже в ряды тех, чья обязанность - поддерживать порядок; один из национальных гвардейцев говорит, что "телохранителей надо убить до последнего человека, а их сердца вырвать на завтрак".

Наконец, ближе к полуночи прибывает Национальная гвардия Парижа, но она лишь добавляет один мятеж к другому, так как тоже взбунтовалась против своих [начальников](#)¹⁴³⁸.

"Если мсье де Лафайет не желает сопровождать нас, - говорит один из гренадеров, - мы возьмем себе в командиры старого гренадера".

Придя к такому решению, они отправились к генералу в Отель-де-Виль, и делегаты шести рот изложили ему свои инструкции.

"Генерал, мы не считаем вас предателем, но мы считаем, что правительство нас предает..... Комитет по вопросам пропитания обманывает нас и должен быть удален. Мы хотим отправиться в Версаль, чтобы уничтожить телохранителей и фламандский полк, которые

растоптали национальную кокарду. Если король Франции слишком слаб, чтобы носить свою корону, пусть он ее снимет; мы коронуем его сына, и дело пойдет на лад".

Напрасно Лафайет отказывается и провозглашает речь на площади де Грив; напрасно он сопротивляется в течение нескольких часов, то обращаясь к ним, то принуждая к молчанию. Вооруженные отряды, прибывшие из фобургов Сент-Антуан и Сен-Марсо, увеличивают толпу; они целются в него; другие готовят фонарный столб. Тогда он сходит с места и пытается вернуться в Отель-де-Виль, но его гренадеры преграждают ему путь:

"Морбле, генерал, вы останетесь с нами, вы нас не бросите!".

Как их вождь, он должен следовать за ними; таково же мнение представителей коммуны в Отель-де-Виль, которые посылают ему свое разрешение и даже приказ маршировать, "видя, что он не может отказаться".

Таким образом, пятнадцать тысяч человек достигают Версаля, а перед ними и вместе с ними - тысячи ряженных, защищенных темнотой. С этой стороны версальская национальная гвардия, размещенная вокруг замка, вместе с жителями Версаля, которые преграждают путь машинам, перекрыли все выходы. [1439](#) Король - пленник в своем собственном дворце, он и он, с его министрами и двором, и никакой защиты. Со свойственным ему оптимизмом он доверил внешние посты замка солдатам Лафайета и, проявив гуманное упрямство, которого он будет придерживаться до [последнего](#) [1440](#), запретил своим гвардейцам стрелять по толпе, так что они там только для показухи. С учетом того, что в его пользу говорит общее право, закон и присяга, которую Лафайет только что заставил возобновить свои войска, чего ему было бояться? Что может быть эффективнее для народа, чем доверие к нему и благоразумие? А играя в овечку, можно наверняка приручить грубиянов!

С пяти часов утра они рыщут под потолками дворца. Лафайет, изнемогая от усталости, прилег отдохнуть на час, [1441](#) которого им вполне достаточно. [1442](#) Народ, вооруженный пиками и дубинками, мужчины и женщины, окружает отряд из восьмидесяти восьми национальных гвардейцев, заставляет их стрелять по гвардейцам короля, врывается в дверь, захватывает двух гвардейцев и отрубает им головы. Палач, похожий на студийную модель, с густой бородой, протягивает окровавленные руки и славится этим зрелищем; и это так сильно действует на национальную гвардию, что они уходят, по здравому размышлению, чтобы не видеть подобных зрелищ: таково сопротивление! Тем временем толпа врывается на лестницы, избивает и топчет встречающих стражников, врывается в двери с проклятиями в адрес королевы. Королева убегает; вовремя, в нижнем белье, она укрывается с королем и остальными членами королевской семьи, которые напрасно забаррикадировались в *oeil-de-Voeuf*, дверь которого взломана: здесь они стоят, ожидая смерти, когда прибывает Лафайет со своими гренадерами и спасает все, что можно спасти - их жизни, и ничего больше. Из толпы, сгрудившейся на мраморном дворе, поднимается крик: "В Париж с королем!" - и король подчиняется.

Теперь, когда великий заложник в их руках, согласятся ли они принять второго? Это сомнительно. Когда королева выходит на балкон с сыном и дочерью, раздается крик "Никаких детей!". Они хотят, чтобы она была одна под прицелом их пушек, и она это понимает. В этот момент М. де Лафайет, прикрывая ее щитом своей популярности, появляется на балконе рядом с ней и почтительно целует ей руку. Реакция в этой перевозбужденной толпе мгновенная. И мужчины, и особенно женщины, находящиеся в состоянии нервного напряжения, с готовностью перескакивают из одной крайности в другую, ярость граничит со слезами. Портниха, спутница [Майяра](#) [1443](#), воображает, что слышит, как Лафайет обещает от имени королевы "любить свой народ и быть привязанным к

нему так же сильно, как Иисус Христос к своей Церкви". Люди рыдают и обнимают друг друга; гренадеры сдвигают свои фуражки на головы телохранителей. Все будет хорошо: "народ вернул своего короля" - теперь остается только радоваться, и кортеж движется дальше. В центре - королевская семья и сотня депутатов в каретах, затем идет артиллерия, несколько женщин верхом на пушках; следом - колонна с мукой. Вокруг - гвардейцы короля, за каждым из которых стоит национальная гвардия; затем идет национальная гвардия Парижа, а за ними - мужчины с пиками и женщины, пешие, конные, в экипажах и на телегах; впереди - группа, несущая две отрубленные головы на концах двух шестов, которая останавливается у парикмахерской в Севре, чтобы напудрить и завить эти головы; [1444](#) их заставляют кланяться в знак приветствия и мажут кремом; раздаются шутки и крики смеха; люди останавливаются, чтобы поесть и выпить по дороге, и обязывают стражников звенеть с ними бокалами; они кричат и делают залпы из мушкетов; мужчины и женщины держат друг друга за руки, поют и танцуют в грязи. - Таково новое братство: похоронная процессия законных и легитимных властей, триумф жестокости над разумом, убийственный и политический Марди-гра, грозный маскарад, который, предваряемый знаками смерти, тащит за собой глав Франции, короля, министров и депутатов, чтобы заставить их править, пока они не придут в ярость, чтобы держать их под своими пиками, пока не захочет их зарубить.

VI.- Правительство и нация в руках революционной партии.

На этот раз ошибки быть не может: правление Террора полностью и прочно установлено. В этот самый день толпа останавливает автомобиль, в котором надеется найти месье де Вирье, и, обыскав его, заявляет, что "ищет депутата, чтобы расправиться с ним, а также с другими людьми, список которых у них есть". [1445](#) Через два дня после этого аббат Грегуар сообщает Национальному собранию, что в Париже не проходит и дня без оскорблений церковников и преследования их "ужасными угрозами". Малуэ советуют, что "как только среди ополченцев будут розданы ружья, первым делом их используют, чтобы избавиться от депутатов, которые являются плохими гражданами", и среди прочих - аббат Мори. "Как только я выходил на улицу, - пишет Мунье, - за мной открыто следили. Увидеть меня в моем обществе было преступлением. Где бы я ни появлялся вместе с двумя-тремя своими спутниками, везде говорилось, что там собирается собрание аристократов. Я стал таким объектом ужаса, что они угрожали поджечь загородный дом, в котором я провел двадцать четыре часа; и, чтобы успокоить их, пришлось дать обещание, что ни я, ни мои друзья больше не будут приняты в нем". Через неделю пять или шесть сотен депутатов получили свои [паспорта](#) [1446](#) и были готовы к отъезду. В течение следующего месяца сто двадцать подают прошения об отставке или больше не появляются в Собрании. Мунье, Лалли-Толлендаль, епископ Лангрский и другие покидают Париж, а затем и Францию. Малле дю Пан пишет: "Мнение теперь диктует свой приговор со сталью в руках. Верь или умри - вот анафема, которую произносят пылкие духи, и это во имя Свободы. Умеренность стала преступлением". После 7 октября Мирабо говорит графу де ла Марку:

"Если у вас есть влияние на короля или королеву, убедите их, что они и Франция погибнут, если королевская семья не покинет Париж. Я занят разработкой плана их вывоза".

Он предпочитает все нынешней ситуации, "даже гражданскую войну", ибо "война, по крайней мере, бодрит душу", в то время как здесь, "под диктатурой демагогов, нас топят в слизи". Предоставленный самому себе, Париж через три месяца "несомненно, станет госпиталем и, возможно, театром ужасов". Против этого сброда и его вождей королю необходимо немедленно объединиться "со своим народом", отправиться в Руан, обратиться к провинциям, обеспечить центр общественного мнения и, если потребуется, прибегнуть к вооруженному сопротивлению. Малуэ, со своей стороны, заявляет, что "революция, начиная с 5 октября, "ужасает всех здравомыслящих людей и все партии, но что она завершена и непреодолима". Таким образом, три лучших ума, связанных с Революцией, - те, чьи проверенные пророчества свидетельствуют о гениальности или здравом смысле; единственные, кто в течение двух или трех лет, из недели в неделю, всегда предсказывал мудро, и кто использовал разум в своих демонстрациях - эти трое, Малле дю Пан, Мирабо, Мабуэ, согласны в своей оценке события и в измерении его последствий. Нация скользит вниз по склону, и ни у кого нет ни средств, ни сил, чтобы остановить ее. Король не может этого сделать: "нерешительный и слабый, его характер напоминает смазанные маслом шарики из слоновой кости, которые тщетно пытаются удержать вместе".¹⁴⁴⁷ А что касается Собрания, ослепленного, нарушенного и побуждаемого теорией, которую оно провозглашает, и фракцией, которая ее поддерживает, то каждое его великое постановление лишь ускоряет его падение.

1401 ([возвращение](#))

[Baily, "Mémoires", II. 195, 242].

1402 ([возвращение](#))

[Элизе Лустало, журналист, редактор газеты "Революции Парижа", был молодым юристом, проявившим природный гений к новаторской журналистике. Ему суждено было умереть уже в 1790 году. (SR.)]

1403 ([возврат](#))

[Montjoie, ch. LXX, p. 65.]

1404 ([возврат](#))

[Baily, II. 74, 174, 242, 261, 282, 345, 392].

1405 ([возврат](#))

[Такие, как визиты в дома и аресты, очевидно, произведенные сумасшедшими. ("Archives de la Préfecture de Police de Paris.") - И Монжуа, гл. LXX. с.67. Экспедиция Национальной гвардии против мнимых разбойников, срывающих посевы в Монморанси, и залп, произведенный в воздухе. Завоевание Иль-Адама и Шантийи].

1406 (возвращение)

[Baily, II. 46, 95, 232, 287, 296.]

1407 (возвращение)

["Archives de la Préfecture de Police", протокол заседания секции Бутте-де-Мулен, 5 октября 1789 г.].

1408 (возврат)

[Baily, II. 224.-Dusaulx, 418, 202, 257, 174, 158. Перевозимый порох назывался poudre de traite (транспорт); народ понимал его как poudre de traître (предатель). Месье де ла Саль был близок к гибели из-за добавления г. Именно он принял командование Национальной гвардией 13 июля].

1409 (возвращение)

[Floquet, VII. 54. Такая же сцена произошла в Гранвиле, в Нормандии, 16 октября. Женщина убила своего мужа, а солдат, который был ее любовником, - ее сообщника; женщину собирались повесить, а мужчину сломать на колесе, когда народ с криком "Нация имеет право на помилование" срывает эшафот и спасает обоих убийц].

1410 (возвращение)

[Baily, II. 274 (17 августа).

1411 (возвращение)

[Baily, II, 83, 202, 230, 235, 283, 299].

1412 (возвращение)

["Меркюр де Франс", номер за 26 сентября - De Goncourt, p. 111].

1413 (возврат)

[Mercier, "Tableau de Paris", I, 58; X. 151].

1414 (возвращение)

[De Ferrières, I. 178.-Buche and Roux, II. 311, 316.- Bai11y, II. 104, 174, 207, 246, 257, 282.]

1415 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 5 сентября 1789 года. Письма Горация Уолпола, 5 сентября 1789 г. - М. де Лафайет, "Mémoires", I. 272. В течение недели после 14 июля 6000 солдат дезертировали и

перешли на сторону народа, кроме того, 400 и 800 швейцарских гвардейцев и шесть батальонов французской гвардии, которые остаются без офицеров и делают все, что им заблагорассудится. Сюда стекаются бродяги из соседних деревень, и в Париже насчитывается более "30 000 чужаков и бродяг"].

1416 (возвращение)

[Bailly, II. 282. Толпа дезертиров была настолько велика, что Лафайет был вынужден поставить караул у барьеров, чтобы не допустить их в город. "Без этой меры предосторожности вся армия вошла бы внутрь"].

1417 (возвращение)

[De Ferrières, I. 103.- De Lavalette, I. 39.- Bailly, I. 53 (об адвокатах). "Можно сказать, что успех Революции - заслуга этого класса."-Marmontel, II. 243 "С первых выборов в Париже в 1789 году я заметил, - говорит он, - этот вид беспокойных интриганов, спорящих друг с другом, чтобы быть услышанными, нетерпеливых, чтобы заявить о себе.... Хорошо известно, какой интерес имело это тело (юристы), чтобы изменить Реформу на Революцию, Монархию на Республику; цель была организовать для себя вечную аристократию."-Buche and Roux, II. 358 (статья К. Десмулена). "В округах все истощают свои легкие и свое время, пытаясь стать президентом, вице-президентом, секретарем или заместителем секретаря"].

1418 (возвращение)

[Эжен Хатин, "История прессы", т. V, с. 113. "Le Patriote français" Бриссо, 28 июля 1789 г. - "L'Ami du Peuple" Марата, 12 сентября 1789 г. - "Annales patriotiques et littéraires" Кappa и Мерсье, 5 октября 1789 г. - "Les Révolutions de Paris", главный редактор Лустало, 17 июля 1789 г. - "Le Tribun du peuple", письма (середина 1789 г.).- "Революции Франции и Брабанта" К. Десмулена, 28 ноября 1789 г.; его "France libre" (кажется, за август, а "Discours de la Lanterne" - за сентябрь); "Moniteur" появляется только 24 ноября 1789 г. В последующих семидесяти номерах, вплоть до 3 февраля 1790 года, дебаты Собрания были выписаны, усилены и облечены в драматическую форму. Все номера, предшествующие 3 февраля 1790 года, являются результатом компиляции, выполненной в IV году. Повествовательная часть за первые шесть месяцев революции не представляет ценности. Отчет о заседаниях Собрания более точен, но для подробной истории Национального собрания его следует пересматривать от заседания к заседанию и от речи к речи. Основными современными источниками являются "Le Mercure de France", "Le Journal de Paris", "Le point de Jour" Баррепа, "Courrier de Versailles" Горсаса, "Courrier de Provence" Мирабо, "Journal des Débats et Décrets", официальные отчеты Национального собрания, "Bulletin de l'Assemblée Nationale" Марата, а также вышеупомянутые газеты за период после 14 июля и речи, которые печатаются отдельно.]

1419 (возврат)

[К. Десмулен, письма от 20 сентября и последующих дней. (Он цитирует отрывок из Лукана в указанном смысле).- Brissot, "Mémoires", passim.- Биография Дантона, написанная Robinet. (См. свидетельства мадам Ролан и Русселена де Сент-Альбена)].

1420 (возвращение)

["Discours de la Lanterne". См. эпиграф к гравюре].

1421 (возвращение)

[Buche and Roux; III. 55; статья Марата, 1 октября. "Вымести всех подозреваемых из Отеля-де-Виль. . . . Сократите число депутатов коммун до пятидесяти; не позволяйте им оставаться на своем посту более месяца или шести недель и заставляйте их вести дела только публично" - и II. 412, другая статья Марата.- Там же. III. 21. Статья Лусталота.- С. Desmoulins, "Discours de la Lanterne", passim.-Bailly, II. 326.]

1422 (возвращение)

[Mounier, "Des causes qui ont empêché les Français d'être libere", I. 59.-Lally-Tollendal, второе письмо, 104.-Bailly, II. 203].

1423 (возвращение)

[Де Буйе, 207.- Лалли-Толлендаль, там же, 141, 146.- Мунье, там же, 41, 60].

1424 (возвращение)

["Меркюр де Франс", 2 октября 1790 года (статья Малле дю Пана: "Я это видел"). Уголовное разбирательство в Шатле по поводу событий 5 и 6 октября. Показания депутата мсье Фейделя, № 178.- Де Монлозье, i. 259.- Десмулен (Ла Лантерн). "Некоторых членов коммун постепенно завоевывают пенсиями, планами сколотить состояние и лестью. К счастью, неподкупные галереи всегда на стороне патриотов. Они представляют народных трибунов, сидящих на скамьях при обсуждении сената и обладающих правом вето. Они представляют метрополию, и, к счастью, именно под батареями метрополии создается конституция". (К. Десмулен, простодушный политик, всегда выпускает кота из мешка)].

1425 (возвращение)

["Procédure du Châtelet", Ibid. Показания М. Малуэ (№ 111). "Я получал каждый день, так же как и М. М. Лалли и Мунье, анонимные письма и списки проскрипций, в которые мы были вписаны. Эти письма предвещали скорую и насильственную смерть каждому депутату, выступавшему за власть короля"].

1426 (возвращение)

[Buche and Roux, I. 368, 376.--Bailly, II. 326, 341.-Mounier, ibid., 62, 75].

1427 (возвращение)

[Этьен Дюмон, 145.- Переписка между графом де Мирабо и графом де ла Марком].

1428 (возврат)

["Procédure criminelle du Châtelet", Deposition 148.-Buche and Roux, III. 67, 65. (Рассказ Десмулена, статья Лустало.) Mercure de France, номер за 5 сентября 1789 года. "Вечером в воскресенье, 30 августа, в Пале-Рояле потребовали изгнания нескольких депутатов всех сословий, и особенно некоторых из Дофине... Они говорили о том, чтобы привезти в Париж короля, а также дофина. Всех добродетельных граждан, всех неподкупных патриотов увещевали немедленно отправиться в Версаль"].

1429 (возвращение)

[Эти акты насилия не были репрессиями; на банкете телохранителей (1 октября) ничего подобного не происходило. "Среди всеобщей радости, - рассказывает очевидец, - я не слышал оскорблений ни в адрес Национального собрания, ни в адрес народной партии, ни в адрес кого бы то ни было. Единственными криками были: "Да здравствует король! Да здравствует король! Мы будем защищать их до смерти!" (Madame de Larochejacquelein, р.40.-Ibid. Мадам Кампан, еще одна свидетельница.)- Однако, похоже, несомненно, что младшие члены Национальной гвардии в Версале развернули свои кокарды, чтобы быть похожими на других людей, и также вероятно, что некоторые дамы раздали белые кокарды. Остальное - история, придуманная до и после события, чтобы оправдать восстание.- См. Лероль, "История Версаля", II. 20-107. Ibid. р. 141. "Что касается запрета национальной кокарды, то все свидетели это отрицают". Автор клеветы - Горсас, редактор "Версальского курьера"]].

1430 (возврат)

["Криминальный процесс в Шатле" (Procédure Criminelle du Châtelet). Показания 88, 110, 120, 126, 127, 140, 146, 148.-Мармонтель, "Mémoires", разговор с Шамфортом в мае 1789 г.- Морель, "Mémoires", I. 398. (По свидетельству Гарата, Шамфор отдал все свои сбережения, 3 000 ливров, на покрытие расходов, связанных с маневрами такого рода.)-Малуэ (II. 2). знал четырех депутатов, "принимавших непосредственное участие в этом заговоре"]].

1431 (возвращение)

["Криминальный процесс в Шатле" (Procédure Criminelle du Châtelet). 1-е. О фламандских солдатах. Показания 17, 20, 24, 35, 87, 89, 98.-2-е. О мужчинах, переодетых женщинами. Показания 5, 10, 14, 44, 49, 59, 60, 110, 120, 139, 145, 146, 148. Прокурор назначает шестерых из них к изъятию.-3-е. О состоянии женщин экспедиции. Показания 35, 83, 91, 98, 146 и 24.-4-е. О розданных деньгах. Ведомости 49, 56, 71, 82, 110, 126].

1432 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 61. "Ночью среди этих людей происходили сцены, не очень приличные, о которых свидетель счел бесполезным рассказывать"]].

1433 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 35, 44, 81.- Buche and Roux, III. 120. (Протокол заседания Коммуны, 5 октября.) Journal de Paris, 12 октября. Через несколько дней после

этого мсье Пик, секретарь прокурора, принес "пакет со 100 000 франков, который он спас из рук врагов", а другой пакет с банкнотами был найден брошенным в суматохе в квитанционный ящик].

1434 (возврат)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 61, 77, 81, 148, 154.-Дюмон, 181.-Мунье, "Оправдательные показания" и особенно "Факты, относящиеся к последнему восстанию"].

1435 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 168. Выходя из апартаментов короля, свидетель видит "несколько женщин, одетых как рыбные бабы, одна из которых, с красивым лицом, держит в руке бумагу и, подняв ее, восклицает: "Он! Ф..., мы заставили его подписать". "]

1436 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 89, 91, 98. "Обещали все, даже поднимали перед собой нижнее белье"].

1437 (возвращение)

["Криминальная прокуратура Шатле", показания 9, 20, 24, 30, 49, 61, 82, 115, 149, 155].

1438 (возврат)

["Криминальная прокуратура Шатле". Показания 7, 30, 35, 40.- См. Лафайет, "Мемуары", и мадам Кампан, "Мемуары"].

1439 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 24. Несколько мальчишек-мясников бегут за каретами, выезжающими с улицы Пти-Экюри, с криками: "Не дайте проклятым сбежать!"].

1440 (возвращение)

["Криминальная хроника Шатле". Показания 101, 91, 89 и 17. Месье де Миомандр, телохранитель, мягко говорит грубиянам, поднимающимся по лестнице: "Друзья мои, вы любите своего короля, и все же пришли досаждать ему даже во дворце!"].

1441 (возвращение)

[Malouet, II. 2. "Я не чувствовал недоверия", - пишет Лафайет в 1798 году; "народ обещал сохранять спокойствие"].

1442 (обратно)

["Procédure Criminelle du Chatelet". Показания 9, 16, 60, 128, 129, 130, 139, 158, 168, 170.- М. дю Репер, телохранитель, с двух часов ночи стоит часовым у перил, какой-то человек просовывает пикку сквозь прутья со словами: "Вы вышивали б... . скоро придет твой черед". Месье де Репер "удаляется в будку часового, не сказав ни слова этому человеку, учитывая отданный приказ не действовать"].

1443 (возвращение)

["Procédure Criminelle du Châtelet". Показания 82, 170 - Мадам Кампан. II. 87.-De Lavalette, I.33.-Cf. Bertrand de Molleville, Mémoires].

1444 (возвращение)

[Duval, "Souvenirs de la Terreur", I. 78. (Сомнительно почти во всем, но здесь он очевидец. Он обедал напротив парикмахерской, у перил парка Сен-Клу.) - Второе письмо М. де Лалли-Толлендаля к другу. "В тот момент, когда король въезжал в свою столицу с двумя епископами из своего совета в карете, раздался крик: "К фонарному столбу с епископами!""].

1445 (возвращение)

[De Montlosier, I. 303.-Moniteur, заседания 8, 9 и 10 октября.-Malouet, II. 9, 10, 20.-Mounier, Recherches sur les Causes, etc., и "Adresse aux Dauphinois"].

1446 (возвращение)

[De Ferrières, I. 346. (9 октября 300 членов уже забрали свои паспорта.) Mercure de France, № от 17 октября. Переписка Мирабо и М. де ла Марка, I. 116, 126, 364].

1447 (возвращение)

[Переписка Мирабо и М. де ла Марка, I.175. (Слова Месье к М. де ла Марку)].

КНИГА ВТОРАЯ. УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

ГЛАВА I.- УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ХОРОШИХ ЗАКОНОВ.

Разработка национальной конституции - одно из самых трудных дел в этом мире, особенно если она должна быть полной и всеобъемлющей. Заменить старые структуры, в которых жил великий народ, новым, другим, подходящим и долговечным сводом законов, наложить форму из ста тысяч отсеков на жизнь двадцати шести миллионов человек, построить ее так гармонично, приспособить так хорошо, так тесно, с таким точным учетом их потребностей и способностей, чтобы они вошли в нее сами и двигались по ней без столкновений, и чтобы их спонтанная активность сразу обрела легкость привычной рутины, - это необычайная задача и, вероятно, не под силу человеческому разуму. В любом случае, разум требует всех своих сил, чтобы осуществить задуманное, и он не может достаточно тщательно защитить себя от всех источников помех и ошибок. Собрание, особенно Учредительное собрание, требует, внешне, безопасности и независимости, внутренне - тишины и порядка, а в целом - спокойствия, здравого смысла, практических способностей и дисциплины под руководством компетентных и признанных лидеров. Находим ли мы что-нибудь из этого в Учредительном собрании?

I.-Эти условия отсутствуют в Собрании

Причины беспорядка и неразумности - Место проведения заседания
-большое количество депутатов -вмешательство галерей
-Отсутствие, недостатки или игнорирование правил процедуры.
парламентские лидеры - восприимчивость и чрезмерное возбуждение
Собрание - его пароксизмы энтузиазма - его склонность к эмоциям.-Поощряет театральные представления-изменения, которые которые эти проявления вносят в его благие намерения.

Достаточно взглянуть на нее внешне, чтобы у нас возникли сомнения. В Версале, а затем в Париже заседания проходят в огромном зале, вмещающем 2 000 человек, в котором самый мощный голос должен быть напряжен, чтобы быть услышанным. Он не рассчитан на умеренный тон, подходящий для обсуждения дел; оратор вынужден кричать, и напряжение голоса передается разуму; само место располагает к декламации, и это тем более легко, что собрание состоит из 1 200 человек, то есть это толпа, почти толпа. В настоящее время (1877) в наших собраниях, состоящих из пяти или шестисот депутатов, постоянно прерываются и непрерывно шумят; нет ничего более редкого, чем самообладание и твердая решимость уделить час внимания речи, противоречащей мнению слушателей... Что можно сделать здесь, чтобы заставить молчать и терпеть? Артур Янг в разных случаях видит "сотню членов

на полу одновременно", кричащих и жестикулирующих. "Господа, вы меня убиваете!" - говорит однажды Бейли, падая от усталости. Другой председатель в отчаянии восклицает: "Двести человек, говорящих одновременно, не могут быть услышаны; неужели вы сделаете невозможным восстановление порядка в Ассамблее?" Грохот, разноголосый шум еще больше усиливается шумом на галереях.²¹⁰¹

"В британском парламенте, - пишет Малле дю Пан, - я видел, как галереи в мгновение ока очистились, потому что герцогиня Гордон нечаянно рассмеялась слишком громко".

Здесь толпа зрителей, зрителей, делегатов из Пале-Рояля, солдат, переодетых в гражданскую одежду, и проституток, собранных и отряженных, аплодирует, хлопает в ладоши, топает и улюлюкает в свое удовольствие. Это доходит до такой степени, что месье де Монлозье иронично предлагает "дать галереям право голоса в обсуждениях".²¹⁰² Другой член Комитета желает знать, не являются ли представители столь многочисленными актерами, которых нация посылает туда, чтобы они терпели шипение парижской публики. Перебивания, действительно, происходят как в театре, и часто, если члены не получают удовлетворения, их заставляют прекратить выступление. С другой стороны, депутаты, пользующиеся популярностью у этой энергичной публики, за которой они следят, являются актерами перед софитами: они невольно поддаются ее влиянию и преувеличивают свои идеи, а также слова, чтобы быть с ней в унисон. Беспорядки и насилие в таких обстоятельствах становятся само собой разумеющимися, а шансы на то, что Ассамблея будет действовать разумно, уменьшаются вдвое; превратившись в клуб агитаторов, она перестает быть конклавом законодателей.

Давайте войдем и посмотрим, как это будет происходить. Обремененный, окруженный и взволнованный, он принимает по крайней мере те меры предосторожности, без которых ни одно собрание людей не может управлять собой. Когда несколько сотен человек собираются вместе для обсуждения, очевидно, что необходима некая внутренняя полиция; прежде всего, некий кодекс принятых обычаев, некие письменные прецеденты, с помощью которых можно подготовить, определить, рассмотреть в деталях и должным образом принять свои акты. Лучшие из таких кодексов уже под рукой: по просьбе Мирабо Ромилли прислал постоянные постановления английской палаты общин.²¹⁰³ Но с самонадеянностью новичков они не обращают внимания на этот кодекс; они считают его ненужным для себя; они ничего не заимствуют у иностранцев; они не придают никакого значения опыту, и, не довольствуясь отвержением предписанных им форм, "их с трудом можно заставить следовать каким бы то ни было правилам". Они оставляют поле деятельности открытым для импульсивности отдельных лиц; любой вид влияния, даже влияние депутата, даже избранного ими самими, вызывает у них подозрение; отсюда их выбор нового президента каждые две недели. Они не подчиняются никакому ограничению или контролю, ни юридическому авторитету парламентского кодекса, ни моральному авторитету парламентских вождей. Они не имеют таковых; они не объединены в партии; ни с одной, ни с другой стороны нет признанного лидера, который назначает время, организует дебаты, составляет предложения, распределяет части, дает волю или сдерживает своих сторонников. Мирабо - единственный, кто способен добиться такого превосходства; но при открытии Собрания он дискредитирован известностью своих пороков, а под конец скомпрометирован связями с двором. Ни один из них не обладает достаточным авторитетом, чтобы иметь какое-либо влияние; среди них слишком много средних и слишком мало выдающихся талантов; кроме того, их самолюбие еще слишком сильно, чтобы позволить себе какие-либо уступки. Каждый из этих импровизированных законодателей удовлетворен своей собственной системой, и чтобы подчиниться лидеру, которому он доверил бы свою политическую совесть, чтобы

сделать из него то, чем должны быть три из четырех этих депутатов, - машину для голосования, потребовалось бы предчувствие опасности, болезненный опыт, вынужденная капитуляция, которую он далеко не всегда может осуществить.²¹⁰⁴ По этой причине, за исключением агрессивной партии, каждый действует как его собственный вождь, в соответствии с импульсом момента, и путаницу можно себе представить. Незнакомые люди, наблюдающие это, поднимают руки в жалости и изумлении. "Они ничего не обсуждают в своем собрании, - пишет Гувернер Моррис,²¹⁰⁵ - большая половина времени уходит на крики и улюлюканье..... Каждый человек, которому разрешено говорить, выдает результат своих смакований", среди этого шума, занимая свою очередь, как положено, не отвечая предшественнику и не получая ответа от преемника, никогда не встречая аргумент за аргументом; так что, пока стрельба длится бесконечно, "все их выстрелы раздаются в воздух". Прежде чем сообщить об этом "ужасающем грохоте", газеты дня вынуждены делать всевозможные вырезки, отсекают "бессмыслицу" и сокращают "раздутый и напыщенный стиль". Болтовня и шум - вот суть большинства этих знаменитых заседаний.

"Вы слышали, - пишет один журналист, - больше криков, чем речей; заседания, казалось, чаще заканчивались драками, чем постановлениями... . Двадцать раз я говорил себе, уезжая, что если что и может остановить и повернуть ход революции, так это картина этих заседаний, сделанная без всякой осторожности и приспособления... Поэтому все мои усилия были направлены на то, чтобы изобразить правду, не делая ее отталкивающей. Из того, что было просто ссорой, я сотворил сцену... Я передал все чувства, но не всегда одними и теми же словами. Я переводил их крики в слова, их яростные жесты в позы, а когда мне не удавалось внушить уважение, я старался вызвать эмоции".

От этого зла нет никакого средства; ведь, помимо отсутствия дисциплины, существует внутренняя и фундаментальная причина беспорядка. Эти люди слишком восприимчивы. Они французы, причем французы восемнадцатого века; воспитанные в обстановке величайшей утонченности, привыкшие к почтительным манерам, к постоянным любезностям и взаимным обязательствам, настолько проникнутые инстинктом хорошего воспитания, что их разговор кажется незнакомцам почти **бессодержательным**²¹⁰⁶. -И вдруг они оказываются на тернистой почве политики, подвергаются оскорбительным дебатам, грубым противоречиям, ядовитым обличениям, постоянному презрению и открытой инвективе; вступают в бой, в котором используются все виды оружия, свойственные парламентской жизни, и в котором самые стойкие ветераны едва ли способны сохранить хладнокровие. Судите, как все это действует на неопытные, сильно натянутые нервы, на людей, привыкших к удобствам и дружелюбию всеобщего урбанизма. Тем более что они не ожидали битвы, а, напротив, праздника, величественной и очаровательной идиллии, в которой все, рука об руку, со слезами на глазах соберутся вокруг трона и спасут страну во взаимных объятиях. Неккер сам устраивает, как в театре, зал, в котором будут проходить заседания **Ассамблеи**²¹⁰⁷. "Он не был склонен рассматривать собрания Генеральных штатов как нечто иное, кроме как мирное, внушительное, торжественное, благородное зрелище, которым будет наслаждаться народ"; и когда идиллия внезапно сменяется драмой, он так пугается, что ему кажется, будто произошел оползень, грозящий ночью разрушить каркас здания.²¹⁰⁷ Во время заседания Генеральных штатов все в восторге; все воображают, что вот-вот войдут в землю обетованную. Во время шествия 4 мая,

"Слезы радости, - говорит маркиз де Феррьер, - наполнили мои глаза... . В состоянии сладостного восторга я видел Францию, поддерживаемую Религией", призывавшей всех нас к согласию. "Священные церемонии, музыка, благовония, священники в жертвенных одеждах, этот помост, этот шар, сияющий драгоценными камнями. ...Я вызвал в памяти

слова пророка... . Мой Бог, моя страна и мои соотечественники - все были едины с самим собой!"

Подобные эмоции неоднократно взрывались в ходе сессии и приводили к принятию законов, которые никто не мог себе представить.

"Иногда, - пишет американский посол, - оратор встает в разгар обсуждения, произносит прекрасную речь на другую тему и завершает ее маленькой приятной резолюцией, которая проходит на ура. Так, при рассмотрении плана национального банка, предложенного М. Неккером, одному из них взбрело в голову предложить, чтобы каждый член отдал свои серебряные пряжки, с чем сразу же согласились, и почтенный оратор положил свои на стол, после чего дело снова пошло своим чередом".

Таким образом, перевозбужденные, они не знают утром, что будут делать днем, и находятся во власти любой неожиданности. Когда ими овладевают эти приступы энтузиазма, увлечение охватывает все скамьи; благоразумие уступает место, всякая предусмотрительность исчезает, и все возражения подавляются. В ночь на 4 августа 2109 года "никто не властен над собой". Собрание представляет собой зрелище опьяненной толпы в магазине ценной мебели, ломающей и крушащей по своему усмотрению все, что попадется под руку".

"То, что потребовало бы года раздумий и размышлений, - говорит компетентный иностранец, - было предложено, обсуждено и принято всеобщим одобрением. Отмена феодальных прав, титулов, привилегий провинций, три статьи, которые одни только охватывали целую систему юриспруденции и государственного устройства, были решены вместе с десятью или двенадцатью другими мерами за меньшее время, чем требуется в английском парламенте для первого чтения важного законопроекта".

"Таковы наши французы, - снова говорит Мирабо, - они проводят месяц в спорах о слогах, а за одну ночь ниспровергают всю сложившуюся систему монархии!"2110

По правде говоря, они демонстрируют нервозность женщин, и от одного конца Революции к другому эта возбудимость все возрастает.

Они не только возбуждены, но и должны поддерживать уровень возбуждения, и, подобно пьянице, который, раз взбодрившись, снова прибегает к крепкой воде, можно сказать, что они старательно пытаются изгнать из своего мозга последние остатки спокойствия и здравого смысла. Они наслаждаются напыщенными фразами, высокопарной риторикой, декламаторскими сентиментальными выпадами красноречия: таков стиль почти всех их речей, и так силен их вкус, что они не удовлетворяются ораторскими выступлениями между собой. Лалли и Неккер, произнеся "волнующие и возвышенные" речи в Гостинице-де-Виль, хотят, чтобы Ассамблея повторила их перед ними:2111 это сердце Франции, и ему подобает отвечать на благородные чувства всех французов. Пусть это сердце пульсирует и дальше, и как можно сильнее, ибо таково его предназначение, и день ото дня оно получает новые импульсы. Почти все заседания начинаются с чтения льстивых обращений или грозных обличений. Петиционеры часто появляются лично и читают свои восторженные излияния, настоятельные советы, доктрины распада. Сегодня это Дантон от имени Парижа, с его бычьим лицом и голосом, который кажется набатом восстания; завтра - победители Бастилии или какой-нибудь другой отряд, с музыкальным оркестром, который продолжает играть даже в зале. Собрание - это не деловая конференция, а патриотическая опера, где эклога, мелодрама, а иногда и маскарад смешиваются с аплодисментами и хлопаньем в ладоши.2112-Крепостного крестьянина из Юры приводят к барной стойке Ассамблеи в

возрасте ста двадцати лет, и один из членов кортежа, "господин Бурбон де ла Кросньер, директор патриотической школы, просит разрешения взять под опеку почтенного старика, чтобы его ждали молодые люди всех сословий, и особенно дети тех, чьи отцы были убиты при штурме Бастилии". 2113 Шум и волнение велики. Сцена кажется подражанием Беркину, 2114 с дополнительным осложнением в виде соображений о наемниках.

Но на мелочи не обращают внимания, и Собрание, под давлением галерей, опускается до зрелищ, подобных тем, что устраивают на ярмарках. Шестидесят бродяг, которым платят по двенадцать франков за голову, в костюмах испанцев, голландцев, турок, арабов, триполитанцев, персов, индусов, монголов и китайцев, под управлением прусского Анахарсиса Клутца, под именем послов человеческой расы, выступают против тиранов, и их допускают к почестям заседания. В этом случае маскарад является ударом, придуманным для того, чтобы ускорить и вырвать отмену дворянства. 2115 В другое время в нем нет почти никакого смысла; его нелепость невыразима, потому что фарс разыгрывается так же серьезно и искренне, как при вручении призов в деревне. Три дня дети, принявшие первое причастие перед конституционным епископом, прогуливаются по улицам Парижа; в якобинском клубе они декламируют заученные наизусть глупости; а на четвертый день, допущенные в коллегию Собрания, их представитель, бедняжка лет двенадцати, повторяет тираду, похожую на попугая. В конце он произносит привычную клятву, после чего все остальные кричат своими пронзительными голосами: "Мы клянемся!" В качестве кульминации президент, Трейлхард, трезвый юрист, с совершенной серьезностью отвечает маленьким гаминам в том же духе, используя метафоры, олицетворения и все остальное, что входит в арсенал педанта на его трибуне:

"Вы заслуживаете доли в славе основателей свободы, готовых пролить свою кровь за нее".

Бурные аплодисменты "левых" и галереи, и указ, предписывающий напечатать речи и президента, и детей. Дети, вероятно, предпочли бы пойти играть; но, вольно или невольно, они получают или терпят почести заседания. 2116

Таковы уловки сцены и трибуны, с помощью которых менеджеры здесь управляют своими политическими марионетками. Эмоциональная восприимчивость, однажды признанная законной силой, становится инструментом интриг и принуждения. Ассамблея, принимая театральные представления, когда они были искренними и серьезными, вынуждена терпеть их, когда они становятся притворством и шутовством. На этом огромном национальном банкете, на котором она должна была председательствовать и на который, широко распахнув двери, пригласила всю Францию, ее первое опьянение было вызвано вином благородного качества; но она соприкоснулась бокалами с народом и постепенно, под давлением своих единомышленников, опустилась до фальсифицированных и горячительных напитков, до гротескного нездорового опьянения, которое тем более гротескно и нездорово, что она упорно считает себя разумной.

II.-Неадекватность информации.

Ее состав - социальное положение и культура

Их неспособность. Их самонадеянность

-Бесплодные советы компетентных людей -Дедуктивная политика

-Партии - меньшинство; его недостатки - большинство; его догматизм.

Если бы только разум мог возобновить свою власть в светлые промежутки времени! Но разум должен существовать, прежде чем он сможет управлять, и ни в одной французской ассамблее, кроме двух последующих, никогда не было меньше политических интеллектуалов. -Строго говоря, при тщательном поиске во Франции в 1789 году, несомненно, можно было бы найти пять или шесть сотен опытных людей, таких как интенданты и военачальники каждой провинции; рядом с ними прелаты, управляющие крупными епархиями, члены местных "парламентов", суды которых давали им влияние и которые, помимо судебных функций, обладали частью административной власти; и, наконец, главные члены провинциальных ассамблей, все они были влиятельными и разумными людьми, которые управляли людьми и делами, одновременно гуманными, либеральными, умеренными и способными понять как трудность, так и необходимость великой реформы; действительно, их переписка, полная фактов, изложенная с точностью и рассудительностью, по сравнению с доктринерским мусором Ассамблеи представляет собой самый сильный возможный контраст. -Но большинство этих светильников остается под бушелью; лишь немногие из них попадают в Ассамблею; они горят, не освещая, и вскоре гаснут в буре". I. Там нет ни почтенного Машо, ни Малешерба; нет ни одного из старых министров или маршалов Франции. Нет ни одного из интендантов, кроме Малуэ, и по превосходству этого человека, самого рассудительного в Собрании, можно судить об услугах, которые оказали бы его коллеги. Из двухсот девяноста одного представителя [духовенства](#)²¹¹⁷, правда, есть сорок восемь епископов или архиепископов и тридцать пять аббатов или каноников, но, будучи прелатами и обладая большим состоянием, они вызывают зависть своего ордена и являются генералами без солдат. Такое же зрелище мы наблюдаем и среди дворян. Большинство из них, дворяне провинций, были избраны в оппозиции к вельможам двора. Более того, ни придворные вельможи, преданные мирским занятиям, ни провинциальное дворянство, замкнутое в частной жизни, практически не знакомы с государственными делами. Небольшая группа из них, двадцать восемь магистратов и около тридцати высших чиновников, занимавших командные посты или связанных с администрацией, вероятно, имеют некоторое представление об опасностях общества; но именно по этой причине они, кажется, отстают от времени и остаются без влияния. - В Третьем государстве из пятисот семидесяти семи членов только десять выполняли какие-либо важные функции, такие как интендант, государственный советник, генеральный приемник, лейтенант полиции, директор монетного двора и другие подобные категории. Подавляющее большинство составляют безвестные юристы и люди, занимающие низшее положение в профессии, нотариусы, королевские поверенные, комиссары реестра, судьи и ассессоры; президиум, судебные приставы и лейтенанты бейлики, простые практики, с юности ограниченные узким кругом низшей юрисдикции или рутинной писанины, не имеющей иного выхода, кроме философских экскурсов в воображаемое пространство под руководством Руссо и Рейналя. К этому классу принадлежат триста семьдесят три человека, к которым можно добавить тридцать восемь фермеров и земледельцев, пятнадцать врачей и, среди фабрикантов, купцов и капиталистов, около пятидесяти или шестидесяти человек, равных им по образованию и политическим

способностям. Из среднего класса здесь едва ли сто пятьдесят собственников.²¹¹⁸ К этим четыреста пятидесяти депутатам, чье состояние, образование, воспитание и умственный диапазон позволяют им быть хорошими клерками, видными людьми в коммуне, почетными отцами семейства или, в лучшем случае, провинциальными академиками, добавляются двести восемь куре, равных им; таким образом, из одиннадцатисот восемнадцати депутатов шестьсот пятьдесят составляют положительное большинство, которое, опять же, увеличивается примерно на пятьдесят философствующих дворян, не считая слабых, идущих по течению, и честолюбивых, которые держатся сильной стороны. - Мы можем предсказать, на что способна палата, составленная таким образом, а те, кто разбирается в подобных вопросах, пророчат, что она будет делать "²¹¹⁹.

"В Национальном собрании, - пишет американский министр, - есть несколько способных людей, но лучшие головы среди них не пострадали бы от опыта, и, к сожалению, есть большое количество тех, кто, обладая большим воображением, не имеет достаточных знаний, суждений и размышлений".

Столь же разумно было бы отобрать одиннадцать сотен знатных людей из внутренних провинций и поручить им ремонт старого фрегата. Они добросовестно разломают судно, а фрегат, который они построят на его месте, будет основан еще до выхода из порта.

Если бы они только посоветовались с лоцманами и профессиональными кораблестроителями! Таких людей можно найти вокруг них, которых они не могут подозревать, потому что большинство из них - иностранцы, родившиеся в свободных странах, беспристрастные, сочувствующие и, более того, единомышленники. За два месяца до созыва Генеральных штатов министр Соединенных Штатов пишет:²¹²⁰

"Я, республиканец, и, как бы, только что вышедший из того собрания, которое сформировало одну из самых республиканских конституций, - я непрерывно проповедую уважение к князю, внимание к правам дворянства и умеренность не только в цели, но и в стремлении к ней".

Джефферсон, демократ и радикал, выражает свое мнение не иначе. Во время присяги Теннисного суда он удвоил свои усилия, чтобы побудить Лафайета и других патриотов заключить с королем соглашение о свободе печати, религиозной свободе, суде присяжных, хабеас корпус и национальном законодательном органе - то, что он, несомненно, мог бы принять, - а затем уйти в частную жизнь и позволить этим институтам действовать на состояние народа, пока они не сделают его способным к дальнейшему прогрессу, с уверенностью, что у них не будет недостатка в возможности добиться еще большего.

"Это было все, - продолжает он, - что, по моему мнению, ваши соотечественники способны вынести трезво и с пользой".

Артур Янг, столь добросовестно изучающий нравственную жизнь Франции и столь сурово обличающий старые злоупотребления, не может понять поведения общинников.

"Отбросить практику ради теории... при установлении интересов великого королевства, при обеспечении свободы 25 000 000 человек, кажется мне вершиной безрассудства, квинтэссенцией безумия".

Несомненно, теперь, когда Ассамблея всемогуща, можно надеяться, что она будет разумной:

"Я ни на минуту не позволю себе поверить, что представители народа могут настолько забыть о своем долге перед французской нацией, перед человечеством и собственной славой,

чтобы из-за каких-то неумеренных и неосуществимых взглядов, из-за каких-то провидческих или теоретических систем... отвратить их усилия от той безопасности, которая находится в их руках, возложить на случай и опасность общественных беспорядков и гражданской войны те бесценные блага, которые, безусловно, находятся в их власти. Я не допускаю мысли, что люди, которым подвластна вечная слава, поставят богатое наследство на карту, и, проиграв затею, будут прокляты в числе самых худших и расточительных авантюристов, когда-либо позоривших человечество".

По мере того, как их план становится все более определенным, возражения становятся все более решительными, и все эксперты указывают им на важность колес, которые они сознательно ломают.

"Поскольку до сих пор [они2121](#) сурово ощущали власть, осуществляемую над ними именем их князей, любое ограничение этой власти кажется им желательным. Никогда не ощущавшие зла слишком слабой исполнительной власти, расстройства, которые можно ожидать от анархии, пока не производят на них никакого впечатления" - "Они хотят американскую [конституцию2122](#), но с королем вместо президента, без размышлений о том, что у них нет американских граждан, которые могли бы поддержать эту конституцию... Если у них хватит здравого смысла дать дворянам, как дворянам, некоторую часть национальной власти, то эта свободная конституция, вероятно, продержится, но в противном случае она вырождается либо в чистую монархию, либо в обширную республику, либо в демократию. Продержится ли последняя? Я сомневаюсь. Я уверен, что нет, если только не изменится вся нация".

Чуть позже, когда они отказываются от парламентской монархии, чтобы поставить на ее место "королевскую демократию", им сразу же объясняют, что такой институт, примененный к Франции, не может породить ничего, кроме анархии, и в конечном итоге закончится деспотизмом.

"[Нигде2123](#) свобода не доказала своей устойчивости без жертвы ее излишеств, без некоторого препятствия ее собственному всемогуществу... . При таком жалком правительстве... народ, скоро утомленный бурями и брошенный без законной защиты своим соблазителям или угнетателям, разобьет штурвал или отдаст его какой-нибудь дерзкой руке, готовой овладеть им".

Из месяца в месяц происходят события во исполнение этих предсказаний, а предсказания становятся все мрачнее и мрачнее. Это стая диких птиц:[2124](#)

"Очень трудно угадать, где оседет стая, когда она летит так дико... . Эта несчастная страна, сбившаяся с пути в погоне за метафизическими прихотями, представляет нашему нравственному взору великую гибель. Ассамблея, одновременно хозяин и раб, новая власть, дикая в теории, сырая на практике, захватившая все функции, не имея возможности осуществлять ни одну, освободила этот свирепый, свирепый народ от всех ограничений религии и уважения... . Такое положение вещей не может продолжаться долго... Славная возможность упущена, и, по крайней мере, на это время Революция потерпела неудачу".

Из ответов Вашингтона мы видим, что он придерживается того же мнения. По другую сторону Ла-Манша Питт, самый искусный практик, и Берк, самый искусный теоретик политической свободы, выражают то же самое мнение. Питт после 1789 года заявляет, что французы превысили свободу. После 1790 года Берк в работе, которая является как пророчеством, так и шедевром, указывает на военную диктатуру как на завершение Революции, "самую полностью произвольную власть, которая когда-либо появлялась на земле". Ничто не имеет

никакого значения. За исключением небольшой бессильной группы вокруг Малуэ и Мунье, предостережения Морриса, Джефферсона, Ромилли, Дюмона, Малле дю Пана, Артура Янга, Питта и Берка - всех этих людей, имеющих опыт работы со свободными институтами, - воспринимаются с безразличием или отталкиваются с презрением. Наши новые политики не только неспособны, но и считают себя противоположными, и их некомпетентность усугубляется их увлеченностью.

"Я часто говорил, - пишет [Дюмон2125](#) , - что если бы сто человек были остановлены беспорядочно на улицах Лондона и сто на улицах Парижа, и им было бы сделано предложение возглавить правительство, то девяносто девять приняли бы его в Париже и девяносто девять отказались бы от него в Лондоне... Француз считает, что все трудности можно преодолеть, проявив немного смекалки. Мирабо принял должность репортера в Комитете по рудникам, не имея ни малейшего представления об этом предмете".

Короче говоря, большинство из них приходят в политику "как тот джентльмен, который на вопрос, умеет ли он играть на клавесине, ответил: "Не могу сказать, я никогда не пробовал, но я посмотрю"".

"Ассамблея была столь высокого мнения о себе, особенно ее левая часть, что охотно взяла бы на себя составление Свода законов для всех народов... Никогда еще не видели столько людей вместе, воображавших, что все они - законодатели, и что они собрались здесь, чтобы исправить все ошибки прошлого, исправить все заблуждения человеческого разума и обеспечить счастье всех грядущих веков. Сомнениям не было места в их умах, и непогрешимость всегда председательствовала над их противоречивыми постановлениями".

Это происходит потому, что у них есть теория и потому, что, согласно их представлениям, эта теория делает ненужными специальные знания. В этом они совершенно искренни, и именно с этой целью они отменяют все обычные методы работы. До сих пор конституцию организовывали или ремонтировали, как корабль. Время от времени проводились опыты или бралась модель с соседних судов; первой целью было заставить корабль плыть; его строительство было подчинено его работе; его делали тем или иным способом в зависимости от имеющихся под рукой материалов; начало было положено изучением этих материалов и попыткой оценить их жесткость, вес и прочность - все это реакционно; наступил век Разума, и Собрание слишком просвещено, чтобы тянуться по накатанной колее. В соответствии с модой того времени оно действует методом дедукции, по методу Руссо, в соответствии с абстрактным понятием права, государства и общественного договора.[2126](#) В соответствии с этим процессом, в силу одной лишь политической геометрии, у них будет совершенное судно, а раз оно совершенное, значит, оно будет плавать, и гораздо лучше, чем любое эмпирическое судно. - В соответствии с этим принципом они принимают законы, и можно представить себе характер их дискуссий. В них нет ни убедительных фактов, ни метких аргументов; никому и в голову не придет, что ораторы собрались вместе для ведения реальных дел. Речь за речью бесконечно повторяются пустые абстракции, как на собрании студентов-риториков для практики или в обществе старых книжных червей для их собственного развлечения. По вопросу о вето "каждый оратор по очереди, вооружившись своим портфелем, читает диссертацию, не имеющую никакого отношения" к предыдущей, что создает "своего рода академическую сессию" [2127](#) , череду памфлетов, свежих каждое утро в течение нескольких дней. По вопросу о правах человека в списке значится пятьдесят четыре оратора.

"Я помню, - говорит Дюмон, - эту долгую дискуссию, продолжавшуюся несколько недель, как период смертельной скуки, - бессмысленные споры о словах, метафизический ералаш и

самый утомительный лепет; Ассамблея превратилась в лекционный зал Сорбонны", и все это в то время, когда горели замки, когда разграблялись ратуши, а суды не смели больше проводить присяги, когда прекратилась раздача пшеницы и когда общество находилось в процессе распада. Точно так же богословы Пасхальной Римской империи продолжали спорить о несозданном свете на горе Табор, пока Магомет II бил из пушек по стенам Константинополя. Наши, конечно, люди другого сорта, более юные по чувствам, искренние, восторженные, даже щедрые, а еще более преданные, трудолюбивые и в некоторых случаях наделенные редким талантом. Но ни рвение, ни труд, ни талант не приносят никакой пользы, если не служат здоровой идее; а если служат ложной идее, то чем больше их, тем больше вреда они приносят.

К концу 1789 года в этом можно не сомневаться, и сформированные сейчас партии демонстрируют свое самомнение, импровизацию, неспособность и упрямство. "Это собрание, - пишет американский посол, [2128](#) - можно разделить на три партии

одна, называемая аристократами, состоит из высшего духовенства, парламентских судей и тех дворян, которые считают, что они должны образовать отдельный орден". Это партия, которая предлагает сопротивление глупостям и ошибкам, но глупости и ошибки почти одинаково велики. Вначале "[прелаты2129](#)", вместо того чтобы примириться с куре, держали их на унижительном расстоянии, делая различия, требуя уважения", а в своей собственной палате "рассаживали себя по отдельным скамьям". Дворяне же, чтобы еще больше отвратить от себя общинников, начали обвинять их в "бунте, вероломстве и измене" и требовать применения против них военной силы. Теперь, когда победоносное Третье государство вновь одолело их и подавило числом, они стали еще более неумными и ведут оборону гораздо менее эффективно, чем нападение. "В Собрании, - говорит один из них, - они не слушают, а смеются и говорят вслух"; они стараются раззадорить своих противников и галереи своей дерзостью. "Они покидают палату, когда президент ставит вопрос, и приглашают депутатов своей партии последовать за ними, или кричат им, чтобы они не принимали участия в обсуждении: благодаря такому дезертирству клубисты становятся большинством и постановляют все, что им заблагорассудится". Именно таким образом назначение судей и епископов отбирается у короля и передается народу. И снова, после возвращения из Варенна, когда Собрание обнаруживает, что результат его трудов неосуществим, и хочет сделать его менее демократичным, вся правая часть отказывается участвовать в дебатах и, что еще хуже, голосует вместе с революционерами за исключение членов Учредительного собрания из состава Законодательного. Таким образом, она не только отказывается от своего дела, но и занимается саморазрушением, и ее дезертирство заканчивается самоубийством".

Остается вторая партия, "средняя партия" [2130](#), состоящая из благонамеренных людей всех сословий, искренних приверженцев хорошего правительства; но, к сожалению, они почерпнули свои представления о правительстве из книг и восхитительны на бумаге. Но так как люди, живущие в мире, сильно отличаются от воображаемых людей, живущих в головах философов, то не приходится удивляться, если системы, почерпнутые из книг, не годятся ни на что, кроме как на то, чтобы быть разрушенными другой книгой. Интеллекты такого рода - естественная добыча утопистов. Лишенные балласта опыта, они увлекаются чистой логикой и пополняют стадо теоретиков. Последние образуют третью партию, которую называют "дикарями" (*enragés*), и которая по истечении шести месяцев оказывается "самой многочисленной из всех".

"Она состоит, - говорит Моррис, - из того класса, который в Америке известен под именем мелочных адвокатов, вместе с множеством кураторов и многими из тех людей, которые во

время всех революций приходят к знаку перемен, потому что им плохо.²¹³¹ Эта последняя партия находится в тесном союзе с населением и черпает из этого обстоятельства очень большой авторитет".

На ее стороне все сильные страсти, не только раздражение народа, измученного несчастьями и подозрениями, не только честолюбие и самолюбие буржуа, восставших против старого режима, но и неизбывная горечь и закореневшие идеи стольких страдающих умов и стольких раздвоенных интеллектов, протестантов, янсенистов, экономистов, философов, людей, которые, подобно Фрето, Рабу-Сен-Этьену, Вольнею, Съезе, вынашивают давние обиды или надежды и только ждут случая, чтобы навязать свою систему со всей нетерпимостью догматизма и веры. Для умов этого типа прошлое - мертвая буква; пример - не авторитет; реальность - не имеет значения; они живут в своей собственной Утопии. Съез, самый главный из них, считает, что "вся английская конституция - шарлатанство, предназначенное для навязывания народу"²¹³²; он считает англичан "детьми в вопросах конституции" и думает, что способен дать Франции гораздо лучшую. Дюмон, увидевший первые комитеты в домах Бриссо и Клавьера, уходит оттуда с такой же тревогой, как и с "отвращением".

"Невозможно, - говорит он, - изобразить путаницу идей, свободу воображения, бурлеск народных представлений. Можно подумать, что они видят перед собой мир на следующий день после сотворения мира".

Кажется, они действительно думают, что человеческого общества не существует и что им поручено его создать. С таким же успехом послы "враждующих племен и различных интересов могли бы устроить свой общий жребий так, как будто до этого ничего не существовало". Никаких колебаний. Они уверены, что это легко сделать и что, используя две-три аксиомы политической философии, первый же пришедший человек может стать хозяином. Неумеренное самомнение такого рода среди опытных людей показалось бы смешным; в этом собрании новичков оно - сила. Стадо, сбившееся с пути, следует за теми, кто идет впереди; они самые неразумные, но они и самые уверенные, и в палате, как и в нации, именно смельчаки становятся лидерами.

III.- Сила простых, общих идей.

Превосходство революционной партии - Теория в ее пользу.

Ограничение, налагаемое таким образом на умы людей - Апелляция к страстям - Грубая сила на стороне партии - Она извлекает выгоду этим - Подавление меньшинства.

Два преимущества дают этой партии преимущество, и эти преимущества настолько важны, что отныне тот, кто ими владеет, уверен, что является хозяином: во-первых, господствующая теория на стороне революционеров, и только они, во-вторых, полны решимости тщательно ее применять. Поэтому эта партия - единственная, которая последовательна и популярна

перед лицом непопулярных и непоследовательных противников. Почти все последние, защитники древнего режима или сторонники ограниченной монархии, также проникнуты абстрактными принципами и философскими рассуждениями. Самые непримиримые дворяне отстаивали права человека в своих мемориалах. Мунье, главный противник демагогов, был лидером общинников, когда они провозгласили себя Национальным собранием.²¹³³ Этого достаточно: они вошли в узкий провал, ведущий в бездну. В самом начале они об этом не подозревали, но один шаг ведет за собой другой, и, вольно или невольно, они идут вперед, или их подталкивают. Когда пропасть появляется в поле зрения, уже слишком поздно; их загнали туда логические результаты их собственных уступок; они не могут ничего сделать, кроме как красноречиво возмущаться; покинув свою выгодную позицию, они не находят больше места для остановки. Нет ничего проще, чем эти, поскольку они сводятся к аксиоме, предполагающей права человека и подчиняющей им все институты, старые или новые. Ни одна из них не способна лучше разжечь чувства, поскольку эта доктрина ставит на службу человеческое высокомерие и гордыню и, во имя справедливости, освящает все требования независимости и господства. Три четверти депутатов, незрелых и предвзятых, не обладающих никакими сведениями, кроме нескольких формул современной философии, не имеющих никакой путеводной нити, кроме чистой логики, брошенных на произвол адвокатов, на дикие изречения газет, на побуждения самолюбия, на сто тысяч языков, которые со всех сторон, у бар Ассамблеи, на трибуне, в клубах, на улицах, в их собственной груди, единодушно повторяют им, и каждый день, одну и ту же лесть:

"Вы суверенны и всемогущи. Право принадлежит только вам. Король существует только для того, чтобы исполнять вашу волю. Любой приказ, любая корпорация, любая власть, любое гражданское или церковное объединение становятся нелегитимными и недействительными в тот момент, когда вы объявляете их таковыми. Вы можете даже преобразовать религию. Вы - отцы страны. Вы спасли Францию, вы возродите человечество. Весь мир смотрит на вас с восхищением; завершите свое славное дело - вперед, всегда вперед".

Высший здравый смысл и укоренившиеся убеждения могли бы устоять против этого потока соблазнов и уговоров; но колеблющиеся и заурядные люди увлекаются им. В гармонии аплодисментов, которая поднимается, они не слышат грохота руин, которые они производят. В любом случае они затыкают уши и сторонятся криков угнетенных; они отказываются признать, что их деятельность может привести к дурным результатам; они принимают софизмы и неправду, которые ее оправдывают; они позволяют клеветать на убитых, чтобы оправдать убийц; Они слушают Мерлена де Дуэ, который после трех или четырех жакерий, когда во всех провинциях происходят грабежи, поджоги и убийства, только что заявил от имени Комитета по феодализму²¹³⁴, что "народу должен быть представлен закон, справедливость которого заставит замолчать феодальных эгоистов, которые в течение последних шести месяцев так непристойно протестуют против грабежа; мудрость которого может вернуть к чувству долга крестьянина, сбившегося на мгновение с пути из-за обиды на долгое угнетение". И когда Рейналь, оставшийся в живых патриарх философской партии, однажды, к своему удивлению, берет с собой на трибуну простую истину, они возмущаются его прямоотой и оправдывают ее исключительно на основании его неумения. Всемогущий законодатель не может обесценивать себя; подобно королю, он обречен на самовосхваление в своем государственном качестве. "Среди нас не было и тридцати депутатов, - говорит очевидец, - которые думали бы иначе, чем Рейналь", но "в присутствии друг друга заслуга Революции, перспектива ее благословений были предметом веры, в которую нужно было верить"; и, вопреки собственному разуму, вопреки своей совести, умеренные, попавшие в сети своих собственных действий, присоединяются к революционерам, чтобы завершить Революцию.

Если бы они отказались, то были бы вынуждены; ведь для того, чтобы получить власть, Собрание с самого начала либо терпело, либо поощряло насилие на улицах. Но, приняв мятежников в свои союзники, оно сделало их хозяевами, и отныне в Париже, как и в провинциях, незаконная и жестокая сила становится главной властью государства. "Триумф был достигнут благодаря народу; с ним нельзя было быть суровым" [2135](#), поэтому, когда нужно было подавить восстание, у Собрания не хватало ни мужества, ни силы. "Они обвиняют ради приличия; они определяют свои поступки целесообразностью" и в свою очередь справедливо подвергаются давлению, которое они сами санкционировали против других. Только три или четыре раза большинство, когда восстание становится слишком дерзким - после убийства булочника Франсуа, восстания швейцарской гвардии в Нанси и вспышки на Марсовом поле, - чувствуя, что им самим угрожает опасность, голосует за военное положение и применяет его, отражая силу силой. Но в целом, когда деспотизм народа осуществляется только против роялистского меньшинства, они позволяют угнетать своих противников и не считают себя затронутыми насилием, которое обрушивается на партию "правых": они враги, и их можно отдать на растерзание диким зверям. В соответствии с этим "левые" приняли свои меры; их фанатизм не знает угрызений совести; на кону стоит принцип, абсолютная истина, которая должна восторжествовать любой ценой. Кроме того, можно ли сомневаться в том, что народ прибегнет к помощи народа в своем собственном деле? Немного принуждения поможет благому делу, и поэтому осада Собрания постоянно возобновляется. Так было в Версале до 6 октября, а теперь, в Париже, это происходит более активно и менее завуалированно.

В начале 1790 [года2136](#) жалование оркестра состоит из семисот пятидесяти человек, в большинстве своем дезертиров или солдат, изгнанных из своих полков, которым платят сначала пять франков, а затем сорок су в день. Их дело - выступать или поддерживать движения в кофейнях и на улицах, смешиваться со зрителями на заседаниях секций, с группами в Пале-Рояле и особенно в галереях Национальной ассамблеи, где они должны улюлюкать или аплодировать по заданному сигналу. Их предводитель - шевалье де Сен-Луи, которому они клянутся в повиновении и который получает свои приказы от Комитета якобинцев. Его первый лейтенант в Собрании - мсье Соле, "тучный, маленький, низкорослый старик, в прошлом обойщик, затем шарлатан, торгующий за четыре пенни коробками жира (сделанного из жира повешенных для лечения болезней почек), и всю свою жизнь собутыльник, который с помощью довольно пронзительного голоса, который всегда был хорошо увлажнен, приобрел некоторую репутацию в галереях Собрания". На самом деле, он подделывал входные билеты, ему отказывали; он был вынужден вернуться к "коробочке с мазью и путешествовать один или два месяца по провинциям с каким-нибудь литератором в качестве компаньона". Но по возвращении, "благодаря протекции придворного конюха, он получил участок земли под кофейню у стены сада Тюильри, почти рядом с Национальным собранием", и теперь именно к нему, в его кофейню за прилавком, "приходят наемники с галерей, чтобы узнать, что они должны говорить, и чтобы им объяснили порядок дня в отношении аплодисментов". Кроме того, он сам там работает; "именно он в течение трех лет должен регулировать общественные настроения в галереях, доверенных его попечению, и за его полезные и удовлетворительные услуги Учредительное собрание назначит ему вознаграждение", к которому Законодательное собрание добавит "пенсию в шестьсот ливров, а также жилье в одной из квартир Фельянов".

Можно догадаться, как люди этой марки, получившие такое вознаграждение, выполняют свою работу. С верхних [галерей2137](#) они заглушают требования "правых" силой своих легких; тот или иной декрет, как, например, об отмене дворянских титулов, разносится "не криками, а ужасающим воем" [2138](#); при известии о разграблении народом отеля де Кастрис они

аплодируют. На вопрос о том, должна ли католическая вера быть господствующей, "они кричат, что аристократы должны быть повешены, и тогда все пойдет на лад". Их бесчинства не только остаются безнаказанными, но и поощряются: тот или иной дворянин, жалующийся на их улюлюканье, призывается к порядку, а их вмешательство и крики, их оскорбления и угрозы с этого времени становятся одним из обычных механизмов законодательной деятельности. За пределами палаты их давление еще сильнее.²¹³⁹ Собрание вынуждено несколько раз удваивать свою охрану. 27 сентября 1790 года 40 000 человек окружают здание, чтобы потребовать отставки министров, а под окнами раздаются "призывы к убийству". 4 января 1791 года, когда по созыву палаты церковные депутаты поочередно проходят к трибуне, чтобы принести или отказаться от присяги в пользу гражданской конституции духовенства, в Тюильри поднимается неистовый шум и даже проникает в палату. "К фонарному столбу всех, кто отказывается!" 27 сентября 1790 года экономиста М. Дюпона, выступившего против ассигнаций, окружают при выходе из палаты, осыпают улюлюканьем, толкают к бассейну Тюильри, в который он был брошен, когда его спасла стража. 21 июня 1790 года месье де Казалес едва не был "разорван на куски народом".²¹⁴⁰ Депутатам "правых" снова и снова угрожают жестами на улицах и в кофейнях; публично выставляют их чучела с веревками на шее. Аббата Мори несколько раз пытаются повесить: однажды он спасается, предъявив пистолет. В другой раз виконт де Мирабо вынужден был достать свою шпагу. Месье де Клермон-Тоннерр, проголосовавший против присоединения Комтата к Франции, подвергается нападению со стульями и дубинками в Пале-Рояле, его преследуют до комнаты портье и оттуда до его жилища; воющая толпа ломится в двери, и ее удается отбить лишь с большим трудом. Членам "правых" невозможно собраться вместе; их "забрасывают камнями" в церкви капуцинов, затем в Салоне французов на улице Рояль, а затем, в довершение всего, постановление новых судей закрывает их зал и наказывает их за насилие, которое им приходится терпеть.²¹⁴¹ Короче говоря, они находятся на милости толпы. Самый умеренный, самый либеральный, самый мужественный сердцем и головой Малуэ заявляет, что "отправляясь в Собрание, он редко забывал взять с собой пистолеты".²¹⁴² "В течение двух лет, - говорит он, - после бегства короля, мы ни разу не наслаждались свободой и безопасностью".

"Заходя на бойню, - пишет другой депутат, - вы видите у входа животных, которым осталось жить совсем недолго, пока не наступит час их умерщвления"²¹⁴². Именно такое впечатление производило на меня собрание дворян, епископов и [парламентариев](#)²¹⁴³ с правой стороны каждый раз, когда я входил в Собрание, а палачи с левой стороны позволяли им еще немного подышать".

Их оскорбляют и возмущают даже на их скамьях; "поставленные между опасностью внутри и опасностью снаружи, между враждебностью галерей"²¹⁴⁴ и враждебностью ревунув у входа, "между личными оскорблениями и Сен-Жерменским аббатством, между криками смеха, празднующими сожжение их замков, и шумом, который тридцать раз за четверть часа обрушивается на их мнения", они отданы и обличены "десятью тысячами церберов" из журналов и с улиц, которые преследуют их своими криками и "покрывают их своим рабством". Любые средства хороши для подавления их оппозиции, и в конце сессии, в полном составе, им угрожают "рекомендацией департаментам", что означает возбуждение беспорядков и постоянных жакерий провинций против них в их собственных домах. - Парламентская стратегия такого рода, применяемая непрерывно в течение двадцати девяти месяцев, наконец дает свои результаты. Многие слабые одерживают верх;²¹⁴⁵ даже над людьми с твердым характером овладевает страх; тот, кто маршировал бы под огнем с гордо поднятой головой, содрогается при мысли, что его потащат в сточную канаву; жестокость населения всегда берет верх над тонко натянутыми нервами. 12 июля 1791 [года](#)²¹⁴⁶ созыв

палаты, декретированный против отсутствующих, доказывает, что сто тридцать два депутата больше не появляются на своих местах. За одиннадцать дней до этого в числе тех, кто больше не принимает участия в заседаниях. Таким образом, еще до завершения работы над Конституцией вся оппозиция, более четырехсот депутатов, более трети состава Собрания, обращена в бегство или молчание. Путем подавления революционная партия избавилась от всякого сопротивления, а насилие, которое дало ей превосходство на улицах, теперь дает ей такое же превосходство в стенах парламента.

IV.- Отказ от снабжения министерства

Последствия этой ошибки - Неправильное понимание ситуации - Комитет по расследованию - Постоянные тревоги.

комитет по расследованию - постоянные тревоги - влияние невежества и страха на работу Учредительного собрания.

Как правило, во всемогущем собрании, когда партия берет на себя инициативу и образует большинство, она формирует министерство; и этого факта достаточно, чтобы дать или вернуть ей хоть какой-то проблеск здравого смысла. Ведь его лидеры, имея в своих руках правительство, становятся ответственными за него, и когда они предлагают или принимают закон, они обязаны предвидеть его последствия. Редко какой военный или военно-морской министр примет военный кодекс, который установит постоянное неповиновение в армии или на флоте. Редко какой министр финансов предложит расходы, для которых нет достаточного дохода, или систему налогообложения, которая не приносит прибыли. Расположенные там, где можно получить полную информацию, ежедневно информируемые о всех деталях, окруженные искусными советниками и экспертами, вожди большинства, которые таким образом становятся главами администрации, сразу же бросают теорию ради практики; и дым политических спекуляций должен быть довольно густым в их умах, если они исключают множественные лучи света, которые опыт постоянно проливает на них. Пусть самый упрямый из теоретиков встанет за штурвал корабля, и, каково бы ни было упрямство его принципов или предрассудков, он никогда, если только он не слеп или не ведомый слепыми, не будет упорствовать в том, чтобы рулить всегда направо или всегда налево. Так и после бегства в Варенн, когда Собрание, полностью владея исполнительной властью, непосредственно контролирует министерство, оно приходит к осознанию того, что его конституционная машина не будет работать иначе, как разрушаясь; и именно главные революционеры, Барнав, Дюпор, Ламеты, Шапелье и [Type2147](#), берутся внести изменения в механизм, чтобы уменьшить его трение. Однако этот источник знаний и разума, к которому они, вопреки себе и слишком поздно, побуждаются, был выключен ими самими с самого начала. 6 ноября 1789 года, руководствуясь принципами и опасаясь коррупции, Собрание объявило, что ни один из его членов не должен занимать министерскую должность. Вследствие этого мы видим, что она лишена всего того обучения, которое происходит от непосредственного контакта с

делами, отдана без всякого противодействия соблазнам теории, сведена своим собственным решением к тому, чтобы стать только законодательной академией.

Но, что еще хуже, вследствие другого следствия той же ошибки, она сама обрекает себя на постоянные приступы паники. Ибо, допустив, чтобы власть, которую она не желала брать на себя, перешла в безразличные или подозрительные руки, она всегда неспокойна, и все ее постановления несут на себе неизменную печать не только умышленного невежества, в рамках которого она себя ограничивает, но и преувеличенных или химерических страхов, в которых проходит ее жизнь. Представьте себе корабль, перевозящий компанию юристов, литераторов и других пассажиров, которые, поддерживаемые мятежной и плохо питающейся командой, берут на себя все командование, но отказываются выбрать кого-либо из своего числа в качестве лоцмана или вахтенного офицера. Прежний капитан продолжает назначать их; из стыда и потому, что он хороший человек, его звание оставляют за ним, и он остается для передачи приказов. Если эти приказы абсурдны, тем хуже для него; если он сопротивляется им, новый мятеж заставляет его уступить; и даже если их невозможно выполнить, он должен отвечать за их выполнение. Тем временем в комнате между палубами, вдали от штурвала и компаса, наш клуб любителей обсуждает равновесие плавающих тел, устанавливает новую систему навигации, выбрасывает за борт балласт, ставит все паруса и с удивлением обнаруживает, что корабль кренится на бок. Вахтенный офицер и лоцман, очевидно, плохо управляли маневром. Их увольняют и ставят на их место других, а корабль кренится еще больше и начинает течь по всем швам. Достаточно: это вина капитана и старого офицерского состава, они плохо настроены; ведь такая прекрасная система навигации, как эта, должна работать хорошо, а если она не работает, то только потому, что кто-то ей мешает. Совершенно точно, что некоторые из этих людей, принадлежащих к прежнему режиму, должны быть предателями, которые предпочли бы пустить корабль ко дну, чем подчиниться; они - враги общества и чудовища. Они должны быть схвачены, разоружены, взяты под наблюдение и наказаны - таковы рассуждения Собрания. Очевидно, чтобы успокоить его, достаточно было бы послания министра внутренних дел, выбранного Собранием, лейтенанту полиции, которого он назначил, чтобы тот каждое утро приходил к нему в кабинет. Но Ассамблея лишена этого простого средства своим собственным актом, и ей не остается ничего другого, как назначить следственную комиссию для выявления преступлений "измены нации".²¹⁴⁸ Что может быть более расплывчатым, чем такое понятие? Что может быть более злонамеренным, чем такое учреждение? Обновляемый каждый месяц, лишенный специальных агентов, состоящий из доверчивых и неопытных депутатов, этот комитет, призванный выполнять работу Лемуара или Фуше, компенсирует свою неспособность насилием, а его действия напоминают действия якобинской инквизиции.²¹⁴⁹ Тревожный и подозрительный, он поощряет обвинения, а за неимением заговоров, которые можно было бы раскрыть, он их изобретает. Склонности в его глазах превращаются в действия, а плавающие проекты - в осуществленные возмущения. На основании доноса домашней, подслушивавшей у дверей, на основании сплетен прачки, нашедшей клочок бумаги в халате, на основании ложного толкования письма, на основании смутных признаков, которые она дополняет и скрепляет силой своего воображения, она придумывает государственный переворот, производит допросы, визиты в дома, ночные сюрпризы и аресты²¹⁵⁰; она преувеличивает, чернит и выходит на публичное заседание, чтобы обличить все дело в Национальном собрании. Вначале речь идет о заговоре бретонских дворян с целью отдать Брест англичанам²¹⁵¹; затем о заговоре с целью нанять разбойников для уничтожения урожая; затем о заговоре 14 июля с целью сжечь Париж; затем о заговоре Фавраса с целью убить Лафайета, Неккера и Бейли; затем заговор Ожеро с целью похищения короля, и многие другие, неделя за неделей, не считая тех, что роятся в

мозгу журналистов, и которые Десмулен, Фрерон и Марат раскрывают с треском труб в каждой из своих публикаций.

"Все эти тревоги ежедневно раздаются на улицах, как капуста и репа, и добрые люди Парижа вдыхают их вместе с ядовитыми испарениями нашей грязи "2152.

..... В этом аспекте, как и во многих других, Собрание - это народ; осознавая, что ему угрожает [опасность](#)2153, оно принимает законы, как первые принимают свои мятежи, и защищает себя законодательными ударами, как первые защищают себя ударами пик. Не сумев ухватиться за моторную пружину, с помощью которой можно было бы направить правительственную машину, оно с недоверием относится ко всем старым и всем новым колесам. Старые колеса кажутся ему помехой, и, вместо того чтобы использовать их, он ломает их одно за другим - парламенты, провинциальные государства, религиозные ордена, церковь, дворянство, королевскую власть. Новые вызывают подозрение, и вместо того, чтобы гармонизировать их, он заранее выводит их из строя - исполнительную власть, административную власть, судебную власть, полицию, жандармерию и армию.2154 Благодаря этим мерам предосторожности ни одна из них не может быть обращена против себя; но, кроме того, благодаря этим мерам предосторожности ни одна из них не может выполнять свои функции.2155

При строительстве, как и при разрушении, у Собрания было два плохих советчика: с одной стороны, страх, с другой - теория; и на развалинах старой машины, которую оно разрушило без проницательности, новая машина, которую оно построило без прогноза, будет работать только на свою погибель.

2101 ([возвращение](#))

[Артуру Янгу, 15 июня 1789 г. - Bailly, passim, -Moniteur, IV. 522 (2 июня 1790 г.), "Меркюр де Франс" (11 февраля 1792 г.)].

2102 ([возвращение](#))

["Moniteur", v. 631 (12 сентября 1790 г.) и 8 сентября (то, что говорит аббат Мори).-Marmontel, book XIII. 237.-Malouet, I. 261.-Bailly, I. 227].

2103 ([возвращение](#))

[Сэр Сэмюэль Ромилли, "Mémoires", I. 102, 354.-Dumont, 158. (Официальные правила медведя датированы 29 июля 1789 г.)].

2104 ([возвращение](#))

[Ср. Ferrières, I. 3. Его раскаяние поразительно].

2105 ([возврат](#))

[Письмо Морриса Вашингтону, 24 января 1790 г. См. с. 382, "Дневник французской революции", Greenwood Press, Westport, Conn. 1972.-Дюмон 125-Гарат, письмо Кондорсе].

2106 (возвращение)

[Артур Янг, I. 46. "Прирученная и элегантная, неинтересная и вежливая, смешанная масса сообщаемых идей не способна ни оскорбить, ни наставить..... Всякая энергичная мысль, кажется, исключена из выражения..... Там, где много блеска в характере, мало споров" - Кабинет эстампов. Посмотрите гравюры этого дня Моро, Приера, Моне, изображающие открытие Генеральных штатов. Все фигуры отличаются изяществом, элегантностью и благородством].

2107 (возврат)

[Marmontel, book XIII. 237.-Malouet, I. 261.-Ferrières, I. 19].

2108 (возврат)

[Гувернер Моррис, 24 января 1790 г. Подобным образом (De Ferrières, I.71) декрет об отмене дворянства не был в порядке дня и был принят неожиданно].

2109 (возвращение)

[Ferrières, I. 189.-Dumont, 146.]

2110 (обратно)

[Письмо Мирабо к Съезу, 11 июня 1790 г.. "Наша нация обезьян с горлом попугаев" - Дюмон, 146. "Съезд и Мирабо всегда были презрительного мнения об Учредительном собрании"].

2111 (возвращение)

["Moniteur", I, 256, 431 (16 и 31 июля 1789 г.).- "Journal des Débats et Décrets", 105, 16 июля "Один из членов требует, чтобы мсье де Лалли изложил свою речь в письменном виде. Вся Ассамблея повторила эту просьбу"].

2112 (возврат)

["Moniteur". (11 марта 1790 г.). "Монахиня из Сен-Манде, доставленная в зал заседаний, благодарит Ассамблею за декрет об открытии монастырей и осуждает уловки, интриги и даже насилие, применяемые в монастырях, чтобы помешать исполнению этого декрета" -Там же. 29 марта 1790 года. См. различные обращения, которые были зачитаны. "В Ланьоне мать одного семейства собрала своих десятирех детей и поклялась вместе с ними и за них быть верными нации и королю" -Там же. 5 июня 1790 года. "М. Шамбруд читает письмо таможенного сборщика Ланниона, в Бретани, священнику, члену Национального собрания. Он просит повлиять на него, чтобы добиться принятия его гражданской присяги и присяги всех членов его семьи, готовых взять в руки кадило, телегу, весы, меч или перо". При прочтении ряда этих обращений создается впечатление, что Ассамблея является дополнением к "Petites Affiches" (небольшой рекламный журнал в Париже)].

2113 ([возврат](#))

[*"Moniteur"*, 23 октября 1789 г.].

2114 ([обратно](#))

[Известный писатель детских рассказов - 21 т.р.].

2115 ([обратно](#))

[Ferrières, II. 65 (10 июня 1790 г.).- Де Монлозье, I. 402. "Одна из этих марионеток на следующий день пришла за деньгами к графу де Билланкуру, приняв его за герцога де Лианкура. "Месье, - говорит он, - я тот самый человек, который вчера играл халдея"].

2116 ([возвращение](#))

[*"Буше и Ру"*, X. 118 (16 июня 1791 г.)].

2117 ([обратно](#))

[См. напечатанный список депутатов с указанием их *baillage* или *sénéchaussée*, качества, состояния и профессии].

2118 ([возврат](#))

[Де Буйе, 75.- Когда король впервые увидел список депутатов, он воскликнул: "Что бы сказала нация, если бы я таким образом составил свой совет или нотаблей?" (*Buchez and Roux*, IV. 39.)].

2119 ([возврат](#))

[Гувернеру Моррису, 31 июля 1789 г.].

2120 ([возврат](#))

[Гувернеру Моррису, 25 февраля 1789 г. - Лафайет, *"Mémoires"*, V. 492. Письмо Джефферсона, 14 февраля 1815 г. Артуру Янгу, 27 и 29 июня 1789 г.].

2121 ([возвращение](#))

[Моррис, 1 июля 1789 г.].

2122 ([возврат](#))

[Моррис, 4 июля 1789 г.].

2123 ([возврат](#))

["Малле дю Пан", "Меркюр", 26 сентября 1789 г.].

2124 ([возврат](#))

[Гувернеру Моррису, 24 января 1790 г.; 22 ноября 1790 г.].

2125 ([возврат](#))

[Дюмон, 33, 58, 62.]

2126 ([возврат](#))

[Sir Samuel. Romilly, "Mémoires", I. 102. "Это был их постоянный курс: сначала декретировать принцип, а составление решенного (или, как они называли это, la rédaction) оставить на потом. Удивительно, какое огромное влияние это оказывало на их дебаты и меры" -Ibid. I. 354. Письмо Дюмона, 2 июня 1789 года. "Они предпочитают собственную глупость всем результатам британского опыта. Они бунтуют при мысли о заимствовании чего-либо у нашего правительства, которое здесь высмеивается как одно из беззаконий человеческого разума; хотя они признают, что у вас есть два или три хороших закона; но то, что вы должны предположить наличие конституции, не может быть поддержано"].

2127 ([возвращение](#))

[Dumont, 138, 151.]

2128 ([обратно](#))

[Моррис, 24 января 1790 г.].

2129 ([возврат](#))

[Marmontel, XII. 265.-Ferrières,. I. 48 , II. 50, 58, 126.-Dumont, 74].

2130 ([возвращение](#))

[Гувернеру Моррису, 24 января 1790 г. По словам Ферьера, эта партия насчитывала около трехсот членов].

2131 ([обратно](#))

[Здесь посол Моррис описывает тип человека, который должен составлять костяк всех последующих революций, будь то коммунистические или фашистские. (SR.)]

2132 ([обратно](#))

[Dumont, 33, 58, 62.]

2133 (обратно)

[De Lavergne, "Les Assemblées Provinciales", 384. Дебаты штатов Дофины, составленные Мурнье и подписанные двумястами джентльменами (июль 1788 г.). "Права человека вытекают только из природы и не зависят от человеческих конвенций"]].

2134 (возврат)

["Доклад Мерлена де Дуэ", 8 февраля 1790 г., стр. 2.-Malouet, II, 51].

2135 (обратно)

[Дюмон, 133.- Де Монлозье, I, 355, 361].

2136 (возврат)

[Бертран де Моллевиль, II. 221 (согласно полицейскому отчету).- Шмидт, "Tableaux de la Révolution", I. 215. (Донесение агента Дютара, 13 мая 1793 г.)-Lacretelle, "Dix Ans d'Epreuves", p.35. "Было около полуночи, когда мы под дождем, снегом и пронизывающим холодом вышли к церкви Фельянов, чтобы занять места на галереях Собрания, которые мы должны были занять не раньше полудня следующего дня. Кроме того, нам пришлось бороться за них с толпой, движимой страстями и даже интересами, весьма отличными от наших собственных. Мы не сразу поняли, что значительная часть галерей находится на жалованье и что сцены жестокости, которые доставляли боль нам, доставляли радость им. Я не могу выразить ужас, который я испытал, услышав, как эти женщины, которых с тех пор называют трикотажницами, с наслаждением внимают уже убийственным доктринам Робеспьера, наслаждаясь его резким голосом и любясь его уродливым лицом, живым образцом зависти". (Первые месяцы 1790 года.)]

2137 (возврат)

[Moniteur, V. 237 (26 июля 1790 г.); V. 594. (8 сентября 1790 г.); V. 631 (12 сентября 1790 г.); VI. 310 (6 октября 1790 г.). (Письмо аббата Перетти.)].

2138 (возвращение)

[De Ferrières, II. 75.- Moniteur, VI. 373 (6 сентября 1790 г.).- М. де Вирье. "Те, кто оскорбляет некоторых членов и мешает свободе дискуссии улюлюканьем или аплодисментами, должны замолчать. Кто должен быть нашим судьей - триста зрителей или нация?" М. Шассе, председатель: "Мсье мнительный, я призываю вас к порядку. Вы говорите о препятствиях для свободного голосования; в этой Ассамблее никогда не было ничего подобного"]].

2139 (возвращение)

[Sauzay, I 140. Письмо М. Ломпре, либерального депутата, к М. Сегюну, шаноину (конец ноября 1789 г.). "Служба становится труднее с каждым днем; мы стали объектами народного гнева, и, когда у нас не осталось другого средства избежать бури, кроме как избавиться от

облечений духовенства, мы уступили силе. Это стало насущной необходимостью, и мне было бы жаль, если бы вы все еще оставались здесь, подвергаясь возмущениям и насилию, которыми мне неоднократно угрожали"].

2140 (возвращение)

["Меркюр де Франс", №№ от 15 января 1791 г.; 2 октября 1790 г.; 14 мая 1791 г.-Буше и Ру, V. 343 (13 апреля 1790 г.); VII. 76 (2 сентября 1790 г.); X. 225 (21 июня 1791 г.).-De Montlosier, I. 357.-Moniteur, IV, 427].

2141 (возвращение)

[Архив полиции, выставленный комитетом округа Сен-Рош. Решение полицейского трибунала, 15 мая 1790 г.].

2142 (возврат)

[Malouet, II. 68.- Де Монлозье, II. 217, 257 (Речь М. Лави, 18 сентября 1791 г.)].

2143 (возврат)

[Т.е. члены старых местных парламентов.]

2144 (возврат)

["Меркюр", 1 октября 1791 г. (Статья Малле дю Пана)].

2145 (возврат)

[Malouet II. 66. "В качестве противников могли выступать только те, кого не запугивали ни оскорблениями, ни угрозами, ни реальными ударами"].

2146 (обратно)

[Buchez and Roux, X. 432, 465].

2147 (возврат)

[Malouet, II, 153.]

2148 (возврат)

[Декреты от 23 и 28 июля 1789 г. - "Archives Nationales". Документы Следственного комитета, passim. Среди прочих дел см. дело мадам де Персан (Moniteur, V. 611, заседание от 9 сентября 1790 г.) и дело Малуэ ("Mémoires" II. 12)].

2149 (возврат)

[Bucheze and Roux, IV. 56 (доклад Гарана де Кулона); V. 49 (решение Следственного комитета от 28 декабря 1789 г.)].

2150 (возврат)

[Аресты месье де Риоля, месье де Бюсси и т. д., мадам де Жюмильак, двух других дам, одной в Бар-ле-Дюк, другой в Нанси и т. д.].

2151 (обратно)

[Заседание 28 июля 1789 г., речи Дюпора и Рюбеля и т. д.-Mercure, № от 1 января 1791 г. (статья Малле дю Пана).-Bucheze and Roux, V. 146l "Вот пять или шесть последовательных заговоров - заговор мешков с мукой, заговор мешков с деньгами и т. д.". (Статья Камиля Десмулена.)]

2152 (возврат)

["Архивы префектуры полиции". Выписка из протоколов заседаний Главного совета округа Сен-Рош, 10 октября 1789 года: Приказываю: просить всех жителей коммуны со всем благоразумием, активностью и силой, на которые они способны, посвятить себя раскрытию, разоблачению и публикации ужасных заговоров и адских предательств, которые постоянно замышляются против жителей столицы; публично разоблачить авторов, пособников и приверженцев указанных заговоров, какого бы ранга они ни были; охранять их лица и обеспечить их наказание со всей строгостью, которой требуют подобные злодеяния. Комендант батальона и капитаны округов ежедневно приходят на совещание с комитетом. "Пока длится тревога, первый этаж каждого дома должен быть освещен лампами в течение ночи: всем жителям района предлагается быть дома не позднее десяти часов вечера, если они не должны быть на службе... . Всем гражданам предлагается сообщать все, что они могут узнать или обнаружить в связи с отвратительными заговорами, тайно творящимися в столице"]].

2153 (возврат)

[Письмо М. де Гильерми, 31 июля 1790 г. ("Actes des Apôtres", V. 56). "В эти две ночи (13 и 14 июля 1789 года), когда мы заседали, я слышал, как один депутат пытался заставить поверить, что артиллерийский корпус получил приказ направить свои орудия против нашего зала; другой - что он подорван и что его должны взорвать; третий дошел до того, что заявил, что он нюхал порох, на что мсье граф де Вирье ответил, что порох не имеет запаха, пока его не сожгут"]].

2154 (возвращение)

[Дюмон, 351. "Каждый конституционный закон был триумфом партии"]].

2155 ([обратно](#))

[Здесь Тейн указывает, как подрывные партии могут ослабить нацию перед захватом власти (SR.)].

ГЛАВА II. РАЗРУШЕНИЕ.

I.- Два главных порока древнего режима.

Две основные реформы, предложенные королем и

Привилегированные классы.- Они достаточны для удовлетворения реальных потребностей.

Невыполнимы, если их проводить дальше.

В структуре старого общества было два основных порока, которые требовали двух реформ соответствующей [важности](#)²²⁰¹.

Во-первых, привилегированные перестали оказывать услуги, за которые они получали вознаграждение, и их привилегии стали не чем иным, как безвозмездной платой, налагаемой на одну часть нации в пользу другой. Отсюда вытекает необходимость их подавления.

Во-вторых, правительство, будучи абсолютным, использовало общественные ресурсы так, как если бы они были его частной собственностью, произвольно и расточительно;²²⁰² поэтому было необходимо наложить на него некоторые эффективные и регулярные ограничения.

Сделать всех граждан равными перед налогообложением, передать кошелёк налогоплательщиков в руки их представителей - такова была двуетадийная задача, которую предстояло осуществить в 1789 году; и привилегированный класс, а также король охотно согласились на нее. В этом отношении не только меморандумы дворян и духовенства находились в полном согласии, но и сам монарх в своей декларации от 23 июня 1789 года узаконил эти две статьи. Отныне каждый налог или заем должен был получать согласие Генеральных штатов; это согласие должно было возобновляться на каждом новом собрании штатов; государственные сметы должны были ежегодно публиковаться, обсуждаться, уточняться, распределяться, голосоваться и проверяться штатами; не должно было быть произвольных оценок или использования государственных средств; должны были быть

специально назначены пособия за все отдельные услуги, включая домашнее хозяйство короля. В каждой провинции или генеральном округе должно было быть выборное провинциальное собрание, наполовину состоящее из церковников и дворян, а наполовину из членов Третьего государства, для распределения общих налогов, для управления местными делами, для постановления и направления общественных работ, для управления больницами, тюрьмами, работными домами, и для продолжения своих функций, в промежутках между сессиями, через посредническую комиссию, выбранную им самим; так что, кроме главного управления в центре, должно было быть тридцать подчиненных контрольных властей в крайних частях. В области налогообложения больше не должно было быть никаких изъятий или различий; дорожный налог (*совée*) должен был быть отменен, также право [франка-фиска2203](#), налагаемое на плебеев; права [mortmain2204](#), подлежащие возмещению, и внутренние таможенные пошлины. Предстояло сократить капитании, изменить налог на соль и акциз, преобразовать гражданское правосудие, слишком дорогое для бедных, и уголовное правосудие, слишком суровое для низших слоев населения. Здесь мы имеем, помимо основной реформы, уравнивание налогов; начало и побуждение к более полной операции, которая должна сбросить последние феодальные оковы. Более того, шесть недель спустя, 4 августа, привилегированные, в порыве великодушия, по собственной воле выступают за то, чтобы отрезать или отменить все из них. Таким образом, эта двойная реформа не встретила никаких препятствий, и, как сообщал Артур Янг своим друзьям, для ее принятия требовался всего лишь один [голос2205](#).

Этого было достаточно; ведь теперь все реальные потребности были удовлетворены. С одной стороны, благодаря отмене привилегий в области налогообложения, бремя крестьянина и вообще мелкого налогоплательщика уменьшилось наполовину, а возможно, и на две трети; вместо того чтобы платить пятьдесят три франка со ста франков чистого дохода, он платил не более двадцати пяти или даже [шестнадцати2206](#); это было огромным облегчением, которое вместе с предложенным пересмотром акцизов и соляных пошлин полностью меняло его положение. Добавьте к этому постепенное погашение церковных и феодальных повинностей: и через двадцать лет крестьянин, уже владевший пятой частью земли, без бурных событий революции в любом случае достиг бы той же степени независимости и благосостояния, которой он должен был достичь, пройдя через нее. С другой стороны, ежегодное голосование по налогам не только пресекало расточительство и произвол в использовании государственных средств, но и закладывало основы парламентской системы правления: кто держит в руках кошельки, тот и становится хозяином всего остального; отныне для поддержания или учреждения любой службы необходимо согласие штатов. В трех палатах, которые в дальнейшем должны были сформировать три ордена, было две, в которых преобладали плебеи. Общественное мнение, кроме того, было на их стороне, а король, истинный конституционный монарх, не обладая властной непреклонностью деспота, не обладал теперь инициативой обычного человека. Таким образом, перевес оказался на стороне коммун, и они могли на законных основаниях, без всяких столкновений, многократно проводить и завершать, с помощью принца и через него, все полезные реформы. [2207](#) Этого было достаточно; ведь человеческое общество, подобно живому организму, охватывают конвульсии, когда оно подвергается операциям слишком большого масштаба, а эти, хотя и ограниченные, были, вероятно, всем, что могла вынести Франция 1789 года. Справедливо реорганизовать заново всю систему прямого и косвенного налогообложения; пересмотреть, перекроить и перенести на границы таможенные тарифы; подавить путем переговоров и возмещения убытков феодальные и церковные претензии - это была операция величайшего масштаба, столь же сложная, сколь и деликатная. Все можно было удовлетворительно уладить только с помощью поминутных расспросов, выверенных расчетов, длительных сочинений и взаимных уступок. В Англии в наше время потребовалось

четверть века, чтобы провести менее значительную реформу, преобразование десятины и манориальных прав; и время также было необходимо нашим ассамблеям, чтобы усовершенствовать свое политическое образование²²⁰⁸, избавиться от своих теорий, узнать, соприкасаясь с практическими делами и изучая детали, расстояние, которое отделяет спекуляцию от практики; понять, что новая система институтов хорошо работает только благодаря новой системе привычек и что декретировать новую систему привычек равносильно попытке построить старый дом. Тем не менее, они берутся за дело. Они отвергают предложения короля, ограниченные реформы, постепенные преобразования. По их мнению, их право и долг - переделать общество сверху донизу. Таково веление чистого разума, открывшего права человека и условия Общественного договора.

II - Природа обществ и принцип долговечных конституций.

Применяйте Общественный договор, если хотите, но применяйте его только к тем, для кого он был составлен. Это были абстрактные существа, не принадлежащие ни к эпохе, ни к стране, идеальные создания, вылупившиеся по мановению волшебной палочки метафизика. По сути дела, они появились на свет, убрав все характеристики, отличающие одного человека от другого,²²⁰⁹ француза от папуаса, современного англичанина от британца времен Цезаря, и сохранив лишь ту часть, которая является общей для всех.²²¹⁰ Полученная таким образом сущность - невероятно скудная, бесконечно урезанная часть человеческой природы, то есть, выражаясь тогдашней фразеологией,

"СУЩЕСТВО С ЖЕЛАНИЕМ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ И СПОСОБНОСТЬЮ РАССУЖДАТЬ".

не более того и не более того. По этому образцу было подготовлено несколько миллионов индивидуумов, в точности похожих друг на друга, и в результате второго упрощения, столь же необычного, как и первое, все они должны быть свободными и равными, без прошлого, без родственников, без ответственности, без традиций, без обычаев, как множество математических единиц, все делимые и все эквивалентные, и затем воображается, что, впервые собравшись вместе, они приступают к заключению своей примитивной сделки. Из природы, которой они, как предполагается, обладают, и ситуации, в которой они находятся, нетрудно вывести их интересы, их воли и договор между ними. Но если этот договор устраивает их, из этого не следует, что он устраивает других. Напротив, из этого следует, что он не устраивает других; неудобство становится чрезвычайным, когда его навязывают живому обществу; мерой этого неудобства будет безмерное расстояние, которое отделяет пустую абстракцию, философский фантом, пустой бессодержательный образ от реального и полного человека.

В любом случае мы рассматриваем не образец, настолько уменьшенный и изуродованный, что является лишь наброском человеческого существа; нет, напротив, мы рассматриваем французов 1789 года. Только для них создается конституция, поэтому только их и следует рассматривать; они, несомненно, люди особого рода, со своим особым темпераментом, своими склонностями, своей религией, своей историей, и все это складывается в умственную и нравственную структуру, наследственную и глубоко укоренившуюся,

завещанную им коренным населением, к которой каждое великое событие, каждый политический или литературный этап на протяжении двадцати веков добавлял свой рост, преобразование или обычай. Он подобен дереву уникальной породы, чей ствол, утолщенный возрастом, хранит в своих годовых кольцах, в своих сучках, ветвях и искривлениях отложения сока и отпечатки бесчисленных времен года, через которые он прошел. Философское определение, столь расплывчатое и банальное, применительно к такому организму - всего лишь грубый ярлык, который ничему нас не учит. Тем более что на этом чрезвычайно сложном фоне проявляются крайние различия и неравенства - возраст, образование, вера, сословие и состояние; их необходимо принимать во внимание, ибо они способствуют формированию интересов, страстей и склонностей. Если взять только самые важные из них, то очевидно, что, согласно средней продолжительности человеческой жизни²²¹¹, половину населения составляют дети, и, кроме того, половина взрослых - женщины. Из каждых двадцати жителей восемнадцать - католики, из них шестнадцать - верующие, по крайней мере, по привычке и традиции. Двадцать пять из двадцати шести миллионов французов не умеют читать, максимум один миллион; а в политических вопросах компетентны лишь пять-шесть сотен. Что касается состояния каждого класса, его идей, настроений, вида и степени культуры, то нам пришлось бы посвятить большой том, чтобы просто набросать их.

Есть еще одна особенность, и самая важная из всех. Эти столь непохожие друг на друга люди отнюдь не независимы и не впервые заключили совместный договор. Они и их предки на протяжении восьмисот лет образуют национальное тело, и именно потому, что они принадлежат к этому телу, они живут, размножаются, трудятся, делают приобретения, становятся просвещенными и цивилизованными и накапливают огромное наследие удобств и интеллекта, которым они сейчас пользуются. Каждый в этом сообществе подобен клетке организованного тела; несомненно, тело - это лишь скопление клеток, но клетка рождается, живет, развивается и достигает своих индивидуальных целей только при условии здорового состояния всего тела. Ее главный интерес, соответственно, - процветание всего организма, а основополагающее требование всех маленьких фрагментарных жизней, знают они об этом или нет, - сохранение великой общей жизни, в которой они состоят, как музыкальные ноты в концерте; это не только необходимость для них, но и долг. Мы все рождаемся с долгом перед своей страной, и этот долг растет по мере нашего взросления; именно с помощью нашей страны, под защитой закона, поддерживаемой властями, наши предки и родители дали нам жизнь, имущество и образование. Способности, идеи, взгляды, все моральное и физическое существо каждого человека - это продукты, в которые общество внесло свой вклад, прямо или косвенно, по крайней мере в качестве опекуна и попечителя. В силу этого государство является его кредитором, подобно тому как обездоленный отец является кредитором своего трудоспособного сына; оно может претендовать на питание, услуги, и во всех силах или ресурсах, которыми он распоряжается, оно заслуженно требует своей доли. - Это он знает и чувствует, понятие родины глубоко заложено в нем, и, когда потребуется, оно проявится в пылких чувствах, питая неуклонную жертвенность и героические усилия. - Таковы настоящие французы, и мы сразу видим, насколько они отличаются от простых, неразличимых, обособленных монад, которые философы настойчиво пытаются заменить ими. Их объединение не нужно создавать, оно уже существует; на протяжении восьми веков у них есть "общее благо" (la chose publique). Безопасность и процветание этого общего блага - одновременно и их интерес, и их потребность, и их долг, и даже их самое тайное желание. Если здесь можно говорить о договоре, то их квазидоговор заключен и решен за них заранее. Первая статья, во всяком случае, оговорена, и она отменяет все остальные. Нация не должна быть распущена. Соответственно, должны существовать органы государственной власти, и они должны соблюдаться. Если их несколько, они должны быть так определены и

сбалансированы, чтобы оказывать взаимную помощь, а не нейтрализовать друг друга своим противостоянием. Какое бы правительство ни было принято, оно должно передавать дела в руки, наиболее квалифицированные для их ведения. Закон должен существовать не в интересах меньшинства, не в интересах большинства, а в интересах всего общества. В отношении этой первой статьи никто не должен отступать от нее, ни меньшинство, ни большинство, ни избранное народом собрание, ни сам народ, даже если он единодушен. Оно не имеет права произвольно распоряжаться общим благом, подвергать его опасности по своему капризу, подчинять его применению той или иной теории или интересам одного класса, даже если этот класс самый многочисленный. Ведь то, что является общим благом, принадлежит не ему, а всему обществу, прошлому, настоящему и грядущему. Каждое поколение является лишь временным управляющим и ответственным попечителем драгоценного и славного наследия, которое оно получило от предыдущего поколения и которое оно должно передать тому, кто придет после него. В этом вечном фонде, в который все французы с первых дней существования Франции вносили свои пожертвования, нет никаких сомнений в намерениях бесчисленных благотворителей; они сделали свои дары условно, то есть на условии, что фонд останется нетронутым и что каждый последующий бенефициант будет лишь управлять им. Если кто-либо из бенефициаров по самонадеянности или легкомыслию, по опрометчивости или односторонности поставит под угрозу возложенную на него ответственность, он причинит зло всем своим предшественникам, чьи жертвы окажутся недействительными, и всем своим преемникам, чьи надежды он развеет. Поэтому, прежде чем браться за разработку конституции, следует рассмотреть все общество в целом, не только в настоящем, но и в будущем, насколько хватит глаз. Интересы общества, рассматриваемые таким дальновидным образом, являются целью, которой должно быть подчинено все остальное и которую обеспечивает конституция. Олигархическая, монархическая или аристократическая конституция - это просто инструмент, хороший, если он достигает этой цели, и плохой, если он ее не достигает, и который, чтобы достичь ее, должен, как и каждый вид механизма, меняться в зависимости от почвы, материалов и обстоятельств. Самый изобретательный незаконен, если он разрушает государство, а самый неуклюжий законен, если он сохраняет государство в целости. Нет ни одного, которое вытекало бы из предшествующего, всеобщего и абсолютного права. В зависимости от народа, эпохи и степени цивилизации, от внешнего или внутреннего состояния вещей всякое гражданское или политическое равенство или неравенство может в свою очередь быть или перестать быть полезным или вредным, а потому оправдывает законодателя в устранении или сохранении его. Именно в соответствии с этим высшим и спасительным законом, а не с воображаемым и невозможным договором, он должен организовывать, ограничивать, делегировать и распределять от центра к крайностям, через наследование или через выборы, через уравнивание или через привилегии, права гражданина и власть сообщества.

III.- Сословия общества.

Политические способности аристократии - ее расположение в 1789 г. - Особые услуги, которые она могла бы оказать.

Принцип Собрания в отношении изначального равенства.

-Отказ от создания верхней палаты.-Феодальные права

Феодальные права аристократии - насколько и почему они были достойны уважения.

-Как их следовало преобразовать.-Принцип Собрания о первоначальной свободе.

Собрания в отношении первоначальной свободы.- Различие, установленное в феодальных податях; применение его принципа.

пробелы в его законе.- Трудности выкупа.- Фактическая

отмена всех феодальных повинностей.- Отмена титулов и

территориальных названий.-Растущее предубеждение против

аристократии.-Ее преследования.-Эмиграция.

Нужно ли начинать с чистого листа, целесообразно ли упразднить или только реформировать различные ордена и корпорации?-Два выдающихся ордена, духовенство и дворянство, расширенные за счет облагодетельствованных плебеев, разбогатевших и приобретших титулованные поместья, образовали бок о бок с правительством привилегированную аристократию, чьи милости она могла получать при условии усердного стремления к ним и должного признания, привилегированную в своих владениях и пользующуюся там всеми правами, принадлежащими феодальному вождю, без выполнения своих обязанностей. Это злоупотребление было, очевидно, огромным и должно было быть прекращено. Но из этого не следовало, что, поскольку положение привилегированного сословия в своих владениях и в связи с правительством допускало злоупотребления, оно должно быть лишено защиты личности и собственности в своих владениях, а также влияния и занятий при правительстве.-Пользующаяся благосклонностью аристократия, когда она ничем не занята и не оказывает никаких услуг, которые ей полагаются по рангу, когда она монополизировала все почести, должности, повышения, льготы и пенсии, [2212](#) в ущерб другим, не менее нуждающимся и достойным, несомненно, представляет собой серьезное зло. Но когда аристократия подчиняется общему праву, когда она занята, особенно когда ее занятие соответствует ее способностям, и особенно когда она доступна для формирования верхней выборной палаты или наследственного пэража, она оказывает огромную услугу - в любом случае она не может быть необратимо подавлена; ибо, хотя она может быть упразднена законом, она восстанавливается фактами. Законодатель должен выбирать между двумя системами: той, которая позволяет ему лежать под паром, или той, которая позволяет ему быть продуктивным, той, которая отталкивает его от государственной службы или той, которая спланивает его вокруг нее. В каждом обществе, которое живет сколько-нибудь долго, всегда существует ядро семей, чье состояние и значение имеют древнюю историю. Даже когда, как во Франции в 1789 году, этот класс кажется исключительным, каждые полвека в него входят новые семьи; судьи, губернаторы, богатые бизнесмены или банкиры, поднявшиеся на вершину социальной лестницы благодаря приобретенному богатству или важным должностям, которые они занимали; и здесь, в среде, образованной таким образом, наиболее естественно развивается государственный деятель и мудрый советник народа, независимый и способный политик.-Потому что, с одной стороны, благодаря своему состоянию и рангу, человек этого класса выше всех вульгарных амбиций и соблазнов. Он способен служить безвозмездно, он не обязан заботиться о деньгах, о том, чтобы обеспечить семью и прожить в мире. Политическая миссия не прерывает его карьеру; он не обязан, подобно инженеру, торговцу или врачу, жертвовать своим бизнесом, продвижением по

службе или клиентами. Он может оставить свой пост без ущерба для себя и тех, кто от него зависит, следовать своим собственным убеждениям, противостоять шумным пагубным мнениям дня и быть верным слугой, а не низким льстецом общества. Если в низших или средних условиях жизни стимулом является корысть, то у него главным мотивом является гордость. Среди глубоких чувств человека нет ни одного, которое было бы более приспособлено для преобразования в честность, патриотизм и совесть; ведь первая потребность высокодуховного человека - самоуважение, и, чтобы получить его, он должен заслужить его. Сравните с этой точки зрения дворянство и аристократию Англии с "политиками" Соединенных Штатов. С другой стороны, при равных талантах человек, принадлежащий к этой сфере жизни, имеет возможность лучше разбираться в государственных делах, чем бедняк из низших слоев общества. Информация, которая ему необходима, - это не эрудиция, полученная в библиотеках или в частных кабинетах. Он должен быть знаком с живыми людьми и, кроме того, со скоплениями людей, а еще больше с человеческими организациями, с государствами, с правительствами, с партиями, с административными системами, в стране и за рубежом, в полном действии и на месте. Есть только один способ достичь этой цели - увидеть все своими глазами, сразу в общих чертах и в деталях, общаясь с главами департаментов, с выдающимися людьми и специалистами, в которых собраны информация и идеи целого класса. Молодые люди не часто посещают общества такого рода ни у себя дома, ни за границей, разве что при условии, что у них есть имя, семья, состояние, образование и знание общественных обычаев. Все это необходимо для того, чтобы молодой человек двадцати лет повсюду находил двери, открытые для него, чтобы его везде принимали на равных, чтобы он мог говорить и писать на трех или четырех живых языках, чтобы совершать долгие, дорогие и поучительные путешествия по чужим странам, чтобы выбирать и менять свое положение в различных отраслях государственной службы, без жалованья или почти без него, и не имея в виду никакой цели, кроме своей политической культуры. Таким образом, воспитанный человек, даже с обычными способностями, достоин того, чтобы с ним советовались. Если он обладает высокими способностями и для него найдется работа, он может стать государственным деятелем еще до тридцати лет; он может приобрести зрелые способности, стать премьер-министром, единственным лодчманом, способным, подобно Питту, Каннингу или Пиллю, провести государственный корабль между рифами или в самый нужный момент прикоснуться к штурвалу, чтобы спасти корабль. Только такая специализированная конная ферма может обеспечить регулярный приток скакунов, а время от времени и фаворита-победителя, который обойдет всех своих конкурентов на европейском поле.

Но для того, чтобы они могли подготовиться и воспитать себя для этой карьеры, путь должен быть чист, и их не должны заставлять идти по слишком отталкивающей дороге. Если звание, наследственное состояние, личное достоинство и изысканные манеры вызывают неприязнь народа; если, чтобы получить его голоса, он вынужден обращаться на равных с избирательными маклерами низкого происхождения; если наглое шарлатанство, вульгарная декламация и подневольная лесть являются единственными средствами, с помощью которых можно получить голоса, тогда, как сейчас в Соединенных Штатах, а раньше в Афинах, аристократическое тело уйдет в частную жизнь и вскоре погрузится в состояние безделья. Культурный и утонченный человек, родившийся с доходом в сто тысяч в год, не испытывает соблазна стать ни фабрикантом, ни адвокатом, ни врачом. За неимением другого занятия он слоняется без дела, развлекает друзей, болтает, предается вкусам и увлечениям любителя, скучает или развлекается. В результате одна из великих сил общества оказывается потерянной для нации. Таким образом, лучшее и крупнейшее приобретение прошлого, тяжелейшее накопление материального и морального капитала остаются непроизводительными. При чистой демократии верхние ветви социального дерева, не

только старые, но и молодые, остаются бесплодными. Когда энергичная ветвь становится выше остальных и достигает вершины, она перестает приносить плоды. Элита нации, таким образом, обречена на постоянные и непоправимые неудачи, потому что не может найти подходящего выхода для своей деятельности. Ей не нужен никакой другой выход, ибо во всех направлениях ее соперники, которые рождаются ниже ее, могут служить так же полезно и так же хорошо, как она сама. Но этот он должен иметь, потому что в этом его способности превосходны, естественны, уникальны, и государство, которое отказывается его использовать, напоминает садовника, который в своем пристрастии к ровной поверхности подавил бы свои лучшие [побеги2213](#). - Таким образом, в конструкциях, направленных на использование постоянных сил общества и сохранение гражданского равенства, аристократия привлекается к участию в государственных делах благодаря продолжительности и безвозмездному характеру ее миссии, институту наследственности, применению различных механизмов, все это сочетается таким образом, чтобы развить честолубие, культуру и политические способности высшего класса и передать власть или контроль над властью в его руки при условии, что он покажет себя достойным ее осуществления. - Сейчас, в 1789 году, высший класс не был недостоин ее. Члены парламентов, дворяне, епископы, капиталисты были теми людьми, среди которых и через которых распространялась философия восемнадцатого века. Никогда аристократия не была более либеральной, более гуманной и более основательно обращенной к полезным [реформам2214](#); многие из них остались таковыми и под ножом гильотины. Судьи высших трибуналов, в частности, традиционно и в силу своего института были врагами чрезмерных расходов и критиками произвола. Что касается провинциальных дворян, то "они настолько устали, - пишет один из [них2215](#), - от двора и министров, что большинство из них стали демократами". В течение многих лет в провинциальных собраниях все высшее сословие, духовенство, дворяне и третье сословие, представляло множество доказательств своего доброго нрава, своего отношения к делу, своей способности и даже щедрости. Его способ изучения, обсуждения и распределения местных налогов показывает, как бы он поступил с общим бюджетом, если бы это было ему поручено. Очевидно, что он защищал бы общего налогоплательщика так же ревностно, как и налогоплательщика провинции, и следил бы за государственным кошельком Парижа так же внимательно, как за кошельком Буржа или Монтобана. - Итак, материалы для хорошей палаты были готовы, и оставалось только созвать ее. Ознакомившись с фактами, ее члены без труда перешли бы от опасной теории к практике здравого смысла, а аристократия, которая с энтузиазмом дала толчок реформе в своих салонах, по всей вероятности, эффективно и умеренно провела бы ее в парламенте.

К несчастью, Ассамблея создает Конституцию не для современных французов, а для абстрактных существ. Вместо того чтобы видеть в обществе классы, расположенные один над другим, она просто рассматривает отдельных людей в сопоставлении; ее внимание приковано не к преимуществам нации, а к воображаемым правам человека. Поскольку все люди равны, все должны иметь равную долю в правительстве. В государстве не должно быть никаких порядков, никаких явных или скрытых политических привилегий, никаких конституционных осложнений или избирательных комбинаций, с помощью которых аристократия, какой бы либеральной и способной она ни была, могла бы наложить руку на какую-либо часть государственной власти. Напротив, поскольку когда-то она имела привилегию на важные и полезные государственные должности, кандидатуры высших классов теперь вызывают подозрение. Все проекты, которые прямо или косвенно резервируют или предоставляют им место, отвергаются: Сначала Королевская декларация, которая, в соответствии с историческими прецедентами, сохраняла три ордена в трех разных палатах и созывала их только для совместных обсуждений "по вопросам общей пользы". Затем план Конституционного комитета, который предлагал создать вторую палату,

пожизненно назначаемую королем по представлению провинциальных собраний. И, наконец, проект Мунье, который предлагал доверить этим же собраниям избрание Сената на шесть лет, обновляемого третями каждые два года. Этот сенат должен был состоять из мужчин не моложе тридцати пяти лет и с доходом в 30 000 ливров в год. Инстинкт равенства слишком силен, и вторая палата не нужна, даже если бы она была доступна плебеям. Через нее2216

"меньшее число будет управлять большим"; "мы должны вернуться к унижительным различиям" древнего режима; "мы должны возродить зародыш аристократии, который должен быть уничтожен"..... "Более того, все, что напоминает о феодальных институтах или возрождает их, плохо, а Верхняя палата - один из их пережитков". "Если у англичан она есть, то только потому, что они были вынуждены пойти на компромисс с предрассудками".

Национальное собрание, суверенное и философское, возвышается над их ошибками, их путами и их примером. Хранилище истины, оно должно не получать уроки от других, а давать их, и предложить на всеобщее обозрение первый тип Конституции, совершенной и соответствующей принципу, наиболее эффективной из всех, чтобы предотвратить формирование правящего класса; закрыть путь к государственным делам не только для старой знати, но и для аристократии будущего; в продолжении и преувеличении работы абсолютной монархии; в подготовке сообщества чиновников и администраторов; в снижении уровня человечности; в уменьшении лени и огрублении или загублении элиты семей, которые содержат или воспитывают себя; и в увядании самого драгоценного из питомников, того, в котором государство набирает своих государственных деятелей.2217

Исключенная из правительства, аристократия собирается уйти в частную жизнь. Давайте последуем за ними в их поместья: Феодальные права, установленные для варварского государства, несомненно, являются большим недостатком в современном государстве. Если они были уместны в эпоху, когда собственность и суверенитет были слиты воедино, когда правительство было местным, когда жизнь была воинственной, то в эпоху, когда суверенитет и собственность разделены, когда правительство централизовано, когда режим является мирным, они выглядят несочетаемыми. Кабала, которая в десятом веке была необходима для восстановления безопасности и сельского хозяйства, в восемнадцатом веке становится бесцельным рабством, которое обедняет землю и сковывает крестьянина. Но из того, что эти древние требования в наши дни подвержены злоупотреблениям и наносят вред, не следует, что они никогда не были полезными и законными и что их можно отменить без компенсации. Напротив, на протяжении многих веков и в целом до тех пор, пока лорд манора проживал в своих поместьях, этот примитивный договор был выгоден обеим сторонам, причем настолько, что привел к появлению современного договора. Благодаря давлению этой тугой повязки раздробленные фрагменты сообщества могут быть снова объединены, и общество вновь обретает свою прочность, силу и активность. В любом случае, то, что этот институт, как и все человеческие институты, возник в результате насилия и был испорчен злоупотреблениями, не имеет большого значения; государство в течение восьмисот лет признавало эти феодальные требования, и, с его собственного согласия и с согласия его судов, они передавались, завещались, продавались, закладывались и обменивались, как любой другой вид собственности. Только две или три сотни, не более, теперь оставались в семьях первоначальных владельцев. "Большая часть титулованных поместий, - пишет современник2218, - перешла в собственность капиталистов, купцов и их потомков; вотчины, по большей части, оказались в руках городских буржуа". Все вотчины, которые в течение двух столетий были куплены новыми людьми, теперь представляют собой экономию и труд их приобретателей. Более того, кто бы ни был их фактическим владельцем, старые или новые

люди, государство обязано им не только по общему праву - поскольку с самого начала оно по своей природе является хранителем всякой собственности, - но и по особому праву, поскольку оно само санкционировало этот особый вид собственности. Вчерашние покупатели заплатили свои деньги только под его гарантию; его подпись стоит на контракте, и он обязался обеспечить им пользование им. Если он препятствует им в этом, пусть выплатит им компенсацию; не получив обещанной вещи, он должен выплатить им ее стоимость. Таков закон в случаях экспроприации для общественных нужд; в 1834 году, например, англичане за законную отмену рабства выплатили своим плантаторам сумму в 20 000 000 фунтов стерлингов. -Но этого недостаточно: если при подавлении феодальных прав мысли законодателя заняты кредиторами, он лишь наполовину выполнил свою задачу; в этом вопросе есть две стороны, и он должен думать и о должниках. Если он не просто любитель абстракций и изящных фраз, если его интересуют люди, а не слова, если он стремится к реальному обеспечению прав земледельца, он не ограничится провозглашением принципа, разрешением выкупа ренты, установлением выкупной ставки и, в случае спора, направлением сторон в трибунал. Он подумает, что крестьяне, совместно ответственные за один и тот же долг, с трудом договорятся между собой; что они боятся тяжбы; что, будучи невежественными, они не знают, как ее вести; что, будучи бедными, они не смогут платить; и что под тяжестью разногласий, недоверия, нерадения и инертности новый закон останется мертвой буквой и только раззадорит их скупость или разожжет их негодование. Предвидя эти беспорядки, законодатель придет им на помощь; он создаст третейские комиссии между ними и хозяином поместья; он заменит шкалу аннуитетов полным и немедленным выкупом; он ссудит им капитал, который они не смогут занять в другом месте; он установит банк, права и порядок, - словом, как в Савойе в 1771 году, в Англии в 1845 [году2219](#) и в России в 1861 году, он облегчит положение бедных, не разоряя богатых; он установит свободу, не нарушая прав собственности; он примирит интересы и классы; он не даст волю жестокому крестьянскому бунту (Jasquerie), чтобы осуществить несправедливую конфискацию; и он завершит социальный конфликт не борьбой, а миром.

В 1789 году все происходит с точностью до наоборот. В соответствии с доктриной общественного договора устанавливается принцип, что каждый человек рождается свободным и что его свобода всегда была неотъемлемой. Если он раньше подчинялся рабству или крепостному праву, то это происходило потому, что к его горлу был приставлен нож; договор такого рода, по сути, не имеет юридической силы. Тем хуже для тех, кто пользуется им в настоящее время; они являются обладателями украденной собственности и должны вернуть ее законным владельцам. Пусть никто не возражает, что это имущество было приобретено за наличные и добросовестно; они должны были заранее знать, что человек и его свобода не являются коммерческими делами и что несправедливые приобретения справедливо гибнут в их руках.[2220](#) Никто не мечтает, чтобы государство, которое было стороной в этой сделке, стало ответственным гарантом. Лишь одно сомнение затрагивает Собрание; его юристы и Мерлин, его докладчик, вынуждены уступить доказательствам; они знают, что в существующей практике и под бесчисленными древними и современными титулами дворянин во многих случаях является лишь обычным арендодателем, и что если в этих случаях он взимает свои пошлины, то лишь в качестве частного лица, в силу взаимного договора, поскольку он отдал в бессрочную аренду определенную часть своей земли; И он передал ее только в обмен на ежегодный платеж деньгами или продуктами, или услугами, вместе с другим условным требованием, которое фермер выплачивает в случае передачи аренды. Эти два обязательства не могут быть отменены без возмещения убытков; если бы это было сделано, то более половины собственников во Франции лишились бы собственности в пользу крестьян. Поэтому Ассамблея проводит различие между феодальными пошлинами: с одной стороны, она

отменяет без возмещения все те пошлины, которые дворянин получает в силу того, что он является местным государем, древним собственником лиц и узурпатором государственной власти; все те, которые арендатор платил как крепостной, наделенный правами наследования, а также как бывший вассал или зависимый. С другой стороны, он сохраняет и определяет как подлежащие выкупу по определенной ставке все те, которые дворянин получает в силу своего титула земельного собственника и простого арендодателя; все те, которые арендатор платит в силу того, что он является свободным контрагентом, бывшим покупателем, арендатором, фермером или получателем земельной собственности.²²²¹ Таким разделением он воображает, что уважает законную собственность, ниспровергая незаконную, и что в феодальной схеме обязательств он отделил пшеницу от плевел.

Но, исходя из принципов, составления и упущений своего закона, он обрекает и то и другое на общую гибель; огонь, на который он бросил мякину, обязательно сжигает пшеницу - и то и другое на самом деле связано в один сноп. Если благородный человек раньше подчинял себе людей мечом, то и владение землей он раньше приобретал мечом. Если подчинение людей недействительно из-за изначального пятна насилия, то узурпация земли недействительна по той же причине. И если санкция и гарантия государства не могли оправдать первый акт разбойничества, они не могут оправдать и второй; и поскольку права, вытекающие из несправедливого суверенитета, отменяются без возмещения, права, вытекающие из несправедливого владения, должны быть также отменены без компенсации... Ассамблея с удивительной неосмотрительностью заявила в преамбуле к своему закону, что "она полностью отменяет феодальную систему", и, каковы бы ни были ее скрытые оговорки, закон вышел. Сорок тысяч суверенных муниципалитетов, которым зачитывается текст декрета, обращают внимание только на первую статью, и сельский прокурор, наделенный правами человека, легко доказывает этим собраниям должников, что они ничего не должны своим кредиторам. Не должно быть ни исключений, ни различий: ни годовой ренты, ни полевой ренты, ни пошлин на продукты, ни условной ренты, ни господских пошлин и штрафов, ни пятин.²²²² Если они и были сохранены собранием, то по причине непонимания, робости, непоследовательности, и со всех сторон, в сельских округах, раздается ропот разочарованной жадности или неудовлетворенной нужды:²²²³

"Вы думали, что уничтожаете феодализм, а ваши выкупные законы сделали как раз обратное. . . . Разве вы не знаете, что тот, кто назывался сеньором, был просто безнаказанным узурпатором? . . . Этот отвратительный указ 1790 года стал гибелью для арендаторов. Он поверг деревни в смятение. Дворяне пользуются всеми его преимуществами. . . . Выкуп никогда не будет возможен. Выкуп нереальных требований! Выкуп пошлин, которые вызывают отвращение!"

Напрасно Собрание настаивает, уточняет и объясняет на примерах и в подробных инструкциях порядок и условия выкупа. Ни процедура, ни ее условия не осуществимы на практике. Оно не предусмотрело ни соглашения сторон, ни удовлетворения феодальных залогов, ни специальных третейских судей, ни банка для займов, ни системы аннуитетов. И что еще хуже, вместо того, чтобы расчистить дорогу, он преградил ее юридическими мерами. Арендатор не может выкупить свою годовую ренту без одновременной уплаты условной ренты: он не имеет права самостоятельно выкупить свою квоту, поскольку связан солидарностью с другими партнерами. Если его запас окажется небольшим, тем хуже для него. Не имея возможности выкупить весь, он не имеет права выкупить часть. Не имея денег, чтобы освободить себя как от земельной ренты, так и от господской пошлины, он не может освободить себя от земельной ренты. Не имея денег, чтобы полностью погасить долг тех, кто

связан вместе с ним самим, он остается пленником в своих древних цепях в силу нового закона, который объявляет ему свободу.

Перед лицом этих неожиданных пут крестьянин приходит в ярость: с самого начала революции он твердо решил, что больше никому ничего не должен, и среди речей, декретов, прокламаций и инструкций, которые молва доносит до его слуха, он улавливает только одну фразу и твердо намерен не улавливать никакой другой, а именно: отныне с него сняты все обязательства. Он не отступает от этого, и поскольку закон мешает, а не помогает ему, он будет нарушать закон. Действительно, после 4 августа 1789 года феодальные пошлыны перестают взиматься. Требования, которые поддерживаются, не исполняются так же, как и те, которые подавляются. Целые общины приходят и заявляют хозяину поместья, что больше не будут платить ренту. Другие, с мечом в руках, заставляют его выдать им повинности. Другие, чтобы быть в большей безопасности, вскрывают его сейф и бросают в огонь документы на право владения.²²²⁴ Общественная сила нигде не может быть достаточно сильной, чтобы защитить его законные права. Чиновники не осмеливаются вручать судебные приказы, суды не выносят решений, административные органы не выносят постановлений в его пользу. Он лишен собственности из-за попустительства, пренебрежения или бессилия всех властей, которые должны были бы его защищать. Он брошен на растерзание крестьянам, которые вырубают его леса под тем предлогом, что они раньше принадлежали коммуне; которые завладевают его мельницей, его винным прессом и его печью под тем предлогом, что территориальные привилегии подавлены²²²⁵. Большая часть дворянства в провинциях разорена, не имеет никаких средств к существованию и не имеет даже хлеба насущного; ибо их доходы состояли из сеньориальных прав и ренты, получаемой с их недвижимого имущества, которое они сдавали в бессрочную аренду, а теперь, в соответствии с законом, половина этих доходов перестает выплачиваться, а другая половина - вопреки закону. Таким образом, сто двадцать три миллиона дохода, представляющие собой две тысячи миллионов с половиной капитала в деньгах того времени, по крайней мере, вдвое больше, чем в настоящее время, переходят в виде дара или благодаря попустительству Национального собрания из рук кредиторов в руки их должников. К этому следует добавить равную сумму для доходов и капитала, возникающих из десятины, которая подавляется без компенсации и тем же ударом. Это начало великой революционной операции, то есть всеобщего банкротства, которое прямо или косвенно должно уничтожить все контракты и упразднить все долги во Франции. Посягательства на собственность, особенно частную, не могут быть безнаказанными. Собрание хотело отрубить только феодальную ветвь; но, признав, что государство может аннулировать без компенсации обязательства, которые оно гарантировало, оно всадило топор в корень дерева, и другие, более грубые руки уже вбивают его до самого стержня.

Теперь дворянину не остается ничего, кроме его титула, территориального названия и гербовых знаков, которые являются невинными отличиями, поскольку больше не наделяют его никакой юрисдикцией или превосходством, и которые, поскольку закон перестает его защищать, первый встречный может безнаказанно позаимствовать. Более того, они не только не приносят вреда, но даже достойны уважения. У многих дворян титул поместья перекрывает фамилию, причем используется только первый. Если заменить одно другим, то публика с трудом узнает месье де Мирабо, Лафайета и месье де Мутморанси под новыми именами Рикетти, месье Моттиз и месье Бушар. Кроме того, это было бы неправильно по отношению к его носителю, для которого отмененный титул - законное владение, часто драгоценное, свидетельство качества и происхождения, подлинное личное отличие, которого он не может быть лишен без потери своего положения, ранга и ценности в окружающем его мире людей. - Ассамблея, однако, имея на кону народный принцип, не

обращает внимания ни на общественную пользу, ни на права отдельных лиц. Феодальная система упраздняется, и от всего, что от нее осталось, необходимо избавиться. Принимается декрет о том, что "наследственное дворянство оскорбляет разум и истинную свободу"; что там, где оно существует, "нет политического равенства" [2226](#). Каждому французскому гражданину запрещается принимать или сохранять титулы принца, герцога, графа, маркиза, шевалье и тому подобные, а также носить что-либо, кроме "истинного имени своей семьи"; ему запрещается заставлять своих слуг носить ливреи, иметь гербы на своем доме или на своей карете. В случае любого нарушения этого закона на него налагается штраф, равный шестикратной сумме его личных налогов; он должен быть вычеркнут из реестра граждан и объявлен неспособным занимать какие-либо гражданские или военные должности. Такому же наказанию подлежит, если к какому-либо договору или оправданию он приложит свою привычную подпись; если по привычке или по неосторожности он добавит к своей фамилии титул своего поместья; если, желая добиться признания и сделать свою личность несомненной, он просто упомянет, что когда-то носил прежнее имя. Любой нотариус или государственный служащий, который напишет или позволит написать в каком-либо документе слово *ci-devant* (ранее), должен быть отстранен от исполнения своих обязанностей". Таким образом, старые имена не только упраздняются, но и делается все возможное, чтобы стереть всякое воспоминание о них. Через некоторое время детский закон превратится в убийственный. Пройдет совсем немного времени, и, согласно условиям этого же декрета, семидесятисемилетний военный ветеран, верный слуга Республики, бригадный генерал Конвента, будет арестован по возвращении в родную деревню, потому что он машинально подписал реестр революционного комитета как Монперрё вместо Ваннода, и за это нарушение он будет гильотинирован вместе со своим братом и [невесткой](#) [2227](#).

Вступив на этот путь, невозможно остановиться, ибо провозглашенные принципы выходят за рамки принятых декретов, а плохой закон влечет за собой худший. Учредительное [собрание](#) [2228](#) предположило, что ежегодные платежи, как земельная рента, и условные платежи, как феодальные повинности (*lods et rentes*), являются ценой древней уступки земли, и, следовательно, доказательство обратного должно быть возложено на арендатора. Законодательное собрание собирается предположить, что эти же арендные платежи являются результатом старой феодальной узурпации и что, следовательно, доказательство обратного должно лежать на собственнике. Его права не могут быть установлены ни владением с незапамятных времен, ни бесчисленными и регулярными аквизициями; он должен предъявить акт уступки, которому много веков, договор аренды, который, возможно, никогда не был выписан, примитивный титул, редкий в 1720 [году](#) [2229](#), а затем украденный или сожженный в недавних жакеманиях: в противном случае он лишается собственности без возмещения. Все феодальные претензии считаются этим актом без исключения и без компенсации.

Аналогичным образом Учредительное собрание, отменив нормы общего права в отношении наследования *ab intestato*, лишило всех старших сыновей и мужчин каких-либо [преимуществ](#) [2230](#). Конвенция, подавляя свободу завещания, запрещает отцу распоряжаться более чем десятой частью своего имущества; и снова, обращаясь к прошлому, она придает своим постановлениям обратную силу: каждое завещание, открытое после 14 июля 1789 года, объявляется недействительным, если оно не соответствует этому декрету; каждое наследство от 14 июня 1789 года, которым управляют после той же даты, делится заново, если раздел не был равным; каждое пожертвование, которое было сделано между наследниками после той же даты, является недействительным. Феодальная семья не только разрушена таким образом, но и никогда не будет реформирована. Аристократию, однажды объявленную ядовитым растением, недостаточно просто выкорчевать, ее нужно уничтожить,

не только вырыть с корнем, но и вытравить ее семена - против нее возбуждается злобное предубеждение, и оно растет день ото дня. Укусы самодовольства, разочарования амбиций и завистливые настроения подготовили почву для этого. Его твердое, сухое ядро состоит из абстрактной идеи равенства. Вокруг революционный пыл заставляет литься кровь, озлобляет темперамент, обостряет чувствительность и создает болезненный нарыв, который с каждым днем становится все болезненнее. В результате постоянных размышлений о чисто умозрительных предпочтениях эта идея превратилась в непоколебимую и становится убийственной. Это странная страсть, всецело принадлежащая мозгу, питаемая пышными фразами, но тем более разрушительная, что из слов создаются фантомы, а против фантомов не могут одержать верх ни рассуждения, ни реальные факты. Тот или иной лавочник, который до сих пор всегда составлял свое представление о знати по впечатлениям от членов парламента своего города или дворянства своего кантона, теперь представляет их себе в соответствии с заявлениями клуба и инвективами газет. Воображаемая фигура в его сознании постепенно поглощает живую: он видит уже не спокойный и привлекательный лик, а ухмыляющуюся и искаженную маску. Доброжелательность или равнодушие сменяются враждебностью и недоверием; они - низвергнутые тираны, древние злодеи, враги общества; он заранее и без лишних расследований уверен, что они замышляют заговоры. Если им удастся избежать поимки, это происходит благодаря их адресности и вероломству, и они тем опаснее, чем безобиднее кажутся. Их субмиссия - всего лишь фикция, их отставка - лицемерие, их благосклонность - предательство. Против этих заговорщиков, которых нельзя трогать, закон недостаточен; давайте же применим его на практике, и, пока они морщатся от равенства, постараемся заставить их склониться под игом.

На самом деле незаконное преследование предшествует законному; привилегированное лицо, которое позднейшими указами, казалось бы, только вводится в рамки общего права, на самом деле выводится за его пределы. Король, обезоруженный, больше не в состоянии защитить его; пристрастная Ассамблея отклоняет его жалобы; следственный комитет считает его виновным, когда его просто притесняют. Его доходы, его собственность, его покой, его свобода, его дом, его жизнь, жизнь его жены и его детей находятся в руках администрации, избранной толпой, управляемой дубинками и подвергаемой угрозам или насилию со стороны толпы. Его не допускают к выборам. Газеты обличают его. Он подвергается домашним визитам. В сотнях мест его замок разграблен; убийцы и поджигатели, выходящие из него с руками, полными крови, не преследуются или защищены [амнистией2231](#) : бесчисленными прецедентами установлено, что он может быть безнаказанно убит. Чтобы лишить его возможности защищаться, приходят роты национальной гвардии и отбирают у него оружие: он должен стать добычей, и добычей легкой, как дичь, отведенная в загон для приближающейся охоты... Напрасно он воздерживается от провокаций и низводит себя до положения частного лица. Напрасно он терпеливо переносит многочисленные провокации и сопротивляется только крайнему насилию. Я прочитал многие сотни расследований в оригинальных рукописях и почти всегда восхищался гуманностью дворян, их терпением, их ужасом перед кровопролитием. Многие из них не только мужественны и все люди чести, но и, воспитанные в философии восемнадцатого века, они мягки, чувствительны, и насилие им противно. Особенно образцовы военные офицеры, их большой недостаток - слабость: вместо того чтобы стрелять в толпу, они сдают крепости, находящиеся под их командованием, и позволяют народу оскорблять и забрасывать себя камнями. В течение [двух лет2232](#) , "подвергаясь тысяче оскорблений, клевете, ежедневным опасностям, преследуемые дубинками и заблуждающимися солдатами", не подчиняясь, подвергаясь угрозам, подвергаясь аресту со стороны своих же людей, они остаются на своем посту, чтобы не допустить разрыва рядов; "со стоическим упорством они терпят презрение к своей власти, чтобы сохранить ее видимость, их мужество относится к тому редчайшему виду,

который состоит в том, чтобы оставаться на посту, бесстрастно перенося и оскорбления, и удары. - По ошибке величайшего масштаба целый класс, не имеющий доли в благосклонности двора и пострадавший не меньше, чем любой из простых плебеев, смешивается с титулованными паразитами, осаждающими прихожие Версаля. Двадцать пять тысяч семей, "ясли армии и флота", элита землевладельцев, а также множество джентльменов, присматривающих за небольшими поместьями, в которых они живут, и "не покидавших свои дома ни на один год", становятся изгоями своего кантона.²²³³ После 1789 года они начинают чувствовать, что их положение больше не выдерживает критики.²²³⁴

"Это абсолютно противоречит правам человека, - говорится в другом письме из Франш-Конте, - когда человек находится в постоянном страхе, что ему перережут горло негодяи, которые ежедневно путают свободу с лицензией".

"Я никогда не знал ничего столь утомительного, - говорится в другом письме из Шампани, - как это беспокойство о собственности и безопасности. Никогда не было лучшей причины для этого. Достаточно одного мгновения, чтобы дать волю несговорчивому населению, которое считает, что может делать все, что ему заблагорассудится, и которое тщательно поддерживается в этом заблуждении".

"После тех жертв, которые мы принесли, - говорится в письме из Бургундии, - мы не могли ожидать такого обращения. Я думал, что наше имущество будет нарушено в последнюю очередь, потому что народ должен был нам отплатить за то, что мы оставались дома, в деревне, чтобы тратить среди них те немногие средства, которые нам остались. ... (Теперь) я прошу Ассамблею отменить декрет об эмиграции, иначе можно сказать, что людей специально держат здесь, чтобы убивать". . . Если Ассамблея откажет нам в этом, я с такой же готовностью приму решение о запрете на нашу деятельность, ибо тогда мы не сможем убаюкать себя защитой законов, которые, несомненно, очень мудры, но нигде не соблюдаются".

"Мы сожалеем не о наших привилегиях, - говорят другие, - не о нашем благородстве; но как поддержать гонения, которым мы подвергаемся? Нет никакой безопасности ни для нас, ни для нашего имущества, ни для наших семей. Несчастные должники, мелкие фермеры, лишаящие нас доходов, ежедневно угрожают нам факелом и фонарным столбом. Мы не имеем ни одного часа покоя, ни одной ночи, которую мы могли бы провести без неприятностей. Наши лица подвергаются жесточайшим посягательствам, наши жилища - инквизиции вооруженных тиранов; нас безнаказанно лишают ренты, а на наше имущество открыто покушаются. Мы, будучи теперь единственным народом, который платит налоги, облагаемся несправедливо; в разных местах всех наших доходов не хватило бы, чтобы заплатить квоту, которая нас сокрушает. Мы не можем подать ни одной жалобы, не подвергаясь риску расправы. Трибуналы и административные органы, инструменты толпы, ежедневно приносят нас в жертву ее нападкам. Даже правительство, кажется, боится скомпрометировать себя, заявляя о защите законов от нашего имени. Достаточно быть отмеченным как аристократ, чтобы не иметь никакой безопасности. Если наши крестьяне в целом проявляли к нам больше честности, внимания и привязанности, то всякий важный буржуа, дикие члены клубов, самые мерзкие люди, запятнавшие мундир, считают себя вправе оскорблять нас, а эти жалкие люди остаются безнаказанными и находятся под защитой! Даже наша религия не свободна. У одного из нас разграбили дом за то, что он оказал гостеприимство восьмидесятилетнему старому куратору, принадлежащему к его приходу, который отказался принять присягу. Такова наша судьба. Мы не настолько изменны, чтобы терпеть это. Наше право сопротивляться угнетению обусловлено не декретом Национального собрания, а естественным правом. Мы собираемся уйти и, если

потребуется, умереть. Но жить при такой отвратительной анархии! Если она не будет разрушена, мы никогда больше не ступим на землю Франции!"

Операция проходит успешно. Собрание своими декретами и учреждениями, законами, которые оно принимает, и насилием, которое оно терпит, выкорчевало аристократию и изгнало ее из страны. Дворяне, ставшие теперь наоборот привилегированными, не могут оставаться в стране, где, уважая закон, они на самом деле находятся за его пределами. Те, кто первыми эмигрировали 15 июля 1789 года вместе с принцем де Конде, вечером накануне отъезда получили в своих домах список запрещенных, в котором значились их имена, и была обещана награда тому, кто принесет их головы в подвал Пале-Рояля. Другие, в большом количестве, уехали после событий 6 октября.

"Эмиграция продолжается в компаниях, состоящих из людей любого состояния. . . . Только Пуату покинули двенадцать сотен господ; Овернь, Лимузен и десять других провинций в равной степени лишились своих землевладельцев. Есть города, в которых не осталось никого, кроме простых рабочих, клуба и толпы пожирателей чинов, созданных конституцией. Все дворяне Бретани уехали, эмиграция началась в Нормандии и продолжается в пограничных провинциях.

"Более двух третей армии останется без офицеров". После призыва к новой присяге, в которой имя короля намеренно опускается, "шесть тысяч офицеров подают в отставку".

Пример постепенно становится заразительным; это люди меча, и их честь поставлена на карту. Многие из них присоединяются к принцам в Кобленце и впоследствии сражаются против Франции, полагая, что сражаются только против своих палачей.

Обращение Ассамблеи с дворянами - то же самое, что и обращение Людовика XIV с протестантами.²²³⁶ В обоих случаях угнетенные - это высший класс людей. В обоих случаях Франция стала для них непригодной для жизни. В обоих случаях они были изгнаны, и их наказали за то, что они сами себя изгнали. В обоих случаях это закончилось конфискацией их имущества и смертной казнью всех, кто их приютит. В обоих случаях преследования побуждают их к восстанию. Восстание в Вандее соответствует восстанию в Севернах, а эмигрантов, как и беженцев прежних времен, можно встретить под флагами Пруссии и Англии. Сто тысяч французов, изгнанных в конце семнадцатого века, и сто тысяч, изгнанных в конце восемнадцатого века! Обратите внимание, как нетерпимая демократия завершает дело нетерпимой монархии. Моральная аристократия была уничтожена во имя единообразия; социальная аристократия уничтожается во имя равенства. Во второй раз абсолютный принцип, и с тем же эффектом, зарывает свой клинок в сердце живого общества.

Успех полный. Один из депутатов Законодательного собрания в начале заседания, получив информацию о большом росте эмиграции, радостно восклицает,

"ТЕМ ЛУЧШЕ; ФРАНЦИЯ ОЧИЩАЕТСЯ!".

На самом же деле она лишается половины своей лучшей крови.

IV.- Злоупотребления и бездеятельность в 1789 году в церковных органах.

Как государство использовало свое право надзора и реформирования

-Общественная польза корпораций.-Звуковая роль в

Монашество.-Ревность и заслуги монахинь.-Как

как следует использовать церковные владения.-Принцип

Ассамблеи в отношении частных общин, феодальных прав и

трастовых фондов.-Отмена и экспроприация всех корпораций.

-Некомпенсированное подавление десятины.-Конфискация

церковных владений.-Влияние на казну и на

экспроприированные службы.-Гражданская конституция

духовенства.-Права церкви по отношению к государству.

-Определенность и последствия конфликта.-Священники рассматриваются как

государственные служащие.-Основные положения закона.

-Обязательства присяги.-Большинство священников отказываются

Большинство верующих на их стороне.

-Преследования верующих и священников.

Оставались корпоративные, церковные и светские органы, а также, в частности, старейшее, самое богатое и значительное из всех регулярных и светских духовенств.²²³⁷ ²²³⁷Здесь также существовали серьезные злоупотребления, поскольку институт, основанный на древних требованиях, не приспособился к новым потребностям. Епископских кафедр было слишком много, и они были расположены в соответствии с христианским распределением населения в IV веке; доходы распределялись еще хуже - епископы и аббаты, получавшие по сто тысяч ливров в год, вели жизнь приятных бездельников, в то время как куры, перегруженные работой, имели всего семьсот; в одном монастыре девятнадцать монахов вместо восьмидесяти, а в другом четыре вместо пятидесяти;²²³⁸ ряд монастырей сократился до трех или двух обитателей и даже до одного; почти все мужские общины пришли в упадок, а многие из них вымирают из-за отсутствия послушников;²²³⁹ общая вялость среди членов, большая расхлябанность во многих учреждениях, а в некоторых из них - скандалы; едва ли одна треть проявляет интерес к своему призванию, а остальные две трети желают вернуться в мир,²²⁴⁰ - из всего этого очевидно, что первобытное вдохновение было отвлечено или охладело; что пожертвования лишь частично выполняют свои цели; что половина ресурсов используется не по назначению или остается бесплодной; короче говоря, что существует необходимость реформации в теле.-То, что это должно быть сделано при сотрудничестве с государством и даже под его руководством, не менее очевидно. Ведь корпорация - это не индивид, как другие индивиды, и для того, чтобы она могла приобрести или обладать привилегиями обычного гражданина, необходимо добавить что-то дополнительное, какую-то фикцию, какую-то уловку закона. Если закон склонен игнорировать тот факт, что корпорация не является физическим лицом, если он наделяет ее гражданской личностью, если он объявляет ее способной наследовать, приобретать и продавать, если она становится защищенным и уважаемым собственником, то это объясняется благосклонностью государства, которое предоставляет ей на службу свой трибунал и жандармов и которое в обмен на эту службу справедливо налагает на нее условия, и среди прочих - быть полезной и

оставаться полезной, или, по крайней мере, никогда не становиться вредной. Таково было правило при Древнем режиме, и особенно после того, как правительство в течение последней четверти века постепенно и эффективно проводило реформу. Не только в 1749 году оно запретило Церкви принимать землю в дар, по завещанию или в обмен без королевской грамоты, зарегистрированной в парламенте; не только в 1764 году оно упразднило орден иезуитов, закрыло их колледжи и продало их имущество, но и с 1766 года постоянная комиссия, сформированная по приказу короля и под его руководством, обрубала все отмирающие и мертвые ветви церковного [дерева](#)²²⁴¹. Были пересмотрены примитивные конституции; запрещено каждому учреждению иметь более двух монастырей в Париже и более одного в других городах; отложен возраст для принятия обетов - шестнадцать лет более не допускались - до двадцати одного года для мужчин и восемнадцати для женщин; установлен обязательный минимум монахов и монахинь для каждого учреждения, который варьируется от пятнадцати до девяти в зависимости от обстоятельств; если он не соблюдается, следует запрет на прием послушников или отказ от них: Благодаря этим мерам, неукоснительно выполняемым, через двенадцать лет "исчезли Граммонтины, Сервиты, Целестины, древний орден Сен-Бенедикт, орден Святого Духа в Монпелье, а также Сен-Бригит, Сен-Круа-де-ла-Бретоннери, Сен-Руфф и Сен-Антуан" - словом, девять полных конгрегаций. По истечении двадцати лет было ликвидировано триста восемьдесят шесть заведений, число монахов и монахинь сократилось на треть, большая часть выморочного имущества получила полезное применение, а мужские конгрегации испытывали недостаток в послушниках и жаловались, что не могут пополнить свои ряды. Если монахи все еще оказывались слишком многочисленными, слишком богатыми и слишком ленивыми, нужно было просто продолжать в том же духе; до конца века, просто применив эдикт, институт был бы возвращен, без жестокости и несправедливости, в рамки развития, ограничений состояния и класса функций, приемлемых для современного государства.

Но из того, что эти церковные органы нуждались в реформе, не следует, что их нужно было уничтожить, и вообще, что независимые институты вредны для нации. Организованные специально для общественного служения и обладающие, почти или отдаленно под надзором государства, способностью к самоуправлению, эти органы являются ценными органами, а не злокачественными опухолями.

Во-первых, через их учреждение обеспечивается большое общественное благо без каких-либо затрат со стороны правительства - богослужение, научные исследования, начальное или высшее образование, помощь бедным, уход за больными - все это отделено и защищено от сокращений, которые могут сделать необходимыми государственные финансовые трудности, и поддерживается частной щедростью, которая, находя под рукой готовое вместилище, собирает вместе, век за веком, тысячи своих разрозненных источников: как пример, обратите внимание на богатство, стабильность и полезность английских и немецких университетов.

Во-вторых, их институт служит препятствием для всемогущества государства; их стены обеспечивают защиту от нивелирующей стандартизации абсолютной монархии или чистой демократии. Здесь человек может свободно развиваться, не надевая ливрею придворного или демагога, он может приобретать богатство, внимание и власть, не будучи обязанным капризам королевской или народной благосклонности; он может твердо противостоять устоявшимся или преобладающим мнениям, защищенный соратниками, связанными их дружеской дружбой. Таково в настоящее время (1885 г.) положение профессора в Оксфорде, Геттингене и Гарварде Таковы при древнем режиме епископ, член французских парламентов и даже простой адвокат. Что может быть хуже, чем всеобщая бюрократия, порождающая

механическое и подневольное единообразие! Те, кто служит обществу, не обязательно должны быть правительственными клерками; в странах, где аристократия погибла, органы такого рода являются их последним пристанищем.

В-третьих, благодаря таким учреждениям внутри большого общего мира могут возникнуть отдельные самобытные общества. Здесь особые личности могут найти единственное существование, которое им подходит. Если они благочестивы или трудолюбивы, они не только дают выход глубоким потребностям совести, воображения, активности и дисциплины, но и служат дамбами, сдерживающими и направляющими их в русло, которое приведет к созданию шедевра бесконечной ценности. Таким образом, тысячи мужчин и женщин за небольшие деньги, добровольно и безвозмездно, с большим эффектом удовлетворяют наименее привлекательные и более отталкивающие социальные потребности, выполняя в человеческом обществе ту роль, которую в муравейнике мы видим отведенной бесполому [работнику-муравью2242](#).

Таким образом, в основе своей институт был действительно хорош, и если его и нужно было прижечь, то лишь для того, чтобы удалить инертные или испорченные части и сохранить здоровые и здоровые.²²⁴² Если же взять только монашеские тела, то их было больше половины, и они заслуживали уважения. Я опускаю тех монахов, треть которых осталась ревностными и образцовыми: бенедиктинцев, продолжающих "Gallia Christiana", и тех, кто в шестьдесят лет трудится в комнатах без огня; траппистов, обрабатывающих землю своими руками, и бесчисленные монастыри, которые служат образовательными семинариями, благотворительными бюро, приютами, и которые все окрестные деревни требуют сохранения Национальным [собранием2243](#). Я должен упомянуть о монахинях, тридцать семь тысяч в пятнадцатистах монастырях. Здесь, за исключением двадцати пяти капитулов канонисс, которые являются полусветским пристанищем для бедных молодых девушек благородного происхождения, пылкость, бережливость и полезность почти везде неоспоримы. Один из членов Церковного комитета признает в трибунале Ассамблеи, что во всех своих письмах и обращениях монахини просят позволить им остаться в своих обителях; их мольбы, по сути, столь же искренни, сколь и трогательны.²²⁴⁴ Одна община пишет,

"Мы должны предпочесть жертву нашей жизни жертве нашего призвания... Это голос не некоторых наших сестер, а всех. Национальное собрание установило требования свободы - неужели оно будет препятствовать их осуществлению единственными бескорыстными существами, которые горячо желают быть полезными и отказались от общества только для того, чтобы быть ему более полезными?"

"То, что мы мало общаемся с миром, - пишет другой, - является причиной того, что наше довольство так мало известно. Но оно не менее реально и основательно. Мы не знаем ни различий, ни привилегий между собой; наши несчастья и наше имущество - общие. Мы едины сердцем и душой. ...Мы заявляем перед всем народом, перед лицом неба и земли, что ни одно существо не в силах поколебать нашу верность нашим обетам, которые мы возобновляем с еще большим пылом, чем когда впервые их произнесли "²²⁴⁵.

Многие общины не имеют никаких средств к существованию, кроме работы своими руками и небольшого приданого, которое монахини приносят с собой при поступлении в монастырь. Однако их бережливость и экономность настолько велики, что общие расходы каждой монахини не превышают 250 ливров в год. В "Аннонсиадах" Сент-Амура говорится следующее,

"Мы, тридцать три монахини, как хористки, так и монахини в белых вуалях, живем на 4 400 ливров чистого дохода, не обременяя ни наши семьи, ни общество. . . Если бы мы жили в

обществе, наши расходы были бы в три раза больше"; и, не довольствуясь обеспечением себя, они занимаются благотворительностью.

Среди этих общин несколько сотен учебных заведений; очень многие из них дают безвозмездное начальное образование... Сейчас, в 1789 году, нет других школ для девочек, и если бы они были упразднены, все пути к образованию и культуре были бы закрыты для одного из двух полов, составляющих половину населения Франции. Четырнадцать тысяч сестер милосердия, распределенных по четыреста двадцати монастырям, присматривают за больницами, ухаживают за больными, обслуживают немощных, воспитывают подкидышей, опекают сирот, лежащих женщин и раскаявшихся проституток. Посещение" - это приют для "тех, кого природа не облагодетельствовала", а в те времена таких обезображенных было гораздо больше, чем сейчас, поскольку из каждых восьми смертей одна была вызвана оспой. Сюда принимают вдов, а также девушек без средств и защиты, людей, "измученных волнением мира", тех, кто слишком слаб, чтобы поддерживать жизненную борьбу, тех, кто уходит из нее раненым или инвалидом, а "правила ордена, не очень строгие, не выходят за рамки здоровья или силы самых хрупких и нежных". Какое-то хитроумное устройство благотворительности, таким образом, накладывает на каждую моральную или социальную болячку, умело и осторожно, правильную и соразмерную повязку. И наконец, почти все эти общины находятся в процветающем состоянии, и если среди мужских заведений в среднем всего девять на каждое, то в женских - в среднем двадцать четыре. Здесь, в Сен-Флуре, одно из них воспитывает пятьдесят пансионеров; другое, в Болье, обучает сто; третье, во Франш-Конте, опекает восьмьсот брошенных детей. [2246](#) Очевидно, что при наличии подобных заведений следует остановиться, как бы мало ни заботились о справедливости и общественных интересах; и, кроме того, поскольку бесполезно действовать против них жестко, законодатель напрасно их подавляет, ибо они возникают вновь по собственной воле; они в крови у каждого католического народа. Во Франции вместо тридцати семи тысяч монахинь в настоящее время (1866 год) насчитывается восемьдесят шесть тысяч, то есть сорок пять на каждые десять тысяч женщин вместо двадцати [восьми2247](#).

В любом случае, если государство лишает их имущества, наряду с имуществом других церковных организаций, не государство должно претендовать на добычу. Государство не является их наследником, а их земля, мебель и аренда по своей природе предназначены для особой цели, хотя у них нет определенного владельца. Это сокровище, состоящее из накоплений четырнадцати веков, было сформировано, увеличено и сохранено с учетом определенной цели. Миллионы щедрых, раскаявшихся или благочестивых душ, которые дарили его или распоряжались им, делали это с определенным намерением. Они хотели обеспечить образование, благотворение и религию, и ничего больше. Их законные намерения не должны быть нарушены: мертвые имеют такие же права в обществе, как и живые, ибо именно мертвые создали общество, которым пользуются живые, и мы получаем их наследие только при условии исполнения их завещательного акта. - Если этот документ имеет древнюю историю, несомненно, необходимо дать ему вольное толкование, дополнить его скудные положения и принять во внимание новые обстоятельства. Требования, которые он предусматривал, часто исчезали; например, после уничтожения барбарийских пиратов больше не было христиан, которых можно было бы выкупить; и только путем передачи пожертвования можно было бы его увековечить. - Но если в первоначальном учреждении несколько дополнительных и специальных положений устарели, остается одно важное, общее намерение, которое, очевидно, остается обязательным и постоянным, а именно: обеспечение отдельной службы, либо благотворительности, либо богослужения, либо обучения. Пусть при необходимости меняются управляющие, а также распределяется

завещанное наследство, но ни в коем случае не направляйте его на услуги чуждого характера; оно неприменимо ни для каких других целей, кроме этой, или для других, строго аналогичных. Четыре миллиона долларов, вложенных в недвижимость, двести миллионов церковных доходов образуют для него особый целевой капитал. Это не груда золота, брошенная на шоссе, которую казначейство может присвоить или раздать тем, кто живет на обочине. На него существуют подлинные права собственности, которые, заявляя о его происхождении, определяют его назначение, а ваше дело - просто следить за тем, чтобы оно дошло до места назначения. Таков был принцип древнего режима, несмотря на серьезные злоупотребления и принудительные поборы. Когда церковная комиссия подавляла церковный орден, это делалось не для того, чтобы передать его имущество в государственную казну, а для того, чтобы направить его на нужды семинарий, школ и больниц. В 1789 году доходы Сен-Дени поддерживали Сен-Сир; доходы Сен-Жермена шли в экононы, и правительство, хотя и абсолютное и нуждающееся, было достаточно честным, чтобы понять, что конфискация - это грабёж. Чем больше наша власть, тем больше обязанность быть справедливым, а честность всегда оказывается в конце концов лучшей политикой. Поэтому справедливо и полезно, чтобы церковь, как в Англии и в Америке, чтобы высшее образование, как в Англии и в Германии, чтобы специальное обучение, как в Америке, и чтобы различные пожертвования для общественной помощи и пользы были безоговорочно обеспечены в сохранении их наследия. Государство, как завещатель этого наследства, странным образом злоупотребляет своими полномочиями, когда прикарманивает завещанное, чтобы подавить дефицит собственной казны, рискуя ею в дурных спекуляциях и поглощая ее в собственном банкротстве, пока из этого огромного сокровища, которое накапливалось поколениями на благо детей, немощных, больных и бедных, не останется достаточно для выплаты жалованья школьной учительнице, зарплаты приходской медсестре или миски бульона в [больнице2248](#).

Собрание остается глухим ко всем этим аргументам, и то, что заставляет его отказываться слушать, не является финансовым бедствием. Архиепископ Экса, М. де Буажелен, предложил от имени духовенства ликвидировать сразу долг в триста миллионов, который был срочным, путем залога церковной собственности на четыреста миллионов, что было очень хорошим решением, так как в настоящее время кредит духовенства является единственным существенным. Оно обычно берет в долг менее чем под пять процентов, и ему всегда предлагали больше денег, чем оно хотело, в то время как государство берет в долг под десять процентов, и в данный момент кредиторов нет. Но для наших новых революционных государственных деятелей стоимость и выгода услуги имеют гораздо меньшее значение, чем применение принципа. В соответствии с Общественным договором они устанавливают максимум, что в государстве нет необходимости в корпорациях: они не признают ничего, кроме, с одной стороны, государства, хранителя всех публичных полномочий, и, с другой стороны, мириад одиноких индивидуумов. Особые ассоциации, особые группы, побочные корпорации не нужны, даже для выполнения функций, которые государство не в состоянии выполнить. "Как только человек вступает в корпорацию, - говорит один оратор, - он должен любить ее, как любят семью" [2249](#), тогда как привязанность и послушание должны быть монополизированы государством. Более того, вступая в орден, человек получает от него особую помощь и комфорт, а все, что отличает одного человека от другого, противоречит гражданскому равенству. Следовательно, для того чтобы люди оставались равными и стали гражданами, они должны быть лишены всякой опоры, которая могла бы конкурировать с опорой государства и давать одним преимущества перед другими. Таким образом, все естественные или приобретенные узы, связывающие людей географическим положением, климатом, историей, занятиями и торговлей, оказываются разорванными. Старые провинции, старые провинциальные правительства, старые муниципальные администрации,

парламенты, гильдии и магистратуры - все это подавлено. Группы, которые возникают самым естественным образом, те, которые возникают благодаря общности интересов, все рассеиваются, и самые широкие, самые явные и самые позитивные запреты провозглашаются против их возрождения под любым предлогом.²²⁵⁰ Франция разрезается на геометрические части, как шахматная доска, и в этих импровизированных пределах, которым суждено долгое время оставаться искусственными, не может существовать ничего, кроме изолированных индивидов в сопоставлении друг с другом. Там, где велика сплоченность, нет желания щадить организованные тела, и меньше всего это касается духовенства. "Особые ассоциации, - говорит Мирабо,²²⁵¹ - в обществе в целом разрушают единство его принципов и равновесие его сил. Крупные политические объединения в государстве опасны благодаря силе, проистекающей из их коалиции, и сопротивлению, порождаемому их интересами". ii- Духовенство, кроме того, по своей сути дурно,²²⁵² потому что "его система находится в постоянном антагонизме с правами человека". Учреждение, в котором необходим обет послушания, "несовместимо" с конституцией. Конгрегации, "подчиняющиеся независимым вождям, выходят за рамки общества и несовместимы с общественным духом". Что касается права общества на них, а также на церковь, то оно не вызывает сомнений. "Корпоративные структуры существуют только благодаря обществу, и, уничтожая их, общество просто возвращает им жизнь, которую оно им дало". "Они - просто инструменты, созданные законом.²²⁵³ Что делает рабочий, когда инструмент, которым он работает, больше не подходит ему? Он ломает или изменяет его." - Если признать этот первичный софизм, то вывод очевиден. Поскольку корпорации упразднены, они больше не существуют, а раз они больше не существуют, они не могут снова стать собственниками.

"Вашей целью было уничтожение церковных орденов,²²⁵⁴ потому что их уничтожение было необходимо для безопасности государства. Если духовенство сохраняет свою собственность, церковный орден не уничтожается: вы обязательно оставляете ему право собираться; вы санкционируете его независимость". Ни в коем случае церковники не должны владеть имуществом. "Если они собственники, то они независимы, а если они независимы, то они связывают эту независимость с выполнением своих функций". Духовенство, сколько бы оно ни стоило, должно находиться в руках государства в качестве простых чиновников и поддерживаться его субсидиями. Для нации было бы слишком опасно "принимать в свое лоно в качестве собственников большое количество людей, которым столько источников кредита уже дают такую большую власть". Поскольку религия является достоянием всех, ее служители, в силу одного этого факта, должны быть на жалованье у нации"; по сути, они являются "служителями морали и образования" и получают жалованье, как судьи и профессора. Давайте вернем их к этому положению вещей, единственно совместимому с правами человека, и постановим, что "духовенство, а также все корпорации и органы, обладающие правом наследования, отныне и навсегда лишены возможности владеть какой-либо личной или земельной собственностью "²²⁵⁵.

Кто же теперь является законным наследником всех этих освободившихся владений? С помощью еще одного софизма государство, одновременно судья и сторона в деле, присваивает их себе:

"Основатели передали их Церкви, то есть нации".²²⁵⁶ "Поскольку нация разрешила духовенству владеть ими, она может вновь потребовать то, чем владеет только с ее

разрешения". "Необходимо придерживаться принципа, что каждая нация является единственным и истинным собственником имущества своего духовенства".

Этот принцип, надо заметить, в том виде, в каком он изложен, предполагает уничтожение церковных и светских корпораций вместе с конфискацией всего их имущества, и вскоре мы увидим на горизонте окончательный и полный [декрет2257](#), которым Законодательное собрание,

"считая, что истинно свободное государство не должно терпеть в своем лоне никаких корпораций, даже тех, которые, посвящая себя общественному образованию, заслуживают благосклонности страны", даже тех, "которые посвящены исключительно служению госпиталям и помощи больным", подавляет все конгрегации, все ассоциации мужчин или женщин, светские или церковные, все фонды для благочестивых, благотворительных и миссионерских целей, все дома образования, все семинарии и колледжи, а также Сорбонну и Наварру. К этому следует добавить последний взмах метлы: при Законодательном собрании - раздел всего коммунального имущества, кроме леса: при Конвенте - упразднение всех литературных обществ, академий наук и литературы, конфискация всего их имущества, библиотек, музеев и ботанических садов; конфискация всех коммунальных владений, не разделенных ранее; конфискация всего имущества больниц и других филантропических учреждений.[2258](#)-Абстрактный принцип, провозглашенный Учредительным собранием, постепенно раскрывает свои истребительные достоинства. Благодаря ему Франция теперь не содержит ничего, кроме разрозненных, бессильных, эфемерных индивидов, а противостоит им государство, единственное, постоянное тело, поглотившее все остальные, настоящий Колосс, одиноко возвышающийся среди этих ничтожных карликов.

Заменив других, оно отныне должно выполнять их обязанности и хорошо тратить деньги, которые они тратили плохо. Во-первых, он отменяет десятину, причем не постепенно и не путем выкупа, как в Англии, а одним махом и без всяких компенсаций, на том основании, что этот налог, будучи неправомерным, незаконным, частным налогом, взимаемым людьми в рясах и кафтанах с других людей в кафтанах, является досадной узурпацией и похож на феодальные повинности. Это радикальная операция, которая соответствует принципу. Но, к сожалению, ее пагубность настолько груба, что сводит на нет саму цель. По сути, со времен Карла Великого все поместья в стране, которые продавались и перепродавались снова и снова, всегда платили десятину и никогда не покупались иначе, как с этим сбором, который составляет около одной седьмой чистого дохода страны. Если отнять этот налог, то к доходу владельца прибавляется одна седьмая, а значит, и седьмая часть его капитала. Если его земля стоит семьсот франков, ему дарят сто франков, если семь тысяч - тысячу, если семь тысяч - десять тысяч, если семьдесят тысяч - сто тысяч, если семьсот тысяч - сто тысяч. Некоторые люди получают от этого акта шестьсот тысяч франков, а доход - тридцать тысяч франков.[2259](#) Благодаря этому безвозмездному и неожиданному дару сто двадцать три миллиона дохода и два с половиной миллиона капитала распределяются между владельцами недвижимости во Франции, причем таким хитроумным способом, что богатые получают больше всех. Таков эффект абстрактных принципов. Чтобы облегчить жизнь крестьянам в деревянных башмаках на тридцать миллионов в год, собрание демократов добавляет тридцать миллионов в год к доходам богатых буржуа и тридцать миллионов в год к доходам богатых дворян. Первая часть этой операции, кроме того, является еще одним бременем для государства; ибо, снимая бремя с владельцев недвижимости, оно обременяет себя, и отныне государство, не получая ни копейки, вынуждено вместо них покрывать расходы на богослужение. Что касается второй части операции, которая заключается в конфискации четырех миллиардов недвижимого имущества, то она, в конце концов,

оказывается разорительной, хотя и обещает быть прибыльной. Она производит на наших государственных деятелей такое же впечатление, какое наследство большого состояния производит на нуждающегося и прихотливого новичка. Рассматривая его как бездонный золотой колодец, он черпает из него без конца и стремится осуществить все свои фантазии; поскольку он может позволить себе заплатить за все это, он волен все это разбить. Таким образом, Ассамблея подавляет и компенсирует магистерские должности на сумму четыреста пятьдесят миллионов; финансовые бумаги и обязательства на сумму триста двадцать один миллион; домашние расходы короля, королевы и принцев - пятьдесят два миллиона; военные услуги и обременения - тридцать пять миллионов; конфискованную десятину - сто миллионов и так [далее2260](#). "В мае 1789 года, - пишет Неккер, - наведение порядка в финансах было просто детской забавой". В конце года, вовлекая себя в долги, увеличивая расходы, отменяя или отказываясь от доходов, государство живет теперь на выпущенную им бумажную валюту, проедает свой капитал и стремительно идет к банкротству. Никогда еще столь огромное наследство не было так быстро сведено к нулю, причем к меньшему, чем ничто.

Между тем, мы можем продемонстрировать в первые же месяцы, какое применение найдут управляющие, и как они будут обеспечивать службу, к которой их обязывает эта конфискация: ни одна часть этой конфискованной собственности не предназначена для поддержания общественного культа или содержания больниц, приютов и школ. Не только все обязательства и вся производительная недвижимость попадают в великое национальное горнило, чтобы быть превращенными в [ассигнации2261](#), но и ряд специальных зданий, вся монастырская недвижимость и часть церковной недвижимости, отклонившись от своего естественного русла, оказывается поглощенной той же самой пропастью. В [Безансоне2262](#) три церкви из восьми, с их землей и сокровищами, фонды капитула, все деньги монастырских церквей, священные сосуды, святыни, кресты, реликварии, votivные приношения, слоновая кость, статуи, картины, гобелены, священнические платья и украшения, пластины, драгоценности и драгоценная мебель, библиотеки, перила, колокола, шедевры искусства и благочестия, все это разбивается и переплавляется на монетном дворе или продается с аукциона почти за бесценок. Так осуществляются намерения основателей и дарителей... Как же столько общин, лишенных арендной платы, могут содержать свои школы, хосписы и приюты? Даже после [декрета2263](#), который, в порядке исключения, предписывает отчитываться перед ними за все доходы, будут ли они выплачены теперь, когда их собирает местная администрация, чья казна всегда пуста, а намерения почти всегда враждебны? Каждое учреждение, предназначенное для благотворительных и образовательных целей, очевидно, тонет, когда особые ручейки, питавшие их, впадают и теряются в сухом русле государственной казны.[2264](#) Уже в 1790 году нет средств, чтобы выплачивать монахам и монахиням их небольшие пенсии на содержание. Во Франш-Конте капуцины из Баума не имеют хлеба и, чтобы прожить, вынуждены перепродавать с согласия округа часть конфискованных запасов своего монастыря. Монахини-урсулины из Орнана живут на средства, предоставляемые им частными лицами, чтобы содержать единственную школу, которой располагает город. Монахини-бернардинки из Понтарлье доведены до крайней степени нужды: "Мы удовлетворены, - сообщают в округе, - что им нечего положить в рот. Нам приходится каждый день что-то жертвовать, чтобы они не умерли с голоду".[2265](#) Они слишком благодарны, когда местная администрация дает им что-нибудь поесть или позволяет другим дать им что-нибудь. Во многих местах она стремится уморить их голодом или получает удовольствие от того, что досаждают им. В марте 1791 года департамент Дуб, несмотря на уговоры округа, сокращает пенсию монашек-визитанток до ста одного ливра для хористок и пятидесяти для сестер-мирянок. За два месяца до этого муниципалитет Безансона, по-своему истолковав декрет, разрешавший монахиням одеваться по своему

усмотрению, предписывает им всем, включая даже сестер милосердия, отказаться от своих старых нарядов, которые мало кто из них имел возможность заменить. - Беспомощность, равнодушие или недоброжелательность - таковы различные настроения, с которыми сталкиваются новые власти, чья обязанность - поддерживать и защищать их. Чтобы дать волю гонениям, теперь нужен только указ, который ставит гражданскую власть в противоречие с религиозными убеждениями. Этот указ обнародован, и 12 июля 1790 года Собрание устанавливает гражданскую конституцию духовенства.

Несмотря на конфискацию церковного имущества и рассеяние монашеских общин, основной состав церковного корпуса остается нетронутым: семьдесят тысяч священников под началом епископов, в центре - Папа Римский как главнокомандующий. Нет корпорации более прочной, более несовместимой или более атакуемой. Ведь против нее выступают непримиримая ненависть и устойчивые мнения: галлианизм юристов, которые, начиная с Людовика Святого, являются противниками церковной власти; доктрина янсенистов, которые, начиная с Людовика XIII, хотят вернуть Церковь к ее первобытной форме; теория философов, которые в течение шестидесяти лет считают христианство ошибкой, а католицизм - бичом. По крайней мере, институт духовенства в католицизме осуждается, и они считают себя умеренными, если соблюдают все остальное.

"МЫ МОГЛИ БЫ СМЕНИТЬ РЕЛИГИЮ".

говорят депутаты на трибуне.²²⁶⁶ Итак, декрет не затрагивает ни догмы, ни богослужения; он ограничивается пересмотром вопросов дисциплины, и на этой конкретной территории, на которую претендует гражданская власть, делается вид, что снос и перестройка могут осуществляться по собственному усмотрению без согласия церковной власти.

Здесь налицо злоупотребление властью, ибо церковное, равно как и гражданское общество, имеет право выбирать свою форму, свою иерархию, свое правительство - в этом вопросе все аргументы, которые можно привести в пользу первого, можно повторить в пользу второго, и в тот момент, когда одно становится легитимным, другое также становится легитимным. Оправданием для гражданской или религиозной общины или общества может служить выполнение длинного ряда услуг, которые на протяжении веков она оказывала своим членам, рвение и успех, с которым она выполняет свои функции, чувства благодарности, которые они испытывают к ней, важность, которую они приписывают ее должностям, потребность, которую они имеют в ней, и их привязанность к ней, убеждение, запечатленное в их сознании, что без нее они были бы лишены блага, на которое они ставят больше, чем на любое другое. В гражданском обществе это благо - безопасность личности и имущества. В религиозном обществе - это вечное спасение души.ⁱⁱⁱ Во всех остальных отношениях сходство полное, и титулы Церкви так же хороши, как и титулы государства. Следовательно, если справедливо, чтобы одна была суверенной и свободной на своей территории, то справедливо, чтобы другая была столь же суверенной и свободной. Если Церковь посягает, когда берется регулировать конституцию государства, то и государство посягает, когда берется регулировать конституцию Церкви. Если первая требует уважения второй на своей территории, то вторая должна проявлять равное уважение к первой на своей земле. Граница между двумя территориями, несомненно, не является четко определенной, и между ними часто возникают споры. Иногда они могут быть предотвращены или прекращены, если каждая из них замкнется в разделительной стене и будет по возможности безразлична друг к другу, как это происходит в Америке. В других случаях они могут, заключив тщательно продуманный [договор](#)²²⁶⁷, предоставить друг другу особые права на промежуточную зону, и оба будут осуществлять свою разделенную власть на этой зоне, как это происходит во Франции. В обоих случаях, однако, две власти, как и два общества, должны оставаться

разными. Для каждой из них необходимо, чтобы другая была равной, а не подчиненной, которой она предписывает условия. Каким бы ни был гражданский строй, монархическим или республиканским, олигархическим или демократическим, Церковь злоупотребляет своими заслугами, когда осуждает или нападает на него. Каким бы ни был церковный строй, папский, епископальный, пресвитерианский или конгрегационный, государство злоупотребляет своей силой, когда без согласия верующих упраздняет их системы или навязывает им новые. Оно не только нарушает право, но его насилие чаще всего оказывается бесплодным. Он может наносить удары как угодно, но корень дерева ему недоступен, и в несправедливой войне, которую он ведет против такого жизненно важного института, как он сам, он часто оказывается в худшем положении.

К сожалению, Ассамблея, как в этом, так и в других вопросах, будучи озабоченной принципами, не обращает внимания на практические факты; и, стремясь удалить только мертвую кору, она ранит живой ствол. - На протяжении многих веков, и особенно после Тридентского собора, энергичным элементом католицизма является не столько сама религия, сколько Церковь. Богословие отошло на задний план, в то время как дисциплина вышла на передний. Верующие, которые, согласно церковному закону, должны относиться к духовному авторитету как к догме, на самом деле придают своей вере гораздо большее значение духовному авторитету, чем догме.

Католическая вера настаивает, как в отношении дисциплины, так и в отношении догмы, что если человек отвергает решение Римской Церкви, он перестает быть католиком; что конституция Церкви монархическая, что рукоположение священников и епископов совершается свыше, так что без общения с Папой, ее верховным главой, человек является раскольников, и что ни один раскольников священник не может законно совершать священную службу, и что ни один истинный верующий не может посещать его службу или получать его благословения, не совершая греха. - Это факт, что верующие, за исключением нескольких янсенистов, не являются ни теологами, ни канонистами; что они не читают ни молитв, ни Писаний, и если они принимают вероучение, то только в куске, без исследования, доверяясь руке, которая его подает; что их послушная совесть находится в ведении этого пастырского руководства; что Церковь третьего века имеет для них мало значения; и что, что касается истинной формы настоящей Церкви, врач, чьим советам они следуют, не является св. Киприан, о котором они ничего не знают, а их видимый епископ и их живой куратор. Соедините эти две предпосылки вместе, и вывод будет очевиден: ясно, что они не поверят, что крещены, отпущены грехи или обвенчаны иначе, как этим куре, уполномоченным этим епископом. Пусть на их место поставят других, кого они осуждают, и вы подавите богослужение, таинства и самые ценные функции духовной жизни двадцати четырех миллионов французов, всего крестьянства, всех детей и почти всех женщин; вы возбудите к восстанию против вас две величайшие силы, движущие разумом, - совесть и привычку... И посмотрите, что из этого получится. Вы не только превращаете государство в полицейского на службе ереси, но и, благодаря этой бесплодной и тиранической попытке галликанского янсенизма, окончательно дискредитируете галликанские максимы и янсенистские доктрины. Вы отсекаете два последних корня, благодаря которым либеральные настроения все еще вегетировали в ортодоксальном католицизме. Вы отбрасываете духовенство назад в Рим; вы привязываете его к папе, от которого хотите его отделить, и лишаете его национального характера, который хотите ему навязать. Они были французами, а вы делаете их ультрамонтанами.²²⁶⁸ Они возбуждали недоброжелательность и зависть, а вы делаете их сочувствующими и популярными. Они были разобщены, а вы даете им единодушие. Они были разрозненным ополчением, разбросанным по округе под несколькими независимыми властями и укоренившимся в почве благодаря владению землей; благодаря тебе они станут

регулярной, управляемой армией, освобожденной от всех местных привязанностей, организованной под единым началом и всегда готовой выйти на поле по приказу". Сравните власть епископа в его епархии в 1789 году с властью епископа шестьдесят лет спустя. В 1789 году архиепископ Безансона из пятнадцатисот должностей и благодеяний опекал сто. В девяноста трех случаях выбор осуществлялся митрополичьим капитулом, в восемнадцати - капитулом Мадлен, в семидесяти приходах - знатным основателем или благотворителем. Один аббат имел в своем распоряжении тринадцать инкубентов, другой - тридцать четыре, третий - тридцать пять, приор - девять, аббатиса - двадцать; пять коммун непосредственно назначали своего пастора, а аббатства, приорства и канонирии находились в руках [короля2269](#). В настоящее время (1880 г.) в епархии епископ назначает всех кюре или священников и может лишить их девяти из десяти; в вышеупомянутой епархии с 1850 по 1860 год едва ли хоть один светский чиновник был назначен без согласия или вмешательства кардинала-архиепископа.[2270](#) Чтобы понять дух, дисциплину и влияние нашего современного духовенства, вернитесь к его источнику, и вы найдете его в декрете Учредительного собрания. Естественная организация не может быть разрушена безнаказанно; она формируется заново, приспосабливаясь к обстоятельствам, и теснит свои ряды пропорционально опасности.

Но даже если, согласно максимам Собрания, вера и богослужение свободны, то в отношении суверенного государства церкви являются подданными, ибо это общества, администрации и иерархии, а ни одно общество, администрация или иерархия не могут существовать в государстве, не входя в его ведомства под названием подчиненных, делегатов или служащих. Священник теперь, по сути, такой же наемный служащий, как и все остальные, [функционар2271](#), руководящий вопросами, относящимися к богослужению и нравственности. Если государство желает изменить число, способ назначения, обязанности и должности своих инженеров, оно не обязано собирать своих инженеров и спрашивать их разрешения, тем более у иностранного инженера, работающего в Риме. Если она желает изменить положение "своих церковных служителей", ее право на это остается неизменным, а потому не подлежит сомнению. Для осуществления этого права не нужно спрашивать ничьего согласия, и она не допускает никакого вмешательства между собой и своими клериками. Собрание отказывается созывать Галликанский собор, отказывается вести переговоры с Папой и, опираясь только на свой авторитет, пересматривает всю конституцию Церкви. Отныне эта отрасль государственного управления должна быть организована по образцу других.- [Во-первых2272](#), епархия должна быть по протяженности и границам такой же, как французский департамент; следовательно, все церковные округа выделяются заново, а сорок восемь епископских виконтств исчезают.- Во-вторых, назначенному епископу запрещено "обращаться к Папе за любым подтверждением". Все, что он может сделать, это написать ему "во свидетельство единства веры и общения, которое он должен поддерживать с ним". Таким образом, епископ больше не ставится своим каноническим начальником, и Церковь Франции становится раскольнической.- В-третьих, митрополиту или епископу запрещено требовать от новых епископов или кюре "какой-либо клятвы, кроме той, что они исповедуют католическую, апостольскую и римскую религию". При содействии своего совета он может проверить их на предмет вероучения и нравственности и отказать им в каноническом посвящении, но в этом случае его причины должны быть изложены в письменном виде и подписаны им самим и его советом. В остальном его власть не простирается дальше этого, поскольку решения между спорящими сторонами принимает гражданский трибунал. Таким образом, католическая иерархия разрушена; у церковного начальника связаны руки; если он и делегирует священнические функции, то лишь для проформы. Между кюре и епископом субординация прекращается так же, как она прекратилась между епископом и Папой, и церковь Франции становится пресвитерианской.

Народ теперь, по сути, выбирает своих собственных служителей, как это происходит в пресвитерианской церкви; епископ назначается избирателями департамента, кюре - избирателями округа, и, что является чрезвычайным усугублением, они не обязательно должны быть его единоверцами. Не имеет значения, есть ли в избирательном собрании, как в Ниме, Монтобана, Страсбурге и Меце, заметная доля кальвинистов, лютеран и иудеев, или же его большинство, обеспечиваемое клубом, заведомо враждебно католицизму и даже самому христианству. Епископ и куратор должны быть выбраны избирательным органом; Святой Дух обитает с ним и с гражданскими трибуналами, и они могут поставить своего избранника, несмотря на любое сопротивление. Для полной зависимости духовенства каждому епископу запрещено отлучаться более чем на пятнадцать дней без разрешения департамента; каждому куратору - на такой же срок без разрешения округа, даже для посещения умирающего отца или для проведения операции литотомии. В случае отсутствия такого разрешения его жалование приостанавливается: как чиновник, находящийся на жалование, он обязан все свое время проводить в своем бюро, и если он желает получить отпуск, то должен просить его у своих начальников в Hôtel-de-Ville.²²⁷³ Он должен согласиться со всеми этими нововведениями не только пассивным послушанием, но и торжественной клятвой. Все старые и новые церковники, архиепископы, епископы, кюре, викарии, проповедники, больничные и тюремные капелланы, настоятели и директора семинарий, профессора семинарий и колледжей, должны письменно заявить, что они готовы принести эту клятву: более того, они должны принести ее публично, в церкви, "в присутствии генерального совета, коммуны и верующих", и обещать "поддерживать всеми силами" раскольническую и пресвитерианскую церковь. - Ибо не может быть никаких сомнений в смысле и значении предписанной клятвы. Очень хорошо, что она была объединена с более широкой клятвой - клятвой поддерживать Конституцию. Но Конституция духовенства слишком четко вписана в общую Конституцию, как глава в книге, и подписать книгу - значит подписать главу. Кроме того, в формуле, которой еkkлезиасты Собрания обязаны присягать на трибуне, глава точно указана, и не допускается никаких исключений или оговорок.²²⁷⁴ Епископ Клермонский со всеми, кто принял Конституцию полностью, за исключением постановлений, затрагивающих духовные вопросы, умолк. Где начинается и где заканчивается духовное, Ассамблея знает лучше, чем они, ибо она определила это и навязывает свое определение канонистам и богословам; она, в свою очередь, является Папой, и все совести должны склониться перед ее решением. Пусть они принесут "клятву, чистую и простую", а если не принесут, то будут "огнеупорными". Постановление выходит в свет, и последствия его огромны, ибо, наряду с духовенством, закон распространяется и на мирян. С одной стороны, все церковнослужители, отказавшиеся от присяги, увольняются. Если они будут продолжать "вмешиваться в общественные функции, которые они лично или совместно осуществляли", то "будут привлечены к ответственности как нарушители спокойствия и осуждены как бунтовщики против закона", лишены всех прав активных граждан и объявлены неспособными занимать какие-либо государственные должности. Такому наказанию уже подвергается непокорный епископ, который продолжает считать себя епископом, рукополагает священников и издает пастырские послания. Вскоре такому наказанию подвергнется и не присягающий куратор, который осмелится слушать исповедь или служить мессе.²²⁷⁵ С другой стороны, все граждане, которые откажутся принести предписанную присягу, все избиратели, муниципальные служащие, судьи и административные работники, должны лишиться права голоса, их функции будут аннулированы, и они будут объявлены некомпетентными для выполнения всех государственных обязанностей.²²⁷⁶ В результате скрупулезные католики отстраняются от всех административных должностей, от всех выборов, и особенно от церковных выборов; из этого следует, что чем сильнее вера, тем меньше доля участия в выборе священника.²²⁷⁷

Что за восхитительный закон, который под предлогом борьбы с церковными злоупотреблениями ставит верующих, мирян или клириков, вне поля зрения закона!

Вскоре это становится очевидным. Сто тридцать четыре архиепископа, епископа и коадьютора отказываются принести присягу; только четверо из них делают это, трое из которых, господа де Талейран, де Жаренте и де Бриенн, неверующие и печально известные своей разнузданностью; остальные действуют по совести, а главное, по чувству собственного достоинства и чести. Большинство куре объединяются вокруг этого офицерского состава. В епархии [Безансона](#)²²⁷⁸ из четырнадцатисот священников триста приносят присягу, тысяча отказываются от нее, а восемьдесят - отказываются. В департаменте Дуб только четверо согласились присягнуть. В департаменте Лозер - только "десять из двухсот пятидесяти". Положительно утверждается, - пишет самый осведомленный из всех наблюдателей, - что повсюду во Франции две трети церковников отказались от присяги или приняли ее с теми же оговорками, что и епископ Клермонский".

Таким образом, из семидесяти тысяч священников сорок шесть тысяч лишились сана, и большинство прихожан на их стороне. Это видно по отсутствию выборщиков, созданных для их замены: в Бордо на выборы пришли только четыреста пятьдесят человек из девятисот, а в других местах повестка собирает лишь "треть или четверть". Во многих местах нет кандидатов, или избранные отказываются принять их. Чтобы заполнить их места, приходится разыскивать не прошедших обряд монахов с сомнительным характером. После этого в каждом приходе существуют две партии; две веры, две системы вероисповедания и постоянный разлад. Даже когда новый и старый кураторы сговорчивы, их положение приводит к конфликту. Для первых они "незванные гости", для вторых - "отказники". Для вторых первые - "тугодумы". В силу того, что первый является хранителем душ, он не может не говорить своим прихожанам, что вторгшийся в их дом отлучен от церкви, что его таинства недействительны или кощунственны, и что посещение его мессы - грех. Будучи государственным служащим, он не преминет написать властям, что "отступник" увлекает верующих, будоражит их совесть, подрывает Конституцию и что его нужно усмирить силой. Другими словами, первый отвлекает всех от второго, а второй посылает жандармов против первого, и начинается преследование - странный разворот: большинство подвергается преследованию, а меньшинство его осуществляет. Месса конституционного куре повсеместно заброшена.²²⁷⁹ В Вандее из пяти-шести сотен прихожан в церкви присутствуют десять-двенадцать человек; по воскресеньям и праздникам целые деревни и рыночные городки проходят от одной до двух лиг, чтобы посетить православную мессу; жители заявляют, что "если только им вернут старого куре, они с радостью заплатят двойной налог". В Эльзасе "девять десятых, по крайней мере, католиков отказываются признавать законно присягнувших священников". Такое же зрелище предстает во Франш-Конте, Артуа и в десяти других провинциях. - Наконец, как в химическом составе, анализ завершен. Те, кто верит или восстанавливает свою веру, сгруппировались вокруг старого куре; все, кто по убеждению или традиции придерживается таинств, все, кто по вере или привычке желает или чувствует потребность посещать мессу. Слушатели нового куратора состоят из неверующих, деистов, равнодушных членов клубов и администрации, которые приходят в церковь, как в Отель-де-виль или на народное собрание, не по религиозному, а по политическому рвению, и которые поддерживают "нарушителя", чтобы поддержать конституцию. Все это не обеспечивает ему горячих приверженцев, но дает ему очень ревностных защитников; и, не имея веры, которой они не обладают, они предоставляют силу, которая есть в их распоряжении. Против несговорчивого епископа или куре подходят все средства: не только закон, который они усугубляют своим принудительным толкованием и произвольными приговорами, но и беспорядки, которые они разжигают своим

подстрекательством и которые они санкционируют своей терпимостью.²²⁸⁰ Его изгоняют из его прихода, отправляют в город графства и держат в безопасном месте. Директория Эсны объявляет его нарушителем общественного спокойствия и запрещает ему, под угрозой сурового наказания, совершать таинства. Муниципалитет Каора закрывает отдельные церкви и приказывает не присягающим церковникам покинуть город в течение двадцати четырех часов. Избирательный корпус Лота публично осуждает их как "свиристых зверей", поджигателей и провокаторов гражданской войны. Директория Бас-Рейна изгоняет их в Страсбург или в пятнадцать лье от границы. В Сен-Леоне епископ вынужден бежать. В Аухе архиепископ заключен в тюрьму; в Лионе месье де Буассель, великий викарий, заключен в Пьер-Энсиз за то, что сохранил в своем доме архиепископский мандат; жестокость повсюду является служителем нетерпимости. Некий кюре из Эсны, который в 1789 году накормил две тысячи бедняков, осмелился прочесть со своей кафедры пастырское наставление о соблюдении Великого поста, мэр хватает его за воротник и не пускает к алтарю; "двое из национальной старшины" набрасываются на него с саблями и тут же уводят его с голой головой, не позволяя вернуться в свой дом, и под барабанным боем и под конвоем отгоняют его на расстояние двух лье. В Париже, в церкви Сент-Эташ, куратора встречают криками, направляют ему в голову пистолет, хватают за волосы, бьют кулаками, и только благодаря вмешательству национальной гвардии он попадает в ризницу. В церкви Театинов, арендованной ортодоксами со всеми законными формальностями, разъяренная группа разгоняет священников и их помощников, громит алтарь и оскверняет священные сосуды. Вывешенный департаментом плакат, призывающий народ уважать закон, "я видел, как он, - рассказывает очевидец, - был сорван среди проклятий в адрес департамента, священников и набожных людей". Один из главных глашатаев, стоя на ступеньках, закончил свою речь заявлением, что раскол должен быть пресечен любой ценой, что не должно быть разрешено никакое богослужение, кроме его, что женщин нужно бить кнутом, а священников - по голове". И действительно, "молодая женщина в сопровождении матери была выпорота на ступенях церкви". В других местах страдают монахини, даже сестры Сен-Винсента де Поля; и, начиная с апреля 1793 года, из города в город распространяются одни и те же посягательства на скромность и жизнь. В Дижоне к воротам всех монастырей прибиты прутья; в Монпелье две или три сотни грубиянов, вооруженных большими окованными железом палками, убивают мужчин и бесчинствуют над женщинами... Ничего не остается, как подвести бандитов под амнистию, что и делает Учредительное собрание, и юридически санкционировать враждебность местных администраций, что и делает Законодательное собрание²²⁸¹. Отныне неправовые церковники лишаются средств к существованию; они объявляются "подозреваемыми в восстании против закона и в злых намерениях против страны". "Таким образом, - пишет современный протестант, - на основании этих подозрений и этих намерений Директория, которой закон запрещает выполнять судебные функции, может произвольно изгнать из своего дома служителя Бога мира и милосердия, поседевшего под сенью алтаря" Таким образом, "везде, где происходят беспорядки на почве религиозных взглядов, и независимо от того, вызваны ли эти беспорядки неистовыми бичами добродетельных сестер милосердия или вооруженными коровьими шкурами грубиянами, которые в Ниме и Монпелье в течение целых шести месяцев нарушают все законы приличия и свободы, священники, не придерживающиеся их, должны быть наказаны изгнанием. Оторванные от своих семей, чьи средства к существованию они разделяют, они отправляются скитаться по дорогам, брошенные на произвол судьбы в тот момент, когда какой-нибудь негодяй вздумает возбудить беспорядки, которые он может вменить им в вину." - Таким образом, мы видим приближение восстания крестьянства, восстаний в Ниме, Франш-Конте, Вандее и Бретани, эмиграции, перевозки, тюремного заключения, гильотины или утопления для двух третей духовенства Франции, а также для мириад верных, для

рабочих, ремесленников, поденщиков, швей, слуг и самых скромных представителей низшего класса народа. Вот к чему ведут законы Учредительного собрания: в институте духовенства, как и в институте дворянства и короля, оно разрушило прочную стену, чтобы пробить в ней открытую дверь, и нет ничего странного, если вся конструкция рухнет на головы ее обитателей. Истинным курсом было уважение, реформа, использование рангов и корпораций: все, о чем думала Ассамблея, - это упразднить их во имя абстрактного равенства и национального суверенитета. Для того чтобы упразднить их, она совершала, терпела или инициировала все нападения на людей и на собственность. Те, которые он собирается совершить, являются неизбежным результатом тех, которые он уже совершил; ибо благодаря его конституции плохое сменяется худшим, и социальное здание, уже наполовину разрушенное неуклюжим хаосом, который в нем творится, полностью рухнет под тяжестью несообразных или экстравагантных конструкций, которые он продолжает экстермпоризировать.

2201 (возвращение)

[Ср. "Древний режим", книги I и V].

2202 (обратно)

[Возможно, здесь мы находимся у истоков того, почему все режимы в конце концов становятся коррумпированными, неэффективными и больными; их лидеры принимают свои привилегии как должное и становятся все более невнимательными к работе, которую необходимо выполнять, чтобы держать народ в рабочем состоянии, а возможных противников - под контролем. (SR.)]

2203 (возврат)

[Особый налог, который платил царю плебей, владеющий вотчиной. (TP.)].

2204 (возврат)

[Право на доход от доверительных фондов. (CP.)].

2205 (возврат)

[Артур Юнг, I. 209, 223. "Если коммуны неуклонно отказываются от того, что им сейчас предлагают, они подвергают огромные и определенные выгоды случайности фортуны, той опасности, которая может заставить потомство проклинать, а не благословлять их память как настоящих патриотов, не имевших в виду ничего, кроме счастья своей страны"].

2206 (возвращение)

[Согласно оценкам Учредительного собрания, налог на недвижимость должен был принести 240 000 000 франков и обеспечить пятую часть чистого дохода Франции, оцениваемого в 1 200 000 000. Кроме того, личный налог на движимое имущество, который заменил

капитуляцию, должен принести 60 000 000. Итого 300 000 000, или одна четвертая, то есть двадцать пять процентов чистого дохода. Если бы прямое налогообложение сохранялось на уровне древнего режима (190 000 000, согласно отчету Неккера в мае 1689 года), этот налог обеспечивал бы только одну шестую часть чистого дохода, или шестнадцать процентов].

2207 (возврат)

[Dumont, 267. (Слова Мирабо за три месяца до смерти: "Ах, друг мой, как мы были правы в самом начале, когда хотели помешать коммуна провозгласить себя Национальным собранием! В этом был источник зла. Они хотели управлять королем, вместо того чтобы править через него"]].

2208 (возврат)

[Гувернер Моррис, 29 апреля 1789 г. (о принципах будущей конституции): "Потребуется по меньшей мере одно поколение, чтобы публика ознакомилась с ними"]].

2209 (возврат)

[Ср. "Древний режим", кн. II, гл. III].

2210 (обратно)

[Французские женщины получили право голоса только в 1946 г. (SR.)].

2211 (возврат)

[Согласно Вольтеру ("Человек в карантине"), средняя продолжительность человеческой жизни составляла всего двадцать три года].

2212 (возврат)

["Меркюр", 6 июля 1790 года. Согласно докладу Камю (заседание от 2 июля), официальная сумма пенсий составила тридцать два миллиона; но если добавить к этому вознаграждения и пособия из различных казначейств, то фактическая сумма составила пятьдесят шесть миллионов].

2213 (возвращение)

[Я отмечаю, что сегодня, в 1998 году, через 100 лет после смерти Тейна, в Дании, моей стране, уже давно существует полная демократия, то есть всеобщее избирательное право для женщин и мужчин 18 лет, и один остроумный автор заметил, что первое правило нашей неписаной конституции гласит: "Ты не должен думать, что ты важен". Однако я заметил, что когда датчанин восхваляет Данию и датчан даже в самой чрезмерной форме, его не считают шовинистом, а восхищаются им как человеком правды. Несмотря на процесс "демократизации", даже социалистические вожди, похоже, благоволят и защищают своих собственных детей, отправляют их в хорошие частные школы, а затем на учебу за границу и помогают им найти выгодную работу в партии или на государственной службе. Таким

образом, правящая политическая и административная верхушка постоянно создает новую элиту. (SR.)]

2214 (возврат)

["Древний режим", с.388, и следующие страницы - "Герцог де Брольи", М. Гоизо, с. 11. (Последние слова принца Виктора де Брольи и мнение мсье д'Аржансона)].

2215 (возвращение)

["Де Ферьер", I. с.2.]

2216 (обратно)

["Moniteur", заседание от 7 сентября 1790 г., I. 431-437. Речи господ де Силлери, де Ланжуина, Туре, де Ламета и Рабо-Сент-Этьена. Барнав писал в 1791 году: "Необходимо было довольствоваться одной-единственной палатой; этого требовал инстинкт равенства. Вторая палата стала бы прибежищем аристократов"].

2217 (возврат)

[Впоследствии Ленин должен был создать элиту, аристократию, которая под его руководством должна была стать коммунистической партией. Ленин не мог себе представить или, по крайней мере, не должен был беспокоиться о том, что руководство этой партии впоследствии, под давлением возраста и коррупции, попадет в руки тиранов и будет заменено КГБ, а затем ФСБ. (SR.)]

2218 (возврат)

["Де Буйе", с. 50: "Все старые дворянские семьи, за исключением двух-трех сотен, были разорены"].

2219 (возврат)

[Ср. Doniol, "La Révolution et la Féodalité"].

2220 (обратно)

["Moniteur", заседание от 6 августа 1789 года. Речь Дюпора: "Все, что несправедливо, не может длиться долго. Точно так же не может сохраниться никакая компенсация за эти несправедливые права". Заседание от 27 февраля 1790 года. М. Популюс: "Поскольку рабство не могло возникнуть из законного договора, поскольку свобода не может быть отчуждаема, вы отменили безвозмездно наследственную собственность на людей". Инструкции и декрет от 15-19 июня 1791 года: "Национальное собрание самым решительным образом признало, что человек никогда не может стать собственником другого человека, и, следовательно, что права, которые один предполагал иметь над личностью другого, не могут стать собственностью первого". Ср. различные доклады Мерлина Комитету по феодальным делам и Национальному собранию].

2221 (возвращение)

[Дювержье, "Собрание законов и декретов". Законы от 4-11 августа 1789 г.; 15-28 марта 1790 г.; 3-9 мая 1790 г.; 15-19 июня 1791 г.].

2222 (возвращение)

[Agrier percieuses - термины, обозначающие налоги, выплачиваемые в виде доли продукции. Следующие за ними: lods, rentes, quint, requint относятся к налогам, взимаемым с недвижимого имущества. 22Tr.]

2223 (возврат)

[Дониоль ("Nouveaux cahiers de 1790"). Жалобы владельцев копий из Руэрга и Кверси, стр. 97-105].

2224 (возврат)

[См. далее, кн. III. гл. II. § 4, а также гл. III].

2225 (обратно)

["Moniteur", заседание от 2 марта 1790 года. Речь Мерлина: "Крестьянам внушили, что отмена банальностей (обязанность пользоваться общественной мельницей, винным прессом и печью, которые принадлежали дворянам) повлекла за собой потерю дворянами всего этого; крестьяне считают себя их собственниками"].

2226 (возвращение)

["Moniteur"; заседание от 9 июня 1790 года. Речь мсье Шарля де Ламета-Дювержье (законы от 19-23 июня 1790 г.; 27 сентября и 16 октября 1791 г.)].

2227 (возвращение)

[Sauzay, V. 400-410.]

2228 (возврат)

[Дювержье, законы от 15-19 июня 1791 г.; от 18 июня - 6 июля 1792 г.; от 25-28 августа 1792 г.].

2229 (обратно)

["Institution du Droit Français", par Argou, I.103. (Он писал при регентстве.) "Происхождение большинства феодалов настолько древнее, что, если бы сеньоры были обязаны предъявить

титулы первоначальной концессии для получения ренты, едва ли нашелся бы человек, способный их предъявить. Этот недостаток восполняется общим правом"].

2230 (возврат)

[Дювержье (законы от 8-15 апреля 1791 г.; 7-11 марта; 26 октября 1791 г.; 6-10 января 1794 г.). Мирабо уже предлагал сократить отчуждаемую часть до одной десятой].

2231 (возвращение)

[См. далее, кн. III, гл. III].

2232 (возврат)

["Меркюр", 10 сентября 1791 года. Статья Малле дю Пана - Там же. 15 октября 1791 г.].

2233 (обратно)

[Если бы Гитлер или Ленин прочитали и поняли последствия этих событий, они бы сделали вывод, что по команде из официальных источников или признанных лидеров простые люди по всему миру могут легко поддаваться искушению напасть на любую группу, будь то евреи, протестанты, индусы или иностранцы. (SR.)]

2234 (возврат)

["Archives Nationales", II. 784. Письма М. де Ланжерона от 16 и 18 октября 1789 г. - Альберт Бабо, "История Труа", письма, адресованные шевалье де Потерацу, июль 1790 г. - "Archives Nationales", документы Комитета по отчетам, пачка 4, письмо М. ле Белин-Шателленота президенту Национального собрания, 1 июля 1791 г. - Мерсюре, 15 октября 1791 г. Статья Малле дю Пана: "Таков буквально язык этих эмигрантов; я не добавляю ни слова" - Там же. 15 мая 1790 года. Письмо барона де Буа д'Айзи от 29 апреля 1790 года с требованием принять декрет о защите мехов дворян. "Мы узнаем (тогда), объявлены ли мы вне закона или имеем какое-либо значение в правах человека, написанных столь большой кровью, или, наконец, нам не остается ничего другого, как унести на далекие небеса остатки нашего имущества и нашего жалкого существования"].

2235 (возвращение)

["Меркюр", 15 октября 1791 г. и 10 сентября 1791 г. Прочтите восхитительное письмо шевалье де Месгрины, назначенного полковником во время отстранения короля от должности и отказывающегося от своего нового звания].

2236 (возвращение)

[Ср. "Мемуары" месье де Бустаке, нормандского дворянина].

2237 ([обратно](#))

[Ср. "Древний режим", книги I и II].

2238 ([обратно](#))

[Boivin-Champeaux, "Notice Historique sur la Révolution dans le Département de L'Eure", реестр жалоб. В 1788 году в Руане не было ни одного мужского исповедания. В монастыре Дё-Аман капитул, созданный в 1789 году, состоял из двух монахов" - "Archives Nationales", документы церковного комитета, passim].

2239 ([возвращение](#))

["Апология религиозного государства" (1775), со статистическими данными. С 1768 года падение "ужасающее". "Легко предвидеть, что через десять или двенадцать лет большинство регулярных организаций полностью вымрет или придет в состояние немощи, сродни смерти"].

2240 ([возвращение](#))

[Sanzay, I. 224 (ноябрь, 1790). В Безансоне из 266 монахов "только 79 проявили верность своим обязательствам и привязанность к своему призванию". Другие предпочли отказаться от него, особенно все доминиканцы, кроме пяти, все босоногие кармелиты, кроме одного, и все Великие кармелиты. Такая же позиция прослеживается по всему департаменту, как, например, у бенедиктинцев Ключи, кроме одного, у всех минимов, кроме трех, у всех капуцинов, кроме пяти, у бернандинцев, доминиканцев и августинцев - все они предпочли уйти.-Montalembert, "Les Moines d'Occident", введение, стр. 105-164. Письмо бенедиктинца из Сен-Жермен-де-Пре бенедиктинцу из Ванна. "Из всех членов вашей конгрегации, которые приходят сюда на ночлег, я едва ли нашел хоть одного, способного назидать нас. То же самое можно сказать и о тех, кто пришел к вам из наших мест." - См. в "Записках" Мерлина де Тионвиля описание Шартреза в Валь-Сен-Пьере].

2241 ([возвращение](#))

[Ch. Guerin, "Revue des Questions Historiques" (1 июля 1875; 1 апреля 1876).-Abbé Guettée, "Histoire de l'Eglise de France", XII, 128. ("Протоколы заседания Соборного духовенства" в 1780 г.) - "Archives nationales", официальные отчеты и меморандумы Генеральных штатов за 1789 г. Самым неприятным для вождей ордена является отсрочка возраста, в котором можно принимать обеты; по их мнению, это разрушает их институты] - "The Ancient Régime", p. 403.

2242 ([возвращение](#))

[Для того чтобы современный неинформированный неверующий читатель мог понять мотивацию, побудившую тысячи лишенных себя сестер и братьев выполнять свою полезную и добрую работу, прочтите главу 25, стихи 31-46 святого Матфея, где Иисус предсказывает, как Он будет сидеть на суде над человечеством и отделять овец от козлов. (SR.)]

2243 (возврат)

["Древний режим", с. 33 - ср. Герен "Монастырь Труа-Руа, на севере Франш-Конте, основал четыре деревни, собранные из иностранных колонистов. Это единственный центр благотворительности и цивилизации в радиусе трех лье. Он позаботился о двухстах больных во время недавней эпидемии; он размещает войска, которые проходят из Эльзаса во Франш-Конте, а во время недавнего града он снабдил продовольствием всю округу"].

2244 (возвращение)

["Moniteur", заседание от 13 февраля 1790 года. (Речь аббата де Монтескью).-Archives Nationales, "Бумаги Церковного комитета", DXIX. 6, Visitation de Limoges, DXIX. 25, Annonciades de Saint-Denis; ibid. Annonciades de Saint Amour, Ursulines d'Auch, de Beaulieu, d'Eymoutier, de la Ciotat, de Pont Saint-Esprit, Hospitalières d'Ernée, de Laval; Sainte Claire de Laval, de Marseilles, etc. "]

2245 (возвращение)

[Sauzay, I. 247. Из трехсот семидесяти семи монахинь в Дубе триста пятьдесят восемь предпочли остаться на прежнем месте, в частности, в Понтарлье - все бернардинки, аннонсиадки и урсулинки; в Безансоне - все кармелитки, визитандинки, аннонсиадки, клариссы, сестры убежища, монахини Сент-Эспри и, кроме одной, все монахини-бенедиктинки].

2246 (возврат)

["Archives Nationales". Бумаги Церковного комитета, passim.-Suzay, I. 51.-Статистика Франции за 1866 год].

2247 (возврат)

[В 1993 году это число вновь снизилось и продолжает снижаться, до 55 900. "Квид", 1996 г. стр. 623. (SR.)]

2248 (возврат)

[Felix Rocquain, "La France après le 18 Brumaire." (Отчеты государственных советников, отправленных на эту службу, passim)].

2249 (возврат)

["Moniteur", 24 октября 1789 года. (Речь Дюпона де Немура.) Все эти речи, часто более подробно изложенные и с различными переводами, можно найти в "Парламентских архивах", 1-я серия, тт. VIII. и IX].

2250 (обратно)

[Дюверже, декрет от 14-17 июня 1791 года. "Уничтожение каждой корпорации граждан какого-либо одного состояния или профессии является одним из основополагающих камней

французской конституции, и запрещается восстанавливать их de-facto под каким бы то ни было предлогом или в какой бы то ни было форме. Граждане одного состояния или профессии, такие как подрядчики, лавочники, рабочие всех классов и единомышленники в любом искусстве, собираясь вместе, не должны назначать ни президента, ни секретарей, ни синдиков, обсуждать или принимать резолюции или устанавливать какие-либо правила в отношении их предполагаемых общих интересов"].

2251 (возвращение)

["Moniteur", заседание от 2 ноября 1789 г.].

2252 (возврат)

["Moniteur", заседание от 12 февраля 1790 года. Речи Далли д'Ажье и Барнава].

2253 (обратно)

["Moniteur", заседание от 10 августа 1789 года. Речь Гарата; 12 февраля 1790 года, речь Петиона; 30 октября 1789 года, речь Туре].

2254 (возвращение)

["Moniteur", заседание 2 ноября 1789 года. Речь Шапелье; 24 октября 1789 г., речь Гарата; 30 октября 1789 г., речь Мирабо, и заседание от 10 августа 1789 г.].

2255 (возвращение)

["Moniteur", заседание от 23 октября 1789 г. Речь Туре].

2256 (обратно)

["Moniteur", заседание от 23 октября 1789 года. Речь Трейльера; 24 октября - речь Гарата; 30 октября - речь Мирабо. 8 августа 1789 года Аль де Ламет пишет в трибуне: "Когда был учрежден фонд, он принадлежит нации, которой был предоставлен"].

2257 (возвращение)

[Дювержье, законы от 18 августа 1792 г.; 8-14 августа 1793 г.; 11 июля 1794 г.; 14 июля 1792 г.; 24 августа 1793 г.].

2258 (возвращение)

["Moniteur", заседание от 31 июля 1792 года. Речь М. Буастара; имущество госпиталей в это время оценивалось в восемьсот миллионов. Уже в 1791 году (заседание 30 января) М. де Ларошфуко-Лианкур заявил Собранию: "Ничто так не вернет доверие беднякам, как то, что нация возьмет на себя право оказывать им помощь". Он предлагает принять декрет, согласно

которому все больницы и благотворительные заведения должны быть переданы под контроль нации. (Mercure, 12 февраля 1791 г.).

2259 (возврат)

["Moniteur", заседание от 10 августа 1789 года. Речь Съеса. Цифры, приведенные здесь, выведены из статистики, уже приведенной в "Древнем режиме"].

2260 (возвращение)

["Moniteur", v. 571. Заседание от 4 сентября 1790 года. Отчет Комитета по финансам-V. 675, заседание 17 сентября 1790 года. Доклад Неккера].

2261 (возврат)

[Вексель революционного правительства. (SR.)].

2262 (возврат)

[Sauzay, I. 228 (с 10 октября 1790 г. по 20 февраля 1791 г.). "Общий вес трофеев монастырских заведений в золоте, серебре и плакированной посуде, отправленных на Монетный двор, составил более 525 килограммов (по департаменту)"].

2263 (возврат)

[Дювержье, закон от 8-14 октября].

2264 (возврат)

["Moniteur", заседание от 3 июня 1792 года. Речь М. Бернара от имени комитета общественной помощи: "Не проходит и дня, чтобы мы не получали из департаментов самых печальных известий о нищете их больниц" - "Меркюр де Франс", 17 декабря 1791 г., заседание 5 декабря. Ряд депутатов департамента Север требуют помощи для своих больниц и муниципалитетов. Из 480 000 ливров дохода им остается 10 000. "Имущество коммун заложено и больше не дает им никаких средств. 280 000 человек лишены хлеба"].

2265 (возвращение)

[Sauzay, I. 252 (3 декабря 1790 г. - 13 апреля 1791 г.)].

2266 (обратно)

["Moniteur", заседание от 1 июня 1790 г. Речи Камю, Трейльера и др.]

2267 (обратно)

[Но если предположить, что вся религия была изобретена людьми для собственного

удобства или использования, то что может быть естественнее, чем умные правители, использующие свою власть для влияния на религиозные авторитеты в своих интересах. (SR.)]

2268 (возвращение)

[Ультрамонтан: крайний сторонник верховенства папы (SR.).]

2269 (обратно)

[Sauzay, I. 168.]

2270 (обратно)

[Лично знаю, так как четыре раза посещал Безансон в период с 1863 по 1867 год].

2271 (обратно)

["Moniteur", заседание от 30 мая 1790 года и другие последующие. (Доклад Трейльера, речь Робеспьера)].

2272 (обратно)

[Дюверже, законы от 12 июля - 14 августа; 14-25 ноября 1790 г.; 21-26 января 1791 г.].

2273 (возврат)

["Moniteur", заседание от 31 мая 1790 года. Робеспьер в скрытых выражениях требует брака священников. Мирабо подготовил речь в том же смысле, заключив, что каждый священник и монах должен иметь возможность заключать брак; когда священник или монах предстанет со своей невестой перед куратором, последний должен будет дать им брачное благословение и т. д. Мирабо писал 2 июня 1790 года: "Робеспьер... выманил у меня предложение о браке священников". В целом зародыш всех законов Конвента находится в Учредительном собрании. (Ph. Plan, "Un Collaborateur de Mirabeau", p.56, 144.)].

2274 (возврат)

["Дюверже", законы от 27 ноября - 26 декабря 1790 г.; 5 февраля, 22 марта и 5 апреля 1791 г. - "Монитор", заседание от 6 ноября 1790 г. и последующие, особенно от 27 декабря. "Я клянусь всеми силами поддерживать французскую конституцию и особенно декреты, касающиеся гражданской конституции духовенства" - см. заседание от 2 января 1791 г., речь епископа Клермонского].

2275 (возвращение)

[Дювержье, закон от 7 мая 1791 г. о сохранении права священников, не являющихся юристами, совершать мессу в национальных или частных зданиях. (По требованию Талейрана и Съеса)].

2276 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3235. Письмо М. де Шато-Рандона, депутата от Лозера, 28 мая 1791 г. После декрета от 23 мая все функционеры департамента подали в отставку].

2277 (возвращение)

[Дювержье, закон от 21-29 мая 1791 г.].

2278 (обратно)

[Sauzay, I. 366, 538-593, 750.- "Archives Nationales", F7, 3235, письмо М. де Шанто-Рандона, 10 мая 1791 г.- Меркюр, 23 апреля и 16 апреля 1701 г. Статьи Малле дю Пана, письмо из Бордо, 20 марта 1791 г.].

2279 (возврат)

[Buche and Roux, XII, 77. Отчет Галлуа и Генсонне, отправленный в Вандею и Де-Севр (25 июля 1791 г.).- "Archives Nationales," F7, 3253, письмо Директории Бас-Рина (письмо от 7 января 1792 г.).- "Le District de Machecoul de 1788 à 1793", автор Lallier.- "Histoire de Joseph Lebon", автор Paris.-Sauzay, т. I. и II. полностью].

2280 (возврат)

["Mercure", 15 января, 23 апреля, 16 и 30 мая, 1 июня, 23 ноября 1791 г.-"Le District de Machecoul", Lallier, 173.-Sauzay, I. 295.-Lavirotte, "Annales d'Arnay-le-Duc" (5 февраля 1792 г.).- "Archives Nationales", F7, 3223. Петиция нескольких жителей Монпелье, 17 ноября 1791 г.].

2281 (возврат)

["Дювержье", декрет от 29 ноября 1791 г. - "Меркюр", 30 ноября 1791 г. (статья Малле дю Пана)].

ГЛАВА III. КОНСТРУКЦИИ - КОНСТИТУЦИЯ 1791 ГОДА.

То, что называется правительством, - это совокупность властей, каждая из которых выполняет свою функцию и работает над достижением конечной и полной цели. Достоинство правительства заключается в достижении этой цели; достоинство машины зависит от работы, которую она выполняет. Важно не то, чтобы создать хороший механический проект на бумаге, а то, чтобы машина хорошо работала, когда ее установят на

земле. Тщетно создатели машины могли бы говорить о красоте своего плана и логической связи своих теорем; от них требуется не план или теоремы, а инструмент.

Для того чтобы сделать этот инструмент полезным и эффективным, необходимы два условия. Во-первых, государственные власти должны гармонизировать друг с другом, в противном случае одна нейтрализует другую; во-вторых, они должны быть послушны, иначе они недействительны.

Учредительное собрание не предусмотрело ни этой гармонии, ни этого повиновения. В построенной им машине все движения противодействуют друг другу; импульс не передается; между центром и крайними частями нет полного зацепления; большие центральные и верхние колеса вращаются без толку; бесчисленные маленькие колеса у земли ломаются или выходят из строя: машина, в силу своего собственного механизма, остается бесполезной, перегретой, под облаками отработанного пара, скрипит и стучит так, что ясно показывает, что она должна взорваться.

I.- Полномочия центрального правительства.

Ассамблея о разделе власти. Разрыв всех разрыв всех связей между законодательным органом и королем.- Ассамблея о подчинении исполнительной власти.-Как это аннулируется.- Уверенность в конфликте.- Низложение короля неизбежно. короля неизбежно.

Давайте сначала рассмотрим две центральные власти, Ассамблею и короля. Обычно, когда Конституция устанавливает различные власти разного происхождения, она предусматривает, в случае конфликта между ними, арбитра в виде Верхней палаты. Каждая из этих властей, по меньшей мере, имеет отношение к другой. Ассамблея должна иметь одно полномочие на короля: это право отказывать в налогообложении. Король должен иметь одну власть на Ассамблею: право ее роспуска. В противном случае, если один из них будет обезоружен, другой станет всемогущим и, следовательно, безумным. Опасность для всемогущей Ассамблеи столь же велика, как и для абсолютного короля. Если первый желает оставаться в здравом уме, он нуждается в подавлении и контроле не меньше, чем второй. Если Собранию подобает сдерживать короля, отказывая ему в субсидиях, то ему подобает иметь возможность защищаться, обращаясь к избирателям. Но, кроме этих крайних мер, которые опасны и к которым редко прибегают, есть еще одна, обычно применяемая и безопасная, - это право короля забирать своих министров из Палаты. Как правило, лидеры большинства формируют министерство, их назначение является средством восстановления гармонии между королем и Собранием; они одновременно являются людьми, принадлежащими к Собранию, и людьми, принадлежащими к королю. Благодаря этому не только обеспечивается доверие Собрания, поскольку правительство остается в руках его лидеров, но и сдерживается, поскольку они становятся одновременно и могущественными, и ответственными. Поставленные во главе всех отраслей службы, они, прежде чем предложить

или принять закон, могут судить о том, насколько он полезен и целесообразен. Ничто так не оздоравливает большинство, как министерство, состоящее из его собственных начальников; ничто так эффективно не подавляет опрометчивость или невоздержанность.

Железнодорожный кондуктор не желает, чтобы его локомотив был лишен угля или чтобы рельсы, по которым он собирается бежать, были сломаны... Эта схема, при всех ее недостатках и неудобствах, является лучшей из тех, к которым еще пришел человеческий опыт для обеспечения безопасности общества от деспотизма и анархии. Поскольку абсолютная власть, которая их учреждает или спасает, может также угнетать или истощать их, происходит постепенная замена дифференцированных властей, удерживаемых вместе при посредничестве третьего судьи, вызванная взаимной зависимостью и общей для обоих властью.

Опыт, однако, не имеет значения для членов Учредительного собрания; под знаменем принципов они разрушают одну за другой все связи, которые гармонично скрепляют обе власти. Кроме того, "нация, будучи единым целым", не приемлет "создания различных органов". Поэтому, применяя готовые формулы и метафоры, они продолжают производить идеологические определения и различия.

Король не должен иметь власти над законодательным органом: исполнительная власть - это рука, дело которой - подчиняться; абсурдно, чтобы рука сдерживала или направляла голову. Едва ли монарху позволено отсроченное вето. Здесь вступает Сийес со своим протестом, заявляя, что это "письмо де каше²³⁰¹, наложенное против всеобщей воли", и исключает из действия вето статьи Конституции, все денежные векселя и некоторые другие законы. После избрания Собрания он не может ни отложить, ни распустить его. Он не может даже предложить ^{закон}²³⁰²; ему дается разрешение только "предложить ему принять к рассмотрению какой-либо вопрос". Он ограничен своими исполнительными обязанностями; более того, между ним и Собранием возведена своего рода стена, и отверстие в ней, через которое каждый мог бы взять другого за руку, тщательно закрыто. Депутатам запрещено становиться министрами в течение всего срока их службы и в течение двух лет после него. Это объясняется опасениями, что они могут быть развращены контактом с двором, и, опять же, кем бы ни были министры, нет никакой склонности признавать их верховенство.²³⁰³ Если кто-то из них и допускается в Собрание, то не для того, чтобы давать советы, а для того, чтобы предоставлять информацию, отвечать на вопросы и заявлять о своем мнении в скромных выражениях и в сомнительном положении.²³⁰⁴ В силу того, что он является королевским агентом, он находится под подозрением, как и сам король, и он изолирован в своем бюро, как король изолирован в своем дворце.²³⁰⁵ Таков дух Конституции: в силу теории и для того, чтобы обеспечить разделение властей,²³⁰⁵ общее понимание между ними навсегда становится невозможным, и для восполнения этой невозможности не остается ничего другого, как сделать одного хозяином, а другого - клерком.

Это не преминули сделать, и для большей надежности последнего сделали почетным клерком. Исполнительная власть передана ему номинально и внешне; фактически он ею не обладает, позаботившись о том, чтобы передать ее в другие руки. В действительности все исполнительные агенты и все второстепенные и местные власти являются выборными. Король не имеет права голоса, прямо или косвенно, в выборе судей, прокуроров, епископов, куре, сборщиков и оценщиков налогов, комиссаров полиции, администраторов округов и департаментов, мэров и муниципальных чиновников. В крайнем случае, если администратор нарушит закон, он может аннулировать свои действия и отстранить его от должности; но Ассамблея, высшая власть, имеет право отменить это отстранение. -Что касается вооруженных сил, главнокомандующим которых он должен быть, то это от него полностью

ускользает: Национальная гвардия не получает от него приказов; жандармерия и войска обязаны выполнять требования муниципальных властей, которых король не может ни выбрать, ни сместить: короче говоря, ему отказано в любом виде местных действий, то есть во всех эффективных действиях. Связь, существовавшая между колесами конечностей и центральным валом, разорвана, и отныне, неспособный распределять свою энергию, этот вал в руках монарха стоит на месте или безрезультатно вращается. Король, "верховный глава общей администрации, армии и флота, блюститель общественного спокойствия и порядка, наследственный представитель нации", несмотря на свои высокие титулы, лишен возможности непосредственно применять свои притязания на власть, заставить составить график обложений в непокорной коммуне, принудить к уплате неплательщика налогов, обеспечить свободное обращение каравана с зерном, исполнить приговор суда, подавить вспышку, обеспечить защиту людей и имущества. Ибо он не может применить никакого принуждения к агентам, которые объявлены подчиненными ему; у него нет других средств, кроме предупреждения и убеждения. Он посылает в каждое департаментское собрание санкционированные им декреты, прося его передать их и привести в исполнение; он получает его корреспонденцию и выносит свое порицание или одобрение - и это все. Он всего лишь бессильное средство коммуникации, глашатай или публичный рекламодатель, своего рода центральное эхо, гулкое и пустое, к которому приносят новости и от которого отходят законы, чтобы распространиться за границей, как общий слух. Такой, каким он является, и таким уменьшенным, он все же считается слишком сильным. Он лишен права помилования, "которое разрывает последнюю артерию монархического правления".²³⁰⁶ Против него предпринимаются всевозможные меры предосторожности. Он не может объявить войну без декрета Собрания; он обязан прекратить войну по декрету Собрания; он не может заключить мирный, союзный или торговый договор без ратификации их Собранием. Прямо объявлено, что он должен назначать только две трети контр-адмиралов, половину генерал-лейтенантов, фельдмаршалов, капитанов судов и полковников жандармерии, одну треть полковников и лейтенантов линии и шестую часть лейтенантов флота. Он не должен позволять войскам оставаться или проходить в пределах 30 000 ярдов от Ассамблеи. Его гвардия не должна состоять более чем из 1800 человек, должным образом проверенных и защищенных от его соблазнов гражданской присягой. Наследник не должен покидать страну без согласия Ассамблеи. Именно Ассамблея должна законодательно регулировать воспитание его сына в период несовершеннолетия. Все эти меры предосторожности сопровождаются угрозами. Против него самого существует пять возможных причин для свержения с престола; против его ответственных министров - восемь причин для осуждения на срок от двенадцати до двадцати лет и восемь оснований для осуждения на смерть.²³⁰⁷ Повсюду между строк Конституции мы читаем постоянное стремление занять позицию защиты, тайный страх перед предательством, убежденность в том, что исполнительная власть, какого бы рода она ни была, по своей природе неблагоприятна для общественного благосостояния.²³⁰⁸ Для отказа в назначении судей утверждается, что "суд и министры являются наиболее презренной частью нации".²³⁰⁸ Если назначение министров допускается, то на том основании, что "министры, назначенные народом, обязательно будут слишком высоко почитаться". Принцип заключается в том, что "только законодательный орган должен обладать доверием народа", что королевская власть развращает ее хранителя, а исполнительная власть всегда склонна к злоупотреблениям и заговорам. Если она и предусмотрена в Конституции, то лишь с сожалением, в силу необходимости и при условии, что она будет зажата препятствиями; она окажется тем менее пагубной, чем больше ее будут сдерживать, охранять, угрожать и осуждать; положение такого рода явно невыносимо; и только такой пассивный человек, как Людовик XVI, мог бы с ним мириться. Однако как бы он ни старался, он не может сделать ее устойчивой. Напрасно

он неукоснительно придерживается Конституции и выполняет ее до буквы. Поскольку он бессилён, Ассамблея считает его слабовольным и вменяет ему в вину трение машины, которая не находится под его контролем. Если он хоть раз осмелится воспользоваться своим правом вето, это будет мятеж, а мятеж чиновника против своего начальника, которым является Собрание; мятеж подданного против своего государя, которым является народ. В этом случае уместно свержение с престола, и Собранию остается только принять декрет, народу - исполнить акт, и конституция закончится революцией. - Механизм такого рода разрушается от собственного движения. В соответствии с философской теорией два колеса правительства должны быть разделены, а для этого они должны быть отсоединены и изолированы одно от другого. В соответствии с народным вероучением, ведущее колесо должно быть подчинено, а его влияние нейтрализовано: для этого необходимо свести его энергию к минимуму, разорвать связи и поднять в воздух, чтобы оно вращалось, как вершина, или оставалось там в качестве препятствия для чего-то другого. Наверняка после долгого использования в качестве игрушки он, наконец, будет устранен как помеха.

II.- Создание народной демократии.

Административные полномочия.- Собрание по иерархии.
-Отмена классов.-Коллективные полномочия.-Введение выборов,
и влияние подчиненных во всех отраслях
-Уверенность в дезорганизации.-Власть в руках
муниципальных органов.

Давайте оставим центр управления и отправимся на крайние точки, чтобы понаблюдать за работой различных администраций.[2309](#)

Чтобы любая служба работала хорошо и точно, должен быть единственный и неповторимый начальник, который может назначать, платить, наказывать и увольнять своих подчиненных. - С одной стороны, он стоит один и чувствует свою ответственность; он привносит в управление делами такое внимание и последовательность, такт и силу инициативы, на которые не способен комитет; корпоративные глупости или недостатки не касаются никого в частности, и власть эффективна, только когда она находится в одних руках.-С другой стороны, будучи хозяином, он может положиться на подчиненных, которых он сам выбрал, которыми он управляет через их надежды или страхи и которых он увольняет, если они не выполняют своих обязанностей; в противном случае он не имеет над ними власти, и они не являются инструментами, на которые можно положиться. Только при этих условиях начальник железной дороги может быть уверен, что его стрелочники выполняют свою работу. Только при этих условиях бригадир литейного цеха может гарантировать выполнение работы к определенному дню. В каждом государственном или частном предприятии прямая, непосредственная власть является единственным известным, единственным человеческим и возможным способом обеспечить послушание и пунктуальность агентов.[2310](#) Таким образом, управление осуществляется во всех странах одним или несколькими рядами функционеров, каждый из которых подчиняется какому-то центральному управляющему, который держит бразды правления в своей единственной руке.

В новой Конституции все это перевернуто. В глазах наших законодателей повиновение должно быть спонтанным и никогда не обязательным, и, подавляя деспотизм, они подавляют правительство. Общее правило иерархии, которую они устанавливают, заключается в том,

что подчиненные должны быть независимы от своего начальника, поскольку он не должен ни назначать, ни смещать их: единственное право, которое он имеет, - это давать им советы и перечить им²³¹¹. В лучшем случае, в некоторых случаях, он может аннулировать их действия и временно приостановить их функции, что может быть оспорено и отменено.²³¹² Таким образом, мы видим, что ни одно из местных полномочий не делегируется центральной властью; последняя просто похожа на человека без рук, сидящего в золоченом кресле. Министр финансов не может назначить или уволить ни ассессора, ни коллектора; министр внутренних дел - ни одного из департаментских, окружных или коммунальных администраторов; министр юстиции - ни одного судьи или прокурора. У короля в этих трех ветвях власти есть только один свой чиновник - комиссар, чья обязанность - следить за соблюдением законов в судах и, по вынесении приговора, добиваться его исполнения. - Все мышцы центральной власти парализованы этим ударом, и отныне каждый департамент - это отдельное государство, живущее само по себе.

Аналогичная ампутация, однако, в самом департаменте, отрезала все связи, с помощью которых начальник мог контролировать и направлять своих подчиненных. - Если администраторы департамента и могут влиять на администраторов округа, а те на администраторов округа, муниципалитета, то только, опять же, в виде советов и просьб. Нигде начальник не является командиром, который приказывает и сдерживает, но везде - цензором, который предупреждает и ругает. Чтобы сделать эту и без того слабую власть еще более слабой на каждой ступени иерархии, она разделена между несколькими органами. Они состоят из надстроенных советов, которые управляют департаментом, округом и коммуной. Ни в одном из этих советов нет руководящего главы. Постоянство и исполнительные функции повсеместно возложены на директории из четырех-восьми членов или на бюро из двух, трех, четырех, шести и даже семи членов, избранный глава которых, президент или мэр²³¹³, имеет лишь почетное первенство. Решения и действия, повсеместно притупленные, отложенные или ограниченные разговорами и процессами обсуждения, появляются только после трудного, бурного согласия нескольких несогласных волей.²³¹⁴ Какими бы выборными и коллективными ни были эти полномочия, все же принимаются меры для их защиты. Они не только находятся под контролем выборного совета, половина которого обновляется каждые два года, но, опять же, мэр и прокурор коммуны после четырехлетнего срока службы, прокурор-синдик департамента или округа после восьмилетнего срока службы и окружной коллектор после шестилетнего срока службы не переизбираются. Если эти чиновники заслужили и завоевали доверие избирателей, если знакомство с делами сделало их особенно компетентными и ценными, тем хуже для дел и общества; они не должны быть привязаны к своему посту.²³¹⁵ Если пребывание их на посту вносит в службу дух порядка и экономии, это не имеет значения; есть опасность, что они приобретут слишком большое влияние, и закон отправляет их в отставку, как только они становятся экспертами и получают право управлять.²³¹⁵ Никогда еще ревность и подозрительность не были так сильны в отношении власти, даже законной и легитимной. Отъем и добыча идут даже в тех службах, которые признаны основными, как армия и жандармерия.²³¹⁶ В армии при назначении унтер-офицера другие унтер-офицеры составляют список кандидатов, капитан отбирает трех, одного из которых выбирает полковник. При выборе подпоручика голосуют все офицеры полка, и тот, кто получает большинство голосов, назначается на должность. В жандармерии для назначения жандарма каталог департамента составляет список; полковник указывает в нем пять имен, а каталог выбирает одно из них. Для выбора капрала, квартирмейстера или лейтенанта, кроме справочника и полковника, существует еще одно вмешательство - офицеров, как рядовых, так и сержантов. Это система выборных осложнений и жеребьевки; система, которая, предоставляя право голоса в выборе офицеров гражданским властям и военным

подчиненным, оставляет полковнику лишь треть или четверть его прежнего превосходства. В отношении Национальной гвардии новый принцип применяется без каких-либо оговорок. Все офицеры и унтер-офицеры до капитанского чина избираются своими подчиненными. Все высшие офицеры избираются низшими офицерами. Все нижние офицеры, все младшие и старшие офицеры избираются только на один год и могут быть переизбраны только через год, в течение которого они должны служить в [строю2317](#). -Результат очевиден: командование, как в гражданском, так и в военном порядке, расстраивается; подчиненные перестают быть точными и надежными инструментами; начальник больше не имеет над ними никакой практической власти; его приказы, следовательно, встречают лишь усмиренное повиновение, сомнительное почтение, иногда даже открытое сопротивление; их исполнение остается медленным, неопределенным, неполным и в конце концов совершенно игнорируется; скрытая и вскоре явная система дезорганизации вводится законом. Шаг за шагом в иерархии правительства власть опускается вниз и отныне принадлежит в силу Конституции тем, кто находится в самом низу лестницы. Правит не король, не министр, не директор департамента или округа, а его муниципальные служащие, и их власть настолько всесильна, насколько она может быть всесильной в маленькой независимой республике. Только у них есть "сильная рука", с помощью которой они могут обыскать карманы несговорчивых налогоплательщиков и обеспечить сбор доходов; схватить за горло бунтовщика и защитить жизнь и имущество; словом, превратить обещания и угрозы закона в действия. Все вооруженные силы, Национальная гвардия, регулярные войска и жандармерия, должны выступить в поход по их требованию. Только они, среди администраторов, наделены этим суверенным правом; все, что может сделать департамент или округ, - это предложить им воспользоваться им. Именно они объявляют военное положение. Соответственно, меч находится в их руках.[2318](#) При содействии комиссаров, назначаемых Генеральным советом коммуны, они составляют график налогообложения недвижимого и личного имущества, устанавливают квоту каждого налогоплательщика, корректируют начисления, проверяют реестры и квитанции сборщика, ревизуют его счета, увольняют неплательщиков, отвечают за возвраты и санкционируют судебные преследования.[2319](#) Таким образом, частные кошельки оказываются в их власти, и они забирают из них все, что по их мнению принадлежит обществу. -С кошельком и мечом в руках они не имеют ничего, что необходимо для того, чтобы стать хозяевами, и тем более потому, что применение каждого закона принадлежит им; потому что ни одно распоряжение Ассамблеи королю, короля министрам, министров департаментам, департаментов департаментам, округов округам, округов коммуна не приводит к реальным местным результатам, кроме как через них; потому что каждая мера общего применения подвергается их особому толкованию и всегда может быть по желанию изуродована, смягчена или преувеличена в зависимости от их робости, инертности, жестокости или пристрастности. Более того, они не сразу обнаруживают свою силу. Мы видим, как они со всех сторон спорят со своими начальниками против распоряжений округов, департаментов и министерств и даже против самого Собрания; ссылаются на обстоятельства, недостаток средств, собственную опасность и общественную безопасность, не подчиняются, действуют сами, открыто не подчиняются и превозносят свой [поступок2320](#), утверждая, как право, всемогущество, которое они осуществляют на деле. Жители Труа на празднике Федерации отказываются подчиниться первенству департамента и утверждают его за собой, как "непосредственные представители народа". Жители Бреста, несмотря на неоднократные запреты своего округа, посылают четыреста человек и две пушки, чтобы заставить соседнюю коммуну подчиниться юре, принесшему присягу. Арестованные в Арне-ле-Дюк мессеры (тетки короля), несмотря на паспорт, подписанный министрами, удерживают их вопреки приказам департаментов и округов, упорно преграждают к ним путь, несмотря на

специальный декрет Национального собрания, и посылают двух депутатов в Париж, чтобы получить санкцию на свое решение. Арсеналы разграблены, цитадели захвачены, конвои арестованы, курьеры остановлены, письма перехвачены, постоянное и растущее неповиновение, узурпации без перемирия и меры, муниципалитеты присваивают себе все виды прав на своей территории, а часто и за ее пределами. Отныне в королевстве существует сорок тысяч суверенных органов. Сила отдана в их руки, и они умело пользуются ею. Они используют ее так хорошо, что один из них, Парижская коммуна, пользуясь близостью, осаждают, калечит и правит Национальным конвентом, а через него и Францией.

III.- Муниципальные королевства.

Муниципальные органы - их великая задача - их неспособность.

-Их слабая власть, недостаточность их средств

-Роль национальной гвардии.

Давайте последуем за этими муниципальными королями в их собственные владения: бремя, лежащее на их плечах, огромно и намного превышает человеческие силы. Им доверены все детали исполнительной власти; им приходится заниматься не мелочной рутинной, а целой социальной системой, которая разлетается на куски, а на ее месте восстанавливается другая. Они владеют четырьмя миллионами церковной собственности, недвижимой и личной, а скоро будет два с половиной миллиона собственности эмигрантов, которую необходимо арестовать, оценить, управлять, инвентаризировать, разделить, продать и получить вырученные деньги. Семь или восемь тысяч монахов и тридцать тысяч монахинь нужно переселить, установить, санкционировать и обеспечить. У них сорок шесть тысяч церковников, епископов, каноников, курие и викариев, которых нужно лишить власти, заменить, часто силой, а затем изгнать, интернировать, заключить в тюрьму и содержать. Они обязаны обсуждать, определять, учить и обнародовать новые территориальные границы, границы коммуны, округа и департамента. Они должны созывать, размещать и защищать многочисленные первичные и вторичные ассамблеи, контролировать их работу, которая иногда длится неделями. Они должны назначать избранных ими людей, мировых судей, офицеров Национальной гвардии, судей, прокуроров, курие, епископов, администраторов округов и департаментов. Они должны составить новые списки налогоплательщиков, распределить между собой, согласно новой системе обложения, совершенно новые реальные и личные налоги, принять решение о претензиях, назначить ассессора, регулярно проверять его счета и книги, помогать ему силой, применять силу для сбора акцизов и соляных пошлин, которые, будучи уменьшены, уравнены и преобразованы тщетно Национальным собранием, не приносят никакой отдачи, несмотря на его декреты. Они обязаны изыскивать средства на обмундирование, снаряжение и вооружение Национальной гвардии, вставать между ней и военными командирами и поддерживать согласие между ее различными батальонами. Они должны защищать леса от разграбления,

общинные земли от захвата, поддерживать октрои, защищать бывших чиновников, церковников и дворян, подозреваемых и находящихся под угрозой, и, прежде всего, обеспечивать, неважно как, провизию для коммуны, которой не хватает продовольствия, и, следовательно, собирать подписки, договариваться о закупках на расстоянии и даже за границей, организовывать конвои, возмещать убытки пекарям, снабжать рынок каждую неделю, несмотря на нехватку, небезопасность дорог и сопротивление земледельцев. - Даже абсолютный вождь, посланный издалека и с высокого места, самый энергичный и опытный, при поддержке самых дисциплинированных и послушных войск, едва ли преуспел бы в таком деле; и вместо него есть только муниципалитет, у которого нет ни власти, ни средств, ни опыта, ни возможностей, ни желания.

В стране, говорит один оратор с трибуны,²³²¹ "муниципальные служащие в двадцати тысячах из сорока тысяч муниципалитетов не умеют ни читать, ни писать". Куратор, по сути, отстранен от таких должностей законом, а за исключением Вандеи и благородных - общественным мнением. Кроме того, во многих провинциях говорят только на patois.²³²² Французский язык, особенно философская и абстрактная фразеология новых законов и прокламаций, остается для их жителей тарабарщиной. Они не могут понять и применить сложные декреты и отточенные инструкции, которые доходят до них из Парижа. Они спешат в города, получают подробные разъяснения и комментарии к возложенным на них обязанностям, пытаются понять, воображают, что понимают, а затем, на следующей неделе, возвращаются обратно, так ничего и не поняв, ни способа ведения государственных реестров, ни различия между феодальными правами, которые отменяются и которые сохраняются, ни правил, которые они должны соблюдать в случае выборов, ни ограничений, которые закон устанавливает в отношении их полномочий и подчинения. Ничего из этого не проникает в их грубые, необученные мозги; вместо крестьянина, только что оставившего своих волов, здесь нужен знаток права, которому помогает обученный клерк. К их невежеству следует добавить пруденциальные соображения. Не желая наживать себе врагов в коммуне, они воздерживаются от каких-либо действий, особенно в налоговых вопросах. Через девять месяцев после декрета о патриотическом взносе "двадцать восемь тысяч муниципалитетов просрочили платежи, не вернув ни списков, ни смет"²³²³. В конце января 1792 года "из сорока тысяч девятисот одиннадцати муниципалитетов только пять тысяч четыреста сорок восемь сдали на хранение свои реестры; две тысячи пятисот восемьдесят списков только окончательно оформлены и находятся в процессе сбора. Многие даже не приступили к составлению своих секционных ведомостей"²³²⁴. Гораздо хуже, когда, думая, что они все понимают, они берутся за работу. В их умах, неспособных к абстракции, закон трансформируется и деформируется необычными интерпретациями. Мы увидим, во что он превращается, когда его применяют к феодальным повинностям, к лесам, к общинным правам, к обороту зерна, к налогам на провиант, к надзору за аристократами, к защите личности и собственности. По их словам, он уполномочивает и призывает их делать силой и сразу все, что им нужно или хочется в данный момент. - Муниципальные чиновники больших округов и городов, более остроумные и часто способные понять указы, едва ли находятся в лучшем состоянии для их эффективного выполнения. Они, несомненно, умны, одушевлены лучшими побуждениями и ревностно относятся к общественному благосостоянию. В первые два года революции в целом именно наиболее информированная и либеральная часть буржуазии, как в департаменте, так и в округе, берет на себя управление делами. Почти все они - люди закона, адвокаты, нотариусы и поверенные, а также небольшое число представителей старого привилегированного класса, проникнутых тем же духом, - каноник в Безансоне, дворянин в Ниме. Их намерения самые лучшие; они любят порядок и свободу, отдают свое время и деньги, проводят постоянные заседания и выполняют невероятный объем работы, часто добровольно подвергая себя большим опасностям. Но они буржуазные

философы, и в этом последнем отношении похожи на своих депутатов в Национальном собрании, и, обладая этим двойным характером, так же неспособны, как и их депутаты, управлять распавшейся нацией. В этом двойном характере они плохо относятся к древнему режиму, враждебны католицизму и феодальным правам, неблагоприятны к духовенству и дворянству, склонны расширять сферу действия и преувеличивать строгость последних декретов, приверженцы прав человека и, следовательно, гуманисты и оптимисты, склонные оправдывать проступки народа, колеблющиеся, медлительные и часто робкие перед лицом вспышки - словом, восхитительные писатели, увещеватели и реформаторы, но ни на что не годные, когда дело доходит до того, чтобы ломать головы и рисковать собственными костями. Они не были воспитаны таким образом, чтобы стать людьми действия в один день. До сих пор они всегда жили как пассивные администраторы, как тихие индивидуумы, как ученые люди и клерки, одомашненные, разговорчивые и воспитанные, для которых слова скрывали факты, и которые на вечерней прогулке горячо обсуждали важные принципы управления, без какого-либо осознания практического механизма, который, имея в качестве конечного колеса полицейскую систему, делал себя, свою прогулку и свой разговор совершенно безопасными. Они не прониклись тем чувством социальной опасности, которое порождает настоящего вождя; человека, подчиняющего эмоции жалости требованиям государственной службы. Им невдомек, что лучше перебить сотню сознательных граждан, чем позволить повесить преступника без суда и следствия. Репрессии в их руках не являются ни быстрыми, ни жесткими, ни постоянными. Они остаются в Отель-де-Виль теми, кем были, когда входили в него, - многочисленными юристами и писателями, плодовитыми на прокламации, отчеты и переписку. Это полностью их роль, и если кто-то из них, с большей энергией, захочет отойти от нее, он не сможет удержаться в коммуне, которой, согласно Конституции, он должен управлять, и в вооруженных силах, которые вверены ему для обеспечения соблюдения законов.

Чтобы обеспечить уважение к власти, она не должна возникать на месте и под руками подчиненных. Она теряет свой престиж и независимость, когда те, кто ее создает, являются именно теми, кто должен ей подчиняться. Ибо, подчиняясь ему, они помнят, что сами его создали. Тот или иной кандидат из их числа, еще недавно требовавший их голосов, теперь становится магистратом, издающим приказы, и это внезапное превращение - их рук дело. С трудом они переходят от роли суверенных избирателей к роли послушных подданных администрации и признают в одном из своих созданий командира.²³²⁵ Напротив, они будут подчиняться его управлению только на свой манер, оставляя за собой на практике те полномочия, право на которые они ему предоставили.

"Мы отвели ему его место, и он должен делать то, что мы хотим".

Такое народное рассуждение - самое естественное в мире. Оно одинаково применимо как к муниципальному чиновнику, носящему шарф, так и к офицеру национальной гвардии, носящему погоны; как первое, так и второе дается по произволу избирателей и всегда кажется им даром, который может быть отменен по их желанию. Начальник всегда, и особенно во время опасности или сильного общественного волнения, кажется, если он непосредственно назначен теми, кем он командует, является их секретарем. Такова муниципальная власть в эту эпоху, прерывистая, неопределенная и слабая; и тем более слабая, что шпага, рукоятью которой, кажется, владеют люди из Дома-де-Виль, не всегда покидает ножны по их приказу. Только они имеют право призвать Национальную гвардию, но она не зависит от них и не находится в их распоряжении. Чтобы заручиться ее поддержкой, необходимо, чтобы ее независимые вожди были готовы откликнуться на их требование; чтобы люди охотно подчинялись своим избранным офицерам; чтобы эти

импровизированные солдаты согласились бросить плуг, магазины, мастерские и офисы, потерять день, патрулировать улицы ночью, быть закиданными камнями, стрелять в бунтующую толпу, вражду и предрассудки которой они часто разделяют. Несомненно, в некоторых случаях они будут стрелять, но в целом они будут молчать, держа оружие наготове; и, в конце концов, они устанут от тяжелой, опасной и постоянной службы, которая им неприятна и для которой они не приспособлены. Они не откликнутся на призыв, а если и откликнутся, то слишком поздно и в слишком малом количестве. В этом случае посланные за ними регулярные войска поступят так же, как они, и будут молчать, следуя их примеру, а муниципальный магистрат, в чьи руки попала шпага, сможет лишь с горечью докладывать своему начальству в департаменте или округе о народном насилии, бессильным свидетелем которого он является. В других случаях, особенно в стране, его положение еще хуже. Национальная гвардия, предвараемая барабанами, приходит и уводит его в ратушу, чтобы его присутствием санкционировать и узаконить своими приказами те безобразия, которые она собирается совершить. Он идет, схваченный за воротник, и ставит свою подпись на острие штыка. В этом случае у него не только отбирают его оружие, но и обращают его против того, чтобы он держал его за рукоять, он чувствует острие: вооруженная сила, которой он должен пользоваться, пользуется им.

IV.- О всеобщем избирательном праве.

Национальная гвардия в качестве выборщиков.- Ее огромная сила.- Ее важная задача.- Работа, возлагаемая на активных граждан.- Они избегают ее.

Вот, таким образом, истинный государь, выборщик, как национальный гвардеец, так и избиратель. Это короли, предусмотренные Конституцией; вот он, на каждой иерархической ступени, со своим избирательным правом, с которым он делегирует полномочия, и со своим оружием, чтобы обеспечить их осуществление. Он назначает непосредственно, в первичных собраниях, мэра, муниципальное правление, прокурора и совет коммуны, мирового судью и его заседателей, а также выборщиков второй степени. Косвенно, через этих выборщиков, он назначает администраторов и прокуроров-синдикаторов округа и департамента, судей по гражданским и уголовным делам, прокурора, епископов и священников, членов Национального собрания и присяжных высшего Национального [суда](#)²³²⁶. Все эти комиссии, которые он выдает, имеют короткий срок, главные из них, такие как муниципальный чиновник, выборщик и депутат, действуют только два года; по истечении этого короткого срока их получатели снова подлежат его голосованию, чтобы, если он будет недоволен ими, он мог заменить их другими. Он не должен быть ограничен в своем выборе; в каждом хорошо организованном учреждении законный владелец должен иметь возможность легко и часто обновлять штат своих клерков. Он - единственный, кому можно доверять, и для большей безопасности все оружие отдается ему. Когда его клерки хотят применить силу, он сам предоставляет ее в их распоряжение. Все, что он пожелал как курфюрст, он исполняет как национальный гвардеец. Дважды он вмешивался, и оба раза решающим образом; его

контроль над законными полномочиями непреодолим, потому что они рождаются из его голоса и подчиняются только благодаря его поддержке... Но эти права в то же время являются бременем. Конституция называет его "активным гражданином", и таковым он в высшей степени является или должен быть, поскольку общественная деятельность начинается и заканчивается им, поскольку все зависит от его рвения и способностей, поскольку машина хороша и работает хорошо только в пропорции с его пронительностью, пунктуальностью, спокойствием, твердостью, дисциплиной на избирательных участках и в рядах. Закон требует от него непрерывных услуг днем и ночью, телом и душой, как жандарма и как избирателя. Насколько обременительна эта служба жандарма, можно судить по количеству беспорядков. Насколько обременительна служба выборщика, покажет список выборов.

В феврале, марте, апреле и мае 1789 года проходят длительные приходские собрания для выбора выборщиков и составления жалоб, а также еще более длительные собрания в флигелях для выбора депутатов и составления мемориала. В июле и августе 1789 года происходят стихийные собрания для избрания или утверждения муниципальных органов; другие стихийные собрания, на которых формируется и набирается ополчение; а затем, вслед за ними, постоянные собрания этого же ополчения для объединения в Национальную гвардию, обновления офицеров и назначения депутатов в федеральные собрания. В декабре 1789 года и январе 1790 года проходят первичные собрания, на которых избираются муниципальные чиновники и их советы. В мае 1790 года проводятся первичные и вторичные собрания для назначения администраторов округов и департаментов. В октябре 1790 года проводятся первичные собрания для избрания мирового судьи и его заседателей, а также вторичные собрания для избрания окружных судов. В ноябре 1790 года проводятся первичные собрания для обновления половины муниципальных органов. В феврале и марте 1791 года проходят вторичные собрания, на которых назначаются епископ и кураторы. В июне, июле, августе, сентябре 1791 года проводятся первичные и вторичные собрания для обновления половины окружных и департаментских администраторов, назначения президента, прокурора и секретаря уголовного суда, а также для выбора депутатов. В ноябре 1791 года проходят первичные собрания для обновления половины муниципального совета. Обратите внимание, что многие из этих выборов затягиваются из-за отсутствия опыта у избирателей, сложности формальностей и разделения мнений. В августе и сентябре 1791 года в Туре они продолжаются тринадцать [дней](#)²³²⁷; в Труа в январе 1790 года вместо трех дней они длятся три недели; в Париже в сентябре и октябре 1791 года, только для того, чтобы выбрать депутатов, они длятся тридцать семь дней; во многих местах их ход оспаривается, аннулируется и начинается заново. К этим всеобщим собраниям, которые приводят в движение всю Францию, мы должны добавить местные собрания, на которых коммуны одобряют или отвергают своих муниципальных чиновников, выдвигают требования к департаменту, королю или Собранию, требуют содержания своего приходского священника, снабжения своего рынка, прибытия или отправки военного отряда, - и подумайте обо всем, что эти собрания, петиции и выдвижения предполагают в виде подготовительных комитетов, предварительных встреч и дебатов! Любое публичное представительство начинается с репетиций в тайном собрании. При выборе кандидата и, прежде всего, списка кандидатов; при назначении в каждой коммуне от трех до двадцати одного муниципального чиновника и от шести до сорока двух нотаблей; при выборе двенадцати районных и тридцати шести департаментских администраторов, особенно если учесть, что список должен быть вдвое длиннее и содержать вдвое больше чиновников, чем есть мест, которые необходимо заполнить, немедленное согласие невозможно. На каждых важных выборах избиратели непременно приходят в возбужденное состояние за месяц до их проведения, а четыре недели обсуждений и собраний - не слишком большой срок для наведения справок о

кандидатах и агитации избирателей. Давайте, соответственно, добавим это длинное предисловие к каждому из выборов, столь долгое и столь часто повторяющееся, и подведем итог всем хлопотам и волнениям, всей этой потере времени, всему труду, которого требует этот процесс. Каждый созыв первичных собраний созывает в ратушу или главный город кантона, на один или на несколько дней, около трех миллионов пятисот тысяч избирателей первой степени. Каждый созыв собраний второго разряда требует присутствия и пребывания в главном городе департамента и снова в главном городе округа около трехсот пятидесяти тысяч избранных избирателей. Каждый пересмотр или перевыборы в Национальной гвардии собирают на публичной площади или подвергают перекличке в ратуше три или четыре миллиона национальных гвардейцев. Каждая федерация, добившись такого же собрания или такой же переклички, посылает сотни тысяч делегатов в главные города округов и департаментов, а десятки тысяч - в Париж. Власть, созданная ценой столь огромных усилий, требует не меньших усилий, чтобы заставить ее работать; только одна ветвь [администрации](#) [2328](#) держит в напряжении 2988 чиновников в департаментах, 6950 - в округах, 1 175 000 - в коммунах - всего около миллиона двухсот тысяч администраторов, чьи места, как мы видели выше, не являются синекурами. Никогда еще политическая машина не требовала таких огромных затрат сил на ее создание и поддержание в рабочем состоянии. В Соединенных Штатах, где она в настоящее время (около 1875 года) разладилась в результате собственных действий, было подсчитано, что для того, чтобы соответствовать намерениям закона и держать каждое колесо на своем месте, необходимо, чтобы каждый гражданин уделял один день в неделю, или шестую часть своего времени, общественным делам. Во Франции, при вновь принятой системе, где беспорядки носят всеобщий характер, где обязанности национальной гвардии дополняют и усложняют обязанности избирателей и администраторов, по моим подсчетам, потребуется два дня. Вот к чему сводится Конституция, вот ее главное и высшее требование: каждый активный гражданин должен отдавать треть своего времени общественным делам.

Так вот, эти двенадцатьсот тысяч администраторов и три-четыре миллиона выборщиков и национальных гвардейцев - это как раз те люди во Франции, у которых меньше всего свободного времени. К классу активных граждан, действительно, относятся примерно все люди, которые работают руками или головой. Закон исключает только домашнюю прислугу или простых рабочих, которые, не имея собственности или дохода, зарабатывают менее двадцати одного су в день. Каждый подмастерье-мельник, самый мелкий фермер, любой деревенский владелец коттеджа или огорода, любой простой рабочий голосует на первичных собраниях и может стать муниципальным служащим. Опять же, если он платит десять франков в год прямого налога, если он является фермером или старшиной на любом участке, который приносит ему четыреста франков, если его рента составляет сто пятьдесят франков, он может стать выборщиком и администратором округа или департамента. В соответствии с этим стандартом правомочных избирателей бесчисленное множество; в Дубсе в 1790 [году](#) [2329](#) они составляют две трети активных граждан. Таким образом, путь к должности открыт для всех или почти для всех, и закон не принял никаких мер предосторожности, чтобы зарезервировать или предоставить места для элиты, которая могла бы лучше всего их заполнить. Напротив, дворяне, церковные сановники, члены парламентов, великие функционеры древнего режима, высший класс буржуазии, почти все богачи, имеющие досуг, практически исключены из выборов насилием, а из различных должностей - общественным мнением: они вскоре уходят в частную жизнь и, по унынию или отвращению, по монархическим или религиозным угрызениям совести, полностью отказываются от государственной карьеры. -Бремя новой системы ложится, соответственно, на наиболее занятую часть общества: на купцов, фабрикантов, представителей закона, служащих, лавочников, ремесленников и земледельцев. Это те люди, которые должны

отказаться от трети своего времени, уже отведенного им, пренебречь частными делами ради общественных, оставить свой урожай, свою лавку, свой магазин или свои дела, чтобы сопровождать конвои и патрулировать шоссе, бежать в главный город кантона, округа или департамента, оставаться и сидеть там в ратуше, [2330](#) подвергаясь шквалу фраз и бумаг, сознавая, что их заставляют безвозмездно заниматься каторгой, и что эта каторга не приносит пользы обществу. - Первые шесть месяцев они справляются с этим с благодушием; их усердие в написании мемориалов, в обеспечении себя оружием против "разбойников" и в подавлении налогов, ренты и десятины достаточно активно. Но теперь, когда многое получено или вымогается, постановлено как право или выполнено на деле, их нельзя больше беспокоить. Им требуется все их время: они должны получить урожай, обслужить клиентов, отдать приказы, составить бухгалтерские книги, урегулировать кредиты - все это неотложные дела, которыми нельзя пренебрегать или прерывать. Под ударами необходимости и кризиса они подставили свои спины и, если верить им на слово, вытащили общественную телегу из грязи; но им и в голову не приходило постоянно запирать себя, чтобы тащить ее самим. Ограниченный веками частной жизнью, каждый имеет свою собственную тачку для перевозки, и именно за нее, прежде всего и главным образом, он несет ответственность. С начала 1790 года данные о голосовании показывают, что отсутствующих столько же, сколько и присутствующих; в Безансоне из тридцати двухсот записанных избирателей только девятьсот пятьдесят девять; через четыре месяца после этого более половины избирателей не приходят на избирательные [участки2331](#) ; и по всей Франции, даже в Париже, безразличие к голосованию продолжает расти. Марионетки такой администрации, как Людовик XV и Людовик XVI, не становятся флорентийскими или афинскими гражданами за одну ночь. Сердца и головы трех или четырех миллионов людей не наделяются внезапно способностями и привычками, которые делают их способными направить треть своей энергии на работу, которая является новой, несоразмерной, безвозмездной и сверхнеобходимой. - Заблуждение чудовищной двойственности лежит в основе политических теорий сегодняшнего дня и тех, которые были изобретены в течение последующих десяти лет. Произвольно, без всякого исследования, человеческому металлу приписывается определенный вес и сопротивление. При испытании выясняется, что его сопротивление в десять раз меньше, а вес в двадцать раз больше, чем предполагалось.

V.- Правящее меньшинство.

Беспокойное меньшинство - его элементы - клубы - их возвышение. - Как они толкуют права человека. - Их узурпации и насилие.

В случае отсутствия большинства, которое уклоняется от своих обязанностей, именно меньшинство выполняет работу и берет на себя власть. Большинство уходит в отставку, меньшинство становится сувереном, и государственные дела, оставленные нерешительным, слабым и отсутствующим большинством, переходят в руки решительных, энергичных, постоянно присутствующих немногих, которые находят досуг и склонность взять на себя

ответственность. В системе, где все должности выборные, а выборы частые, политика становится профессией для тех, кто подчиняет ей свои частные интересы и находит в ней личную выгоду; в каждой деревне есть пять или шесть человек этого класса, в каждом округе - двадцать или тридцать, в каждом городе - сотни, а в Париже - многие тысячи.²³³² Это настоящие активные граждане. Они одни уделяют все свое время и внимание общественным делам, переписываются с газетами и с депутатами в Париже, получают и распространяют за границей партийное слово по каждому важному вопросу, проводят собрания, выдвигают предложения, составляют обращения, одобряют, обличают или осуждают местных магистратов, образуют комитеты, публикуют и выдвигают кандидатов, отправляются в предместья и в деревню для агитации за голоса. В награду за свой труд они обладают властью, так как руководят выборами, а избирают на должности или предоставляют места успешным кандидатам. Этих должностей и мест невероятно много: не только офицеры Национальной гвардии и администраторы коммун, округов и департаментов, чьи обязанности безвозмездны, или почти безвозмездны, но и множество других, которые [оплачиваются](#)^{233 83}, епископа, 7500 депутатов, 400 судей по уголовным делам, 3 тысячи 7 судей по гражданским делам, пять тысяч мировых судей, двадцать тысяч ассессоров, сорок тысяч коммунальных сборщиков, сорок шесть тысяч куре, не считая вспомогательных и незначительных должностей, которых десятки и сотни тысяч, от секретарей, канцеляристов, судебных приставов и нотариусов до жандармов, констеблей, канцеляристов, бисеров, гробокопателей и хранителей арестованного имущества. Для амбициозных пастбище обширно, для нуждающихся оно не мало, и они его захватывают. Таково правило в чистых демократиях: отсюда и рой политиков в Соединенных Штатах. Когда закон беспрестанно призывает всех граждан к политической деятельности, лишь немногие посвящают себя ей; они становятся экспертами в этом деле и, следовательно, преобладают. Но им нужно платить за их труд, и выборы обеспечивают им их места, потому что они управляют выборами.

Два типа людей поставляют рекрутов для этого доминирующего меньшинства: с одной стороны, энтузиасты, а с другой - те, кто не занимает никакого положения в обществе. К концу 1789 года умеренные люди, занимающиеся своими делами, уходят в уединение и с каждым днем все меньше стремятся показать себя. На публичную площадь выходят те, кто из-за рвения и политической страсти оставил свои занятия, и те, кто, оказавшись в затруднительном положении в своей социальной сфере или оттолкнувшись от обычных кругов, просто ждал нового момента, чтобы начать все сначала. В эти утопические и революционные времена нет недостатка ни в одном из этих классов. Выброшенная горстями, догма народного суверенитета падает, как разбросанное по округе семя, чтобы в конце концов зародиться в разгоряченных мозгах, в узких и опрометчивых умах, которые, однажды овладев идеей, придерживаются ее и овладевают ею. Она попадает в класс рассуждающих, которые, отталкиваясь от принципа, мчатся вперед, как лошадь, на которую надели шоры. Это особенно характерно для юристов, чья профессия приучает их к дедукции; не менее характерно для деревенского адвоката, монаха без сана, "вторгшегося" и отлученного от церкви священника, и прежде всего для журналиста и местного оратора, который впервые в жизни обнаруживает, что перед ним аудитория, аплодисменты, влияние и будущее. Только эти люди могут выполнять сложную и постоянную работу, которую требует новая Конституция; только они - люди, чьи желания безграничны, чьи мечты последовательны, чьи доктрины ясны, чей энтузиазм заразителен, кто не имеет угрызений совести и чье самомнение беспредельно. Таким образом, в них выработалась и закалилась жесткая воля, внутренняя пружина энергии, которая, с каждым днем все туже закручиваясь, побуждает их к пропаганде и действию. - Во второй половине 1790 года мы видим, как они повсюду следуют примеру парижских якобинцев, называют себя друзьями Конституции и объединяются в народные ассоциации. В каждом городе и деревне возникает клуб

патриотов, которые регулярно, каждый вечер или несколько раз в неделю, собираются "с целью совместной работы для безопасности содружества".²³³⁴ Это новый и спонтанный орган,²³³⁵ рак и паразит, который развивается в социальном организме наряду с его легальными организациями. Его рост неощутимо увеличивается, притягивая к себе субстанции других, используя их в своих целях, заменяя их собой, действуя только для себя, своего рода всеядный нарост, вторжение которого непреодолимо не только потому, что обстоятельства и действие Конституции питают его, но и потому, что его зародыш, заложенный на большой глубине, является живой частью самой Конституции.

Ведь во главе Конституции, а также декретов, которые к ней прилагаются, стоит Декларация прав человека. В соответствии с ней и по заявлению самих законодателей, в законе следует различать две части: высшую, вечную, незыблемую, которая представляет собой самоочевидный принцип, и низшую, временную, открытую для обсуждения, которая включает в себя более или менее точное или ошибочное применение этого принципа. Ни одно применение закона не является действительным, если оно отступает от принципа. Ни один институт или орган власти не имеет права на повиновение, если он противоречит правам, которые он призван гарантировать. Эти священные права, предшествующие всему обществу, имеют приоритет над всеми социальными нормами, и всякий раз, когда мы хотим узнать, законен ли тот или иной правовой порядок, мы должны лишь убедиться в том, что он соответствует естественному праву. Поэтому давайте в каждом сомнительном или трудном случае обращаться к этому философскому евангелию, к этому неоспоримому катехизису, к этому первозданному вероучению, провозглашенному Национальной ассамблеей - сама Национальная ассамблея призывает нас к этому. Ибо оно объявляет, что

"Незнание, пренебрежение или презрение к правам человека являются единственными причинами общественных бед и разложения правительств".

Она заявляет, что

"цель каждой политической ассоциации - сохранение естественных и неотчуждаемых прав".

Он перечисляет их, "чтобы акты законодательной власти и акты исполнительной власти можно было сразу сопоставить с целью каждого политического института". Он желает, "чтобы каждый член социального организма постоянно помнил о его декларации". Таким образом, нам говорят, что все действия по применению должны контролироваться принципом, а также дают правило, по которому мы можем и должны соглашаться, измерять или даже отказываться от подчинения, почтения и терпимости к установленным институтам и законной власти.

Каковы эти высшие права и, в случае спора, кто будет принимать решение в качестве арбитра? Здесь нет ничего похожего на точные декларации американской конституции²³³⁶, те позитивные предписания, которые служат для поддержки судебной апелляции, те прямые запреты, которые заранее предотвращают принятие определенных видов законов, которые устанавливают пределы государственной власти, обозначают область, в которую не должно вторгаться государство, поскольку она зарезервирована за индивидом.

Напротив, в декларации национального собрания большинство статей представляет собой абстрактные догмы,²³³⁷ метафизические определения, более или менее литературные аксиомы, то есть более или менее ложные, то туманные, то противоречивые, открытые для различных толкований и противоположных конструкций. Они хороши для демонстрации на сцене, но плохи на практике, просто сценический эффект, своего рода помпезный штандарт, бесполезный и тяжелый, который, водруженный перед домом Конституции и ежедневно

сотрясаемый жестокими руками, не может не рухнуть вскоре на головы прохожих.²³³⁸ Ничего не делается, чтобы предотвратить эту видимую опасность. Здесь нет ничего похожего на тот Верховный суд, который в Соединенных Штатах охраняет Конституцию даже против своего Конгресса и который во имя Конституции фактически признает закон недействительным, даже если он прошел через все формальности и был проголосован всеми державами; который выслушивает жалобы человека, пострадавшего от неконституционного закона; который останавливает поднятую на него руку шерифа или коллектора и который над их головами выносит приговор о его интересах и несправедливостях. Неопределенные и противоречивые законы провозглашаются без какого-либо положения об их толковании, применении или санкционировании. Не принимаются меры для их специального разъяснения. Не назначается окружной трибунал для рассмотрения вытекающих из них претензий, чтобы законно, мирно, по последней апелляции и посредством окончательного решения, которое становится прецедентом и закрепляет свободный смысл текста, положить конец тяжбам. Все это является обязанностью каждого, то есть тех, кто готов взять на себя эту обязанность, - иными словами, активного меньшинства в собравшемся совете. Таким образом, в каждом городе или деревне именно местный клуб с разрешения самого законодателя становится защитником, судьей, толкователем и администратором прав человека и во имя этих высших прав может протестовать или восставать, как ему покажется лучше, не только против законных действий законной власти, но и против подлинного текста Конституции и [законов](#)²³³⁹.

Рассмотрим, в самом деле, эти права в том виде, в каком они провозглашаются, вместе с комментариями оратора, который излагает их в клубе перед аудиторией горячих и смелых духом людей или на улице перед грубой и фанатичной толпой. Каждая статья Декларации - это кинжал, направленный против человеческого общества, и достаточно нажать на рукоятку, чтобы лезвие вошло в плоть.²³⁴⁰ Среди "этих естественных и неотчуждаемых прав" законодатель поместил "сопротивление угнетению". Нас угнетают: давайте сопротивляться и брать в руки оружие. По мнению этого законодателя, "общество имеет право призвать к ответу каждого представителя администрации". Давайте отправимся в Отель-де-Виль, допросим наших вялых или подозрительных судей, понаблюдаем за их заседаниями, чтобы увидеть, преследуют ли они священников и разоряют ли аристократов; прекратим их интриги против народа; заставим этих медлительных клерков ускорить шаги... По словам этого законодателя, "все граждане имеют право лично или через своих представителей принимать участие в формировании закона". Таким образом, больше не должно быть избирателей, привилегированных уплатой налога в три франка. Долой новую аристократию активных граждан! Давайте вернем двум миллионам пролетариев избирательное право, которого их несправедливо лишила Конституция! По словам этого законодателя, "люди рождаются и остаются свободными и равными в своих правах". Следовательно, пусть никто не будет исключен из Национальной гвардии; пусть каждый, даже нищий, имеет какое-нибудь оружие, пистолет или пистолет, чтобы защищать свою свободу! - По словам Декларации, "закон есть выражение всеобщей воли". Вслушайтесь в эти крики на улицах, в эти петиции, стекающиеся со всех сторон из городов; взгляните на всеобщую волю, на живой закон, отменяющий писанный закон! На основании этого лидеры нескольких парижских клубов должны низложить короля, разгромить Законодательное собрание и расправиться с Национальным конвентом... Иными словами, буйное, вздорное меньшинство вытесняет суверенную нацию, и отныне ничто не мешает ей делать то, что ей заблагорассудится, и тогда, когда ей заблагорассудится. Действие Конституции наделило его реальностью власти, а преамбула Конституции - видимостью права.

VI.- Краткое изложение работы Учредительного собрания.

Такова работа Учредительного собрания. В ряде своих законов, особенно в тех, которые касаются частных интересов, в учреждении гражданских законов, в уголовном и сельском [кодексах](#)²³⁴¹, в первых попытках и обещаниях единого гражданского кодекса, в изложении нескольких простых правил, касающихся налогообложения, процедуры и управления, оно заронило хорошие семена. Но во всем, что касается политических институтов и социальной организации, его действия - это действия академии утопистов, а не практических законодателей.⁴¹ На больном теле, доверенном ему, он делал ампутации, которые были столь же бесполезны, сколь и чрезмерны, и накладывал повязки, столь же недостаточные, сколь и вредные. За исключением двух-трех ограничений, допущенных непреднамеренно, и сохранения демонстрации королевской власти, а также обязательства небольшого избирательного ценза, он до конца выполнил свой принцип, принцип Руссо. Она сознательно отказывалась рассматривать человека таким, каким он был на самом деле, и упорно продолжала видеть в нем лишь абстрактное существо, созданное в книгах. Следовательно, со слепотой и упрямством, характерными для хирурга-спекулянта, она уничтожила в обществе, подчиненном ее скальпелю и ее теориям, не только опухоли, увеличения и воспаленные части органов, но и сами органы, и даже жизненно важные руководящие центры, вокруг которых клетки организуются, чтобы восстановить поврежденный орган. То есть Ассамблея уничтожила, с одной стороны, проверенные временем, спонтанные и прочные общества, сформированные географическим положением, историей, общими занятиями и интересами, а с другой - тех прирожденных вождей, чье имя, репутация, образование, независимость и серьезность определяли их как наиболее квалифицированных для занятия высоких должностей. С одной стороны, она разоряет и позволяет разорять и запрещать высшее сословие, дворян, членов парламента и высший средний класс. В другом - лишает собственности и разрушает все исторические или естественные корпорации, религиозные конгрегации, клерикальные органы, провинции, парламенты, общества искусства и всех других профессий и занятий. После этого все связи, удерживающие людей вместе, оказываются разорванными; исчезает всякая субординация и всякая ранговая шкала. Больше нет ни рядовых, ни командиров, ни главнокомандующих. Не осталось ничего, кроме отдельных частиц, 26 миллионов одинаковых и разъединенных атомов. Никогда не было столько распавшейся материи, менее способной к сопротивлению, предложенной рукам, взявшимся ее вылепить. Суровости и насилия будет достаточно, чтобы обеспечить успех. Эти жестокие руки готовы к работе, а Ассамблея, превратившая материал в порошок, предоставила также ступку и пестик. Столь же неуклюжее в разрушении, как и в строительстве, оно изобретает для восстановления порядка в перевернутом обществе машину, которая сама по себе породила бы беспорядок в спокойном обществе. Самое абсолютное и самое концентрированное правительство не было бы достаточно сильным, чтобы без беспорядков осуществить подобное уравнивание сословий, подобное расчленение ассоциаций и подобное перемещение собственности. Никакие социальные преобразования не могут быть мирно осуществлены без хорошо управляемой армии, послушной и повсюду присутствующей, как это было при освобождении русских крепостных императором Александром. Новая [конституция](#)²³⁴², напротив, низводит короля до положения почетного президента, которого подозревает и ставит под сомнение

дезорганизованное государство. Между ним и законодательным органом она не ставит ничего, кроме источников конфликта, и подавляет все средства к согласию. Монарх не имеет никакой власти над административными департаментами, которыми он должен руководить; взаимная независимость властей, от центра до крайних точек государства, везде порождает безразличие, небрежность и неповиновение между изданными предписаниями и их исполнением. Франция представляет собой федерацию из сорока тысяч муниципальных суверенитетов, в которых власть законных магистратов варьируется в зависимости от капризов активных граждан. Эти активные граждане, слишком нагруженные, уклоняются от исполнения общественного долга; в этом случае меньшинство фанатиков и честолюбцев монополизируют право говорить, голосовать, все влияние, власть и все действия. Они оправдывают свои многочисленные узурпации, свой разнузданный деспотизм и свои растущие посягательства Декларацией прав человека. [Шедевр2343](#) идеальных абстракций и практических абсурдов свершился. В соответствии с Конституцией стихийная анархия становится узаконенной анархией. Последняя совершенна; ничего прекраснее не встречалось с девятого века.

2301 ([возвращение](#))

[Название страшного секретного королевского ордера на арест (SR.)].

2302 ([возврат](#))

[Инициатива принадлежит королю в одном вопросе: война не может быть объявлена Собранием иначе, как по его официальному и предварительному предложению. Это исключение было достигнуто только после ожесточенной борьбы и огромных усилий Мирабо].

2303 ([возвращение](#))

[Речь Ланжуина, 7 ноября 1789 года. "Мы приняли решение о разделении властей. Почему же тогда он предложил нам объединить законодательную власть с исполнительной в лице министров?"]

2304 ([возвращение](#))

[См. о присутствии министров в Законодательном собрании].

2305 ([возврат](#))

["Всякое общество, в котором разделение властей не определено ясно, не имеет конституции". (Декларация прав, статья XVI.) - Этот принцип заимствован из текста Монтескье, а также из американской конституции. В остальном мы придерживаемся теории Руссо].

2306 (возврат)

["Меркюр де Франс", выражение Малле дю Пана].

2307 (обратно)

[Конституция 1791 г., гл. II. статьи 5, 6, 7.- Декрет от 25 сентября - 6 октября 1791 г., раздел III. статьи, с 8 по 25].

2308 (возвращение)

[Речи Барнава и Родерера в Учредительном собрании; речи Барнава и Дюпора в Якобинском клубе].

2309 (возврат)

[Основные тексты. (Дювержье, "Собрание законов и постановлений") - Законы о муниципальном и административном устройстве, 14 и 22 декабря 1789 года; 12-20 августа 1790 года; 12 марта 1791 года. О муниципальной организации Парижа, 21 мая, 27 июня 1790 г. - Законы об организации судебной власти, 16-24 августа 1790 г.; 16-29 сентября 1791 г.; 29 сентября, 21 октября 1791 г. - Законы о военной организации, 23 сентября, 29 октября 1790 г.; 16 января 1791 г.; 27, 28 июля 1791 г. - Законы о финансовой организации, 14-24 ноября 1790 г.; 23 ноября 1790 г.; 17 марта 1791 г.; 26 сентября, 2 октября 1791 г.].

2310 (возвращение)

[Лишение управленческих полномочий после второй мировой войны происходило в Организации Объединенных Наций и других западных государственных администрациях и, похоже, является целью многих усилий коммунистических профсоюзов. Результатом везде были дополнительные расходы и снижение эффективности. (SR.)]

2311 (возврат)

[Этот принцип был внедрен в западные системы образования, когда умные самозванные психологи сказали и родителям, и учителям, что они могут и должны не наказывать своих детей, а только говорить и объяснять им. (CP.)]

2312 (возврат)

[Это описание соответствует штатному расписанию секретариата Организации Объединенных Наций, в котором я проработал 32 года. (SR.)]

2313 (обратно)

[Декреты от 14 декабря и 22 декабря 1789 года: "В муниципалитетах, сокращенных до трех членов (коммуны с населением менее пятисот человек), все исполнительные функции должны принадлежать только мэру"].

2314 (возврат)

[Может быть, Ленин принял это к сведению, перевел на русский язык и использовал в своих, а затем и в сталинских школах для революционеров-народников. Это в любом случае ослабило бы буржуазно-капиталистические страны. Во всяком случае, такие меры были введены как в международных организациях, так и в большинстве западных демократических правительств после Второй мировой войны. (SR.)]

2315 (возврат)

[В Организации Объединенных Наций это называлось "ротацией" и делало управление миссиями и силами трудным, дорогим и неэффективным. Эта ротация также использовалась в индийской и других армиях, чтобы не дать офицерам достичь взаимопонимания или добиться какой-либо власти над войсками под их командованием. (SR.)]

2316 (возврат)

[Законы от 23 сентября - 29 октября 1790 года; 16 января 1791 года. (Титулы II. и VII.) - См. правовые предписания в отношении военных трибуналов. В каждом обвинительном или судебном жюри одна седьмая часть присяжных заседателей берется из унтер-офицеров, одна седьмая - из солдат, и опять-таки, в зависимости от чина обвиняемого, число присяжных того же чина удваивается].

2317 (возврат)

[Закон от 28 июля, 12 августа 1791 г.].

2318 (возврат)

[Законы от 24 ноября 1789 г. (ст. 52), 10-14 августа 1789 г. - Инструкция от 10-20 августа 1790 г.; § 8-Закон от 21 октября, 21 ноября 1789 г.].

2319 (возврат)

[Законы от 14 и 23 ноября 1790 г.; 13 января, 26 сентября, 9 октября 1792 г.].

2320 (возврат)

[Albert Babeau, I. 327 (Фет Федерации, 14 июля 1790 г.). "Archives Nationales", F7, 3215 (17 мая 1791 г., Дебаты генерального совета коммуны Бреста. 17 и 19 мая, письма директории округа).-Mercure, 5 марта 1791 года. "Месдамы остановлены до возвращения двух депутатов, которых республика Арней-ле-Дюк направила к представителям нации, чтобы доказать им необходимость содержания теток короля в королевстве"]].

2321 (возвращение)

["Moniteur", X. 132. Речь М. Лаберже, 8 ноября 1791 г.].

2322 ([обратно](#))

[В Монтобане, в салоне интенданта, здешние дамы говорили только на патуа, бабушка господина, сообщившего мне об этом факте, не понимала никакого другого языка].

2323 ([обратно](#))

["Moniteur", V.163, заседание от 18 июля 1791 года. Речь М. Лекульто, докладчик].

2324 ([обратно](#))

[Moniteur, XI. 283, заседание от 2 февраля 1792 года. Речь Камбона: "Они уходят, думая, что понимают то, что им объясняют, но на следующий день возвращаются, чтобы получить новые объяснения. Адвокаты отказываются оказать муниципалитетам какую-либо помощь, заявляя, что ничего не знают об этих вопросах"].

2325 ([возвращение](#))

[То же самое может произойти, когда подчиненного повышают в должности и ставят во главе своих бывших равных и коллег. Вот почему часто предпочтительно переводить на другую должность того, кто признан более талантливым, когда предстоит повышение. (SR.)]

2326 ([возврат](#))

[Закон от 11-15 мая 1791 г.].

2327 ([возврат](#))

[Протокол заседания Избирательного собрания департамента Индр-и-Луар (1791 г., напечатан)].

2328 ([возврат](#))

[De Ferrières, I. 367.]

2329 ([возврат](#))

[Suzay, I, 191 (из 32 288 записанных граждан 21 711 имеют право голоса)].

2330 ([обратно](#))

[Официальный отчет избирательного собрания департамента Индр-и-Луар, 27 августа 1791 года. "Один из членов Собрания внес предложение о том, чтобы всем членам, входящим в его состав, были возмещены расходы, которые они понесут в связи с отсутствием дома и длительным пребыванием в городе, где проходило Собрание. Он заметил, что больше всего страдают жители страны, чей труд является их единственным богатством; что если на это требование не будет обращено внимания, они будут вынуждены, несмотря на свой

патриотизм, отказаться от своей важной миссии; что тогда избирательные собрания будут покинуты или будут состоять из тех, чьи средства позволят им пойти на эту жертву"].

2331 (возвращение)

[Sauzay, I. 147, 192.]

2332 (обратно)

[Подробно об этих цифрах см. т. II, кн. IV].

2333 (возврат)

[De Ferrières, I. 367. Ср. различные законы, упомянутые выше].

2334 (возврат)

[Constant, "Histoire d'un Club Jacobin en Province" (Fontainebleau) p.15. (Записи об основании клубов Море, Томери, Немура и Монтеро)].

2335 (возврат)

[Впоследствии они изменились и стали повсеместно социалистическими и коммунистическими партиями. (SR.)]

2336 (обратно)

[Ср. Декларацию независимости, 4 июля 1776 г. (за исключением первой фразы, которая является броским словом для европейских философов). Джефферсон предложил Декларацию прав для Конституции от 4 марта 1789 г., но она была отклонена. Они довольствовались добавлением к ней одиннадцати поправок, в которых излагались основные права гражданина].

2337 (возврат)

[Статья I. "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах, общих для всех. Социальные различия основываются исключительно на общественной пользе". Первая фраза осуждает наследственную королевскую власть, которая санкционирована Конституцией. Вторая фраза может быть использована для узаконивания наследственной монархии и аристократии.- Статьи 10 и 11 касаются проявлений религиозных убеждений, а также свободы слова и печати. В силу этих двух статей вероисповедание, речь и пресса могут быть подвергнуты самым репрессивным ограничениям и т. д.].

2338 (возврат)

[Международный билль о правах человека 1948 года значительно отличается от того, который был принят в 1789 году. В 1948 году больше нет упоминания о каком-либо "праве на

сопротивление угнетению", смягчена позиция в отношении права собственности и введены новые права - на бесплатное образование, на страну, на отдых и досуг, на высокий уровень здоровья и на достаточный уровень жизни. (SR.)]

2339 (возвращение)

[Сталин и его преемники организовали такую систему "клубов" по всему миру, которые и сегодня продолжают активно действовать как "защитники" окружающей среды, беженцев, заключенных, животных и экологии. (SR.)]

2340 (возврат)

[Buchez and Roux, XI. 237. (Речь Малуэ в связи с ревизией, 5 августа 1791 г.) "Вы постоянно искушаете народ суверенитетом, не давая ему возможности немедленно им воспользоваться"].

2341 (возвращение)

[Декреты от 25 сентября - 6 октября 1791 г.; 28 сентября - 6 октября 1791 г.].

2342 (обратно)

[Беспристрастные современники, обладающие достаточной квалификацией, чтобы судить, согласны с абсурдностью Конституции. "Конституция была настоящим чудовищем. В ней было слишком много монархии для республики и слишком много республики для монархии. Король был гарниром, закуской, присутствующей повсюду внешне, но не имеющей никакой реальной власти". (Dumont, 339.) "Это общее и почти всеобщее убеждение, что эта Конституция неисполнима. Ее создатели в один голос осуждают ее". (Г. Моррис, 30 сентября 1791 г.) "Каждый день все яснее доказывает, что их новая Конституция никуда не годится". (там же, 27 декабря 1791 г.) Ср. разумную и пророческую речь Малуэ (5 августа 1791 г., Buchez and Roux, XI. 237)].

2343 (возвращение)

[Яркое описание Тейна, вероятно, воодушевило бы любого радикального революционера, которому посчастливилось прочитать его четкое описание того, как следует действовать, чтобы разрушить наивное коррумпированное капиталистическое, буржуазное общество. (SR.)]

ГЛАВА I.

I.-Федерации.

Популярное применение философской теории.- Идиллическое торжество Contrat-Social.-Два слоя
Два слоя человеческого разума. Постоянный беспорядок.

Если когда-либо и существовала утопия, которая казалась способной к реализации, или, что еще более важно, была действительно применена, превращена в факт, полностью установлена, то это утопия Руссо в 1789 году и в течение трех последующих лет. Ибо не только его принципы воплощены в законах, а Конституция вся пропитана его духом, но и создается впечатление, что нация смотрит на его идеологические замашки, на его абстрактные выдумки как на нечто серьезное. Эта фикция была реализована во всех деталях. Общественный договор, одновременно спонтанный и практический, огромное собрание людей, впервые свободно объединившихся для признания своих прав, заключивших конкретный договор и связавших себя торжественной клятвой: таков социальный рецепт, предписанный философами и исполненный до мелочей. Более того, поскольку этот рецепт считается непогрешимым, работает воображение, и в игру вступают чувства сегодняшнего дня. Признается, что люди, вновь став равными, вновь стали братьями.³¹⁰² Внезапная и удивительная гармония всех волей и всех интеллектов восстановит золотой век на земле. Соответственно, следует рассматривать общественный договор как праздник, как восхитительную, возвышенную идиллию, на которой от одного конца Франции до другого все, рука об руку, должны собраться и присягнуть новому договору, с песнями, с танцами, со слезами радости, с криками ликования, достойному началу общественного счастья. При единодушном согласии идиллия исполняется, словно по написанной программе.

29 ноября 1789 года в Этуаль, близ Валанса, начинается федерация.³¹⁰³ Двенадцать тысяч национальных гвардейцев с двух берегов Роны обещают "навсегда остаться единым целым, обеспечивать оборот зерна и поддерживать законы, принятые Национальным собранием". 13 декабря в Монтелимаре шесть тысяч человек, представители 27 000 других мужчин, приносят аналогичную клятву и присоединяются к вышесказанному - после этого волнение распространяется из месяца в месяц и из провинции в провинцию. Четырнадцать городов

бейликов Франш-Конте образуют патриотическую лигу. В Понтиви Бретань вступает в федеративные отношения с Анжу. Тысяча национальных гвардейцев Виваре и Лангедока направляют своих делегатов в Вуте. 48 000 в Вогезах отправляют своих депутатов в Эпиналь. В феврале, марте, апреле и мае 1790 года в Эльзасе, Шампани, Дофине, Орлеане, Турени, Лионне и Провансе происходит то же самое зрелище. В Драгиньяне восемь тысяч национальных гвардейцев принимают присягу в присутствии 20 000 зрителей. В Лионе 50 000 человек, делегаты более чем 500 000 других, принимают гражданскую присягу. Но местных союзов недостаточно для завершения организации Франции; необходимо общее объединение всех французов. Многие национальные гвардии уже написали в Париж, чтобы присоединиться к тамошней Национальной гвардии; и 5 июня, по предложению парижского муниципалитета, Ассамблея принимает решение о всеобщей федерации. Она должна состояться 14 июля, повсеместно в один и тот же день, как в центре, так и на окраинах королевства. По одному в главном городе каждого округа и каждого департамента, и по одному в столице. В последнюю каждый орган Национальной гвардии должен направить депутатов в пропорции один человек на каждые двести; а каждый полк - одного офицера, одного унтер-офицера и четырех рядовых. Четырнадцать тысяч представителей Национальной гвардии провинций появляются на Марсовом поле, театре праздника; также одиннадцать-двенадцать тысяч представителей сухопутных и морских сил, кроме Национальной гвардии Парижа, и шестьдесят тысяч зрителей на окружающих склонах, и еще большая толпа на высотах Шайо и Пасси. Все поднимаются на ноги и клянутся в верности нации, закону, королю и новой конституции. Когда раздается пушечный выстрел, возвещающий о принятии присяги, те из парижан, кто остался дома, мужчины, женщины и дети, поднимают руки в направлении Марсова поля и также произносят клятву. Во всех главных городах всех округов, департаментов и коммун Франции в один и тот же день дается такая же присяга. Никогда еще не было более совершенного общественного договора. Здесь впервые в мире все видят настоящее законное общество, ибо оно основано на свободных обещаниях, на торжественных положениях и на действительном согласии. У них есть подлинный акт и датированный официальный отчет о нем³¹⁰⁴.

Есть и еще кое-что - время и повод указывают на объединение всех сердец. Барьеры, которые до сих пор отделяли людей друг от друга, устранены без всяких усилий. Провинциальный антагонизм должен прекратиться: конфедераты Бретани и Анжу пишут, что они больше не хотят быть анжуйцами и бретонцами, а просто французами. Все религиозные разногласия должны прекратиться: в Сен-Жан-дю-Гар, близ Але, католический куир и протестантский пастор обнимают друг друга у алтаря; пастор занимает лучшее место в церкви, а в протестантском доме собраний куир занимает почетное место и слушает проповедь пастора.³¹⁰⁵ Различия по рангу и состоянию больше не будут существовать; в Сент-Андеоле "честь принести присягу от имени народа предоставляется двум старикам, одному из которых девяносто три, а другому девяносто четыре года, один - знатный и полковник Национальной гвардии, а другой - простой крестьянин". В Париже двести тысяч человек всех сословий, возрастов и полов, офицеры и солдаты, монахи и актеры, школьники и учителя, щеголи и оборванцы, элегантные дамы и рыбацки, рабочие всех сословий и окрестные крестьяне - все они стекались на Марсово поле, чтобы вскопать еще не готовую землю, и за неделю, таская тачки и орудия киркой как равные и товарищи, добровольно связанные одной службой, превратили ровную поверхность в долину между двумя холмами. - В Страсбурге генерал Люкнер, главнокомандующий, целый день работал в рукавах рубашки, как самый простой рабочий. Конфедератов кормят, поят и оплачивают их расходы повсюду на всех дорогах. В Париже мытари и содержатели меблированных домов снижают цены по собственному желанию и не думают грабить своих новых гостей. "Округа", кроме того, "пиршествуют провинциалов досыта.³¹⁰⁶ Каждый день обедают от двенадцати до

пятнадцатисот человек". Провинциалы и парижане, солдаты и буржуа, сидя и смешавшись вместе, пьют здоровье друг друга и обнимаются. Солдат, особенно низших офицеров, окружают, приветствуют и развлекают до такой степени, что они теряют голову, здоровье и многое другое. Один "старый кавалерист, прослуживший более пятидесяти лет, умер по дороге домой, израсходованный сердечными напитками и избытком удовольствия". Короче говоря, радость чрезмерна, как и должно быть в великий день, когда исполнится желание целого века... Вот оно, идеальное счастье, изображенное в книгах и иллюстрациях того времени! Естественный человек, погребенный под искусственной цивилизацией, выкапывается и снова появляется, как в ранние времена, как на Таити, как в философских и литературных пасторальных, как в буколических и мифологических операх, доверчивый, любящий и счастливый. "Вид всех этих существ, вновь возвращенных к сладостным чувствам первобытного братства, - это изысканный восторг, почти слишком большой для души, чтобы его выдержать", и француз, более легкомысленный и гораздо более детский, чем в наши дни, безудержно отдается своим социальным, сочувственным и великодушным инстинктам. Все, что воображение дня предлагает ему для усиления эмоций, весь классический, риторический и драматический материал, находящийся в его распоряжении, используется для украшения его праздника. В Лионе пятьдесят тысяч конфедератов с юга выстраиваются в боевую линию вокруг искусственной скалы высотой пятьдесят футов, поросшей кустарником, над которой возвышается храм Согласия, в котором стоит огромная статуя Свободы; ступени скалы украшены флагами, а торжественная месса предшествует принесению клятвы. - В Париже посреди Марсова поля воздвигается алтарь, посвященный нации, который превращается в колоссальный цирк. Вокруг него стоят регулярные войска и федерации департаментов, впереди король с королевой и дофином, рядом с ними принцы и принцессы на галерее, а члены Национального собрания в амфитеатре; Двести священников, задрапированных в альбы и с трехцветными поясами, совершают обряд вокруг Талейрана, епископа Осеннего; триста барабанов и двенадцать сотен музыкантов играют одновременно; сорок пушек выстреливают одним залпом, и четыреста тысяч возгласов поднимаются как будто от одной угрозы. Никогда еще не предпринималось такого усилия, чтобы опьянить чувства и напрячь нервы до предела! Моральная машина заставлялась вибрировать в той же и даже в большей степени. В течение более чем года проповеди, прокламации, обращения, газеты и события ежедневно усиливали давление на один градус. По этому случаю тысячи речей, умноженные на мириады газет, доводят энтузиазм до наивысшей точки. Декламация пенится и катится непрерывным потоком риторики по всей Франции.³¹⁰⁷ В этом состоянии возбуждения разница между великолепием и искренностью, между ложью и правдой, между показухой и сутью уже не различима. Федерация превращается в оперу, которую всерьез разыгрывают на открытой улице; дети играют в ней отведенные им роли; никому не приходит в голову, что они марионетки и что слова, принимаемые за выражение сердца, - это просто заученные наизусть речи, вложенные в их уста. В Безансоне, по возвращении конфедератов, сотни "юных граждан" от двенадцати до четырнадцати лет³¹⁰⁸, в национальной форме, "со шпагой в руке", маршируют под знаменем Свободы. Три девочки от одиннадцати до тринадцати лет и два мальчика девяти лет произносят "речь, полную огня и дышащую только патриотизмом", после чего юная леди четырнадцати лет, возвысив голос и указывая на флаг, поочередно обращается к толпе, депутатам, национальной гвардии, мэру и командующему войсками, и сцена завершается балом. Это всеобщий финал - мужчины и женщины, дети и взрослые, простые люди и люди мира, начальники и подчиненные, все, везде, резвятся, как в последнем акте пасторальной драмы. В Париже, - пишет очевидец, - "я видел, как кавалеры Сен-Луи и капелланы танцевали на улице с людьми, принадлежащими к их ведомству".³¹⁰⁹ На Марсовом поле в день Федерации, несмотря на то, что дождь лил проливным дождем,

"первые прибывшие начали танцевать, а те, кто шел за ними, присоединяясь, образовали круг, который вскоре охватил часть Марсова поля. ...Триста тысяч зрителей отбивали такт руками". В последующие дни на Марсовом поле и на улицах продолжаются танцы, пьянки и гулянки; "был бал с угощениями на Кукурузной бирже и на месте Бастилии". "В Туре, где собраны пятьдесят два отряда из соседних провинций, около четырех часов [дня3110](#) в результате непреодолимой вспышки безумного веселья "офицеры, младшие офицеры и солдаты, толкаясь, мчатся по улицам, одни с саблей в руке, другие танцуют и кричат "Vive le Roi!" "Vive la Nation!", подбрасывая шляпы и заставляя каждого встречного присоединиться к танцу. Одному из каноников собора, случайно проходившему мимо, надевают на голову гренадерскую шапку" и втаскивают в круг, а за ним двух монахов; "их часто обнимают", а затем разрешают удалиться. Подъезжают кареты мэра и маркизы де Монтозье; люди садятся сзади, влезают внутрь, садятся впереди, сколько могут найти места, и заставляют кучеров проехать таким образом по главным улицам. В этом нет никакого злого умысла, только спорт и прилив духа. "Никого не обижали и не оскорбляли, хотя почти все были пьяны". Тем не менее, есть один неприятный симптом: солдаты Анжуйского полка покидают казармы на следующий день и "проводят всю ночь за границей, никто не в состоянии им помешать". Есть и другой, еще более серьезный симптом: в Орлеане, после того как вечером роты Национального ополчения танцевали на площади, "большое число добровольцев прошло процессией по городу с барабанами, выкрикивая изо всех сил, что аристократия должна быть уничтожена, что священники и аристократы должны быть вздернуты на фонарный столб. Они входят в подозрительную кофейню, изгоняют ее посетителей оскорблениями, накладывают руки на джентльмена, который, как предполагается, не кричал так же правильно и громко, как они, и почти вешают его.[3111](#) Таков плод философии и взглядов восемнадцатого века. Люди верили, что для организации совершенного общества и постоянного установления свободы, справедливости и счастья на земле достаточно вдохновения чувств и волевого акта. Вдохновение пришло, акт был совершен; они были увлечены, восхищены, поражены и потеряли рассудок. Теперь наступает реакция, когда им приходится опускать руки. Усилия удались, и они достигли всего, чего могли достичь, а именно: шквал эмоциональных демонстраций и лозунгов, словесный, а не реальный контракт, показное братство в глубине души, благонамеренный маскарад, излияние чувств, испаряющееся через свою собственную пышность - короче говоря, приятный карнавал продолжительностью в один день.

Причина в том, что в человеческом разуме есть два слоя. Один - поверхностный, о котором люди знают, другой - глубинный, о котором они не подозревают.[3112](#) Первый - неустойчивый и колеблющийся, подобно колеблющемуся песку, второй - стабильный и неподвижный, как твердая скала, до которой никогда не доходят их капризы и волнения. Только последний определяет общий уклон почвы, и основное течение человеческой деятельности неизбежно следует по подготовленному для него руслу.[3112](#) Конечно, объятия сменяются объятиями, клятвы приносятся клятвами; но после, как и до церемонии, люди остаются такими, какими их сделали многие века административного рабства и один век политической литературы. Их невежество и самомнение, их предрассудки, ненависть и недоверие, их неизбывные интеллектуальные и эмоциональные привычки все еще сохраняются. Они люди, и их желудки нуждаются в ежедневном наполнении. У них есть воображение, и при нехватке хлеба они боятся, что его может не хватить. Они предпочитают хранить свои деньги, а не отдавать их. По этой причине они по возможности отказываются от требований, которые предъявляют к ним государство и частные лица. Они избегают выплачивать свои долги. Они охотно накладывают руки на общественное имущество, которое плохо охраняется; наконец,

они склонны считать жандармов и собственников вредными, тем более что это повторялось им снова и снова, день за днем, в течение целого года. Они все еще живут в дезорганизованном сообществе, с неосуществимой конституцией, страсти, разрушающие общественный порядок, только еще больше стимулируются видимостью братства, под которой они, казалось бы, должны быть успокоены. Людей нельзя безнаказанно убедить в том, что наступило тысячелетие, ибо они захотят насладиться им немедленно и не потерпят обмана своих ожиданий. В этом буйном состоянии, охваченные безграничными ожиданиями, все их прихоти кажутся разумными, а мнения рациональными. Они больше не в состоянии находить недостатки или контролировать себя. В их мозгу, переполненном эмоциями и энтузиазмом, нет места только для одной интенсивной, всепоглощающей, неподвижной идеи. Каждый из них уверен в себе и слишком самоуверен в своем мнении; все становятся напористыми, властными и неуступчивыми. Полагая, что все препятствия убраны с пути, они возмущаются каждым препятствием, с которым сталкиваются на самом деле. Что бы это ни было, они тут же разбивают его вдребезги, а их перевозбужденное воображение прикрывает прекрасным именем патриотизма их естественный аппетит к деспотизму и господству.

Франция, соответственно, в течение трех лет, последовавших за взятием Бастилии, представляет собой странное зрелище. В словах мы находим милосердие, в законах - симметрию, в то время как реальные события представляют собой зрелище беспорядка и насилия. Вдали - царствование философии, вблизи - хаос эпохи Карловингов.

"Иностранцы, - замечает один из [наблюдателей3113](#), - не знают, что при значительном расширении политических прав свобода личности в законе сводится на нет, а на практике она подчиняется капризам шестидесяти тысяч конституционных собраний; что ни один гражданин не пользуется никакой защитой от раздражения этих народных собраний; что в зависимости от мнения, которое они имеют о людях и вещах, они действуют в одном месте одним способом, а в другом - другим. Здесь один департамент, действуя сам по себе и не обращаясь к другим, накладывает эмбарго на суда, другой приказывает выслать военный отряд, необходимый для обеспечения безопасности мест, разоренных бандитами; а министр, отвечающий на требования заинтересованных лиц, отвечает: "Таковы распоряжения департамента". В других местах есть административные органы, которые, как только Собрание принимает постановление об облегчении совести и свободе священников, не исповедующих религию, в течение 24 часов приказывают им покинуть свои дома. Всегда опережающие или отстающие от законов; попеременно смелые и трусливые; смелые на все, когда их поддерживает общественное разрешение, и не смеющие ничего сделать для его подавления; стремящиеся злоупотребить своей сиюминутной властью против слабых, чтобы приобрести титулы популярности в будущем; неспособные поддерживать порядок иначе, как за счет общественной безопасности и спокойствия; запутавшиеся в поводах своей новой и сложной администрации, добавляющие ярость страстей к неумению и неопытности; таковы, в большинстве своем, люди, возникшие из ничего, лишенные идей и опьяненные претензиями, на которых теперь лежит ответственность за государственные силы и ресурсы, интересы безопасности и основы власти правительства. Во всех слоях нации, в каждой ветви администрации, в каждом отчете мы обнаруживаем путаницу властей, неопределенность повиновения, расторжение всех ограничений, отсутствие всех ресурсов, плачевное сплетение истощенных пружин, не имеющих ни одного из средств реальной власти, и, в качестве единственной поддержки, законы, которые, предполагая, что Франция населена

людьми без пороков и страстей, оставляют человечество в его первобытном состоянии независимости."

Через несколько месяцев после этого, в начале 1792 года, Малуэ подытоживает все одной фразой:

"Это правительство Алжира без дея".

II.-Независимость муниципалитетов.

Причины их инициативы. - Чувство опасности.

-Исси-л'Эвек в 1789 году.-Экзальтированная гордость.-Британь в 1790 году.

-Посягательства муниципалитетов.-Захват
цитаделей.-Усиление насилия против их командиров.

-Остановка конвоев.-Беспомощность Директории и
министров.-Марсель в 1790 году.

Иначе и быть не могло. Ведь еще до 6 октября и пленения короля в Париже правительство уже было уничтожено. Теперь, посредством последовательных декретов Собрания, с ним покончено, и каждая местная группа предоставлена самой себе. Интенданты бежали, военные командиры не подчиняются, бейливики не смеют проводить суды, парламенты приостановлены, и проходит семь месяцев до избрания администраций округов и департаментов, год до учреждения новых судебных органов, в то время как после этого, как и прежде, реальная власть находится в руках коммун.-Коммуна должна сама себя вооружать, назначать своих старост, сама себя снабжать, защищать от разбойников и кормить своих бедняков. Она должна продать свою национальную собственность, установить конституционного священника и, среди стольких страстей и уязвленных интересов, совершить преобразование, в результате которого новое общество заменит древнее. Она одна должна отгородиться от вечных и постоянно возрождающихся опасностей, которые на нее надвигаются или которые она себе представляет. Они велики, и он их преувеличивает. Она неопытна и встревожена. Неудивительно, что, пользуясь своей вымышленной властью, она выходит за пределы своих естественных или законных границ и, сама того не сознавая, переступает метафизическую грань, которую Конституция определяет между ее правами и правами государства. Ни голод, ни страх, ни ярость, ни одна из народных страстей не могут ждать; нет времени обращаться к Парижу. Необходимо действовать, действовать немедленно, и, имея под рукой средства, они должны спасти себя, как только могут. Тот или иной мэр деревни скоро окажется генералом и законодателем. Тот или иной мелкий городок получит хартию, как Лаон или Везелай в XII веке. "6 октября 1789 года³¹¹⁴ недалеко от Аутана рыночный городок Исси-л'Эвек провозглашает себя независимым государством. Приходское собрание созывает священник М. Карион, который назначается членом административного комитета и нового военного штаба. На полном заседании он добивается принятия полного кодекса, политического, судебного, уголовного и военного, состоящего из шестидесяти статей. Ничто не упущено из виду; мы находим постановления, касающиеся

"городской полиции, планировки улиц и площадей, ремонта тюрем, дорожных налогов и цен на зерно, отправления правосудия, штрафов, конфискации и рациона национальных гвардейцев".

Он - провинциальный Солон³¹¹⁵, ревностно заботящийся об общественном благосостоянии, человек исполнительный, он излагает свои постановления с кафедры и угрожает несговорчивым. Он принимает постановления и выносит решения в ратуше: за пределами города, во главе национальной гвардии, с саблей в руке, он приводит в исполнение свои решения. Он принимает решение о том, что по письменному приказу комитета каждый гражданин может быть заключен в тюрьму. Он вводит и собирает налоги, сносит пограничные стены, лично приходит в дома земледельцев и требует зерно, конфискует конвои, не сдавшие свою смету в его собственные богатые амбары. Однажды, в сопровождении барабанщика, он выходит за стены, провозглашает "свои аграрные законы" и сразу же приступает к разделу территории и, в силу древних общинных или церковных прав собственности, выделяет себе часть ее. Все это делается публично и сознательно, нотариус и подьячий вызываются для составления официального отчета о его действиях; он удовлетворен тем, что человеческому обществу пришел конец и что каждая местная группа имеет право начать все сначала и применять по-своему конституцию, которую она сама себе дала, не обращаясь ни к кому другому. -Этот человек, несомненно, говорит слишком громко, действует слишком быстро; сначала бейливик, затем Шатле, а затем Национальное собрание на время пресекают его действия; но его принцип популярен, и сорок тысяч коммун Франции собираются действовать как множество отдельных республик под сентиментальными и все более бессильными выговорами центральной власти.

Возбужденные и окрыленные новым чувством, люди теперь предаются гордому сознанию собственной силы и независимости. Нигде нет большего удовлетворения, чем среди новых местных начальников, муниципальных чиновников и командиров Национальной гвардии, ибо никогда еще такая верховная власть и такое великое достоинство не выпадали на долю людей, прежде столь покорных и ничтожных. -Раньше подчиненные интенданта или субделегата, назначаемые, содержащиеся и плохо используемые им, держащиеся в стороне от сделок любой важности, не способные защитить себя иначе как скромными протестами против усугубления налогообложения, озабоченные старшинством и конфликтами этикета,³¹¹⁶ простые горожане или крестьяне, никогда не мечтавшие о вмешательстве в военные дела, отныне становятся суверенами во всех военных и гражданских делах. Тот или иной мэр или синдик маленького городка или прихода, мелкий буржуа или деревенский житель в блузе, которого интендант или военачальник мог посадить в тюрьму по своему желанию, теперь приказывает дворянину, капитану драгун, маршировать или стоять на месте, и капитан стоит на месте или марширует по его приказу. От этого же мещанина или сельского жителя зависит безопасность соседнего замка, крупного землевладельца и его семьи, прелата и всех видных деятелей района, чтобы они не пострадали, он должен их защищать; они будут разграблены, если в случае восстания он не пошлет им на помощь войска и национальную гвардию. Именно он, предоставляя или отказывая общественным силам в сборе ренты, дает им или лишает их средств к существованию. Он, соответственно, правит, причем на единственном условии - править в соответствии с желаниями равных ему, громогласной толпы, беспокойной, доминирующей толпы, которая его избрала. В городах, особенно в крупных, контраст между тем, чем он был, и тем, чем он является, огромен, поскольку к широте его власти добавляется масштаб его юрисдикции. Судите, какое воздействие на его мозг оказывают такие города, как Марсель, Бордо, Нант, Руан и Лион, где он держит в своих руках жизни и имущество восьмидесяти или ста тысяч человек. Тем более что среди муниципальных чиновников этих городов три четверти - прокуроры или адвокаты -

проникнуты новыми догмами и убеждены, что только на них, избранных народом напрямую, возложена вся законная власть. Сбитые с толку своим недавним возвышением, недоверчивые, как выскочки, восставшие против всех древних или соперничающих властей, они вдобавок встревожены своим воображением и невежеством, их разум смутно тревожит контраст между их ролью в прошлом и их нынешней ролью: тревожась за себя, они не находят иной защиты, кроме как в злоупотреблении и использовании власти.

Муниципалитеты, основываясь на сообщениях, поступающих из кофеен, решают, что министерство - предатели. С упрямством убежденности и дерзкой самоуверенностью, одинаково необыкновенной, они считают, что имеют право действовать без приказа и вопреки приказу, а также вопреки приказу самого Национального собрания, как если бы в распавшейся Франции каждый муниципалитет составлял нацию.

Таким образом, если вооруженные силы страны и подчиняются теперь какому-либо органу, то только им и только им, и не только Национальной гвардии, но и регулярным войскам, которые, будучи поставлены в подчинение муниципалитетам декретом Национального собрания³¹¹⁷, не будут подчиняться никакому другому. Военные командиры в провинциях после сентября 1787 года объявляют себя бессильными; когда они вместе с муниципалитетом отдают приказы, войска признают только приказы муниципалитета. "Как бы ни была настоятельна необходимость перебросить войска туда, где требуется их присутствие, их останавливает сопротивление деревенского комитета"³¹¹⁸. "Без всякого разумного повода, - пишет командующий войсками в Бретани, - Ванн и Орей оказали сопротивление отряду, который я счел благоразумным послать в Бель-Иль, чтобы заменить другой отряд. . . Правительство не может двигаться, не встречая препятствий. . . . Военный министр больше не руководит армией. . . Приказы не выполняются. . . Каждый хочет командовать, а подчиняться некому. . . Как может король, правительство или военный министр посылать войска туда, где они нужны, если города считают, что они имеют право отменять приказы, отданные полкам, и менять их назначение?" - И это еще хуже, ибо "по ложному предположению о разбойниках и заговорах, которых не существует,³¹¹⁹ города и деревни требуют от меня оружия и даже пушек. . . Из-за этого вся Бретань скоро придет в ужасающе воинственное состояние, ибо, не имея реальных врагов, они обратят оружие друг против друга" - это не имеет значения. Паника - это "эпидемия". Люди упорно верят в "разбойников и врагов". В Нанте постоянно повторяют, что испанцы собираются высадиться, что французские полки собираются атаковать, что приближается армия разбойников, что замок находится под угрозой, что он угрожает и что в нем слишком много военных машин. Комендант провинции тщетно пишет мэру, чтобы успокоить его и объяснить ему, что "муниципалитет, будучи хозяином замка, является также хозяином его магазина. Почему же тогда он должен испытывать страх перед тем, что находится в его собственном владении? Почему арсенал, содержащий оружие и порох, должен вызывать у него удивление?" - Все безрезультатно. Замок захвачен; двести рабочих приступают к разрушению укреплений; они прислушиваются только к своим страхам и не могут проявить излишнюю осторожность. Какими бы неприступными ни были цитадели, их считают опасными; какими бы сговорчивыми ни были командиры, к ним относятся с подозрением. Люди бьются об уздечку, расслабленную и слабую. Ее ломают и отбрасывают в сторону, чтобы не использовать снова, когда потребуется. Каждый муниципальный орган, каждая рота Национальной гвардии хочет править на своем участке земли, не подвластном никакому постороннему контролю; и это то, что называется свободой. Ее противником, таким образом, является центральная власть. Она должна быть обезоружена из страха, что она может вмешаться. Со всех сторон, с уверенным и настойчивым инстинктом, путем захвата крепостей, разграбления арсеналов, совращения солдат и изгнания генералов, муниципалитет обеспечивает свое всемогущество, заранее гарантируя себя от любых репрессий.

В Бресте муниципальные власти настаивают на выдаче народу морского офицера, а на отказ лейтенанта короля выдать его, постоянный комитет приказывает Национальной гвардии зарядить пушки.³¹²⁰ В Нанте муниципалитет отказывается признать мсье д'Эрвильи, посланного принять командование лагерем, а города провинции письменно заявляют, что не потерпят на своей территории никого, кроме войск федерации. В Лилле постоянный комитет требует, чтобы военные власти каждый вечер передавали ему ключи от города, и через несколько месяцев после этого Национальная гвардия, к которой присоединились взбунтовавшиеся солдаты, захватывает цитадель и коменданта Ливаро. В Тулоне начальник арсенала месье де Риомс и несколько морских офицеров попадают в подземелье. В Монпелье цитадель поражена, и клуб обращается в Национальное собрание с требованием ее разрушения. В Валансе комендант, месье де Вуазен, приняв меры по защите, был убит, и отныне муниципалитет отдает все приказы гарнизону. В Бастии полковник де Рюлли падает под ливнем пуль, а Национальная гвардия овладевает цитаделью и пороховым складом. Это не мимолетные вспышки: по истечении двух лет повсюду проявляется тот же дух неповиновения.³¹²¹ Напрасно комиссары Национального собрания пытаются перевести полк Нассау из Меца. Седан отказывается принять его; Тионвиль заявляет, что, если он придет, то взорвет мосты, а Сарребуа угрожает, что, если он подойдет, то откроет по нему огонь. В Кане ни муниципалитет, ни директория не осмеливаются привести в исполнение закон, по которому крепость принадлежит войскам линии; Национальная гвардия отказывается покинуть ее и запрещает начальнику артиллерии осматривать боеприпасы... При таком положении вещей правительство существует лишь номинально, но не фактически, ибо оно больше не обладает средствами принуждения к повиновению. Каждая коммуна присваивает себе право приостанавливать или предотвращать исполнение самых простых и срочных приказов. Арне-ле-Дюк, несмотря на паспорта и судебные запреты, продолжает удерживать Месдам; Арки-сюр-Об удерживает Неккера, а Монтиньи собирается удержать мсье Кайяра, посла [Франции](#)³¹²². - В июне 1791 года из Парижа в Швейцарию отправляется караван с восьмьюдесятью тысячами крон шестью ливрами; это возврат французского правительства правительству Солера; назначена дата платежа, намечен маршрут, предоставлены все необходимые документы; важно, чтобы он прибыл в день, когда наступает срок оплаты. Но они обошлись без муниципалитетов и Национальной гвардии. Арестованный в Бар-сюр-Об, только по истечении месяца и по постановлению Национального собрания конвой может возобновить свой поход. В Бельфоре его снова арестовывают, и он остается там и в ноябре. Напрасно директория Бас-Рина распорядилась освободить его; муниципалитет Бельфора не обратил на это никакого внимания. Напрасно та же директория посылает комиссара, которого едва не режут на куски. Необходимо личное вмешательство генерала Люкнера с сильной рукой, прежде чем конвой сможет пройти границу после пятимесячной задержки.³¹²³ В июле 1791 года было остановлено французское судно на пути из Руана в Кодебек, которое, как говорят, было нагружено бочонками с золотом и серебром. После осмотра оно имеет право уйти; все его бумаги в порядке, и департамент призывает округ соблюдать закон. Однако округ отвечает, что это невозможно, так как "все муниципалитеты на берегах Сены вооружились и ожидают прохода судна", а само Национальное собрание обязано принять декрет об освобождении судна.

Если восстание мелких коммун носит такой характер, то каково должно быть восстание крупных коммун?³¹²⁴ Департаменты и округа напрасно вызывают муниципалитет; он не подчиняется или не обращает внимания на вызов.

"С начала сессии, - пишет справочник департамента Сона-и-Луара, - муниципалитет Масона не сделал по отношению к нам ни одного шага, который не был бы посягательством. Он не

произнес ни одного слова, которое не было бы оскорблением. Он не вступил в дискуссию, которая не была бы возмутительной".

"Если полк Ауниса не будет немедленно направлен сюда, - пишет директория Кальвадоса, - если не будут приняты быстрые и эффективные меры по обеспечению нас вооруженной силой, мы оставим пост, который не сможем больше занимать из-за неподчинения, неправды, неуважения ко всем властям. В этом случае мы не сможем выполнять возложенные на нас обязанности".

Директория Буш-дю-Рон, подвергшись нападению, бежит под штыки марсельцев. Члены директории Жерса, вступившие в конфликт с муниципалитетом Ауша, избиты почти до смерти. Что касается министров, которым не доверяют в силу их должности, то они пользуются еще меньшим уважением, чем директории. На них постоянно пишут доносы в Собрание, в то время как муниципалитеты отправляют назад свои депеши, не удостоивая их [вскрытия](#)³¹²⁵, и к концу 1791 года их растущее бессилие заканчивается полным уничтожением. Об этом можно судить по одному примеру. В декабре 1791 года Лиможу не разрешают вывезти зерно, которое он только что закупил в Индре; для охраны его перевозки требуется отряд из шестидесяти всадников. Директория Индра сразу же обращается к министрам с просьбой предоставить им этот небольшой отряд.³¹²⁶ После трехнедельных попыток министр отвечает, что это не в его силах; он тщетно стучался во все двери. "Я указал один путь, - говорит он, - депутатам вашего департамента в Национальном собрании, а именно: вывести 20-й полк кавалерии из Орлеана, и я рекомендовал им обратиться с этим вопросом к депутатам Луары". Ответ все еще задерживается: депутаты двух департаментов должны прийти к соглашению, поскольку в противном случае министр не осмелится перебросить шестьдесят человек для защиты каравана с зерном. Совершенно очевидно, что исполнительной власти больше нет. Нет больше центральной власти. Нет больше Франции, а есть лишь множество распавшихся и независимых коммун, таких как Орлеан и Лимож, которые через своих представителей ведут переговоры друг с другом, одна, чтобы обезопасить себя от недостатка войск, а другая - от недостатка хлеба.

Давайте рассмотрим этот всеобщий распад на месте и разберем один случай в деталях. 18 января 1790 года новые муниципальные власти Марселя приступают к исполнению своих обязанностей. Как это обычно бывает, большинство избирателей не принимало никакого участия в голосовании. Мэр Мартен был избран лишь восьмой частью активных горожан.³¹²⁷ Однако если доминирующее меньшинство и невелико, то оно решительно и не склонно останавливаться на мелочах. "Едва оно [организовалось](#)³¹²⁸, как посылает депутатов к королю, чтобы тот вывел свои войска из Марселя. Король, всегда слабый и уступчивый, в конце концов соглашается; и, когда приказ о походе уже готов, муниципалитет должным образом уведомляется о нем. Но муниципалитет не терпит промедления и немедленно "составляет, печатает и направляет в Национальное собрание донос" на коменданта и двух министров, которые, по его мнению, виновны в подделке или подавлении приказов короля. Тем временем он снаряжается и укрепляется, как для боя. При первом же создании муниципалитет разогнал буржуазную гвардию, которая была слишком большой любительницей порядка, и организовал Национальную гвардию, в которую вскоре будут приняты те, кто не имеет собственности. "Ежедневно пополняется ее военный [аппарат](#)³¹²⁹; увеличиваются окопы и баррикады у Дома-де-Виль, усиливается артиллерия; город наполняется волнением военного лагеря в непосредственном присутствии врага". Таким образом, обладая силой, он использует ее, и в первую очередь против правосудия... Народное восстание было подавлено в августе 1789 года, а три главных лидера, Ребекки, Паскаль и Гране, были заключены в тюрьму в замке д'Иф. Они являются друзьями

муниципальных властей, и их необходимо освободить. По требованию этого органа дело вырывается из рук великого князя и передается в руки сенешаля, а первый тем временем вместе со своими советниками подвергается наказанию за то, что исполнил свой долг. Муниципалитет по собственной инициативе запрещает им впредь исполнять свои обязанности. Их публично осуждают, "грозят им палками, эшафотом и всеми видами убийств". 3130 Ни один печатник не осмеливается опубликовать их защиту, опасаясь "муниципальных раздражителей". Вскоре королевский прокурор и советник вынуждены искать убежища в форте Сен-Жан, а великий прево, продержавшись еще немного, покидает Марсель, чтобы спасти свою жизнь. Что касается трех заключенных, то муниципальные власти навещают их в полном составе и требуют временного освобождения. Один из них, совершив побег, отказывается отдать коменданту приказ о его повторном аресте. Двое других с триумфом покидают замок 11 апреля в сопровождении восьмисот национальных гвардейцев. Для проформы они отправляются в тюрьмы Сенешаля, но на следующий день выходят на свободу, и дальнейшее преследование прекращается. В противовес этому мсье д'Амбер, полковник королевской морской пехоты, виновный в слишком резких высказываниях против национальной гвардии, хотя и оправданный судом, перед которым он предстал, может быть выпущен на свободу только в тайне и под охраной двух тысяч солдат. Население хочет сжечь дом преступного лейтенанта, который посмел его оправдать. Сам магистрат в опасности и вынужден укрыться в доме военачальника. 3131 Между тем печатные и письменные бумаги, оскорбительные пасквилы муниципалитета и клуба, подстрекательские или буйные дискуссии районных собраний и множество памфлетов свободно распространяются среди народа и солдат: последних нарочно заранее возбуждают против своих начальников. 3131 Напрасно офицеры мягки, примирительны и осторожны. Напрасно главнокомандующий отходит с частью войск. Теперь задача состоит в том, чтобы вытеснить полк, занимающий три форта. Дубинка приводит мяч в движение, и, насильно или иначе, воля народа должна быть исполнена. 29 апреля два актера при поддержке пятидесяти добровольцев застают врасплох часового и овладевают Нотр-Дам-де-ла-Гард. В тот же день шесть тысяч национальных гвардейцев захватывают форты Сен-Жан и Сен-Николя. Муниципальные власти, призванные уважать крепости, в ответ требуют открыть ворота для Национальной гвардии, чтобы она могла нести службу вместе с солдатами. Коменданты колеблются, ссылаются на закон и требуют времени, чтобы посоветоваться с начальством. Выдвигается второе требование, более срочное; коменданты несут ответственность за беспорядки, которые они спровоцировали своим отказом. Если они будут сопротивляться, их объявят зачинщиками гражданской войны. 3132 Они уступают и подписывают капитуляцию. Один из них, шевалье де Боссе, майор в форте Сен-Жан, выступает против этого и отказывается от своей подписи. На следующий день его схватили, когда он собирался войти в Отель-де-Виль, и расправились с ним; его голову несли на конце пики, а группа убийц, солдаты и толпа танцевали и кричали над его останками. "Это печальное происшествие", - пишет муниципалитет. 3133 Как могло случиться, что "после того, как мы заслужили и получили все похвалы, некий Боссе, которого мы не смогли защитить от указов Провидения, должен запятнать наши лавры? Не имея никакого отношения к этому трагическому делу, не нам преследовать его авторов". Более того, он был "виновен. ...мятежник, осужденный общественным мнением, и само Провидение, похоже, бросило его на произвол судьбы". Что касается взятия фортов, то нет ничего более законного. "Эти места находились в руках врагов государства, а теперь они в руках защитников конституции империи. Горе тому, кто снова отнимет их у нас, чтобы превратить в очаг контрреволюции" - М. де Миран, комендант провинции, правда, предъявил требование на них. Но "разве не жалко видеть требование съера де Мирана, сделанное от имени короля, которого он предает, сдать войскам его величества места, которые, находясь отныне в наших

руках, гарантируют общественную безопасность нации, закона и короля?" Напрасно король по требованию Национального [собрания](#)³¹³⁴ приказывает муниципалитету вернуть форты комендантам и заставить национальную гвардию покинуть их. Муниципальные власти возмущаются и сопротивляются. По их мнению, вся вина лежит на комендантах и министрах. Именно коменданты, "с их угрожающим оснащением цитаделей, запасами провизии и артиллерии, являются нарушителями общественного спокойствия". Что имеет в виду министр, вытесняя национальные войска из крепостей, чтобы поручить их охрану иностранным войскам? Его цель очевидна в этом плане. ...он хочет разжечь гражданскую войну" - "Все несчастья Марсея происходят от тайного сговора, существующего между министрами и врагами государства". Наконец муниципальный корпус вынужден эвакуировать форты, но он твердо намерен их не сдавать. На следующий день после получения декрета Национального собрания он задумывает их разрушить. 17 мая двести рабочих, получивших аванс, приступают к разрушению. Чтобы сохранить видимость, муниципальный орган в одиннадцать часов утра отправляется в различные населенные пункты и приказывает им остановиться. Но после его ухода рабочие продолжают работу, и в шесть часов вечера принимается постановление, согласно которому "во избежание полного разрушения цитадели считается целесообразным разрешить только ту часть, которая выходит на город". 18 мая Якобинский клуб, одновременно агент, соучастник и советник муниципалитета, заставляет частных лиц внести определенную сумму на покрытие расходов по сносу. Он "рассылает по всем домам и синдикатам всех корпораций письма с требованием внести свою долю и заставляет всех граждан подписать документ, в котором они выражают одобрение действиям муниципального органа и благодарность ему. Люди должны были подписать его, заплатить и молчать. Горе тому, кто отказывался!" 20 мая муниципальный орган осмеливается написать в Собрание, что "эта угрожающая цитадель, этот одиозный памятник чудовищного деспотизма, скоро исчезнет". Чтобы оправдать свое неповиновение, он использует случай заметить, "что любовь к родине - самая мощная и самая прочная из крепостей империи". 28 мая он добивается представления в двух театрах пьесы, изображающей взятие фортов Марсея, в пользу людей, занятых их разрушением. Тем временем она призвала на свою поддержку парижских якобинцев; она предложила предложить Лионской федерации и всем муниципалитетам королевства осудить министра. Она заставила мсье де Мирана, под угрозой смерти и под наблюдением засады на дороге, покинуть Экс, а затем потребовала его отзыва.³¹³⁵ Только 6 июня она решает, по прямому указанию Национального собрания, приостановить почти заверченный снос. - С властью, которой положено повиноваться, нельзя было обращаться более нагло. Цель, однако, достигнута; цитадели больше нет, войска ушли; остался один полк под командованием Эрнеста, с которым пришлось повозиться, оскорбить его, а затем отправить. Ему приказано отправиться в Экс, а марсельская национальная гвардия отправится туда, чтобы разоружить и распустить его. Отныне муниципалитет имеет полную власть. Он "соблюдает только те законы, которые его устраивают, другие принимает по своему вкусу, короче говоря, управляет самым деспотичным и произвольным образом".³¹³⁶ И не только в Марселе, но и по всему департаменту, где, не подчиняясь никакой власти, кроме своей собственной, он предпринимает вооруженные экспедиции, совершает набеги и внезапные нападения.

III.- Независимые ассамблеи.

Почему они проявили инициативу.

-Бессилие муниципалитетов. -Насилие, которому они подвергаются.

которому они подвергаются.- Экс в 1790 году.- Правительство не подчиняется и извращенное повсюду.

Если бы только можно было остановить распад на этом! Но каждая коммуна далека от того, чтобы быть спокойным маленьким государством под властью уважаемых магистратов. Те же причины, которые заставляют муниципалитеты восставать против центральной власти, заставляют отдельных людей восставать против местной власти. Они также чувствуют, что им угрожает опасность, и хотят обеспечить свою безопасность. Они также, в силу Конституции и обстоятельств, считают себя призванными спасти страну. Они также считают себя вправе самостоятельно судить по всем вопросам и имеют право выполнять свои решения собственными руками. Лавочник, рабочий или крестьянин, одновременно избиратель и национальный гвардеец, снабженный своим голосом и мушкетом, внезапно становится равным и хозяином своих начальников; вместо того чтобы подчиняться, он командует, а все, кто видит его снова после нескольких лет отсутствия, обнаруживают, что "в его поведении и манерах все изменилось". "Повсюду царило большое волнение" ³¹³⁷, - рассказывает М. де Сегюр, - "я заметил группы людей, оживленно беседующих на улицах и на площадях. В деревнях до моего слуха доносился звук барабана, а в маленьких городках я был поражен большим количеством вооруженных людей. При допросе различных лиц из низших слоев населения они отвечали с гордым видом и смелым, уверенным тоном. Повсюду я наблюдал влияние тех чувств равенства и свободы, которые в то время стали такими бурными страстями". "Возвысившись в собственных глазах, они считали себя вправе играть ведущую роль во всем, не только в местных делах, но и в общих. Франция должна управляться ими; в силу Конституции они присваивают себе право и, в силу невежества, приписывают себе способность управлять ею. За несколько месяцев их мозгами овладел поток новых, бесформенных и непропорциональных идей. Огромные интересы, о которых они никогда не задумывались, должны быть учтены. Правительство, королевская власть, церковь, вероисповедания, иностранные державы, внутренние и внешние опасности, то, что происходит в Париже и Кобленце, восстание в Низких странах, акты кабинетов министров Лондона, Вены, Мадрида, Берлина; и обо всем этом они информируют себя, как могут. Один офицер³¹³⁸, путешествующий по Франции в это время, рассказывает, что на почтовых станциях его заставляли ждать лошадей, пока он не "сообщал им подробности". Крестьяне останавливали мою повозку посреди дороги и засыпали меня вопросами. В Аутене я был вынужден, несмотря на холод, говорить из окна, выходящего на площадь, и рассказывать все, что знал об Ассамблее" - все эти подробности меняются и усиливаются, переходя из уст в уста. В конце концов они превращаются в иносказания, адаптированные к калибру умов, в которые они попадают, и к доминирующей страсти, которая их распространяет. Проследите, как эти басни действуют в доме крестьянина или рыбачки в глухой деревне или в густонаселенном пригороде на грубые или почти грубые умы, особенно когда они оживлены, разгорячены и перевозбуждены, - эффект просто потрясающий. Ведь в умах такого типа вера сразу же превращается в действие, причем в грубое и разрушительное действие. Именно приобретенный самоконтроль, размышления и культура ставят между верой и действием заботу об интересах общества, соблюдение форм и уважение к закону. Все эти

сдерживающие факторы отсутствуют у нового государя. Он не знает, как остановиться, и не потерпит, чтобы его остановили. К чему столько проволочек, когда опасность не терпит отлагательств? Что толку соблюдать формальности, когда на карту поставлена безопасность народа? Что святого в законе, если он защищает врагов общества? Что может быть губительнее пассивной почтительности и терпеливого ожидания при робких или слепых чиновниках? Что может быть справедливее, чем вершить правосудие над самим собой сразу и на месте? Задумчивость и страсть, по их мнению, - это и долг, и достоинство. Однажды "ополченцы Лорьяна решают идти на Версаль и на Париж, не задумываясь о том, как они будут добираться по земле и что они будут делать по прибытии".³¹³⁹ Будь центральное правительство в пределах досягаемости, они бы наложили на него руки. В противном случае они заменяют его на своей территории и выполняют его функции с полным убеждением в своей правоте, главным образом функции жандарма, судьи и палача.

В октябре 1789 года в Париже, после убийства булочника Франсуа, главный убийца, носильщик на зерновом складе, заявляет, "что хочет отомстить за нацию". Вполне вероятно, что это заявление искренне. В его понимании убийство - одна из форм патриотизма, и не пройдет много времени, как его образ мышления станет преобладающим. В обычное время социальные и политические идеи дремлют в некультурных умах в виде смутных антипатий, сдержанных стремлений и мимолетных желаний. Вот они пробуждаются - энергичные, властные, упрямые и необузданные. Протест или несогласие не терпят; несогласие для них - верный признак предательства". Говоря о священниках-беспредельщиках,³¹⁴⁰ пятьсот двадцать семь человек из Национальной гвардии Арраса пишут, "что никто не мог сомневаться в их беззаконии, не подозревая себя их сообщником. . . . Если бы весь город объединился и выразил противоположное мнение, это просто показало бы, что он полон врагов конституции"; и тут же, несмотря на закон и уговоры властей, они настаивают на закрытии церквей. В Булонь-сюр-Мер английское судно, на котором находилось большое количество домашней птицы, дичи и яиц, "национальные гвардейцы, по собственному почину", поднимаются на борт и изымают груз. На основании этого муниципальный орган одобряет акт, объявляет груз конфискованным, приказывает его продать и отдает половину вырученных средств национальным гвардейцам, а другую половину - на благотворительные цели. Уступка оказывается напрасной, поскольку национальные гвардейцы считают, что половина - это слишком мало, "оскорбляют и угрожают муниципальным служащим" и тут же приступают к разделу добычи натурой, каждый отправляется домой с долей украденных окороков и кур.³¹⁴¹ Магистраты вынуждены молчать, когда на них направлено оружие тех, кем они управляют. Иногда, и это обычно бывает, они робеют и не пытаются сопротивляться. В Дуэ³¹⁴² муниципальные служащие, когда их трижды призывали объявить военное положение, отказывались и в конце концов заявили, что не смеют развернуть красный флаг: "Если бы мы пошли на это, нас бы всех принесли в жертву на месте". Ни на войска, ни на национальную гвардию, по сути, нельзя положиться. В этом состоянии всеобщей апатии поле открыто для дикарей, а торговец пшеницей повешен. Иногда административный корпус пытается сопротивляться, но в конце концов ему приходится уступить насилию. "Более шести часов, - пишет один из членов округа Этам³¹⁴³, - мы были закрыты штыками, направленными на нас, и пистолетами у нашей груди; и они были вынуждены подписать увольнение войск, прибывших для защиты рынка". В настоящее время "мы все уехали из Этампа; нет больше ни района, ни муниципалитета"; почти все подали в отставку или собираются вернуться с этой целью. Иногда, и это редчайший случай³¹⁴, чиновники выполняют свой долг до конца и погибают. В этом же городе, шесть месяцев спустя, Симоно, мэр, отказавшийся снизить цену на пшеницу, был избит палками с железными наконечниками, а его труп убийцы изрешетили шариками. Муниципальные власти должны внимательно следить за тем, как они берутся остановить поток; малейшее противодействие

скоро будет стоять им жизни. В [Турени3145](#) "при публикации налоговых ведомостей начинаются беспорядки против муниципальных властей; их заставляют сдать составленные ими ведомости, а их бумаги рвут". И еще больше: "Они убивают, убивают муниципальные власти". В этой большой коммуне мужчины и женщины "бьют и пинают их кулаками и саблями. ... Мэр лежит после этого, а прокурор коммуны умер между девятью и десятью часами утра. Вете, муниципальный чиновник, принял сегодня утром последнее причастие"; остальные бежали, постоянно подвергаясь угрозам смерти и поджогов. Поэтому они не возвращаются, и "никто теперь не займет должность ни мэра, ни администратора"... Бесчинства, которые муниципалитеты совершают против своих начальников, они совершают и против самих себя. Национальные гвардейцы, толпа, контролирующая фракция, присваивают себе в коммуне тот же насильственный суверенитет, который коммуна претендует на осуществление против государства.

Я никогда не закончу, если возьмусь перечислять вспышки, в которых магистраты вынуждены терпеть или санкционировать народные узурпации, закрывать церкви, изгонять или сажать в тюрьму священников, подавлять октрои, облагать зерно налогом, позволять вешать, избивать до смерти или перерезать горло клеркам, пекарям, торговцам кукурузой, церковникам, дворянам и офицерам. Девяносто четыре толстых папки с записями в национальных архивах заполнены этими актами насилия и не содержат и двух третей из них. Стоит подробнее остановиться на одном случае, особенном и подлинном, который служит образцом и представляет собой сокращенную картину Франции в течение одного безмятежного года. В Экс, в декабре 1790 [года3146](#), в противовес двум якобинским клубам, был организован клуб, соблюдавший все формальности и, подобно "Клубу монархистов" в Париже, претендовавший на то же право собраний, что и остальные. Но здесь, как и в Париже, якобинцы не признают никаких прав, кроме своих собственных, и отказывают своим противникам в привилегиях закона. Более того, распространяются тревожные слухи. Человек, прибывший из Ниццы, утверждает, что "слышал, что между Турином и Ниццей находится двадцать тысяч человек на жалованье у эмигрантов, и что в Ницце в Сен-Франсуа-де-Поль был проведен [neuvaine3147](#), чтобы молить Бога просветить французов". Контрреволюция, безусловно, началась. Некоторые аристократы заявили "с видом триумфа, что Национальная гвардия и муниципалитеты - всего лишь игрушка, и что такое положение вещей долго не продлится". Один из ведущих членов нового клуба, мсье де Гирантиан, старый офицер семидесяти восьми лет, произносит публичные речи против Национального собрания, пытается привлечь ремесленников в свою партию, "требуется носить на шляпе белую пуговицу, прикрепленную булавками с торчащими остриями", и, как утверждает, он дал нескольким торговцам большой заказ на белые кокарды. На самом деле при осмотре ни в одном магазине не было найдено ни одной такой кокарды, а все торговцы лентами, будучи допрошенными, отвечают, что не знают ни о какой сделке такого рода. Но это лишь доказывает, что преступник - ловкий диссимулятор, и тем опаснее, что он жаждет спасти страну. 12 декабря, в четыре часа дня, два якобинских клуба братаются и длинной процессией проходят перед местом встречи, "где некоторые из членов, несколько офицеров Лионского полка и другие лица спокойно занимаются игрой или наблюдают за игрой других". Толпа улюлюкает, но молчит. Шествие снова проходит мимо, а они улюлюкают и кричат: "Долой аристократов, к фонарному столбу их!" Двое или трое офицеров, стоящих на пороге, раздражаются, и один из них, выхватив шпагу, грозит ударить молодого человека, если он не отстанет. На это толпа кричит: "Стража! Помогите! Убийца!" и бросается на офицера, который удаляется в дом, восклицая: "К оружию!". Его товарищи со шпагами в руках спускаются вниз, чтобы защитить дверь; мсье де Гиранман делает два pistolетных выстрела и получает ранение в бедро. В окна сыплются камни, и дверь уже готова вылететь, когда несколько членов клуба спасаются, выбравшись на крышу. Около дюжины других,

большинство из которых офицеры, выстраиваются в линию, проникают в толпу с поднятыми шпагами, наносят и получают удары, и спасаются бегством, пятеро из них ранены. Муниципалитет приказывает замуровать двери и окна здания клуба, отправляет лионский полк, постановляет арестовать семь офицеров и месье де Гираманда, и все это за несколько часов, не имея иных свидетельств, кроме свидетельств завоевателей.

Но этих быстрых, энергичных и частичных мер для якобинского клуба недостаточно; необходимо схватить других заговорщиков, и именно клуб определяет их и отправляется за ними.- За три месяца до этого адвокат М. Паскалис, обращаясь вместе с некоторыми из своих профессиональных собратьев к распущенному парламенту, сожалел о слепоте народа, "превознесенного прерогативами, об опасности которых он не знал". Человек, осмелившийся говорить подобным образом, очевидно, предатель.- Есть и другой, мсье Морелле де ла Рокетт, который отказался присоединиться к запрещенному клубу. Однако его бывшие вассалы были вынуждены подать на него в суд, чтобы заставить его принять выкуп феодальных повинностей; кроме того, за шесть лет до этого его карета, проезжая по общественной набережной, сбила ребенка; он также является врагом народа. Пока муниципальные чиновники совещаются, "несколько членов клуба" собираются вместе и решают, что месье Паскалис и месье де ла Рокетт должны быть арестованы. В одиннадцать часов вечера восемьдесят надежных национальных гвардейцев во главе с президентом клуба отправляются за лигу, чтобы схватить их в постели и посадить в городскую тюрьму. Подобное рвение вызывает некоторое беспокойство, и если муниципалитет терпит аресты, то только потому, что желает предотвратить убийство. Поэтому на следующий день, 13 декабря, он посылает в Марсель четыреста человек швейцарской гвардии под командованием Эрнеста и четыреста национальных гвардейцев, добавив к ним национальную гвардию Экса, и приказывает этой компании защищать тюрьму от любого насилия. Но вместе с марсельскими национальными гвардейцами прибыло множество вооруженных людей - добровольцев беспорядков. Днем 13-го числа первая толпа пытается силой захватить тюрьму, а на следующий день вокруг нее собираются новые отряды, требующие головы М. Паскалиса. Члены клуба возглавляют бунт вместе с "толпой неизвестных людей из-за города, которые отдают приказы и выполняют их". В течение ночи жители Экса подвергаются нападению, и все дамбы в один и тот же момент дают течь. При первых же криках национальная гвардия, дежурившая на общественной набережной, распускается и расходится, а поскольку сигнала к сбору остальных нет, то, несмотря на предписания, общая тревога не объявляется. "Большая часть Национальной гвардии отходит, чтобы не показалось, что она своим присутствием санкционирует возмущения, которые ей не было приказано предотвращать. Мирные граждане в большом смятении"; каждый спасается бегством или закрывается в своем доме, улицы пустынные и безмолвны. Тем временем ворота тюрьмы разбивают топорами. Прокурор-синдикат департамента, который просит коменданта швейцарского полка защитить заключенных, схвачен, унесен и рискует жизнью. Три муниципальных офицера в шарфах, прибывшие на место, не осмеливаются отдать приказ, требуемый комендантом. В этот решающий момент, когда нужно пролить кровь и убить несколько человек, они, очевидно, боясь взять на себя ответственность; они отвечают: "У нас нет приказа"... Необычайное зрелище предстает теперь во дворе барака, окружающего тюрьму. На стороне закона стоят восемьсот вооруженных людей, четыреста "швейцарцев" и четыреста марсельских национальных гвардейцев. Они выстроены в боевой порядок, с ружьями на плечах, по специальному приказу, повторенному накануне вечером трижды в разное время властями муниципального округа и департамента, и пользуются симпатиями всех честных людей и большей части национальной гвардии. Но необходимая по закону фраза не сходит с уст тех, кто по Конституции должен ее произнести, и небольшая группа осужденных оказывается

суверенной... Три муниципальных чиновника в свою очередь схвачены под взглядами своих же солдат, которые остаются неподвижными, и "со штыками у груди они под принуждением подписывают приказ отдать месье Паскали народу". Месье де ла Рокетт также сдается. "Единственная часть Национальной гвардии Экса, которая была видна", то есть якобинское меньшинство, образует круг вокруг ворот тюрьмы и организуется в военный совет. И вот они уже стоят, сразу "обвинители, свидетели, судьи и палачи". Капитан выводит двух жертв на общественную набережную, где их вешают. Вскоре после этого старый месье де Гираман, которого национальная гвардия его деревни привезла в качестве пленника в Экс, был повешен таким же образом.

Убийц не преследуют. Новый трибунал, напуганный или запуганный, уже некоторое время назад встал на сторону народа; его предписания, следовательно, вручаются угнетенным, членам атакованного дуба. На них сыплются ордера на арест, повестки в суд, обыски, выемки корреспонденции и другие процессуальные действия. Допрашиваются триста свидетелей. Некоторых из арестованных офицеров "заковывают в цепи и бросают в темницу". Отныне правит клуб, который "заставляет всех трепетать" [3148](#). "С 23 по 27 декабря в Экс было доставлено более десяти тысяч паспортов". "Если эмиграция продолжится, - пишут комиссары, - в Эксе не останется никого, кроме рабочих без работы и без средств к существованию. Целые улицы необитаемы. . . . До тех пор пока подобные преступления будут оставаться безнаказанными, страх будет гнать из этого города всех, у кого есть средства для жизни в другом месте". Многие возвращаются после приезда комиссаров, надеясь через них добиться справедливости и безопасности. Но, "если не будет приказано о судебном преследовании, мы едва успеем отъехать от Экса, как три или четыре сотни семей покинут его. . . . И какой человек в здравом уме осмелится поручиться, что в каждой деревне вскоре не будет повешен какой-нибудь человек? . . . Деревенские камердинеры арестовывают своих хозяев. . . . Ожидание безнаказанности заставляет жителей деревень совершать всевозможные грабежи в лесах, что очень вредно в регионе, где леса очень скудны. Они выдвигают самые нелепые и самые несправедливые претензии к богатым владельцам, и роковая веревка всегда является толкователем и сигналом их воли". От этих бесчинств нет никакого убежища. "Департамент, округа, муниципалитеты управляют только в соответствии с многочисленными ходатайствами клуба". На глазах у всех и в один торжественный день сокрушительное поражение продемонстрировало слабость правительственных чиновников, и, склонившись под игом своих новых хозяев, они сохраняют свою законную власть лишь при условии, что она останется на службе у победившей партии.

3101 ([возвращение](#))

["Фестивали", утверждающие объединение всех национальных гвардий Франции. (SR.)]

3102 ([обратно](#))

[См. обращение Парижской коммуны от 5 июня 1790 года. "Пусть в этот день (годовщина взятия Бастилии) прозвучит самое трогательное из всех высказываний: "Французы, мы - братья! Да, братья, свободные и со своей страной!". Roux et Buchez, VI. 275.]

3103 (возвращение)

[Buchez and Roux, IV. 3, 309; V. 123; VI. 274, 399.- Дюверже, Собрание законов и указов. Декрет от 8 и 9 июня 1790 г.].

3104 (возвращение)

[Для того, кто, как и я, прожил много лет среди мусульман, 5 ежедневных ритуальных молитв которых совершаются, повернувшись лицом к Мекке, в этом описании принесения присяги французами есть что-то знакомое. (SR.)]

3105 (возврат)

[Michelet, "Histoire de la Révolution Française", II, 470, 474].

3106 (возврат)

[De Ferrières, II. 91.- Альберт Бабо, I. 340. (Письмо, адресованное шевалье де Потерату, 18 июля 1790 г.)-De Dampmartin, "Événements qui se sont passés sous mes yeux," etc., 155].

3107 (возврат)

[Можно представить себе, какое впечатление произвело описание Тейна на тысячи студентов-политологов и других людей в годы после того, как эта книга была напечатана и широко продавалась по всей Европе. (SR.)]

3108 (возврат)

[Sauzay, I. 202.]

3109 (возврат)

[Albert Babeau, ib. I, 339-De Ferrières, II, 92].

3110 (возврат)

["Archives Nationales", H. 1453, Корреспонденция М. де Бершини, 23 мая 1790 г.].

3111 (возврат)

["Archives Nationales", там же, 13 мая 1790 г. "Мсье де ла Рифодьера вытащили из кареты и привели в караульное помещение, которое сразу же заполнилось людьми, кричавшими: "К фонарному столбу, аристократ!" Дело в том, что после того, как он несколько раз прокричал "Да здравствует король и нация! Они хотели, чтобы он крикнул только "Да здравствует нация!", на что он ответил "Да здравствует нация, сколько может". В Блуа в день Федерации толпа прогуливается по улицам с деревянной головой, покрытой париком, и плакатом, гласящим, что аристократы должны быть обезглавлены"]].

3112 ([возврат](#))

[Мог ли Фрейд (1856-1939) прямо или косвенно вдохновиться наблюдением Тейна? Книга "Революция", том I, была опубликована в 1877 году, когда Фрейду был 21 год! (SR.)]

3113 ([возврат](#))

["Mercure de France", статьи Малле дю Пана (18 июня и 16 августа 1791 г.; 14 апреля 1792 г.)].

3114 ([возврат](#))

["Moniteur", IV. 560. (Заседание от 5 июня 1790 г.) доклад М. Фрето. "Эти факты подтверждены пятьюдесятью свидетелями" - ср. номер от 19 апреля 1791 г.].

3115 ([возвращение](#))

[Солон - знаменитый законодатель, реформировавший Афины около 2500 лет назад (SR.)].

3116 ([обратно](#))

["Archives Nationales", KK, 1105, корреспонденция М. де Тиара, военного коменданта в Бретани (сентябрь 1789 г.): "В каждой мелкой деревушке существуют три конфликтующие власти: президиум, буржуазное ополчение и постоянный комитет. Каждая из них стремится превзойти другую, и по этому случаю на моих глазах в Ландивизио произошла сцена, которая могла бы иметь кровавый конец, но оказалась просто смешной. Между тремя ораторами разгорелся оживленный спор о том, кто из них должен произнести первую речь. Они обратились ко мне с просьбой принять решение. Чтобы не обидеть ни одну из сторон, я решил, что все трое должны выступить одновременно; это решение было немедленно исполнено"]].

3117 ([возвращение](#))

[Декрет от 10-14 августа 1789 г.].

3118 ([возврат](#))

["Archives Nationales", KK, 1105. Корреспонденция М. де Тиара, 21 сентября 1789 г. "Войска теперь подчиняются только муниципалитетам" - также 30 июля, 11 августа 1790 г.].

3119 ([возврат](#))

["Archives Nationales", KK, 1105. Корреспонденция от 31. М. де Тиар, 11 и 25 сентября, 20 ноября, 25 и 30 декабря 1789 г.].

3120 ([возврат](#))

["Buche and Roux", V.304 (апрель 1790 г.) - "Archives Nationales", Papers of the Committee of

Investigation, DXXIX. I (записка мсье Латур-дю-Пена от 28 октября 1789 г.) - ? Buchez and Roux, IV. 3 (1 декабря 1789 г.); IV. 390 (февраль 1790 г.); VI. 179 (апрель и май 1790 г.).

3121 ([возврат](#))

["Меркюр де Франс", доклад М. Эмери, заседание от 21 июля 1790 г., номер за июль 32.- "Archives Nationales", F7, 3200. Письмо директории Кальвадоса, 26 сентября и 20 октября 1791 г.].

3122 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3207. Письмо министра Дюмурьева, 15 июня 1792 г. Отчет М. Кайяра, 29 мая 1792 г.].

3123 ([возврат](#))

["Mercure de France", № за июль 1791 г. (заседание от 6-го числа); № за 5 и 26 ноября 1791 г.].

3124 ([возврат](#))

[Albert Babeau, "Histoire de Troyes", vol. I. passim.- "Archives Nationales", F7, 3257. Обращение Директории Соны-и-Луары к Национальному собранию, 1 ноября 1790 г. - F7, 3200. Письмо Директории Кальвадоса, 9 ноября 1791 г. -F 7, 3195. Протокол заседания муниципалитета Экса, 1 марта 1792 г. (о событиях 26 февраля); письмо М. Виллара, президента Директории, 20 марта 1792 г. -F7, 3220. Выдержки из заседаний Директории Жерса и письмо королю, 28 января 1792 г. Письмо М. Лафито, председателя Директории, 30 января. (Его таскали за волосы и заставили покинуть город)].

3125 ([возврат](#))

["Меркюр де Франс", № за 30 октября 1790 г.].

3126 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3226. Письмо директории Индра министру М. Кайе от 6 декабря 1791 г. Письмо министра М. Делессара директории Индра от 31 декабря 1791 г.].

3127 ([возврат](#))

[Fabre, "Histoire de Marseille", II. 442. У Мартина было всего 3 555 голосов, когда вскоре после этого Национальная гвардия насчитывала 24 000 человек].

3128 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3196. Письмо министра, М. де Сен-Приста, президенту Национального собрания, 11 мая 1790 г.].

3129 (возврат)

["Archives Nationales", F7 3196. Письма военного коменданта, М. де Миран, 6, 14, 30 марта 1790 г.].

3130 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Письмо М. де Бурниссака, гран-при, 6 марта 1790 г.].

3131 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Письма М. дю Мирана, 11 и 16 апреля и 1 мая 1790 г.].

3132 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Отчет о событиях 30 апреля].

3133 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Письма муниципалитета Марселя в Национальное собрание, 5 и 20 мая 1790 г.].

3134 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3196. Приказ короля, 10 мая. Письмо М. де Сен-Приста в Национальное собрание, 11 мая. Декрет Национального собрания, 12 мая. Письмо муниципалитета королю. 20 мая. Письмо М. де Рубума, 20 мая. Записка, отправленная из Марселя, 31 мая. Обращение муниципалитета к президенту Общества друзей конституции в Париже, 5 мая. В его рассказе о взятии фортов мы читаем следующее предложение: "Мы беспрепятственно прибыли в присутствие коменданта, которого мы привели к согласию с помощью влияния, которое сила, страх и разум оказывают на убеждение"].

3135 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3196, письмо М. де Мирана, 5 мая. О духе правящей партии в Марселе свидетельствуют несколько печатных документов, приложенных к досье, и, среди прочих, "Requête à Desmoulins, procureur-général de la Lanterne". В нем говорится о "патриотической чернильнице", недавно сделанной из камней разрушенной цитадели и изображающей гидру с четырьмя головами, символизирующими дворянство, духовенство, министерство и судей. Именно из четырех патриотических черепов гидры будут взяты чернила запрета для врагов Конституции". Эта чернильница, вырезанная из первого камня, упавшего при разрушении форта Сен-Николя, посвящается патриотическому собранию Марселя. Магическое искусство героя марсельской свободы, того Рено, который под маской преданности удивил бдительного часового Нотр-Дам-де-ла-Гард и чье мужественное мужество и хитрость обеспечили завоевание этого ключа от великого очага контрреволюции, только что породило новую черту гения, нового Девкалиона, он олицетворяет этот камень, который Свобода бросила с вершины нашего грозного Бастилии и т. д."].

3136 (возврат)

["Archives Nationales", F7. 3198. Письма королевских комиссаров, 13 и 5 апреля 1791 г.].

3137 (возврат)

[De Ségur, "Memoires", III, 482 (начало 1790 г.)].

3138 (обратно)

[De Dampmartin, I. 184 (январь 1791 г.)].

3139 (возврат)

["Archives Nationales", KK, 1105. Корреспонденция М. де Тиара (12 октября 1789 г.)].

3140 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3250. Протокол заседания директории департамента. 28 марта 1792 года. "Поскольку брожение достигло наивысшей точки и возникли опасения, что за этим последует еще большее зло, господин ле Президенте с болезненным чувством заявил, что уступает и принимает неконституционный акт". Ответ министра, 23 июня: "Если официальные власти вынуждены уступить произволу дикой толпы, правительства больше не существует, и мы находимся на самой печальной стадии анархии. Если вы сочтете нужным, я предложу королю отменить ваше последнее решение"]].

3141 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3250. Письмо М. Дюпора, министра юстиции, 24 декабря 1791 г.].

3142 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3248, Отчет членов департамента, законченный 18 марта 1792 г. - Buchez and Roux, IX. 240 (доклад мсье Алкье)].

3143 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268. Выписка из заседаний директории Сены-и-Уазы с документами, касающимися восстания в Этампе, 16 сентября 1791 года. Письмо М. Венара, управляющего округом, от 20 сентября: "Я не ступлю в Этамп до восстановления порядка и спокойствия, и первое, что я сделаю, это внесу запись о своей отставке в реестр. Я устал приносить жертвы ради неблагодарных несчастных"]].

3144 (возврат)

["Moniteur", 16 марта 1792 г. - Mortimer-Ternaux, "Histoire de la Terreur" (Материалы по делу убийц Симоно), I. 381].

3145 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3226. Письмо и меморандум Шенантина, культиватора, 7 ноября 1792 года. Выписка из заседаний директории Ланже, 5 ноября 1792 г. (беспорядки в Шапель-Бланш, близ Ланже, 5 октября 1792 г.)].

3146 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3105. Отчет комиссаров, посланных Национальным собранием и королем, 23 февраля 1791 года. (О событиях 12 и 14 декабря 1790 г.)-Меркюр де Франс, 29 февраля 1791 г. (Письма из Экса, в частности, письмо семи офицеров, заключенных в тюрьму в Эксе, 30 января 1791 г.). Старейший якобинский клуб, образованный в феврале 1790 года, назывался "(Клуб истинных друзей Конституции)". Второй якобинский клуб, образованный в октябре 1790 года, "с самого начала состоял из ремесленников и рабочих из фобургов и пригородов". Его название - "Общество антиполитических братьев", или "Истинные, справедливые и полезные братья отечества". Оппозиционный клуб, образованный в декабре 1790 года, носил название, по мнению одних, "Друзья короля, мира и религии"; по мнению других, "Друзья мира"; и, наконец, по другому сообщению, "Защитники религии, личности и собственности"]].

3147 (возвращение)

[Специальная серия религиозных служб. (TR)].

3148 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3195. Письма комиссаров, 20 марта, 11 февраля, 10 мая 1791 г.].

ГЛАВА II. СУВЕРЕНИТЕТ НЕОБУЗДАННЫХ СТРАСТЕЙ.

В этих условиях, когда страсти раскрепощены, любой решительный и компетентный человек, способный собрать пару сотен человек, может сформировать группу и проскользнуть сквозь расширенные или ослабленные сети, расставленные пассивным или неэффективным правительством. Сейчас над человеческим обществом будет проведен грандиозный эксперимент; благодаря ослаблению регулярных ограничений, которые поддерживали его, теперь можно измерить силу постоянных инстинктов, которые атакуют его. Они есть всегда, даже в обычное время; мы не замечаем их, потому что они сдерживаются; но они не менее энергичны и действенны, и, более того, неистребимы. Как только их подавление прекращается, их сила зла становится очевидной; подобно воде, которая плавает на корабле, но при первой же утечке попадает в него и топит его.

I.- Старые религиозные обиды

Монтобан и Ним в 1790 году.

Религиозные страсти, прежде всего, не могут быть сдержаны федерациями, объятиями и излияниями братства. На юге, где протестанты подвергаются гонениям уже более века, ненависть существует более века.³²⁰¹ Напрасно одиозные эдикты, угнетавшие их, канули в Лету за последние двадцать лет; напрасно гражданские права были восстановлены для них с 1787 года: Прошлое все еще живет в передаваемых воспоминаниях; и две группы противостоят друг другу, одна протестантская, другая католическая, каждая вызывая, враждебно настроенная, готовая действовать в обороне и интерпретирующая приготовления своего противника как план нападения. При таких обстоятельствах пушки выстреливают сами собой. - При внезапной тревоге в Юзесе³²⁰² католики, числом в две тысячи человек, овладевают епископским дворцом и Отелем-де-Виль; протестанты же, числом в четыреста человек, собираются за стенами на эспланаде и проводят ночь под оружием, каждый отряд убежден, что другой собирается устроить резню, одна сторона призывает на помощь католиков Жалеза, другая - протестантов Гардонненка. - Есть только один способ избежать гражданской войны между партиями, находящимися в таком положении, и это - приход к власти энергичной третьей стороны, беспристрастной и находящейся на месте событий. План на этот счет, который сулит хорошие перспективы, предложен военным комендантом Лангедока.³²⁰³ По его словам, двумя поджигателями войны являются, с одной стороны, епископы Нижнего Лангедока, а с другой - ММ. Рабо-Сент-Этьенн, отец и два сына, все трое - пасторы. Пусть они отвечают "головой" за любую толпу, мятеж или попытку разврата в армии; пусть из муниципальных органов двенадцати городов будет выбран трибунал из двенадцати судей, перед которым предстанут все провинившиеся; пусть это будет суд последней инстанции, и его приговор немедленно приводится в исполнение. Однако существующая система прямо противоположна. Обе партии, объединенные в ополчение, каждая заботится о себе сама и непременно открывает огонь по другой; и тем охотнее, что новые церковные постановления, издаваемые из месяца в месяц, бьют, как множество молотков, по католической чувствительности и рассыпают искры по уже заряженным ружьям.

В Монтобани 10 мая 1790 года, в день описи и экспроприации религиозных общин³²⁰⁴, комиссарам не разрешают войти. Женщины в исступлении лежат на порогах дверей, и приходится переступать через их тела; вокруг "Кордельеров" собирается большая толпа, и подписывается петиция о сохранении монастырей. Протестанты, ставшие свидетелями этой суматохи, встревожены, и восемьдесят их национальных гвардейцев направляются к Дому де Вилль и силой овладевают караульным помещением, которое его охраняет. Муниципальные власти приказывают им удалиться, но те отказываются это сделать. Тогда католики, собравшиеся у "Кордельеров", начинают бунтовать, бросать камни, выбивать двери кусками дерева, а протестанты, укрывшиеся в караульном помещении, стреляют из окон. Разъяренная толпа немедленно вторгается в арсенал, захватывает все ружья, которые попадают под руку, и открывает залповый огонь по караульному помещению, в результате чего пятеро протестантов погибают, а двадцать четыре получают ранения. Остальных спасают муниципальный чиновник и полиция, но они обязаны явиться по двое перед

собором в своих рубашках и принести публичное покаяние, после чего их сажают в тюрьму. Во время беспорядков раздавались политические крики: "Ура дворянам! Ура аристократии! Долой нацию! Долой трехцветный флаг!". Бордо, считая Монтобан восставшим против Франции, посылает пятнадцать сотен своих национальных гвардейцев освободить пленников. Тулуза оказывает помощь Бордо. Брожение идет страшное. Четыре тысячи протестантов Монтобана бегут; вооруженные города собираются воевать друг с другом, как раньше в Италии. Необходимо послать уполномоченного Национального собрания и короля, Матье Дюма, чтобы он обратился к жителям Монтобана, добился освобождения пленных и восстановил порядок.

Через месяц после этого в Ниме происходит еще более кровавое [побоище3205](#) против католиков. Протестантов, по сути, всего двенадцать тысяч из пятидесяти четырех тысяч жителей, но основная торговля города находится в их руках; они держат мануфактуры и содержат тридцать тысяч рабочих; на выборах 1789 года они представили пять из восьми депутатов. Симпатии того времени были в их пользу; никто тогда не предполагал, что господствующая церковь подвергается какому-либо риску. Католики подписывают [петицию3206](#), набирают рекрутов среди рыночных садовников в пригородах, сохраняют белую кокарду, а когда она запрещена, заменяют ее красной розеткой, еще одним знаком признания. Во главе их стоит энергичный человек по имени Фроман, у которого в планах грандиозные проекты; но поскольку почва, по которой он ступает, подорвана, он не может предотвратить взрыв. Он происходит естественно, случайно, в результате простого столкновения двух одинаково недоверчивых тел; и до последнего дня он начинался и возобновлялся двадцать раз, через взаимные провокации и доносы, через оскорбления, клевету, потасовки, бросание камней и выстрелы. 13 июня 1790 года встает вопрос о том, какая партия должна назначить администраторов в округ и департамент, и начинается конфликт в связи с выборами. Избирательное собрание проходит в караульном помещении епископского дворца, куда прибыли протестантские драгуны и патриоты "в три раза больше, чем обычно, с заряженными мушкетами и пистолетами, с полными патронными ящиками", и они патрулируют окрестности. Со своей стороны красные розетки, роялисты и католики, жалуются на угрозы и "презрительное обращение" (*nargués*). Они предупреждают привратника "не пускать в город ни одного драгуна, ни пешего, ни конного, под угрозой его жизни" и заявляют, что "епископские покои не предназначены для караула". Образуется толпа, под окнами раздаются крики, бросают камни, разбивают горн драгуна, объявляющего перекличку, и производят два выстрела.[3207](#) Драгуны немедленно дают залп, который ранит множество людей и убивает семерых. С этого момента стрельба продолжается весь вечер и всю ночь во всех кварталах города, причем каждая сторона считает, что другая хочет ее уничтожить: протестанты уверены, что это еще один святой Варфоломей, а католики - что это "Микелада".[3208](#) Между ними нет никого, кто мог бы действовать. Муниципальные власти не отдают распоряжений, а принимают их: с ними грубо обращаются, их толкают, заставляют маршировать, как слуг. Патриоты хватают аббата де Бельмона, муниципального чиновника, в гостинице де Виль, приказывают ему под страхом смерти объявить военное положение и вкладывают ему в руку красный флаг. "Марш, негодяй, ублюдок! Подними свой флаг еще выше - ты достаточно велик, чтобы сделать это!" Следуют удары прикладами мушкетов. Бедняга плюется кровью, но это не имеет значения; он должен быть на виду, во главе толпы, как мишень, а его проводники благоразумно остаются позади. Так он продвигается вперед, под пулями, держа флаг, и в конце концов становится пленником красных розеток, которые отпускают его, но флаг сохраняют. Проходит второй марш с красным флагом, который держит городской камердинер, и раздаются новые выстрелы; красные розги захватывают и этот флаг, а также еще одного муниципального чиновника. Остальные члены муниципалитета вместе с королевским комиссаром укрываются в казармах и отводят войска.

Тем временем Фроман со своими тремя ротами, разместившимися в башнях и домах на валах, сопротивляется до последнего. Наступает рассвет, звучит набат, барабаны бьют по оружию, и толпами прибывают патриоты-ополченцы из окрестностей, протестанты с гор, грубые севенольцы. Красные розетки осаждают; монастырь капуцинов, из которого, как утверждается, они стреляли, разграблен, а пять монахов убиты. Башню Фромана разрушают пушками и берут штурмом. Его брата убивают и сбрасывают со стен, а монастырь якобинцев, расположенный рядом с крепостной стеной, разграблен. К ночи все сражавшиеся красные розочки убиты или бежали, и сопротивления больше нет. Но ярость еще не утихла; пятнадцать тысяч деревенщин, наводнивших город, считают, что они еще не сделали достаточно. Напрасно им говорят, что остальные пятнадцать рот красных розеток не двинулись с места; что мнимые агрессоры "даже не привели себя в состояние обороны"; что во время сражения они оставались дома, а после, из предосторожности, городские власти заставили их сдать оружие. Напрасно избирательное собрание, предваряемое белым флагом, выходит на площадь и призывает народ сохранять мир. "Под предлогом обыска подозрительных домов они грабят или разрушают, а все, что нельзя унести, ломают". Только в Ниме разграблено сто двадцать домов, такие же разрушения совершаются и в окрестностях, ущерб за три дня составляет семь-восемьсот тысяч ливров. Множество бедняков, рабочих, торговцев, стариков и немощных людей, убивают в своих домах; некоторых, "прикованных к постели в течение многих лет, тащат к порогам своих дверей, чтобы расстрелять". Других вешают на эспланаде и на Кур-Нёф, третьим отрезают носы, уши, ноги и руки; их рубят на куски саблями и косами. Ужасные истории, как это обычно бывает, провоцируют самые зверские поступки.

Мытарь, отказывающийся распространять антикатолические списки, якобы имеет в подвале шахту, наполненную бочонками с порохом и серными спичками; его рубят саблей на куски, а в его труп выпускают двадцать пуль: выставляют тело перед домом с длинной буханкой хлеба на груди и снова закалывают штыками, говоря ему при этом: "Жри, ублюдок, жри!" Более пятисот католиков были убиты, а многие другие, залитые кровью, "толпятся в тюрьмах, пока продолжается поиск запрещенных; когда их видят, то стреляют по ним, как по волкам". Тысячи жителей, соответственно, требуют свои паспорта и покидают город. Тем временем сельские католики со своей стороны расправляются с шестью протестантами в окрестностях - восьмидесятидвухлетним стариком, пятнадцатилетним юношей, мужем и его женой в их фермерском доме. Чтобы положить конец убийствам, приходится вызывать национальную гвардию Монпелье. Но восстановление порядка идет на пользу победившей партии. Три пятых избирателей бежали, треть администраторов округов и департаментов были назначены в их отсутствие, а большинство новых справочников взято из клуба патриотов. Именно по этой причине заключенных считают виновными. "Ни один судебный пристав не смеет оказать им услугу; им не разрешается приводить в доказательство оправдательные факты, а все знают, что судьи не беспристрастны" [3209](#).

Так приходит конец жестоким мерам политической и религиозной розни. Победитель затыкает рот закону, когда тот собирается выступить в защиту его противника; и, прикрываясь юридическим беззаконием администрации, которую он сам установил, он сокрушает тех, кого беззаконная сила его собственной сильной руки сбила с ног.

II.- Высшая страсть.

Ужас голода в его наиболее острой форме.-Невозвращение зерна.-Вмешательство и узурпация избирательных Собраний.- Сельский кодекс в Ниверне.- Четыре центральные провинциях в 1790 году.-Почему поддерживаются высокие цены.-Беспокойство и неуверенность.- Застой на рынке зерна.- Департаменты под Парижем в 1791 году.-Поставки и цены на Предложение и цены на зерно регулируются силой.- Мафии в 1792 году.- Деревенские армии в Эвре, в низовьях Сены и в Эсне.-Усиление беспорядков после 10 августа.-Диктатура диктатура необузданного инстинкта.-Ее практические и политические цели.

Страсти такого рода являются продуктом человеческого воспитания и вырываются на свободу только в узких рамках. Существует еще одна страсть, которая не является ни исторической, ни местной, а естественной и универсальной, самая неукротимая, самая властная и самая грозная из всех, а именно страх голода. Для этой страсти не существует таких понятий, как промедление, размышление или взгляд за пределы себя. Каждой коммуне или кантону нужен свой хлеб, причем обязательно и неограниченно. Наш сосед может обеспечивать себя как может, но давайте сначала позаботимся о себе, а потом уже о других людях. Каждая группа людей, соответственно, своими постановлениями или с помощью основной силы сохраняет для себя те средства к существованию, которыми она обладает, или отбирает у других те средства к существованию, которыми она не обладает "ii.

В конце 1789 [года3210](#) "Руссильон отказывает в помощи Лангедоку, Верхний Лангедок - остальным провинциям, а Бургундия - Лионне; Дофине закрывается, а Нормандия удерживает пшеницу, закупленную для помощи Парижу". В Париже у дверей всех булочников выставляют часовых; 21 октября одного из них вешают, а его голову проносят на пике. 27 октября в Верноне купец кукурузы по имени Плантер, который предыдущей зимой поддерживал бедняков на шесть лье вокруг, должен занять свою очередь. В настоящий момент народ не прощает ему отправки муки в Париж, и его дважды вешают, но каждый раз он спасается благодаря обрыву веревки. Только силой и под конвоем можно гарантировать прибытие зерна в город; возбужденный народ или национальные гвардейцы постоянно захватывают его на пути следования. В Нормандии ополчение Кана останавливает на дорогах пшеницу, предназначенную для Харкура и других мест.[3211](#) В Бретани Орей и Ванн удерживают конвои для Нанта, а Ланньон - для Бреста. Брест попытался вступить в переговоры, но его комиссаров схватили и, приставив к их горлу ножи, заставили подписать отказ, чистый и простой, от зерна, за которое они заплатили, и вывели из Ланниона, побив по дороге камнями. Восемнадцать сотен человек, таким образом, покидают Брест с четырьмя пушками и идут возвращать свое имущество с заряженными ружьями. Таковы обычаи, распространенные во время великих голодов феодальных времен; и от одного конца Франции до другого, не говоря уже о вспышках голода в больших городах, постоянно происходят подобные бесчинства или попытки вернуть имущество. "Вооруженное население Нантуа, Сен-Клода и Септмонселя, - говорится в [депеше3212](#) , - снова отрезало провизию от области Гекс; туда не поступает пшеница ни с какой стороны, все дороги охраняются. Без помощи женевского правительства , которое готово предоставить этому региону восемьсот кулей пшеницы, мы должны либо умереть от голода, либо быть вынуждены силой отбирать зерно у муниципалитетов, которые держат его при себе". Нарбонна морит голодом Тулон;

судоходство по Лангедокскому каналу пресечено; люди на его берегах отбивают две роты солдат, сжигают большое здание и хотят разрушить сам канал". Лодки останавливают, повозки грабят, хлеб насильно снижают в цене, бросают камни и стреляют из пушек; Население сражается с национальной гвардией, крестьяне с горожанами, покупатели с торговцами, ремесленники и рабочие с фермерами и землевладельцами, в Кастельнодаре, Ниорте, Сент-Этьене, в Эсне, в Па-де-Кале, и особенно вдоль линии, протянувшейся от Монбризона до Анжера, то есть почти на всем протяжении обширного бассейна Луары, - таково зрелище, представшее в 1790 году. - И все же урожай был неплохим. Но циркуляция зерна отсутствует. Каждый мелкий центр образовал лигу для монопольного владения продуктами питания; и вот голодание других и конвульсии всего тела - первые последствия необузданной свободы, которую конституция и обстоятельства предоставили каждой местной группе.

"Нам велено собираться, голосовать и избирать людей, которые будут заниматься нашими делами; давайте же займемся ими сами. Хватит с нас разговоров и лицемерия. Хлеб по два су, и пойдем за пшеницей туда, где ее можно найти!" Так рассуждает крестьянство, и в Ниверне, Бурбонне, Берри и Турени избирательные собрания становятся зачинщиками восстаний.³²¹³ В Сен-Соже "первое дело первичного собрания - обязать муниципальных чиновников установить цену на пшеницу под страхом быть обезглавленными". В Сен-Жеране тот же курс принят в отношении хлеба, пшеницы и мяса; в Шатильон-ан-Байе это делается со всеми товарами, и всегда на треть или половину ниже рыночной цены, не упоминая о других поборах... Постепенно они приходят к составлению тарифа на все известные им ценности, объявляя максимальную цену, которой может достигнуть тот или иной товар, и таким образом устанавливая полный кодекс сельской и социальной экономики. В бурных и спазматических формулировках этого документа мы, как в зеркале, видим их нравы и настроения.³²¹⁴ Это программа сельских жителей. Ее разнообразные статьи, за исключением местных вариаций, должны выполняться, то одна, то другая, в зависимости от случая, необходимости, времени и, прежде всего, от того, что касается провизии. - Желание, как обычно, является отцом мысли; крестьянство думает, что действует по власти: здесь - по декрету короля и Национального собрания, там - по комиссии, непосредственно порученной графу д'Эстре. Еще раньше, на рынке Сент-Аманда, "человек прыгнул на кучу пшеницы и закричал: "Во имя короля и нации, пшеница по цене вдвое ниже рыночной!"". Старый офицер королевских гренадеров, кавалер ордена Сен-Луи, по слухам, марширует во главе нескольких приходов и обнародует указы от своего имени и от имени короля, налагая штраф в восемь ливров на того, кто откажется присоединиться к нему... Со всех сторон кишат рабочие, и сопротивление бесплодно. Их слишком много, и констеблишмент тонет в потоке. Ведь эти деревенские законодатели - сама Национальная гвардия, и когда они голосуют за сокращение поставок или требуют их, они выполняют свои требования с помощью оружия. Муниципальные чиновники, вольно или невольно, должны служить повстанцам. В Донжоне избирательное собрание схватило мэра этого местечка и пригрозило убить его или сжечь его дом, если он не установит цену на пшеницу в сорок су; тогда он подписался, и все мэры вместе с ним, "под страхом смерти". Как только это сделано, крестьяне, "под звуки фиф и барабанов", распространяются по соседним приходам и заставляют поставлять пшеницу по сорок су, причем проявляют такой решительный дух, что четыре бригады жандармов, высланные против них, считают за лучшее отступить. Не довольствуясь тем, что берут все, что хотят, они обеспечивают резервные запасы; пшеница - пленница. В Ниверне и Бурбонне крестьяне проводят пограничную линию, за которую не должен переходить ни один мешок зерна из этого региона; в случае нарушения этого закона веревка и факел всегда под рукой у провинившегося. - Остается убедиться, что это правило выполняется. В Берри группы крестьян посещают рынки, чтобы убедиться, что их тарифы везде соблюдаются. Напрасно

им говорят, что они опустошают рынки; "они отвечают, что знают, как заставить зерно поступать, что они возьмут его из частных рук, а если понадобится, то и деньги". На самом деле грабят амбары и погреба, принадлежащие большому количеству людей. Крестьян заставляют складывать урожай в общее зернохранилище, а богатых - выкупать; "дворян принуждают к взносам и обяыывают отдавать в дар целые домены; угоняют скот; хотят лишить жизни владельцев", а на города, которые защищают свои склады и рынки, открыто [нападают](#)³²¹⁵. Бурбон-Ланси, Бурбон-л'Аршамбо, Сен-Пьер-ле-Мутье, Монлюсон, Сент-Аманд, Шато-Гонтье, Дециз - каждая мелкая община представляет собой островок, на который обрушивается нарастающая волна деревенского восстания. Ополченцы проводят ночь под оружием; отряды Национальной гвардии крупных городов с регулярными войсками приходят и гарнизируют их. В Бурбон-Ланси в течение восьми дней непрерывно поднимается красный флаг, а на площади стоят заряженные и наведенные пушки. 24 мая происходит атака на Сен-Пьер-ле-Мутье, и всю ночь с обеих сторон идут перестрелки. 2 июня Сент-Аманд, которому угрожают двадцать семь волостей, спасается только благодаря своим приготовлениям и гарнизону. Примерно в это же время Бурбон-Ланси атакуют двенадцать приходов вместе взятых, а Шато-Гонтье - саботажники из окрестных лесов. Группа из четырех-пяти сотен деревенских жителей арестовывает конвои Сент-Аманда и заставляют их эскорт капитулировать; другая группа закрепилаь в замке де ла Фин и в течение дня обстреливает регулярные войска и национальную гвардию; сами крупные города не в безопасности. Три или четыре сотни деревенщин во главе с муниципальными служащими насильно входят в Тур, чтобы заставить муниципалитет снизить цену на кукурузу и уменьшить арендную плату. Две тысячи каменотесов, вооруженных ружьями, косами и вилами, врываются в Анжер, чтобы добиться снижения цен на хлеб, стреляют в караул, на них набрасываются войска и национальная гвардия; несколько человек остаются лежать мертвыми на улицах, двоих вешают в тот же вечер, и в течение восьми дней вывешивается красный флаг. "Город, - говорится в депешах, - был бы разграблен и сожжен, если бы не Пикардийский полк". К счастью, поскольку урожай обещает быть хорошим, цены падают. После закрытия избирательных собраний брожение утихает, и к концу года, как ясная вспышка во время сильной бури, в гражданской войне, разгоревшейся из-за голода, появляется отблеск перемирия.

Но перемирие длится недолго, так как в двадцати местах оно нарушается отдельными взрывами; и к июлю 1791 года волнения, вызванные неопределенностью основных поставок продовольствия, начинаются снова, чтобы больше не прекращаться. Мы рассмотрим лишь одну группу в этом всеобщем беспорядке - восемь или десять департаментов, которые окружают Париж и снабжают его продовольствием. Эти районы, Бри и Бос, богаты пшеницей, и не только урожай 1790 года был хорошим, но и урожай 1791 года - обильным. Из [Лаона](#)³²¹⁶ министру прислали информацию о том, что в департаменте Эсна "есть запас пшеницы на два года. ... что амбары, обычно пустеющие к апрелю, в этом сезоне опустеют не раньше июля", и, следовательно, "пропитание обеспечено". Но этого недостаточно, поскольку источник зла не в нехватке пшеницы. Для того чтобы все в огромной и густонаселенной стране, где почва, культура и занятия различны, могли питаться, необходимо, чтобы пища была доступна производителям; а для того чтобы она доходила до них свободно, без задержек, исключительно в силу естественного действия спроса и предложения, необходимо, чтобы существовала полиция, способная защитить собственность, сделки и транспорт. В той же мере, в какой ослабевает власть государства, и в той же мере, в какой снижается безопасность, распределение средств к существованию становится все более и более трудным: жандармерия, таким образом, является необходимым колесиком в машине, с помощью которой мы можем обеспечить себе хлеб насущный. Именно поэтому в 1791 году хлеба насущного не хватает большому количеству

людей. Просто благодаря действию Конституции все ограничения, и без того ослабленные как в центре, так и по краям, с каждым днем становятся все слабее и слабее.

Муниципалитеты, которые действительно являются суверенными, подавляют народ все слабее, одни потому, что последние смелее и сами более робкие, другие потому, что они более радикальны и всегда считают себя правыми. Национальная гвардия устала, не выходит вперед или отказывается применять оружие. Активные граждане испытывают отвращение и остаются дома. В [Этампе3217](#), где комиссары департамента призывают их принять меры к восстановлению порядка, собралось всего двадцать человек; остальные оправдываются тем, что, если бы население узнало, что они противятся его воле, "их дома были бы сожжены", и, соответственно, остаются в стороне. "Таким образом, - пишут комиссары, - общее благо достается ремесленникам и рабочим, чьи взгляды ограничиваются их собственным существованием" - соответственно, правит низший класс, и информация, на которой он основывает свои постановления, состоит из слухов, которые он принимает или фабрикует, чтобы прикрыть видимость правоты те безобразия, которые происходят из-за его скупости или жестокости его голода. В Этампе "их заставили поверить, что зерно, которое было продано для снабжения департаментов ниже Луары, отправляется в Паимбоф и оттуда вывозится из королевства, чтобы быть проданным за границу". В предместьях Руана они воображают, что зерно намеренно "поглощается болотами, прудами и глиняными ямами". В Лаоне комитеты имбецилов и якобинцев объясняют дороговизну провизии алчностью богачей и злокозненностью аристократов: по их словам, "завистливые миллионеры богатеют за счет народа. Они знают народную силу" и, не смея соизмерять с ней свои силы, "в честной борьбе" прибегают "к вероломству". Чтобы легко покорить народ, они решили заранее ослабить его крайними страданиями и длительностью поста, поэтому они монополизировали "пшеницу, рожь и муку, мыло, сахар и бренди" [3218 Подобных](#) сообщений достаточно, чтобы возбудить страдающую толпу к актам насилия, и она неизбежно должна принять в свои вожди и советники тех, кто побуждает ее перейти на сторону, к которой она склоняется. Народу всегда нужны вожди, и они выбираются везде, где их можно найти, - в одно время среди элиты, в другое - среди отбросов. Теперь, когда дворяне изгнаны, буржуазия в отставке, крупные земледельцы под подозрением, а животные нужды осуществляют свой слепой и периодический деспотизм, подходящие народные министры состоят из авантюристов и бандитов. Они не должны быть очень многочисленными, так как в местах, полных горючих веществ, достаточно нескольких зажигательных щепок, чтобы разжечь пламя. "В городах Этамп и Дурдан можно насчитать не более двадцати человек, которым нечего терять и нечего приобретать от беспорядков; это те, кто всегда производит волнения и беспорядки, а другие граждане своим безразличием предоставляют им средства". Те, чьи имена известны среди новых проводников толпы, - почти все беглые каторжники, чьи прежние привычки приучили их к ударам, насилию, часто к убийствам, и всегда к презрению к закону. В [Брунуа3219](#) вожаками вспышки являются "два дезертира 18-го полка, осужденные и безнаказанные, которые в компании с самыми мерзкими и отчаянными из прихода всегда ходят вооруженными и угрожают". В Этампе "два главных убийцы мэра - браконьер, неоднократно осужденный за браконьерство, и старый карабинер, уволенный из своего полка с плохим послужным списком". [3220](#) Вокруг них - ремесленники "без определенного места жительства", бродячие рабочие, подмастерья и ученики, бродяги и бродяги, которые стекаются в города в базарные дни и всегда готовы к злодейству, когда появляется возможность. Бродяги, действительно, теперь бродят по стране повсюду, поскольку все ограничения против них прекратились.

"Вот уже год, - пишут несколько приходов в окрестностях Версаля, - мы не видели ни одного жандарма, кроме тех, кто приезжает с указами", и отсюда множатся "убийства и разбой" между Этампом и Версалем, на дорогах и в деревне. Группы из тринадцати, пятнадцати,

двадцати и двадцати двух нищих грабят виноградники, по ночам проникают в фермерские дома и заставляют их обитателей ночевать и кормить их, возвращаясь тем же путем каждые две недели; все фермы или отдельные жилища становятся их добычей. 26 сентября 1791 года в пригороде Версаля в собственном доме был убит священник, в тот же день буржуа и его жена были ограблены. 22 сентября в окрестностях Сен-Реми-Оноре восемь разбойников грабят жилище фермера. 25 сентября в Виллер-ле-Секе тринадцать человек раздевают другого крестьянина, а затем добавляют с большой вежливостью: "Вашим хозяевам повезло, что их здесь нет, а то мы бы зажарили их на вон том костре". Шесть подобных преступлений совершаются вооруженными грубиянами в жилых домах в радиусе от трех до четырех лиг, сопровождаемых угрозами шоферов.³²²¹ "После таких сильных и дерзких предприятий, - пишут жители этого региона, - в стране нет ни одного зажиточного человека, который мог бы хоть на час рассчитывать на безопасность своего дома. Уже многие из наших лучших земледельцев бросают свое дело, а другие угрожают сделать то же самое, если эти беспорядки продолжатся." - Что еще хуже, так это то, что во время этих бесчинств большинство бандитов были "в национальной форме". Самые невежественные, самые бедные и самые фанатичные из Национальной гвардии, таким образом, поступают на службу ради грабежа. Для людей так естественно верить в свое право на то, в чем они испытывают нужду, что обладатели пшеницы становятся ее монополистами, а избыток богатых - собственностью бедных! Вот что говорят крестьяне, опустошающие лес Брюйер-ле-Шатель: "У нас нет ни дров, ни хлеба, ни работы - нужда не знает законов".

При такой системе жизненно необходимые вещи не могут стоить дешево. Слишком много беспокойства, слишком ненадежна собственность; слишком много препятствий для торговли; покупки, продажи, поставки, прибытия и платежи слишком неопределенны. Как хранить и перевозить товары в стране, где ни центральное правительство, ни местные власти, ни национальная гвардия, ни регулярные войска не выполняют своих обязанностей и где любая сделка с продуктами, даже самая законная и самая выгодная, зависит от каприза дюжины негодяев, которым подчиняется население - пшеница остается в амбаре, или прячется, или ждет, и только тайком попадает в руки тех, кто достаточно богат, чтобы платить не только ее цену, но и дополнительную стоимость риска. Вытесненная в узкий канал, она дорожает до уровня, который увеличивает обесценивание ассигнатов, и ее дороговизна не только сохраняется, но и постоянно растет... И тогда народный инстинкт изобретает для лечения зла средство, которое его усугубляет: отныне пшеница не должна путешествовать; ее конфискуют в том кантоне, где ее собирают. В Лаоне "люди поклялись скорее умереть, чем позволить унести свою еду". В Этампе, куда муниципалитет Анжера направляет администратора своего госпиталя для закупки двухсот пятидесяти мешков муки, поручение не может быть выполнено, делегат даже не решается в течение нескольких дней объявить о цели своего приезда; все, что он может сделать, это "посетить инкогнито и ночью различных торговцев мукой в долине, которые предложили бы обеспечить поставки, но боятся за свою жизнь и не смеют даже выйти из своих домов" - та же жестокость проявляется в более отдаленных департаментах, окружающих первый круг. В Обиньи, в Шере,³²²² останавливают вагоны с зерном, угрожают районным управляющим; за головы двоих назначена цена; часть Национальной гвардии переходит на сторону мятежников. В Шомоне, в Верхней Марне, вся Национальная гвардия находится в состоянии мятежа; конвой с более чем тремя сотнями мешков остановлен, отель-де-Виль взят силой, и мятеж длится четыре дня; директория департамента бежит, а народ захватывает порох и пушки. В Дуэ, в департаменте "Норд", чтобы спасти торговца зерном, его сажают в тюрьму; толпа отворяет ворота, солдаты отказываются стрелять, и его вешают, а директория департамента укрывается в Лилле. В Монтрей-сюр-Мер, в Па-де-Кале, два лидера восстания, мангальщик и конокрад, "Бекелин, по прозвищу Пти-Ге", последний с саблей в руке, отвечают на призыв

муниципальных властей, что "ни одно зерно не пропадет, пока они хозяева", и что если они посмеют делать подобные заявления, "им отрубят головы". Средств для сопротивления нет. Национальная гвардия, когда ее созывают, не реагирует; добровольцы, когда их призывают, опускают мушкеты, а толпа, собравшаяся под окнами, выкрикивает свои "ура". Тем хуже для закона, когда он противостоит народным страстям: "Мы не будем ему подчиняться", - говорят они; "люди принимают законы, чтобы угодить самим себе". - В качестве практической иллюстрации, в Тортесе, в Сене-Инферьер, шесть тысяч вооруженных людей, принадлежащих к окрестным приходам, образуют совещательный вооруженный орган; чтобы лучше утвердить свои права, они везут с собой две пушки, закрепленные веревками на паре телег; двадцать две роты национальной гвардии, каждая под своим знаменем, маршируют рядом с ними, а все мирные жители вынуждены падать "под страхом смерти", во главе которых стоят муниципальные чиновники. Этот импровизированный парламент издает полный закон о зерне, который для проформы отправляется на утверждение в департамент и Национальное собрание; одна из его статей гласит, что всем крестьянам запрещается "продавать свою пшеницу где-либо еще, кроме рыночных площадей". Не имея другого выхода, пшеница должна быть доставлена на кукурузные рынки (halles), и когда они заполнены, цена на нее должна обязательно упасть.

Какой глубокий обман! Даже в житницах Франции пшеница остается дорогой и стоит примерно на треть больше, чем нужно, чтобы обеспечить продажу хлеба по два су за фунт в соответствии с волей народа. Например, [3223](#) в Гонессе, Дурдане, Корбейле, Меннеси, Брюнуа, Лимуре, Бри-Конт-Роберте, и особенно в Этампе и Монлери, держатели зерна вынуждены почти еженедельно, под крики и насилие народа, снижать цены на одну треть и более. Власти не могут поддерживать на своей кукурузной бирже свободу купли-продажи. Регулярные войска были отправлены народом заранее. Какова бы ни была терпимость или попустительство солдат, у народа есть смутное ощущение, что они здесь не для того, чтобы разрешать разрывать мешки с мукой или хватать крестьян за горло. Чтобы избавиться от препятствий и слежки, они используют муниципалитет и заставляют его самостоятельно разоружиться. Муниципальные служащие, осажденные в ратуше, порой под угрозой пистолетов и [штыков3224](#) , рассылают ожидаемым отрядам приказ повернуть назад и просят Директорию не посылать больше войск, ибо, если они придут, им сказали, что "они об этом пожалеют". Нигде нет регулярных войск. В Этампе люди повторяют, что "их присылают и оплачивают торговцы мукой"; в Монлери - что "они служат лишь для вооружения граждан друг против друга"; в Лимуре - что "из-за них дорожает зерно". В этом направлении все предлоги кажутся хорошими; народная воля абсолютна, и власти благодушно выполняют ее постановления на полпути. В Монльери муниципалитет приказывает жандармерии оставаться у ворот города, что дает полный простор восстанию... Администраторы, однако, не получают облегчения, оставляя народу свободу действий; они вынуждены санкционировать свои поборы постановлениями. Их выводят из Отеля-де-Виль, ведут на рынок, и там, под диктовку ажиотажа, устанавливающего цены, они, как простые клерки, провозглашают снижение. Более того, когда вооруженный сброд какой-нибудь деревни отправляется тиранировать соседний рынок, он, несмотря на себя, тащит с собой своего мэра, как официальный инструмент, который принадлежит [ему3225](#). "Против силы нет сопротивления, - пишет мэр Вер-ле-Пети, - мы должны были немедленно выступить" - "Они заверили меня, - говорит мэр Фонтене, - что, если я не подчинюсь им, они меня повесят" - На любого муниципального чиновника, рискнувшего возразить, они говорят ему, что "он становится аристократом". Аристократ и повешенный - аргумент неотразимый, тем более что он действительно применяется. В Корбейле прокурора-синдика, который пытается следить за соблюдением закона, чуть не избивают до смерти, а три дома, в которых его пытаются найти, разрушают. В Монлери торговец семенами, обвиненный в том, что смешивал муку из

бобов (вдвое дороже) с пшеничной мукой, подвергается резне в собственном доме. В Этампе до смерти забивают дубинками мэра, который провозгласил закон. Толпы говорят только о "сжигании и уничтожении", а крестьяне, над которыми издеваются, над которыми издеваются, которых заставляют продавать, угрожают смертью и грабят, убегают, заявляя, что больше никогда не вернутся на рынок.

Таков первый эффект народной диктатуры. Как и все неразумные силы, она действует в направлении, обратном своему намерению: к дороговизне добавляется дефицит, и рынки опустошаются, вместо того чтобы пополняться. На рынке в Этампе часто хранилось пятнадцать или шестнадцать сотен мешков муки; за неделю после восстания на него привезли не более шестидесяти. В Монльери, где собралось шесть тысяч человек, каждый получал на свою долю лишь малую толику, а пекари города не имели вообще ничего. В таком случае разъяренные национальные гвардейцы говорят крестьянам, что придут к ним на фермы. И они действительно приходят.³²²⁶ На дорогах вокруг Монльери, Лимура и других крупных рыночных городов постоянно грохочут барабаны. Колонны из двух, трех и четырехсот человек проходят под предводительством своего коменданта и мэра, которого они берут с собой. Они заходят на каждую ферму, забираются в амбары, оценивают количество намолоченного зерна и заставляют владельца подписать соглашение о том, что на следующей неделе оно поступит на рынок. Иногда, будучи голодными, они заставляют людей дать им что-нибудь поесть и попить на месте, и это не может не разгневать их - фермера и его жену чуть не повесили в их собственном амбаре.

Их усилия бесполезны: Пшеницу конфискуют и выискивают, и она, как испуганное животное, ложится на землю или ускользает. Напрасно продолжаются восстания. Напрасно вооруженные толпы во всех рыночных городах [департамента](#)³²²⁷ принудительно снижают цену на зерно. Пшеница из месяца в месяц становится все дешевле и дороже, поднимаясь в цене с двадцати шести франков до тридцати трех. И поскольку возмущенный крестьянин "приносит теперь очень мало", только "то, чем приходится жертвовать, чтобы избежать угроз, он продает дома или в трактирах парижским торговцам мукой". Люди, бегущие за изобилием, таким образом, еще больше погружаются в нужду: их жестокость усугубляет их страдания, и именно им они обязаны голодом. Но они далеки от того, чтобы приписывать все это собственному неповиновению; обвиняют магистратов; они, по мнению населения, "в союзе с монополистами". На этом пути невозможно остановиться. Бедствие усиливает ярость, а ярость усиливает бедствие; и на этом роковом склоне люди переходят от одного возмущения к другому.

После февраля 1792 года такие возмущения становятся бесчисленными; толпы, которые отправляются на поиски зерна или снижают его цену, состоят из целых армий. Одна из них, численностью в шесть тысяч человек, пришла контролировать рынок Монльери.³²²⁸ Семь-восемь тысяч человек вторглись на рынок Вернейля, есть армия в десять, а есть и в двадцать пять тысяч человек, которые в течение десяти дней держатся организованно возле Лаона. Сто пятьдесят приходов подали сигналы, и восстание распространяется на десять лье вокруг. Пять лодок с зерном остановлены, и, несмотря на приказы округов, департаментов, министров, короля и Национального собрания, они отказываются их сдать. Их содержимое, тем временем, используется по максимуму: "Муниципальные служащие различных приходов, собравшись вместе, выплачивают себе вознаграждение, а именно: сто су в день для мэра, три ливра для муниципальных служащих, два ливра десять су для стражников, два ливра для носильщиков. Они приказали, чтобы эти суммы выплачивались зерном, а зерно, как говорят, они уменьшают по пятнадцать ливров за мешок. Несомненно, что они поделили его между собой, и что было роздано четырнадцать сотен мешков". Напрасно комиссары

Национального собрания произносят перед ними речи длиной в три часа. Закончив разговор, они в присутствии комиссаров обсуждают, следует ли их повесить, утопить или разрубить, а их головы положить на пять точек середины перил аббатства. Когда им угрожают военной силой, они принимают соответствующие меры. Девятьсот человек, подменяя друг друга, день и ночь дежурят на земле, в хорошо выбранном и постоянном лагере, а наблюдателям, размещенным на колокольнях окрестных деревень, достаточно подать сигнал тревоги, чтобы в течение нескольких часов собрать двадцать пять тысяч человек. Пока правительство стоит на ногах, оно ведет борьбу как может; но из месяца в месяц оно слабеет, и после 10 августа, когда оно ложится на землю, толпа занимает его место и становится всеобщим государем. С этого времени не только закон, защищающий провиант, бессилен против нарушителей торговли и обращения, но и Собрание фактически санкционирует их действия, поскольку [постановляет 3229](#) прекратить все начатые против них процессы, отменить уже вынесенные приговоры и освободить всех, кто заключен в тюрьму или в кандалы. Все администрации, купцы, владельцы и крестьяне брошены на произвол голодающих, неистовых и грабителей; отныне продовольственные запасы предназначены для тех, кто расположен и способен их взять.

"Вам скажут, - говорится в одной из [петиций 3230](#), - что мы нарушаем закон. На эти вероломные намеки мы отвечаем, что спасение народа - высший закон. Мы пришли для того, чтобы обеспечить рынки товаром и гарантировать единую цену на пшеницу по всей Республике. Ведь, без сомнения, самый чистый патриотизм угасает, когда нет хлеба... . Соппротивление угнетению - да, сопротивление угнетению является самой священной обязанностью; есть ли угнетение более ужасное, чем отсутствие хлеба? Несомненно, нет. Присоединяйтесь к нам и "Ça ira, ça ira!". Мы не можем закончить наше прошение лучше, чем этой патриотической песней".

Это прошение было написано на барабане, в кругу огнестрельного оружия; под такой аккомпанемент оно равносильно приказу. Они прекрасно знают об этом и, пользуясь собственной властью, часто присваивают себе не только право, но и титул. В [Луаре-и-Шер 3231](#) группа из четырех-пяти тысяч человек носит имя "Суверенная власть". Они переходят от одного рыночного города к другому, в Сен-Кале, Мондубло, Блуа, Вандоме, снижая стоимость провизии, их отряд растет как снежный ком, ибо они угрожают "сжечь имущество и поджечь дома всех, кто не столь отважен, как они сами".

В этом состоянии социальной дезинтеграции мятеж - это гангрена, при которой здоровые заражаются болезненными частями. Повсюду возникают и вновь возникают толпы, непрерывно, большие и малые, как нарывы, которые прорываются один за другим, болезненно раздражают друг друга и наконец объединяются. Города выступают против сельских районов, а сельские районы - против городов. С одной стороны, "каждый крестьянин, перевозящий что-либо на рынок, выдает себя (дома) за [аристократа 3232](#) и становится ужасом для своих сограждан в деревне". С другой стороны, городские национальные гвардейцы распространяются по сельским округам и совершают набеги, чтобы спастись от голодной смерти. [3233](#) В сельских округах признается, что каждый муниципалитет имеет право обособиться от остальных. В городах признается, что каждый город имеет право получать провизию из страны. Неимущие каждой коммуны признают, что коммуна должна предоставлять хлеб бесплатно или по дешевой цене. На это сыплются камни и начинается стрельба; департамент против департамента, округ против округа, кантон против кантона, все борются за продовольствие, и сильнейшие получают его и оставляют себе. - Я просто описал север, где в течение последних трех лет урожаи хорошие. Я опустил юг, где торговля прервана на канале Дё-Мер, где недавно был убит прокурор-

синдикат Ауда за попытку обеспечить проход конвоя; где урожай был плохим; где во многих местах хлеб стоит восемь су за фунт; где почти в каждом департаменте бушель пшеницы продается вдвое дороже, чем на севере!

Странное явление! И самое поучительное из всех, ибо в нем мы видим глубины человечества; ибо, как на плоту потерпевших кораблекрушение существ без пищи, происходит возвращение к естественному состоянию. Легкая ткань привычек и рациональных идей, которой цивилизация окутала человека, разорвана и развеивается вокруг него лохмотьями; голые руки дикаря показывают себя, и они наносят удар за ударом. Единственный ориентир, которым он руководствуется в своем поведении, - это инстинкт первобытных времен, пораженный инстинкт жаждущего желудка. Отныне в нем и через него властвует животная необходимость с ее шлейфом жестоких и узких предложений, порой кровожадных, порой гротескных. Некомпетентный или дикий, во всех отношениях похожий на негритянского монарха, его единственными политическими средствами являются либо методы бойни, либо мечты о карнавале. Два комиссара, которых Ролан, министр внутренних дел, посылает в Лион, в течение нескольких дней видят и карнавал, и бойню.³²³⁴ С одной стороны, крестьяне по всей дороге арестовывают всех подряд; народ считает каждого путешественника аристократом, который убегает, что тем хуже для тех, кто попадает в их руки. Недалеко от Аутуна четырех священников, которые, повинувшись закону, отправляются на границу, сажают в тюрьму "для их же безопасности"; через четверть часа их выводят и, несмотря на тридцать два конных полицейских, расправляются с ними. "Когда я проезжал мимо, их карета еще горела, а трупы лежали неподалеку. Их водитель все еще находился в заключении, и я напрасно добивался его освобождения". С другой стороны, в Лионе власть оказалась в руках деградировавших уличных женщин. "Они захватили центральный клуб, назначили себя комиссарами полиции, подписывали уведомления в качестве таковых и наносили инспекционные визиты в кладовые"; они составили тарифы на провизию, "от хлеба и мяса до обычных персиков и персиков хорошего качества". Они объявили, что "тот, кто осмелится оспаривать его, будет считаться изменником родины, приверженцем гражданского списка и преследоваться как таковой". Все это публикуют, провозглашают и применяют "женщины-комиссары полиции", сами являющиеся отбросами низшей раковины коррупции. Респектабельные домохозяйки и работницы не имеют к этому никакого отношения, равно как и "рабочий люд любого сословия". Единственными действующими лицами этой административной пародии являются "подонки, несколько хулиганов из домов с дурной славой и часть отбросов женского пола". Для этого и существует диктатура инстинкта, которая там, на шоссе, выливается в расправу над священниками, а здесь, во втором городе Франции, в управление трущобами.

III.- Эгоизм налогоплательщика.

Иссудун в 1790 году.- Восстание против налогообложения.- Косвенные налоги в 1789 и 1790 годах.- Отмена налога на соль, акциза, и октрои.- Прямое налогообложение в 1789 и 1790 годах.- Задержка и Недостаточность деклараций.-Новые сборы в 1791 и 1792 гг.

-Задержки, пристрастность и утаивание при подготовке
Недостаточность и задержка возвратов.
-Уплата ассигнациями. -Налогоплательщик освобождает себя от
половины.-Опустошение лесов.-Раздел
общинного имущества.

Страх голодной смерти - это лишь более резкая форма более общей страсти, которая заключается в желании обладать и решимости ни от чего не отказываться. Ни один народный инстинкт не был долгие, грубее, универсальнее оскорблен при древнем режиме; и нет ни одного, который вырывался бы наружу с большей готовностью при сдерживании, ни одного, который требовал бы более высокого или широкого общественного барьера или более полного сооружения из твердых блоков, чтобы держать его в узде. Поэтому эта страсть с самого начала разрушает или поглощает слабые и низкие границы, шаткие насыпи из осыпающейся земли, между которыми Конституция претендует на то, чтобы ограничить ее. Народ считает их упраздненными, или, по крайней мере, считает их долги погашенными. Их представление об этом сформировалось и закрепились; для них это и есть то, что составляет Революцию. У народа больше нет кредиторов; он твердо решил не иметь их, он никому не будет платить, и прежде всего он больше не будет платить государству.

14 июля 1790 года, в день создания Федерации, население Иссудуна в Турени, торжественно созванное для этой цели, только что принесло торжественную клятву, которая должна была обеспечить общественный мир, социальную гармонию и уважение к закону на вечные времена.³²³⁵ Здесь, вероятно, как и везде, была подготовлена волнующая церемония; молодые девушки были одеты в белое, а ученые и впечатлительные магистраты должны были произносить философские речи. Тут же они обнаруживают, что собравшиеся на площади люди снабжены дубинками, косами и топорами и что Национальная гвардия не препятствует их использованию; напротив, сама гвардия состоит почти целиком из виноделов и других лиц, заинтересованных в снижении пошлин на вино, из кухарок, трактирщиков, рабочих, возчиков бочек и других людей того же сорта - грубых парней, по-своему толкующих Общественный договор. Вся масса декретов, актов и риторических изысков, которые рассылаются им из Парижа или исходят от новых властей, не стоит и полпенни налога, взимаемого с каждой бутылки вина. Акцизов больше не будет, гражданскую присягу они принесут только при этом условии, и в тот же вечер они вешают в чучеле двух своих депутатов, которые "не поддержали их интересы" в Национальном собрании. Спустя несколько месяцев из всей Национальной гвардии, призванной защищать клерков, на призыв откликаются только комендант и два офицера. Если попадается послушный налогоплательщик, ему не разрешают платить взносы; это кажется дезертирством и почти предательством. Записав три пуншона вина, их забрасывают камнями, часть выпивают, а остальное относят в казармы, чтобы развратить солдат; мсье де Созе, комендант "Королевского Руссильона", который дерзнул спасти клерков, подвергается угрозе, и за этот проступок он едва избегает повешения. Когда муниципалитет призывает вмешаться и применить силу, он отвечает, что "по столь незначительному поводу не стоит рисковать жизнью горожан", а регулярным войскам, посланным в Отель-де-Виль, народ приказывает не идти иначе как с поднятыми вверх прикладами мушкетов. Через пять дней после этого разбивают окна акцизного управления и срывают публичные объявления; брожение не утихает, и мсье де Созе пишет, что для умиротворения города потребуется целый полк. В Сент-Аманде восстание вспыхивает с новой силой и подавляется только насилием. В Сент-Этьен-ан-Форезе Бертеас, служащий акцизного управления, ложно обвиненный в монополизации [зерна](#)³²³⁶, безрезультатно защищается национальной гвардией; его сажают в тюрьму,

согласно обычаю, чтобы спасти ему жизнь, а для большей безопасности толпа настаивает на том, чтобы его заковали в железный ошейник. Но, внезапно передумав, она ломится в дверь и вытаскивает его наружу, избивая до потери сознания. Его голова, лежащая на земле, еще шевелится, и он поднимает к ней руку, когда женщина, взяв большой камень, разбивает ему череп. - Это не единичные случаи. В июле и августе 1789 года почти в каждом городе королевства сжигают налоговые конторы. Напрасно Национальное собрание приказывает восстановить их, настаивает на сохранении пошлин и октрои, объясняет народу общественные нужды, патетически напоминая ему, что Собрание уже дало ему облегчение; народ предпочитает облегчить себя сразу и полностью. Все, что потребляется, больше не должно облагаться налогами ни в пользу государства, ни в пользу городов. "Вступительные пошлыны на вино и скот, - пишет муниципалитет Сент-Этьена, - почти ничего не значат, а наши силы недостаточны для их введения". В Камбрэ две вспышки, последовавшие одна за другой, вынудили акцизное управление и магистрат [города](#)³²³⁷ снизить пошлыны на пиво наполовину. Но "зло, поначалу ограниченное одним уголком провинции, вскоре распространяется"; великие баи Лилля, Дуэ и Орхи пишут, что "у нас почти нет бюро, к которому бы не приставали, и в котором налоги не зависели бы полностью от народного усмотрения". Платят только те, кто настроен на это, и, следовательно, "большого мошенничества существовать не может". Налогоплательщики, правда, хитро защищаются и находят массу аргументов и пререканий, чтобы не платить свои налоги. В Камбрэ они утверждают, что, поскольку привилегированные теперь платят наравне с остальными, казна должна быть достаточно богата.³²³⁸ В Нуайоне, Хэме, Шони и в близлежащих приходах мясники, трактирщики и мытари, вместе взятые, отказавшиеся платить акциз, находят изъяны в специальном декрете, которым Собрание подчиняет их закону, и требуется второй специальный декрет, чтобы обойти этих новых знатоков закона. В Лионе процесс проще. Здесь тридцать две секции назначают комиссаров; те принимают решение против октроя и просят муниципальные власти отменить его. Они должны обязательно подчиниться, ведь народ уже на пороге и в ярости. Не дожидаясь, однако, никаких законных мер, они берут власть в свои руки, бросаются в платные палаты и выгоняют клерков, в то время как огромное количество провизии, которая "по необычному предопределению" ждала у ворот, поступает беспошлинно. Казначейство защищается, как может, от этого всеобщего дурного расположения налогоплательщиков, от этих вторжений и проникновений мошенничества; оно ремонтирует дамбу, где ее разнесло, заделывает трещины и снова возобновляет сборы. Но как они могут быть регулярными и полными в государстве, где суды не смеют осуждать преступников, где общественная сила не смеет поддерживать суды,³²³⁹ где народная благосклонность защищает самых отъявленных бандитов и самых худших бродяг против трибуналов и против государственной власти? В Париже, где после восьми месяцев безнаказанности начался процесс против мародеров, которые 13 августа 1789 года подожгли налоговые кассы, чиновники избирательной комиссии, "считая, что их аудиенции стали слишком бурными, что скопление народа вызывает беспокойство, что были произнесены угрозы, способные вызвать обоснованную тревогу", вынуждены прервать свои заседания и передать дела на рассмотрение Национального собрания, а последнее, считая, что "если судебное преследование будет разрешено в Париже, необходимо будет разрешить его во всем королевстве", решает, что лучше всего "завуалировать статут закона".³²⁴⁰

Собрание не только завуалировало статуя Закона, но и разобрало ее на куски, переделало и изуродовало в соответствии с требованиями народной воли; а в вопросе косвенных пошлыны все его постановления были навязаны ему. Против соляного налога с самого начала разгорелась страшная борьба; только в Анжу шестьдесят тысяч человек объединились, чтобы уничтожить его, и цену на соль пришлось снизить с шестнадцати до шести су.³²⁴¹ Народ, однако, этим не удовлетворился. Эта монополия была причиной стольких страданий,

что они не склонны мириться с ее остатками и всегда выступают на стороне контрабандистов против акцизных чиновников. В январе 1790 года в Безье тридцать два служащих, захвативших контрабандную соль у вооруженных [контрабандистов](#)³²⁴², преследуются толпой до отеля-де-Виль; консулы отказываются защищать их и убегают; войска защищают их, но тщетно. Пятерых пытаются, ужасно уродуют, а затем вешают. В марте 1790 года Неккер сообщает, что, согласно отчетам за последние три месяца, дефицит налога на соль составляет более четырех миллионов в месяц, то есть четыре пятых обычного дохода, а табачная монополия соблюдается не больше, чем соляная. В [Type](#)³²⁴³ буржуазная милиция отказывается оказывать помощь служащим и "открыто защищает контрабанду", "а контрабандный табак открыто продается на ярмарке, на глазах у городских властей, которые не смеют ему противодействовать". Все поступления, следовательно, уменьшаются одновременно.³²⁴⁴ С 1 мая 1789 года по 1 мая 1790 года общие сборы составляют 127 миллионов вместо 150 миллионов; пошлины и акцизы вместе взятые приносят только 31, а не 50 миллионов. Потоки, наполнявшие государственную казну, все больше и больше мешают народному сопротивлению, и под давлением народа Собрание заканчивает тем, что полностью закрывает их. В марте 1790 [года](#)³²⁴⁵ оно отменяет соляные пошлины, внутренние таможенные сборы, налоги на кожу, на масло, на крахмал и на железную марку. В феврале и марте 1791 года он отменяет октрои и входные пошлины во всех городах и округах королевства, все акцизные сборы и сборы, связанные с акцизом, особенно все налоги, которые влияют на производство, продажу или оборот напитков. Народ в конце концов одержал верх, и 1 мая 1791 года, в день вступления в силу декрета, Национальная гвардия Парижа проходит парадом вокруг стен, исполняя патриотические песни. Пушки Инвалидов и Пон-Нёф грохочут, словно в честь важной победы. Вечером зажигается иллюминация, всю ночь идет пьянка, всеобщее веселье. Пиво, правда, можно купить по три су за горшок, а вино - по шесть су за пинту, что в полтора раза дешевле; никакое завоевание не могло бы быть более популярным, поскольку оно делает опьянение легкодоступным для жаждущих.³²⁴⁶

Теперь задача состоит в том, чтобы покрыть расходы, которые были покрыты за счет подавленного октрои. В 1790 году парижский октрои принес 35 910 859 франков, из которых 25 059 446 достались государству, а 10 851 413 - городу. Как город собирается оплачивать свои часы, освещение и уборку улиц, содержание своих больниц? Что будут делать двенадцать сотен других городов и округов, которые в результате того же удара оказались в такой же ситуации? Что будет делать государство, которое, отменив общий доход от всех въездных пошлин и акцизов, внезапно лишилось двух пятых своих доходов? В марте 1790 года, когда Собрание отменило соляные и другие пошлины, оно установило вместо них налог в пятьдесят миллионов, который должен быть разделен между прямыми пошлинами и пошлинами на въезд в города. Теперь, следовательно, когда пошлины за въезд отменены, новый сбор полностью ложится на прямые поборы. Поступают ли доходы и будут ли они поступать? - При таком количестве всплеск любое косвенное налогообложение (НДС), конечно, трудно собрать. Тем не менее он не так отталкивает, как другие, поскольку государственные сборы исчезают в цене товара, а рука казначейства скрыта рукой торговца. Раньше правительственный клерк представлялся со своей гербовой бумагой, и продавец без особого ворчания передавал ему деньги, зная, что вскоре он с лихвой возместит их своему покупателю: таким образом собирается косвенный налог. Если возникает какая-либо трудность, то она возникает между торговцем и налогоплательщиком, который приходит в его магазин, чтобы выложить свой небольшой запас; последний ворчит, но это из-за высокой цены, которую он чувствует, и, возможно, из-за продавца, который прикарманивает его серебро; он не находит вины в клерке Казначейства, которого он не видит и который не присутствует в тот момент при сборе прямого налога, напротив, это сам клерк, которого он видит перед собой, который забирает драгоценный кусок серебра. Этот уполномоченный

грабитель, кроме того, ничего не дает ему взамен; это сплошной убыток. Покидая лавку торговца, он уходит с кувшином вина, горшком соли или другими подобными товарами; покидая налоговую инспекцию, он не имеет на руках ничего, кроме квитанции, жалкого клочка исписанной бумаги... Но теперь он хозяин в своей собственной коммуне, избиратель, национальный гвардеец, мэр, единоличная власть в применении вооруженной силы, и ему поручено собственное налогообложение. Подойдите и попросите его откопать зарытую лепту, на которую он положил все свое сердце и всю свою душу, глиняный горшок, в который он один за другим складывал свои заветные сребреники и который он столько лет хранил ценой стольких страданий и постов, перед лицом судебного пристава, несмотря на преследования субделегата, комиссара, сборщика и клерка!

С 1 мая 1789 года по 1 мая 1790 [года3247](#) общие доходы, хвост и его принадлежности, опросный налог и "двадцатки", вместо 161 000 000 франков, дали только 28 000 000 франков в провинциях, которые устанавливают свои собственные налоги (pays d'Etats); вместо 28 000 000 франков казна получила только 6 000 000. По патриотическому взносу, который должен был вычитать четверть всех доходов свыше четырехсот ливров и взимать два с половиной процента с тарелок, драгоценностей и всего золота и серебра, имеющегося у каждого человека в запасе, государство получило 9 700 000 франков. Что касается патриотических подарков, то их общая сумма, включая серебряные пряжки депутатов, достигает всего 361 587 франков; и чем внимательнее мы изучаем детали этих цифр, тем больше мы видим, что вклад деревенских жителей, ремесленников и бывших подданных хвоста уменьшается - с октября месяца 1789 года привилегированные классы фактически появляются в налоговых списках, и они, конечно, составляют класс, который лучше всего обеспечен, наиболее жив к общим идеям и наиболее истинно патриотичен. Поэтому вполне вероятно, что из сорока трех миллионов поступлений от прямых налогов и патриотических взносов они обеспечили большую часть, возможно, две трети или даже три четверти. Если это так, то крестьянин, бывший налогоплательщик, в первый год революции не дал из своего кармана ничего или почти ничего. Например, что касается патриотического взноса, то Собрание оставило на усмотрение каждого человека его собственную квоту; по истечении шести месяцев совесть оказывается слишком эластичной, и Собрание вынуждено предоставить это право муниципалитетам. В [результате3248](#) тот или иной человек, обложивший себя налогом в сорок восемь ливров, облагается налогом в сто пятьдесят; другой, земледелец, предложивший шесть ливров, оказывается способным заплатить более ста. В каждом полку есть небольшое число отборных храбрецов, и именно они всегда готовы идти вперед под огнем. В каждом государстве есть несколько честных людей, которые выходят навстречу сборщику налогов. В полку необходим какой-то эффективный сдерживающий фактор, чтобы обеспечить храбростью тех, у кого ее мало, а в штате - тех, кто не обладает честностью. Таким образом, за восемь месяцев, прошедших с 1 мая 1790 года по 1 января 1791 года, патриотический взнос составляет всего 11 000 000 ливров. Два года спустя, 1 февраля 1793 года, из сорока тысяч коммунальных налоговых ведомостей, которые должны были его обеспечить, семь тысяч еще не составлены; из 180 000 000 ливров, которые он должен был принести, 70 000 000 ливров еще не выплачены... Сопrotивление налогоплательщика приводит к такому же дефициту и таким же задержкам во всех отраслях национального дохода.[3249](#) В июне 1790 года депутат заявляет в трибуне, что "из тридцати шести миллионов налогов, которые должны возвращаться каждый месяц, получено только девять".[3250](#) В ноябре 1791 года докладчик по бюджету сообщает, что поступления, которые должны составлять сорок или сорок восемь миллионов в месяц, не достигают одиннадцати с половиной миллионов. На 1 февраля 1793 года остается еще задолженность по прямым налогам 1789 и 1790 годов в размере ста семидесяти шести миллионов. Очевидно, что народ

всеми силами борется против старых налогов, даже санкционированных и продленных Учредительным собранием, и все, что от него получают, у него отнимают.

Будет ли народ более послушным при новом налогообложении? Собрание призывает их к этому и показывает им, как с облегчением, которое они получили, и с патриотизмом, которым они должны обладать, они могут и должны платить свои подати. Народ может это сделать, потому что, избавившись от десятины, феодальных повинностей, налога на соль, октрои и акцизов, он находится в удобном положении. Они должны это сделать, потому что принятое налогообложение необходимо государству, оно справедливо, взимается со всех пропорционально их состоянию, собирается и расходуется под строгим контролем, без извращений и расточительства, по точным, ясным, периодическим и проверенным счетам. Нет сомнений, что после 1 января 1791 года, когда новая финансовая схема вступит в силу, каждый налогоплательщик будет с радостью платить, как добропорядочный гражданин, и двести сорок миллионов нового налога на недвижимое имущество и шестьдесят миллионов на личное, не считая остальных - регистрационных, лицензионных и таможенных пошлин, - будут поступать регулярно и легко сами собой.

К сожалению, прежде чем сборщик налогов сможет собрать первые два сбора, их нужно оценить, а поскольку существуют сложные записи и формальности, требования, которые нужно урегулировать в условиях большого сопротивления и местного невежества, операция затягивается на неопределенный срок. Расписание личных и поземельных налогов на 1791 год передается Собранием в департаменты только в июне 1791 года. Департаменты распределяют его по округам только в июле, августе и сентябре 1791 года. Округа распределяют его между коммунами только в октябре, ноябре и декабре 1791 года. Таким образом, в последнем месяце 1791 года он еще не распределен коммунами среди налогоплательщиков; из этого следует, что в бюджете 1791 года и в течение всего этого года налогоплательщик ничего не платил. Наконец, в 1792 году все начинают получать этот налог. Чтобы описать пристрастность и недобросовестность этих оценок, потребовался бы целый том. Прежде всего, должность заседателя связана с опасностью; муниципальные власти, в чьи обязанности входит назначение квот, не очень уютно чувствуют себя в своих городских кварталах. Уже в 1790 [году](#)³²⁵¹ муниципальным чиновникам Монбазона угрожали смертью, если они осмелятся внести в налоговую ведомость промышленные занятия, и они бежали в Тур посреди ночи. Даже в Туре три или четыре сотни окрестных повстанцев, притаив с собой муниципальных служащих трех рыночных городов, приходят и заявляют городским властям, "что по всем налогам они не будут платить больше сорока пяти су на семью". Я уже рассказывал, как в 1792 году в том же департаменте "они убивают, убивают муниципальных служащих", которые осмеливаются публиковать налоговые списки личного имущества. В Крезе, в Ключьяке, как только клерк начинает читать документ, женщины набрасываются на него, хватают налоговый лист и "разрывают его с бесчисленными проклятиями"; нападают на муниципальный совет, двести человек забрасывают камнями его членов, одного из которых повалили на землю, обрили ему голову и пронесли по деревне в насмешку - когда мелкий налогоплательщик защищается таким образом, это предупреждение, что с ним нужно шутить. Соответственно, в сельских советах оценка производится среди узла приятелей. Каждый освобождает себя от бремени, перекладывая его на другого. "Они облагают налогом крупных собственников, которых хотят заставить платить весь налог". Дворянин, старый сеньор, облагается больше всех, причем в такой степени, что во многих местах его доходов не хватает на оплату его квоты... В следующем месте они выставляют себя нищими, подделывают или уклоняются от исполнения предписаний закона. "В большинстве муниципалитетов дома, квартиры и [фабрики](#)³²⁵² оцениваются по стоимости площади, которую они занимают, и рассматриваются как земля первого класса, что сводит квоту почти

к нулю". И это мошенничество практикуется не только в деревнях. "Можно привести в пример коммуны с населением в восемь или десять тысяч душ, которые так хорошо устроили дела между собой в этом отношении, что не найти ни одного дома стоимостью более пятидесяти су." - И последнее, что можно сделать, - это отложить составление налоговых списков, насколько это возможно. По состоянию на 30 января 1792 года из 40 211 списков только 2 560 являются полными; по состоянию на 5 октября 1792 года списки не составлены в 4 800 муниципалитетах, и следует отметить, что все это относится к сроку правления, который закончился более чем на девять месяцев. На ту же дату более шести тысяч коммун еще не начали собирать земельный налог 1791 года, и более пятнадцати тысяч коммун еще не начали собирать личный налог; казначейство и департаменты еще не получили 152 000 000 франков, а собрать нужно еще 222 000 000. На 1 февраля 1793 года оставалось еще 161 000 000 франков, а из 50 000 000, установленных в 1790 году для замены налога на соль и других подавленных пошлин, было собрано только 2 000 000. Наконец, в тот же день из двух прямых налогов 1792 года, которые должны были принести 300 000 000, было получено менее 4 000 000 франков. - Это максима должника, что он должен откладывать оплату как можно дольше. Кто бы ни был кредитором, государство или частное лицо, нога или крыло могут быть спасены благодаря отсрочке. Это изречение верно, и в данном случае успех еще раз подтверждает его правильность. В 1792 году крестьянин начинает погашать часть своих долгов, но уже с помощью ассигнаций. В январе, феврале и марте 1792 года ассигнаты уменьшаются в цене на тридцать четыре, сорок четыре и сорок пять процентов; в январе, феврале и марте 1793 года - на сорок семь и пятьдесят процентов; в мае, июне и июле 1793 года - на пятьдесят четыре, шестьдесят и шестьдесят семь процентов. Таким образом, старый кредит государства растаял в его руках; те, кто держался за свои короны, получили пятьдесят и более процентов. Опять же, чем больше они задерживаются, тем больше уменьшаются их долги, и вот уже, благодаря этому, найден способ освободить себя за полцены.

Тем временем руки накладываются на плохо защищенную земельную собственность этого слабого кредитора... Грубым мозгам всегда трудно сформировать какое-либо представление о смутном, невидимом, абстрактном существе, называемом государством, считать его реальной личностью и законным владельцем, особенно когда им упорно твердят, что государство - это все. Собственность всех - это собственность каждого, а поскольку леса принадлежат обществу, то тот, кто пришел первым, имеет право извлекать из них выгоду. В декабре 1789 года [3253](#) группы по шестьдесят и более человек рубят деревья в Булонском лесу и в Венсене. В апреле 1790 года в лесу Сен-Жермен "патрули днем и ночью арестовывают всевозможных преступников": переданные Национальной гвардии и муниципалитетам, расположенным поблизости, они "почти сразу же освобождаются, даже с деревом, которое они срубили против закона".ⁱⁱⁱ Нет никаких средств для подавления "повторяющихся угроз и оскорблений со стороны низкого класса людей". Толпа женщин, подстрекаемая старым французским гвардейцем, приходит и грабит под носом у конвоя груз фашинов, конфискованных в пользу больницы; а в самом лесу банды мародеров обстреливают патрули. - В Шантильи смертельно ранены три егеря; [3254](#) оба парка опустошаются восемнадцать дней подряд; вся дичь убита, перевезена в Париж и продана. - В Шамборе лейтенант констебля пишет о своем бессилии; лес опустошен и даже сожжен; браконьеры стали хозяевами положения; ими сделаны проломы в стене, а вода из пруда отведена, чтобы они могли ловить рыбу. - В Кле, в Дофине, офицер юрисдикции лесов и лесных хозяйств, добившийся запрета для жителей рубить деревья на арендованной земле, схвачен, подвергается пыткам в течение пяти часов, а затем забивается камнями до смерти. - Тщетно Национальное собрание издает три декрета и постановления, передавая леса под надзор и защиту административных органов, - последние слишком сильно боятся своего начальства.

Между центральной властью, слабой и удаленной, и народом, присутствующим и сильным, всегда решают в пользу последнего. Ни один из пяти муниципалитетов, окружающих Шантильи, не склонен помогать в исполнении законов, а справочники округа и департамента, соответственно, санкционируют их инертность. -Подобным образом, в окрестностях Тулузы,³²⁵⁵ где великолепный лес Ларраме опустошается в открытый день и вооруженной силой, где от бесцеремонного уничтожения населением не осталось ничего из подлеска и кустарника, кроме "нескольких разбросанных деревьев и остатков стволов, спиленных на разной высоте", муниципалитеты Тулузы и Турнефея отказываются от всякой помощи. И что еще хуже, в других провинциях, например, в Эльзасе, "целые муниципалитеты с мэрами во главе вырубает леса, которые им доверены, и уносят их с собой" ³²⁵⁶. Если какой-то суд и решается привести закон в исполнение, то безрезультатно; он рискует либо не получить разрешения на вынесение решения, либо быть вынужденным отменить свое решение. В Париже не удалось вынести приговор, подготовленный против поджигателей налоговых контор. В Монтаржи приговор, вынесенный мародерам, похищавшим повозки с древесиной в национальных лесах, пришлось пересматривать, причем самим судьям. Как только трибунал объявил о конфискации захваченных телег и лошадей, против этого поднялся яростный крик; суд подвергся оскорблениям со стороны присутствующих; осужденные открыто заявили, что вернут свои телеги и лошадей силой. На это "судьи удалились в зал заседаний, а когда вскоре вернулись на свои места, та часть их решения, которая касалась конфискации, была отменена".

И все же это отправление правосудия, каким бы нелепым и попираемым оно ни было, остается своего рода барьером. Когда оно падает вместе с правительством, все подвергается разграблению, и нет такого понятия, как общественная собственность. После 10 августа 1792 года каждая коммуна или отдельное лицо присваивает все, что попадает им на пути, будь то продукты или сама земля. Некоторые из грабителей доходят до того, что заявляют, что, поскольку правительство больше не подавляет их, они действуют под его властью.³²⁵⁷ "Они уничтожили даже недавнюю посадку молодых деревьев". "В одной из деревень близ Фонтенбло расчистили и разделили целую рощу. В Рамбуйе с 10 августа до конца октября" убытки составили более 100 000 крон; сельские агитаторы угрозами требуют раздела леса между жителями. "Разрушения огромны" повсюду, они продолжаются целые месяцы и такого рода, говорит министр, что надолго иссякнет этот источник государственного дохода... Общинная собственность уважается не больше, чем национальная. В каждой коммуне эти смелые и нуждающиеся люди, сельское население, имеют привилегию пользоваться ею и извлекать из нее максимальную выгоду. Не довольствуясь этим, они желают получить ее в собственность, и в течение нескольких дней после падения короля Законодательное собрание, потеряв опору во всеобщем разгроме, уполномочивает неимущих ввести в действие аграрный закон. Отныне в любой коммуне достаточно трети жителей обоего пола, слуг, простых рабочих, пастухов, батраков и даже нищих, чтобы потребовать раздела общинных владений. Все, чем владеет коммуна, за исключением общественных зданий и лесов, должно быть разделено на столько равных участков, сколько имеется голов, участки должны быть разыграны, и каждый должен получить в собственность свою часть.³²⁵⁸ Операция выполняется, ибо "те, кто менее всего обеспечен, бесконечно польщены ею". В округе Арсис-сюр-Об не нашлось и дюжины коммун из девяноста, в которых более двух третей избирателей имели бы здравый смысл высказаться против. С этого момента коммуна перестает быть независимым собственником; ей не на что опереться. В случае беды она вынуждена обложить себя дополнительными налогами и получить, если удастся, несколько дополнительных су. Его будущие доходы в настоящее время находятся в туго застегнутых карманах новых собственников. - Распространение недалёковидных взглядов снова объясняется жадностью отдельных

людей. Будь то национальные или общинные интересы, всегда побеждает общественный интерес, и он всегда побеждает под узурпацией неимущих меньшинств, в одно время из-за слабости государственной власти, которая не осмеливается противостоять их насилию, а в другое - из-за соучастия государственной власти, которая наделила их правами большинства.

IV.- Глупость арендаторов.

Третья и четвертая жакерия. Бретань и другие
Бретань и другие провинции в 1790 и 1791 годах.-Пожар замков.
-Уничтожение титулов собственности.-Отказ от претензий.-Разрушение
водохранилища.-Основные характеристики, главный мотив и
главная страсть революции

Когда не хватает общественных сил для защиты государственной собственности, не хватает их и для защиты частной собственности, ибо одна и та же жадность и одни и те же потребности нападают на обе. Пусть человек задолжал что-либо либо государству, либо частному лицу, соблазн не платить одинаково одинаков. В обоих случаях достаточно найти предлог, чтобы отказаться от долга; в поисках этого предлога корыстолюбие арендатора не уступает корыстолюбию налогоплательщика. Теперь, когда феодальная система отменена, пусть от нее ничего не останется: пусть не будет больше сеньориальных претензий". "Если Ассамблея сохранила некоторые из них, вон там, в Париже, то сделала это по ошибке или в результате коррупции: скоро мы услышим, что все они будут подавлены. А пока мы облегчим себе жизнь и сожжем договоры в тех местах, где они хранятся".

Таков аргумент, и жакерия вспыхивает вновь: по правде говоря, она постоянна и универсальна. Как в организме, в котором некоторые элементы жизненной субстанции поражены органическим заболеванием, зло проявляется в тех частях, которые кажутся здоровыми: даже там, где еще нет вспышки, она неминуема; постоянная тревога, глубокое беспокойство, слабая лихорадка указывают на ее присутствие. Здесь должник не платит, а кредитор боится его преследовать. В других местах случаются отдельные извержения. В [Оксоне3259](#), в поместье, которое пощадила великая жакерия в июле 1789 года, лес опустошен, и крестьяне, разъяренные доносом сторожа, идут к замку, в котором живут старик и ребенок; там все жители деревни, мужчины и женщины; они выбивают топорами забаррикадированную дверь и стреляют в соседей, которые приходят на помощь его обитателям.-В других местах, в округах Сент-Этьен и Монбризон, "безнаказанно уносят деревья, принадлежащие владельцам, и сносят стены их участков и террас, угрожая истцам смертью или зрелищем разрушения их жилищ". Под Парижем, в окрестностях Монтаржи, Немура и Фонтенбло, несколько приходов отказываются платить десятину и земельную ренту (champart), которые Ассамблея санкционировала во второй раз; возводятся гиббеты, сборщикам угрожают повешением, а в окрестностях Тоннерре толпа должников

обстреливает полицейских, прибывших для принудительного взыскания. -Неподалеку от Амьена графиню де ла [Мир3260](#) в ее поместье Давенкур посещают муниципальные власти деревни, которые требуют от нее отказаться от права на земельную ренту (champart) и трети (tiers). Она отказывается, они настаивают, и она снова отказывается, когда ей сообщают, что "с ней случится несчастье". В результате двое муниципальных служащих вызывают набат, и вся деревня бросается к оружию. Одному из домочадцев сломали руку, и в течение трех часов графиня и двое ее детей подвергаются грубейшим оскорблениям и ударам: ее заставляют подписать бумагу, которую ей не дают прочитать, и, отражая удар сабли, рассекают руку от локтя до запястья; замок разграблен, и она обязана своим спасением усердию некоторых из слуг. -Большие вспышки происходят одновременно в целых провинциях; одна сменяет другую почти без перерыва, лихорадка охватывает части, которые, как предполагалось, должны были быть излечены, и до такой степени, что вирулентные язвы в конце концов объединяются и образуют одну на всей поверхности социального тела.

К концу декабря 1789 года хроническое брожение в Бретани достигает своего апогея. Воображение, как обычно, выдумало заговор, и, как говорят люди, если они делают нападение, то только для собственной защиты. - Распространяется [сообщение3261](#), что местье де Гойон, близ Ламбаля, собрал в своем замке несколько дворян и шестьсот солдат. Мэр и национальная гвардия Ламбалля немедленно отправляются в путь; они находят там все спокойным, никакой компании, кроме двух-трех друзей, и никакого оружия, кроме нескольких луков... Однако импульс дан, и 15 января великая федерация Понтиви вызывает дикий энтузиазм. Народ пьет, поет и кричит в честь новых декретов перед вооруженными крестьянами, которые не понимают ни французского языка, ни тем более юридических терминов и, возвращаясь домой, спорят друг с другом на бас-бретоне, толкуя закон своеобразным образом. "Декрет Собрания, в их глазах, - это декрет об аресте", а поскольку главные декреты Собрания издаются против дворян, то и декретов об аресте против них столько же. - Через несколько дней после этого, примерно в конце января, в течение всего февраля и вплоть до апреля, исполнение этой теории бурно осуществляется толпами сельских жителей и бродяг вокруг Нанта, Орея, Редона, Динана, Плоермеля, Ренна, Гингама и других деревень. Повсюду, пишет мэр [Нанта3262](#), "деревенские жители верят, что, сжигая дела и договоры, они избавляются от своих долгов; лучшие из них соглашаются с этой верой" или пускают все на самотек; эксцессы огромны, потому что многие удовлетворяют "особую вражду, и все подогреваются вином". -В Бёвре "крестьяне и вассалы поместья, после сожжения документов на право владения, обосновались в замке и угрожают поджечь его, если не будут сданы другие бумаги, которые, как они утверждают, спрятаны там". Недалеко от Редона дотла сгорело аббатство Сен-Совер. Редон находится под угрозой, а Плоэрмель почти осажден. В конце месяца тридцать семь замков подверглись нападению: двадцать пять, в которых сгорели свидетельства о праве собственности, и двенадцать, в которых владельцы были вынуждены подписать отказ от своих прав. Два замка, которые начали гореть, были спасены Национальной гвардией. Буа-о-Вуаер полностью сгорел, а несколько были разграблены. Кроме того, "более пятнадцати фискальных прокуроров, клерков, нотариусов и чиновников сеньориальных судов были разграблены или сожжены", а владельцы укрываются в городах, так как страна стала для них непригодной для жизни.

Вторая опухоль появляется в то же время в другом месте.[3263](#) Она проявилась в Нижнем Лимузене в начале января. Оттуда гнойное воспаление распространяется на Кверси, Верхний Лангедок, Перигор и Руэрге, а в феврале - от Тюля до Монтобана, от Агена до Перигё и Кагора, охватывая три департамента.[3263](#) И в этом случае ожидание, как правило, само создает свой объект. В ожидании закона о подавлении всех притязаний воображается, что он принят, и распространяется информация о том, что "король и Национальное собрание

приказали депутатам установить [майский](#) столб3264 и "зажечь" замки". Кроме того, как всегда в соответствии с существующей практикой, бандиты, люди без профессии, встают во главе разъяренной толпы и устраивают все по-своему. Как только формируется банда, она арестовывает всех мирных людей, которых может найти на дорогах, в полях и в уединенных фермерских домах, и заботится о том, чтобы выставить их вперед на случай ударов. Они возводят уключины для всех, кто платит случайные повинности или ежегодные взносы, а приходы Кверси угрожают своим соседям из Перигора огнем и мечом через неделю, если те не сделают в Перигоре то, что сделали в Кверси.- Звенит набат, бьют барабаны, и "церемония" совершается от коммуны к коммуне. Ключи от церкви насильно отбирают у куратора, сиденья сжигают, а на деревянной отделке часто изображают руки сеньора. Они идут к особняку сеньора, срывают флюгера и заставляют его поставить свое лучшее дерево, перья и ленты, которыми его украшают, не опуская трех мер, которые он использует при сборе податей зерном или мукой. Шест устанавливают на деревенской площади, к его верхушке прикрепляют флюгеры, ленты и перья, а также три меры и надпись: "По приказу короля и Национального собрания, окончательный отказ от всех арендных платежей". Когда это сделано, становится ясно, что сеньор, у которого больше нет ни флюгера, ни места в церкви, ни мер, по которым он мог бы оценивать свои подати, больше не сеньор и не может выдвигать какие-либо требования. Соответственно, раздаются крики и аплодисменты, на площади начинается веселье и оргия. Все, кто может заплатить, - сеньор, куратор и богачи - вносят взносы на праздник, а люди едят и пьют "без всякого промежутка трезвости" - в таком состоянии, вооруженные, они нападают, а при сопротивлении сжигают. В Аженуа сжигают замок, принадлежащий месье де Ламету, и замок месье д'Эгийона; в Верхнем Лангедоке - замок месье де Бурназеля, а в Перигоре - замок месье де Бара:

Месье де Бар почти забит до смерти, а в Кверси убиты еще шесть человек. Несколько замков в окрестностях Монтобана и в Лимузене подверглись нападению с огнестрельным оружием, а несколько были разграблены. Отряды в двенадцать сотен человек заполонили страну; "они злобствуют против всех сословий"; они исправляют обиды; "они вновь рассматривают дела, решенные тридцать лет назад, и выносят решения, которые приводят в исполнение"; если кто-то не соответствует новому кодексу, он подвергается наказанию, и к выгоде новых государей. В Аженуа, когда дворянин выплачивает ренту, связанную с его вотчиной, жители отбирают у него квитанцию, вымогают у него сумму, равную той, что он заплатил, и приходят под его окна, чтобы потратить деньги на веселье, с триумфом и насмешками.

Многие из национальных гвардейцев, еще сохранивших некоторую энергию, несколько муниципалитетов, еще сохранивших любовь к порядку, и несколько дворян, живущих в городе, применяют свое оружие против этих возбужденных стай жестоких узурпаторов. Некоторых из этих грубиянов, взятых на месте преступления, судят по образцу военного трибунала с барабанными головками и немедленно казнят для примера. Все в стране видят, что опасность для общества велика и неотвратима, и что если подобные действия останутся безнаказанными, то во Франции не будет такого понятия, как закон и собственность. Более того, парламент Бордо настаивает на судебном преследовании. Восемьдесят три округа и города подписывают обращения и направляют специальную депутацию в Национальное собрание, чтобы настоять на уже начатых судебных процессах, наказании преступников, находящихся под арестом, и, прежде всего, на сохранении прево.[3265](#) В ответ на это собрание самым грубым образом выражает парламенту Бордо свое неодобрение и приступает к разрушению всех судебных корпораций.[3266](#) После этого исполнение всех решений прево откладывается. Через несколько месяцев Ассамблея обяжет короля объявить, что судебные процессы, начатые против жакерии Бретани, считаются недействительными, а арестованные мятежники должны быть освобождены. В

репрессивных целях он рассылает сентиментальное увещевание французскому народу, состоящее из двенадцати страниц литературной глупости, которую Флориан мог бы сочинить для своих Эстилей и Неморинов.[3267 - Новые](#) пожары, как неизбежное следствие, разгораются вокруг живых углей, которые были несовершенно потушены. В округе [Сент3268](#) месье Дюпати, советник парламента Бордо, исчерпав все свои силы и закончив с изданием судебных приказов против тех своих арендаторов, которые не платили ренту, приход Сен-Тома де Коснак, вместе с пятью или шестью другими, приходит в движение и нападает на два его замка - Буа-Рош и Сен-Жорж-де-Агут; их грабят, а затем поджигают, причем его сын спасается от залпа мушкетных шаров. Таким же образом они посещают Мартина, нотариуса и управляющего; его мебель разграблена, деньги забраны, а "его дочь подвергается самым страшным нападениям". Другой отряд проникает в дом маркиза де Кюмона и заставляет его под страхом сожжения дома дать расписку по всем претензиям, которые он имеет к ним. Во главе этих поджигателей стоят муниципальные чиновники Сен-Тома, за исключением мэра, который скрылся.

Избирательная система, созданная Учредительным собранием, начинает действовать. "Почти повсеместно, - пишет королевский комиссар, - крупные собственники устранены, а должности заняты людьми, строго отвечающими требованиям, предъявляемым к кандидатам. В результате мелкие богачи с яростью досаждают тем, кто владеет большим наследством". Полгода спустя национальные гвардейцы и сельские власти того же департамента в Аужане, Мигроне и Варазе принимают решение больше не платить ни десятины, ни агри, ни шампартов, ни каких-либо пошлин, которые сохраняются. Напрасно департамент отменяет это решение и посылает своих комиссаров, жандармов и служителей закона. Комиссаров прогоняют, а офицеров и жандармов обстреливают; вице-президента округа, который ехал на доклад в департамент, хватают на дороге и заставляют подать в отставку. Семь приходов объединились с Аужаном, десять - с Мигроном; Варайз подал сигнал, и деревни на четыре лье вокруг поднялись; пятнадцать сотен человек, вооруженных ружьями, косами, топорами и вилами, пришли на помощь. Цель - освободить арестованного главного вождя в Варазе, некоего Планша, и наказать мэра Варазы, Латье, которого подозревают в доносе на Планша. Латье жестоко избивают и "заставляют подвергнуться тысяче мучений в течение тридцати часов"; затем они отправляются с ним в Сен-Жан-д'Анжели и требуют освободить Планша. Муниципалитет сначала отказывается, но в конце концов соглашается при условии, что Латье будет отдан в обмен на него. В результате Планш оказывается на свободе, и его встречают криками триумфа. Латье, однако, не отдается; напротив, его мучают в течение часа, а затем расправляются с ним, в то время как директория округа, которая менее покорна, чем муниципалитет, вынуждена бежать. - Симптомы такого рода не могут быть ошибочными, и подобные им существуют в Бретани. Очевидно, что сознание людей постоянно находится в состоянии бунта. Вместо того чтобы разряжать социальный нарыв, он все время наполняется и воспаляется. Он прорывается во второй раз в тех же местах; в 1791 году, как и в 1790-м, жакерия распространяется по всей Бретани, как она распространилась по Лимузену.

Это происходит потому, что решимость крестьянина имеет другую природу, чем у нас, его воля более тверда и упорна. Когда идея овладевает им, она пускает корни в неясном и глубоком убеждении, на которое не действуют ни дискуссии, ни споры; будучи посаженной, она прорастает в соответствии с его понятиями, а не с нашими, и ни законодательный текст, ни судебный вердикт, ни административный протест не могут ни в малейшей степени изменить плоды, которые она приносит. Этот плод, выработанный веками, - ощущение чрезмерного грабежа и, следовательно, потребность в абсолютном освобождении. Слишком много заплатив всем, крестьянин теперь не желает никому ничего платить, и эта

мысль, тщетно подавляемая, всегда воскресает в виде инстинкта. В январе 1791 года³²⁶⁹ в Бретани снова возникают группы, вызванные тем, что владельцы старинных вотчин настаивают на выплате ренты. Сначала объединившиеся приходы отказываются платить управляющим, а затем деревенские национальные гвардейцы входят в замки, чтобы сдерживать владельцев. Как правило, командир национальной гвардии, а иногда и прокурор коммуны, диктуют хозяину поместья отказ от своих претензий; кроме того, они обязывают его подписывать векселя в пользу прихода или различных частных лиц. Это рассматривается ими как компенсация за ущерб; все феодальные повинности отменяются, он должен вернуть все, что получил от них за прошедший год, а поскольку они были поставлены в неудобное положение, он должен возместить им ущерб, "оплатив их время и дорогу". Таковы действия двух главных банд, одна из которых насчитывает пятнадцать сотен человек, вокруг Динана и Сен-Мало; для большей безопасности они сжигают титулы на замки Сен-Туаль, Бессо, Бомануар, Ла-Ривьер, Ла-Беллиер, Шатонеф, Шене, Шозавуар, Турделон и Шалонж; а в качестве кульминации они поджигают Шатонеф как раз перед прибытием регулярных войск. - Вначале в их мозгу, кажется, плавают смутные представления о правовом и социальном порядке; в Сен-Туале, прежде чем взять 2000 ливров у управляющего, они обязывают мэра дать им письменное согласие; в Ивиньяке их вождь, призванный предъявить полномочия, на основании которых он действовал, заявляет, что "он уполномочен общей волей населения страны".³²⁷⁰ - Но когда по истечении месяца они оказываются избитыми регулярными войсками, приходят в ярость от нанесенных и принятых ударов и возбуждаются слабостью муниципальных властей, освобождающих пленных, они становятся бандитами самого худшего сорта. В ночь на 22 февраля на замок Вильфранш, расположенный в трех лье от Малеструа, было совершено нападение. Тридцать два негодяя с закрытыми масками лицами во главе с вождем в национальной форме взламывают дверь. Домочадцы задушены. Хозяина дома, господина де ла Бурдонне, старика, и его жену шестидесяти лет, наполовину убивают ударами и привязывают к кровати, после чего к их ногам прикладывают огонь и греют их (chauffé). В это время тарелки, белье, вещи, драгоценности, две тысячи франков серебром и даже часы, пряжки и кольца - все разграблено, погружено на спины одиннадцати лошадей в конюшне и увезено... Когда речь идет об имуществе, один вид бесчинства провоцирует другой, узкая корысть арендатора дополняется неограниченной жадностью разбойника.

Между тем в юго-западных провинциях те же причины привели к тем же результатам; и к концу осени, когда урожай собран и владельцы требуют своих податей деньгами или продуктами, крестьянин, непоколебимый в своей идее, снова отказывается.³²⁷¹ В его глазах любой закон, который может быть против него, - это закон не Национального собрания, а так называемых сеньоров, которые вымогали или изготовили его; и поэтому он не имеет силы. Департаментские и окружные администраторы могут издавать его сколько угодно: его это не касается, и если представится случай, он знает, как заставить их поумнеть. Деревенские национальные гвардейцы, такие же арендаторы, как и он сам, встают на его сторону и, вместо того чтобы подавлять его, оказывают ему поддержку. Для начала он пересаживает майские столбы в знак освобождения, а в качестве угрозы воздвигает виселицу. - В округе Гурдон, куда были посланы регулярные войска и полиция для их усмирения, сразу же раздается сигнал набата: из всех окрестных волостей прибывает толпа крестьян, насчитывающая четыре или пять тысяч человек, вооруженных косами и ружьями; солдаты в количестве ста человек уходят в церковь, где капитулируют после двадцатичетырехчасовой осады, будучи вынуждены назвать имена владельцев, потребовавших вмешательства в дела округа, а это господа. Эбрей, де Фонтанж и многие другие. Все их дома разрушены сверху донизу, и они спасаются бегством, чтобы не быть повешенными. Замки Репайр и Сальвиат сожжены. По истечении восьми дней Кверси охвачен пламенем, тридцать замков разрушены... Предводитель отряда деревенских национальных гвардейцев Жозеф Линар во

главе деревенской армии проникает в Гурдон, размещается в гостинице-де-Виль, объявляет себя народным защитником против директории округа, пишет в департамент от имени своих "товарищей по оружию" и превозносит свой патриотизм. Тем временем он командует, как завоеватель, открывает тюрьмы и обещает, что если регулярные войска и полиция будут высланы, он и его соратники уйдут в полном порядке. - Однако этот вид бурной власти, созданный путем аккламации для нападения, бессилен для сопротивления. Едва Линард удалился, как дикость вырвалась на свободу. "За головы управляющих назначается цена; их дома опустошаются первыми; все дома состоятельных граждан подвергаются разграблению; то же самое происходит со всеми замками и загородными жилищами, которые демонстрируют хоть какие-то признаки роскоши" - пятнадцать джентльменов, собравшихся вместе в доме м. д'Эскайрака в Кастеле, призывают всех добропорядочных граждан идти на помощь владельцам, которые могут подвергнуться нападению этого жакерия, распространяющегося [повсюду3272](#) ; но в стране слишком мало владельцев, и ни в одном из городов их нет слишком много для их собственной защиты. Месье д'Эскайрак после нескольких стычек, покинутый муниципальными чиновниками своей деревни и раненый, удаляется в дом графа де Кларака, генерал-майора, в Лангедоке. Здесь замок также [окружен3273](#) , блокирован и осажден местной национальной гвардией. Месье де Кларак спускается вниз и пытается вступить в перемирие с атакующими, но его обстреливают. Он возвращается в дом и выбрасывает деньги из окна; деньги собирают, а его снова обстреливают. Замок поджигают, и месье д'Эскайрак получает пять выстрелов и погибает. Месье де Кларак и еще один человек, укрывшись в подземном хранилище, на следующее утро почти бездыханными выходят на улицу, кроме одного, из национальной гвардии окрестностей, которые проводят их в Тулузу, где они содержатся в тюрьме и где прокурор возбуждает против них дело. В это же время разрушается замок Багат, расположенный недалеко от Монтука. На аббатство Эспаньяк, близ Фижака, нападают с огнестрельным оружием; настоятельницу заставляют вернуть все собранные ею ренты и возместить четыре тысячи ливров на расходы по судебному процессу, которые монастырь получил двадцать лет назад.

После таких успехов распространение восстания неизбежно, и в конце нескольких недель и месяцев оно становится постоянным в трех соседних департаментах. В [Крезе3274](#) судьям угрожают смертью, если они прикажут выплатить сеньориальные пошлыны, и та же участь ожидает всех собственников, требующих свою ренту. Во многих местах, особенно в горах, крестьяне, "считая, что они составляют нацию, а церковные владения являются национальными", хотят, чтобы они были разделены между собой, а не проданы. Пятьдесят приходов вокруг Ла-Сутеррен получают подстрекательские письма, приглашающие их прийти с оружием в руках в город, чтобы силой и ценой своей жизни добиться получения всех прав на аренду. Крестьяне в окрестности восьми лье взбудоражены звуками набата и предваряются муниципальными чиновниками в платках; их четыре тысячи, и они тащат за собой повозки, полные оружия: это для пересмотра и восстановления права собственности на землю". - В [Дордони3275](#) самозванные арбитры во время сбора урожая властно вступают между собственником и мелким крестьянином, чтобы помешать собственнику требовать, а крестьянину - платить десятину или [оброк3276](#) ; всякое соглашение с этой целью запрещено; тот, кто нарушит новый порядок вещей, собственник или крестьянин, будет повешен. Соответственно, сельское ополчение в округах Бержерак, Эксидей, Риберак, Мусидан, Монтиньяк и Перигё, возглавляемое муниципальными чиновниками, ходит от коммуны к коммуне, чтобы заставить владельцев подписать акт о выходе; и эти визиты "всегда сопровождаются грабежами, бесчинствами и жестоким обращением, от которых нет иного выхода, кроме абсолютного подчинения". Более того, "они требуют отмены всех видов налогов и раздела земли". "Умеренно богатые собственники" не могут оставаться в стране; со

всех сторон они укрываются в Перигё и там, объединившись в роты, вместе с жандармерией и национальной гвардией города, проникают в кантоны, чтобы восстановить порядок. Но никак не удается убедить крестьянство, что они хотят восстановить именно порядок. С тем упрямством воображения, которое не останавливают никакие препятствия и которое, подобно энергичному источнику, всегда находит выход, народ заявляет, что "жандармы и национальная гвардия", пришедшие их сдерживать, - это переодетые священники и господа". Новые теории, кроме того, поразили до глубины души; и нет ничего проще, чем вывести из них отмену долгов и даже аграрного закона. В Рибераке, куда вторглись жители соседних волостей, деревенский портной, вынув из кармана катехизис Конституции, спорит с прокурором-синдиком и доказывает ему, что повстанцы лишь осуществляют права человека. В книге, во-первых, говорится, "что французы - равные и братья, и что они должны оказывать друг другу помощь", и что "хозяева должны делиться со своими товарищами, особенно в этом году, который является скудным". В следующем месте написано, что "все имущество принадлежит нации", и это причина, по которой "она забрала имущество Церкви". Итак, все французы составляют нацию, и вывод очевиден. Поскольку, по мнению портного, имущество отдельных французов принадлежит всем французам, он, портной, имеет право по крайней мере на ту долю, которая принадлежит ему самому. - По этой дороге вниз можно ехать быстро и далеко, ибо каждая толпа считает, что это означает немедленное наслаждение, причем наслаждение в соответствии с ее собственными представлениями. Здесь не заботятся ни о ближних, ни о последствиях, даже если они неизбежны, и в двадцати местах конфискованное имущество погибает в руках узурпаторов.

Это добровольное уничтожение собственности можно лучше всего наблюдать в третьем департаменте, [Коррезе](#)³²⁷⁷. Здесь крестьяне не только отказываются платить арендную плату с самого начала революции; не только "устанавливают столбы, снабженные железными крюками, чтобы повесить первого, кто осмелится потребовать или заплатить ее"; не только совершаются всякого рода насильственные действия "целыми коммунами", "в них участвуют национальные гвардейцы мелких коммун;" не только преступники, которых приказано арестовать, остаются на свободе, в то время как "не говорится ни о чем, кроме как о повешении констеблей, которые вручают судебные приказы", но, кроме того, вместе с правом собственности на водные источники, ниспровергается власть сбора, направления и распределения воды, и в стране с крутыми склонами можно представить себе последствия такой операции. В трех лигах от Тюля, образуя полукруг, пруд глубиной в двадцать футов и площадью в триста акров был окружен широкой насыпью со стороны очень глубокого ущелья, которое было полностью застроено домами, мельницами и сельскохозяйственными угодьями. 17 апреля 1791 года отряд из пятисот вооруженных людей, собранных по сигналу барабана из трех окрестных деревень, отправился разрушать дамбу. Владельцу, месье де Седьеру, заместителю депутата Национального собрания, сообщили об этом только в одиннадцать часов вечера. Сев на лошадь, вместе с гостями и прислугой, он бросается на обезумевших несчастных и с помощью пистолетных и ружейных выстрелов разгоняет их. Время пришло, так как траншея, которую они вырыли, была уже глубиной в восемь футов, и вода почти сравнялась с ней: еще полчаса - и страшная масса воды вылилась бы на жителей ущелья. Но такие энергичные удары, редкие и почти никогда не приносящие успеха, не защищают от всеобщих и непрерывных атак. Регулярные войска и жандармерия, которые находятся на пути реорганизации или расформирования, не заслуживают доверия или слишком слабы. В Крезе насчитывается не более тридцати кавалерийских частей, в Коррезе - столько же. Национальные гвардейцы городов сбиваются с ног экспедициями в деревню, и нет денег, чтобы обеспечить им смену кварталов. И наконец, поскольку выборы находятся в

руках народа, это приводит к власти людей, склонных терпеть народные эксцессы. В Тулле избиратели второго класса, почти все выбранные из числа земледельцев и, кроме того, прошедшие катехизацию в клубе, выдвигают в депутаты и прокуроры только тех кандидатов, которые выступают против арендной платы и против водных привилегий. Эта операция продолжается без сопротивления на огромном пруду, в полутора лигах от города, и длится целую неделю; в других местах при появлении стражи или жандармерии по ним открывают огонь. К концу сентября все набережные в департаменте разрушаются: на месте прудов остаются лишь топкие болота; мельничные колеса больше не вращаются, поля не поливаются. Но те, кто их разрушает, уносят корзины, полные рыбы, и почва прудов снова становится коммунальной... Ими движет не ненависть, а инстинкт приобретения: все эти яростные протянутые руки, которые жестко сопротивляются закону, направлены против собственности, но не против владельца; они скорее жадны, чем враждебны. Один из дворян [Корреза3278](#), господин де Сен-Виктор, отсутствует уже пять лет. С самого начала революции, несмотря на то, что феодальные пошлыны составляют половину дохода его поместья, он отдал приказ не применять никаких строгих мер для их сбора, и в результате с 1789 года ни одна из них не была собрана. Более того, имея на руках резервный запас пшеницы, он одолжил зерно на сумму в четыре тысячи франков тем своим арендаторам, у которых его не было. Короче говоря, он либерален, а в соседнем городе, в Усселе, он даже выдает себя за якобинца. Несмотря на все это, с ним обращаются так же, как и со всеми остальными. А все потому, что приходы в его владениях - "клубные", управляемые ассоциациями моральных и практических нивелиров; в одном из них "разбойники организовались в муниципальный орган" и выбрали своего лидера прокурором-синдиком. В результате 22 августа восемьдесят вооруженных крестьян открыли плотину его большого пруда, рискуя затопить соседнюю деревню, жители которой пришли и закрыли ее. В течение двух последующих недель были разрушены еще пять принадлежащих ему прудов; рыба на сумму от четырех до пяти тысяч франков была украдена, а остальная погибла в сорняках. Чтобы сделать эту экспроприацию окончательной, предпринимаются попытки сжечь его документы на право собственности; его замок, дважды подвергшийся ночному нападению, спасается только благодаря национальной гвардии Усселя. Его крестьяне и прислуга пока колеблются, стоит ли обрабатывать землю, и приходят спрашивать управляющего, можно ли им сеять семена. Обращение к властям невозможно: управляющие и судьи, даже когда речь идет об их собственной собственности, "не смеют открыто проявлять себя", потому что "не находят себя защищенными щитом закона". "Народная воля, преодолевающая и старый, и новый закон, упорно продолжает свое дело и насильственно добивается своего. Таким образом, какими бы грандиозными терминами свободы, равенства и братства ни прикрывалась Революция, по своей сути она является передачей собственности; только в этом ее главная опора, ее непреходящая энергия, ее основной импульс и ее историческое значение.- Ранее, в древности, подобные движения были осуществлены, долги были отменены или уменьшены, имущество богатых было конфисковано, а общественные земли разделены; но эта операция была ограничена городом и небольшой территорией. Впервые это происходит в больших масштабах и в современном государстве. До сих пор в этих огромных государствах, когда нарушались глубинные основы, это всегда происходило из-за иностранного господства или из-за угнетения совести. Во Франции в пятнадцатом веке, в Голландии в шестнадцатом и в Англии в семнадцатом крестьяне, механики и рабочие брались за оружие против врага или во имя своей веры. На смену религиозному или патристическому рвению пришло стремление к процветанию и комфорту, и этот новый мотив столь же силен, как и другие; ведь в нашем индустриальном, демократическом и утилитарном обществе именно он управляет почти всеми жизнями и возбуждает почти все усилия. Сдерживаемая веками, эта страсть восстанавливается, сбросив правительство и

привилегии, два огромных груза, которые тяготили ее. В настоящее время эта страсть со всей силой, с жестоким бесчувствием бросается на все виды собственности, законной и легитимной, будь то государственная или частная. Препятствия, которые он встречает, делают его только более разрушительным, за пределами собственности он нападает на собственников и завершает грабеж запретами.

3201 (возвращение)

[Выражение Жана Бон Сент-Андре, адресованное Матье Дюма, посланному для восстановления спокойствия в Монтобана (1790): "День возмездия, которого мы ждали сто лет, настал!"].

3202 (возвращение)

[De Dampmartin, I. 187 (очевидец)].

3203 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 3223 и 3216. Письма М. де Бузольса, генерал-майора, проживающего в Монпелье, от 21, 25, 28 мая 1790 г.].

3204 (возврат)

[Мэри Лафон, "Histoire d'une Ville Protestante" (с оригинальными документами, полученными из архивов Монтобана)].

3205 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 2216. Протокол муниципалитета Нима и доклад аббата де Бельмона.- Доклад административных комиссаров, 28 июня 1790 г.- Петиция католиков, 20 апреля.- Письма муниципалитета, комиссаров и мсье де Наузеля о событиях 2 и 3 мая.- Письмо мсье Рабо Сент-Этьенну о событиях 2 и 3 мая. Рабо Сент-Этьенн, 12 мая - Петиция вдовы Газ, 30 июля.- Доклад (печатный) М. Алкье, 19 февраля 1791 г.- Мемуары (печатные) о резне католиков в Ниме, написанные Фроманом (1790).- Новый адрес муниципалитета Нима, представленный М. де Маргаритой, мэром и депутатом (1790), печатный. Меркюр де Франс, 23 февраля 1791 г.].

3206 (возврат)

[Петицию подписали 3 127 человек, кроме 1560, которые поставили крестик, заявив, что не умеют писать. Встречную петицию клуба подписали 262 человека].

3207 (возврат)

[Этот последний пункт, указанный в отчете мсье Алькье, отрицается муниципалитетом. По его словам, у красных розеток, собравшихся вокруг епископских покоев, не было оружия].

3208 (возврат)

[Восстание в XVI веке, когда протестанты открыли огонь по католикам в день святого Михаила.-320TR].

3209 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3216. Письмо М. де Леспена, майора в Ниме, коменданту Прованса М. де Перигору, 27 июля 1790 года: "Интриги и заговоры, которые приписывались побежденной стороне и которые, как считалось, будут обнаружены в показаниях четырехсот человек, находящихся в тюрьме, исчезают по мере продвижения процесса. Настоящих преступников можно найти среди доносчиков"].

3210 (возврат)

[Buchez and Roux, III. 240 (Меморандум министров от 28 октября 1789 г.) - "Archives Nationales", D, XXIX. 3. Обсуждение в муниципальном совете Вернона (4 ноября 1789 г.)]

3211 (возврат)

["Archives Nationales", KK, 1105. Переписка М. де Тиара, 4 ноября 1789 г. - См. аналогичные случаи, 4 сентября, 23 октября, 4 и 19 ноября 1789 г., 27 января и 27 марта 1790 г.].

3212 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3257. Письмо из Гекса, 29 мая 1790 г. - Buchez and Roux, VII. 198, 369 (сентябрь, октябрь 1790 г.)].

3213 (возврат)

["Archives Nationales", H. 1453. Переписка М. де Бершини, коменданта четырех центральных провинций. Письма от 25 мая, 11, 19 и 27 июня 1790 г. - "Archives Nationales", D. XXIX. 4. Заседания окружных администраторов Бурбон-Ланси, 26 мая].

3214 (возврат)

["Archives Nationales", H. 2453. Протокол собрания дюжины приходов в Ниверне, 4 июня. "Белый хлеб должен стоить 2 су, а коричневый - 11/2 су. Мужики должны получать 30 су, жнецы - 10 су, колесники - 10 су, судебные приставы - 6 су за лигу. Масло должно стоить 8 су, мясо - 5 су, свинина - 8 су, масло - 8 су за пинту, квадратный фут каменной кладки - 40 су, пара больших сабель - 3 су. Все права на пастбища и леса должны быть отменены. Дороги должны быть везде бесплатными, как и прежде. Все сеньориальные ренты должны быть отменены. Мельники будут брать только одну тридцать вторую часть бушеля. Сеньоры нашего департамента должны отказаться от всех подневольных отпусков и незаконно приобретенного имущества. Куратор Бьезе должен просто читать мессу в девять часов утра и вечерню в два часа дня, летом и зимой; он должен жениться и хоронить безвозмездно, а мы должны платить ему жалованье. За мессы ему полагается 6 су, и он не должен покидать

своего куратора, кроме как для повторения бревиария и надлежащего обращения к мужчинам и женщинам своего прихода. Шляпы должны стоить от 3 ливров до 30 су. Гвозди - 3 ливра за штуку. Кураторы должны иметь в качестве прислуги только осмотрительных женщин от пятидесяти лет. Куре не должен ходить ни на ярмарки, ни на рынки. Все куре должны быть на том же уровне, что и куре в Бьезе. Не должно быть больше оптовых торговцев пшеницей. Служители закона, производящие несправедливые конфискации, должны возвращать деньги. Срок аренды ферм должен истекать в день святого Мартина. Месье ле Граф, хотя его и нет на месте, месье де Тонтенель и месье де Комендант должны без труда подписать этот документ. Месье де Минго должен официально письменно отказаться от своего места: он уехал со своей служанкой и даже пропустил мессу в первую пятницу Праздника, и предполагается, что он ночевал в лесу. Заработная плата столяров должна быть установлена в том же размере, что и у колесных мастеров. Ремни для волов не должны стоить более 40 су, а коромысла - 10 су. Хозяева должны платить половину талей. Нотариусы, как и контролеры, должны брать только половину того, что они имели раньше. Коммуна заявляет право протеста против всего, что она могла забыть в настоящей статье, фактически или юридически". (Подписано около двадцати человек, среди которых несколько мэров и муниципальных клерков)].

3215 (возврат)

["Archives Nationales", Н. 1453. Та же переписка, 29 мая, 11 и 17 июня, 15 сентября 1790 г. - ibid, F7, 3257. Письмо муниципальных властей Марсиньи от 3 мая; муниципальных чиновников Бурбон-Ланси от 5 июня. Выписка из писем, написанных М. Амело, 1 июня].

3216 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3185, 3186. Письмо председателя трибунала округа Лаон, 8 февраля 1792 г.].

3217 (возврат)

["Archives Nationales" F7, 3268. Протокол и замечания двух комиссаров, отправленных в Этамп 22-25 сентября 1791 г.].

3218 (возврат)

["Archives Nationales F7, 3265. Следующий документ, наряду со многими другими, свидетельствует о целесообразности и представлениях народного воображения. Петиция нескольких жителей коммуны Форж (Сена Инферьер) "доброму и неподкупному министру внутренних дел" (16 октября 1792 г.). После трех хороших урожаев подряд голод все еще продолжается. При древнем режиме пшеница была в избытке; ею кормили свиней, а телят откармливали хлебом. Поэтому несомненно, что пшеницу уводят монополисты и враги нового режима. Фермы слишком велики, пусть их разделят. Слишком много пастбищ: засевайте их пшеницей. Заставьте каждого фермера и землевладельца дать отчет о своем урожае: пусть количество будет опубликовано на церковной службе, а в случае неправды пусть человек будет предан смерти или заключен в тюрьму, а его зерно конфисковано. Обязайте всех окрестных земледельцев продавать свою пшеницу только в Фордже и т. д."].

3219 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268. Отчет комиссаров, посланных департаментом, 11 марта 1792 года (по поводу восстания 4 марта).-Mortimer-Ternaux, I. 381].

3220 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268. Письма нескольких мэров, управляющих округами, земледельцев Велизи, Виллакубле, Ла-Сель-Сен-Клу, Монтиньи и др. 12 ноября 1791 г. - письмо мсье де Нарбонна от 13 января 1792 г.; мсье Суро, мирового судьи кантона Этамп, 17 сентября 1791 г. - письмо Брюйер-ле-Шатель от 28 января 1792 г.].

3221 (возвращение)

[Термин, применяемый в эту эпоху к разбойникам, которые требуют деньги и ценные вещи и заставляют их отдать, подвергая подошвы ног своих жертв огню.- 32TR].

3222 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3203. Письмо Директории Шера, 25 августа 1791 г. -F7, 3240. Письмо Директории Верхней Марны, 6 ноября 1791 г. -F7, 3248. Протокол собрания членов департамента Норд, 18 марта 1791 г. -F7, 3250. Протокол заседания муниципальных чиновников Монтрей-сюр-Мер, 16 октября 1791 г. -F7, 3265. Письмо Директории Сены Инферьер, 22 июля 1791 г.-D, XXIX. 4. Петиции муниципалитетов, собравшихся в Тостесе, 21 июля 1791 г. Петиция муниципальных чиновников округов Дьепп, Кань и Кодебек, 22 июля 1791 г.].

3223 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269, passim].

3224 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269, passim. Дебаты Директории Сены-и-Уазы, 20 сентября 1791 г. (по поводу восстания 16 сентября в Этампе).- Письмо Шарпантье, президента округа, 19 сентября.- Доклад комиссаров департамента, 11 марта 1792 г. (о восстании в Брюнуа, 4 марта).-Доклад комиссаров департамента, 4 марта 1792 г. (о восстании в Монльери, 13-20 февраля).-Делиберация Директории Сены-и-Уазы, 16 сентября 1791 г. (о восстании в Корбейле).-Письма мэров Лимура, Лонжюмо и т.д.].

3225 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269, passim.- Протокол заседания муниципалитета Монльери, 28 февраля 1792 г.: "Мы не можем вдаваться в более подробные детали, не подвергая себя крайностям, которые были бы для нас губительны".- Письмо мирового судьи кантона, 25 февраля: "Общественный резонанс учит меня, что если я выдам ордера на арест тех, кто расправился с Тибо, народ восстанет"].

3226 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269, *passim*. Отчеты жандармерии от 24 февраля 1792 года и за последующие дни: письмо сержанта из Лимура от 2 марта; управляющего фермой Плесси-ле-Конт от 23 февраля].

3227 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269, *passim*. - Меморандум гражданам Рамбуйе в Национальное собрание, 17 сентября 1792 г.].

3228 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7 3268 и 3269, *passim*. Протокол заседания муниципалитета Монльери, 27 февраля 1792 г. - Buchez and Roux, XIII. 421, (март 1792 г.); и XIII., 317.-Меркюр де Франс, 25 февраля 1792 г. (Письма мсье Доши, председателя Директории департамента; мсье де Гуи, посланника министра, и т. д.) - Moniteur, заседание 15 февраля 1792 г.].

3229 ([возврат](#))

[Декрет от 3 сентября 1792 г.].

3230 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3268 и 3269. Петиция граждан Монфор-л'Амори, Сен-Леже, Грос-Рувре, Гелена, Лакея и Мере к гражданам Рамбуйе].

3231 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3230. Письмо администратора Вандомского округа с изложением мнения Вандомской коммуны, 24 ноября 1792 г.].

3232 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3255. Письмо администраторов департамента Сена-Инферьер, 23 октября 1792 г. - Письма Специального комитета Руана, 22 и 23 октября 1792 г.: "Чем больше стимулируется рвение и патриотизм земледельцев, тем больше они стремятся избегать рыночных площадей, которые всегда находятся в состоянии абсолютной нищеты"].

3233 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3265. Письмо Давида, земледельца, 20 октября 1792 г. - Письмо администраторов департаментов, 13 октября 1792 г. и т. д. - Письмо (напечатанное) министра конвенту, 4 ноября. - Прокламация Временного исполнительного совета, 31 октября 1792 г. (Сетьер зерна в двести сорок фунтов продается по 60 франков на юге и по половине этой суммы на севере)].

3234 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3255. Письма Боннемана от 11 сентября 1792 г.; Лаусселя от 22 сентября 1792 г.].

3235 (возврат)

["Archives Nationales", H, 1453. Корреспонденция М. де Бершани от 28 июля, 24 и 26 октября 1790 г. - Такое же положение продолжалось. После трех дней июля 1830 года в Иссудуне произошло восстание против объединенных пошлин. Семь или восемь тысяч виноделов сожгли архивы и налоговые инспекции и протащили по улицам одного служащего, крича у каждого фонаря: "Пусть его повесят!". Генерал, посланный для подавления вспышки, вошел в город только через капитуляцию; как только он достиг отеля де Виль, один из жителей Фобур-де-Рим надел ему на шею свой секатор, воскликнув: "Больше никаких клерков там, где нечего делать!"].

3236 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3203. Письмо Директории Шера от 9 апреля 1790 г. - Там же, F7, 3255. Письмо от 4 августа 1790 года. Вердикт президиума, 4 ноября 1790 г. Письмо муниципалитета Сент-Этьена, 5 августа 1790 г.].

3237 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3248. Письмо мсье Сенака де Мельхана, 10 апреля 1790 г. - Письмо великих баев, 30 июня 1790 г.].

3238 (возвращение)

[Buche and Roux, VI. 403. Доклад Шабруда о восстании в Лионе, 9 и 10 июля 1790 г. - Дюверже, "Собрание декретов". Декреты от 4 и 15 августа 1790 г.].

3239 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3255. Письмо министра от 2 июля 1790 г. директории Роны-и-Луары. "Королю докладывают, что во всем вашем департаменте, особенно в округах Сент-Этьен и Монбризон, свобода действий доведена до крайности; что судьи не осмеливаются возбуждать дела; что во многих местах во главе беспорядков стоят муниципальные чиновники; а в других Национальная гвардия не подчиняется реквизициям." - Письмо от 5 сентября 1790 года. "В бургере Тейи разбойники вторглись на различные хлопкопрядильные предприятия, частично разрушили их и, разграбив, продали товар с публичного аукциона"].

3240 (возврат)

["Buche and Roux", VI. 345. Доклад М. Мюге, 1 июля 1790 г.].

3241 (обратно)

[Протоколы заседания Национального собрания. (Заседание от 24 октября 1789 г.) - Декрет

от 27 сентября 1789 г., применяемый с 1 октября. Есть и другие послабления, действующие с 1 января 1790 года].

3242 (возврат)

["Меркюр де Франс", 27 февраля 1790 года. (Меморандум Гарда де Ссо от 16 января.) - Замечания М. Неккера по докладу Финансового комитета, представленному на заседании 12 марта 1790 г.].

3243 (возврат)

["Archives Nationales", Н, 1453. Корреспонденция М. де Бершини, 24 апреля, 4 и 6 мая 1790 г: "Следует опасаться, что налог на табак разделит судьбу налога на соль"].

3244 (возврат)

["Меркюр де Франс", 31 июля 1790 г. (заседание от 10 июля.) М. Ламбер, генеральный контролер финансов, сообщает Собранию о "препятствиях, которые постоянные вспышки, разбойничьи нападения и максимы анархической свободы налагают, от одного конца Франции до другого, на сбор налогов. С одной стороны, народ заставляют верить, что если он упорно отказывается от налога, противоречащего его правам, то его отмена будет обеспечена. В других местах контрабанда ведется открыто, с применением силы; народ одобряет это, а национальные гвардейцы отказываются действовать против нации. В других местах возбуждается ненависть, возникают разногласия между войсками и надсмотрщиками в платных палатах: последних убивают, бюро грабят, а тюрьмы заставляют открывать" - Меморандум М. Неккера Национальному собранию, 21 июля 1790 г.].

3245 (возвращение)

[Декреты от 21 и 22 марта 1790 г., вступившие в силу 21 апреля после этого. Декреты от 19 февраля и 2 марта 1791 г., вступившие в силу 1 мая после этого].

3246 (возврат)

[De Goncourt, "La Société Française pendant la Révolution", 204.- Maxime Du Camp, "Paris, sa vie et ses organes", VI. 11.]

3247 (возврат)

["Свод доходов и расходов на 1 мая 1789 г." - Меморандум М. Неккера, 21 июля 1790 г. - Меморандум, представленный М. де Монтескью, 9 сентября 1791 г. - Сводные отчеты министра Клавьера, 5 октября 1792 г., 1 февраля 1792 г. - Отчет Камбона, февраль 1793 г.].

3248 (возврат)

[Boivin-Champeaux, 231.]

3249 (обратно)

["Меркюр де Франс", 28 мая 1791 года. (Заседание от 22 мая.)- Речь мсье д'Алларда: "Бургундия не выплатила ничего, относящегося к 1790 году"].

3250 (возврат)

["Moniteur", заседание от 1 июня 1790 года. Речь М. Фрето.- Меркюр де Франс. 26 ноября 1791 года. Доклад Лафон-Ладебата].

3251 (возврат)

["Archives Nationales", Н, 2453. Переписка М. де Бершини, 5 июня 1790 г. и т.д.-F7, 3226. Письма Шенантина, культиватора, 7 ноября 1792 г., также прокурора, 6 ноября.-F7, 3269. Протокол заседания муниципалитета Ключьяк, 5 августа 1792 г.-F7, 3202. Письмо министра юстиции Дюпору, 3 января 1792 года. "Полное отсутствие общественной силы в округе Монтаржи делает невозможным любую деятельность правительства и исполнение законов. Задолженность по налогам, подлежащим сбору, здесь весьма значительна, а все меры принуждения опасны и невыполнимы из-за страха судебных приставов, которые не осмеливаются исполнять свои обязанности, и насилия налогоплательщиков, на которых нет никакой управы"].

3252 (возврат)

["Доклад Комитета по финансам", Рамель, 19-й Флореаль, год II (Учредительное собрание установило реальный налог на дом в размере одной шестой от его арендной стоимости)].

3253 (возврат)

["Меркюр де Франс", 12 декабря 1789 г. - "Archives Nationales", F7, 3268. Меморандум офицеров, командующих отрядом Парижской национальной гвардии, размещенным в Конфлан-Сент-Онорин (апрель 1790 г.). Свидетельство муниципальных чиновников Пуасси, 31 марта].

3254 (возврат)

["Mercure de France", 12 и 26 марта 1791 г. - "Archives Nationales", Н, 1453. Письмо лейтенанта полиции Блуа, 22 апреля 1790 г. - "Меркюр де Франс", 24 июля 1790 г. Двое из убийц воскликнули тем, кто пытался спасти одного из сторожей: "В Париже хорошо делают виселицы! Ах, вы аристократы! О нас будут говорить в парижских газетах". (Показания свидетелей.)- Декреты и прокламации об охране лесов, 3 ноября и 11 декабря 1789 г. - Еще один в октябре 1790 г. - Еще один 29 июня 1791 г.].

3255 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3219. Письмо бая де Вирье, 26 января 1792 г.].

3256 (возврат)

["Меркюр де Франс", 3 декабря 1791 года. (Письмо из Саррелуи, 15 ноября 1791 г.)-"Archives Nationales", F7, 3223. Письмо муниципальных чиновников Монтаржи. 8 января 1792 г.].

3257 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3268. Письмо зрителя национальных доменов в Рамбуйе, 31 октября 1792 г. Доклад министра Клавьера, 1 февр. 1793.]

3258 (возврат)

[Декреты от 14 августа 1792 г., 10 июня 1793 г. - "Archives Nationales", Missions des Représentants, D, § 7. (Делиберация округа Труа, 2 Вентоза, ан. III.) - В Тюнелье розыгрыш состоялся 10 фруктидора II года и был проведен заново в пользу слуги Билли, влиятельного муниципального чиновника, который "был душой своих коллег". Сводка операций в округе Арсис-сюр-Об, 30 плювиоза, год III. "Две трети коммун владеют подобной собственностью. Большинство из них проголосовало за раздел и осуществило его, или уже занимается им"].

3259 (возврат)

["Меркюр де Франс", 7 января 1790 года. (Замок Оксон в Верхнем Саоне.) - "Archives Nationales", F7, 3255. (Письмо министра директории Роны-и-Луары от 2 июля 1790 г.)-"Меркюр де Франс", 17 июля 1790 г. (Доклад М. де Брольи, 13 июля, и декрет от 13-18 июля.)-"Archives Nationales", H, 1453. (Корреспонденция М. де Бершини, 21 июля 1790 г.)].

3260 (возврат)

["Меркюр де Франс", 19 марта 1790 года. Письмо из Амьена, 28 февраля. (Малле дю Пан публикует в "Меркюр" только те письма, которые подписаны и являются подлинными)].

3261 (возврат)

["Archives Nationales", KK, 1105. (Корреспонденция мсье де Тиара; письма шевалье де Беви от 26 декабря 1789 г. и другие по 5 апреля 1790 г.)-Moniteur, заседание от 9 февраля 1790 г.-Mercure de France, 6 февраля и 6 марта 1790 г. (список замков)].

3262 (возврат)

["Archives Nationales", KK, 1105. (Переписка М. де Тиара.) Письма мэра Нанта от 16 февраля 1790 г., мэрии Редона от 19 февраля и т.д.].

3263 (возврат)

["Меркюр де Франс", 6 и 27 февраля 1790 года. (Речь мсье де Фуко, заседания 2 и 5 февраля) - Moniteur (те же даты). (Доклад Грегуара, 9 февраля; речи гг. Салле де Шо и де Ноайль, 9 февраля.)- Меморандум депутатов города Тюль, составленный аббатом Морелле (на основе обсуждений и обращений восьмидесяти трех округов и городов провинции)].

3264 (возвращение)

[Имеется в виду феодальный обычай уплаты сеньориальных пошлин первого мая вокруг майского столба. См. далее. 32TR]

3265 (возврат)

[Уголовные суды без апелляции.- 32TR].

3266 (возврат)

["Moniteur", заседание от 4 марта 1790 г. - "Дюверже", декреты от 6 марта 1790 г. и 6-10 августа 1790 г.].

3267 (возврат)

[Обращение датировано 11 февраля 1793 года. Одного этого необычайно комичного документа хватило бы, чтобы сделать историю Революции совершенно понятной].

3268 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 3203. (Письма королевского комиссара от 30 апреля и 9 мая 1790 г.)-Письмо герцога де Майе от 6 мая.-Доклад администраторов департамента от 12 ноября 1790 г.-Moniteur VI. 515.]

3269 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3225. Письмо Директории из Иль-и-Вилен, 30 января 1791 г., и письмо из Динана, 29 января - Mercure de France, 2 и 16 апреля 1791 г. Письма из Ренна, 20 марта; из Редона, 12 марта].

3270 (возвращение)

[Так сказано в протоколе заседания.]

3271 (обратно)

["Moniteur", заседание от 15 декабря 1790 года. (Обращение департамента Лот, 7 декабря.)-Заседание от 20 декабря (Речь мсье де Фуко.)-Меркюр де Франс, 18 декабря 1790 года. (Письмо из Бельве, в Перигоре, 7 декабря.)-Там же, 22, 29 января 1791 года. (Письмо от М. де Кларака, 18 января.)].

3272 (возвращение)

[17 декабря 1790 г.].

3273 (возврат)

[7 января 1791 г.].

3274 (возврат)

[Революционные архивы департамента Крез, составленные Дювалем. (Письмо администраторов департамента от 31 марта 1791 г.) - "Archives Nationales", F7, 3209. (Дебаты Директории департамента, 12 мая 1791 г. - Протоколы заседания муниципалитета Ла-Сутеррен, 23 августа 1791 г.)].

3275 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3269.- Приказ директории округа Риберак, 5 августа 1791 г., и реквизиции прокурора департамента, 24 августа и 11 сентября.- Письмо уполномоченного короля, 22 августа].

3276 (возврат)

[Разновидность экспортной пошлины.- 32TR.]

3277 (обратно)

["Archives Nationales", P7, 3204.- Письмо Директории департамента, 2 июня 1791 г.; 8 и 22 сентября.- Письмо министра юстиции, 15 мая 1791 г.- Письмо М. де Лентильяка, 2 сентября.- Письмо М. Мелон-Падона, королевского комиссара, сентябрь.- Меркюр де Франс, 14 мая 1791 г. (Письмо очевидца, М. де Лояка, 25 апреля 1791 г.)].

3278 (возврат)

["Archives Nationales", F7. 3204. Письма М. де Сен-Виктора от 25 сентября, 2 и 10 октября 1791 г. Письмо управляющего его имением от 18 сентября].

ГЛАВА III. Развитие правящей страсти.

I.- Отношение дворян. Их умеренное сопротивление.

Если народные страсти заканчивались убийством, то это происходило не потому, что сопротивление было сильным или жестоким. Напротив, никогда еще аристократия не переживала лишения с таким терпением и не применяла меньше силы для защиты своих прерогатив или даже собственности. Если говорить точно, то этот класс получает удары, не отвечая на них, а когда берет в руки оружие, то всегда вместе с буржуа и Национальной гвардией, по требованию магистратов, в соответствии с законом и для защиты людей и имущества. Дворяне стараются не быть ни убитыми, ни ограбленными, не более того: в течение почти трех лет они не поднимают никаких политических знамен. В тех городах, где они оказывают наибольшее влияние и где их объявляют бунтовщиками, например, в Менде и Арле, их противодействие сводится к подавлению беспорядков, усмирению простого народа и обеспечению уважения к закону; они замышляют не против нового порядка вещей, а против грубого беспорядка. Мы обеспечили место нашего епископа и установили его преемника без беспорядков и без помощи какой-либо иностранной силы... Мы разогнали членов собора, с которыми нас связывали узы крови и дружбы; мы уволили всех, начиная с епископа и заканчивая детьми из хора. У нас было всего три общины монахов-мендикантов, и все три были подавлены. Мы продали все без исключения национальные владения". Командующий жандармерией, по сути, является старым членом телохранителей, а высшие офицеры Национальной гвардии - джентльмены или члены ордена Сен-Луи. Совершенно очевидно, что если они защищаются от якобинцев, то не восстанут против Национального собрания. В [Арле3302](#), который усмирил свое население, вооружился, закрыл свои ворота и является очагом роялистского заговора, комиссары, посланные королем и Национальным собранием, люди благоразумные и внимательные, после месячного расследования не находят ничего, кроме покорности декретам и рвения к общественному благосостоянию.

"Таковы, - говорят они, - люди, которых оклеветали за то, что они, дорожа Конституцией, испытывают ужас перед фанатизмом, демагогами и анархией". Если бы граждане не восстали в момент опасности, они были бы убиты, как их соседи (из Авиньона). Именно это восстание против преступности оклеветали разбойники". Если их ворота были закрыты, то только потому, что "марсельская национальная гвардия, та самая, которая так плохо вела себя в Комтате, прибыла туда под предлогом сохранения свободы и предотвращения контрреволюции, а на самом деле, чтобы заселить город".

Да здравствует нация! Да здравствует народ! Да здравствует нация! Да здравствует народ!" - вот единственные крики, раздававшиеся на только что прошедших очень спокойных и организованных выборах.

"О привязанности граждан к Конституции уже говорилось... . Повиновение законам, готовность к выполнению общественных пожертвований были отмечены нами среди этих мнимых контрреволюционеров. Те, кто облагается лицензионным налогом, толпами приходили в Отель-де-Виль". Едва "открылось бюро квитанций, как оно заполнилось респектабельными людьми; те же, кто называет себя добрыми патриотами, республиканцами или анархистами, не были заметны по этому случаю; но очень небольшое число из них подало заявление. Остальные удивлены тем, что к ним обращаются за деньгами; они питали совсем другие надежды".

Короче говоря, в течение более чем тридцати месяцев, под непрерывным огнем угроз, бесчинств и грабежей, дворяне, оставшиеся во Франции, не совершают и не предпринимают никаких враждебных действий против преследующего их правительства. Ни один из них, даже мсье де Буйе, не пытается совершить враждебный акт против преследующего их правительства. де Буйе, не пытается осуществить какой-либо реальный план гражданской войны; я нахожу в их рядах лишь одного решительного человека, готового к действию и стремящегося создать одну воинствующую партию против другой воинствующей партии: Он действительно политик и заговорщик; у него есть договоренность с графом д'Артуа; он добивается подписания петиций за свободу короля и церкви; он организует вооруженные компании; он вербует крестьян; он готовит Венде для Лангедока и Прованса; и этот человек - буржуа, Фроман из Нима.³³⁰³ Но в момент действия он находит только три из восемнадцати рот, которые, как он полагает, были зачислены в его отряд, готовых выступить с ним в поход. Остальные остаются в своих кварталах, пока Фроман не оказывается побежденным, их находят там и убивают; оставшиеся в живых, которые бегут в Жалес, находят не крепость, а временное убежище, где им так и не удается превратить свои склонности в решимость.³³⁰⁴ Дворяне тоже, как и другие французы, подверглись длительному давлению монархической централизации. Они больше не образуют единого тела; они утратили инстинкт объединения. Они больше не умеют действовать самостоятельно; они - марионетки администрации, ожидающие импульса из центра, а в центре король, их наследственный генерал, пленник в руках народа, приказывает им смириться и ничего не делать.³³⁰⁵ Более того, как и другие французы, они были воспитаны на философии XVIII века. "Свобода так ценна, - писал герцог де Бриссак,³³⁰⁶ - что ее вполне можно купить некоторыми страданиями; разрушенный феодализм не помешает добрым и истинным людям быть уважаемыми и любимыми"... Они долго пребывают в этой иллюзии и остаются оптимистами. Поскольку они испытывают добрые чувства к народу, они не могут понять, что народ должен испытывать к ним другие чувства; они твердо верят, что беды преходящи. Сразу же после провозглашения Конституции они толпами возвращаются из Испании, Бельгии и Германии; в Труа на много дней не хватает почтовых лошадей, чтобы снабдить возвращающихся эмигрантов.³³⁰⁷ Таким образом, они принимают не только отмену феодализма с гражданским равенством, но и политическое равенство и численный суверенитет.

Некоторое внимание к ним, некоторые внешние знаки уважения, несколько поклонов, по всей вероятности, искренне склонили бы их к демократическим институтам. Они вскоре согласились бы смешаться с толпой, подчиниться общему уровню и жить как частные лица. Если бы с ними обращались как с буржуа или крестьянами, их соседями, если бы уважали их собственность и личность, они могли бы принять новый режим без всякой горечи чувств. То, что ведущие дворяне-эмигранты и часть старого двора ведут интриги в Кобленце или в Турине, вполне естественно, ведь они потеряли все: власть, места, пенсии, sinecures, удовольствия и прочее. Но для дворянства и низшей знати провинций, шевалье Сен-Луи, субалтерн-офицеров и резидентов-собственников потеря незначительна. Закон отменил половину их сеньориальных повинностей; но в силу того же закона их земли больше не обременены десятиной. Народные выборы не обеспечат им мест, но они и не пользовались ими при произволе министров. Для них не имеет значения, что власть, министерская или народная, перешла в другие руки: они не привыкли к ее благосклонности и будут заниматься своими обычными делами - гулять, читать, ходить в гости и общаться - при условии, что они, подобно первому встречному, бакалейщику на углу или слуге на ферме, найдут защиту, безопасность и охрану на общественной дороге и в своих жилищах.³³⁰⁸

II.- Работа народного воображения по отношению к ним.

Мономания подозрительности.- Дворяне не доверяли и относились как к врагам.- Положение дворянина в его домена.- М. де. Бюсси

Народная страсть, к сожалению, - слепая сила, и, за неимением просвещения, позволяет себе руководствоваться призрачными иллюзиями. Воображаемые концепции работают, и работают в соответствии со структурой возбужденного мозга, который их породил:

Что, если Древний режим вернется!

Что, если мы будем вынуждены восстановить собственность духовенства!

Что, если бы нас снова заставили платить налог на соль, акциз, хвост и другие сборы, которые, благодаря закону, мы больше не платим, а также другие налоги и сборы, которые мы не платим, несмотря на закон!

Что, если все дворяне, чьи замки сожжены и которые под острием меча отдали ренту, найдут способ отомстить и вернуть себе прежние привилегии!

Несомненно, они размышляют об этом, договариваются между собой и устраивают заговоры с чужаками; при первой же возможности они обрушатся на нас: мы должны следить за ними, подавлять их и, если понадобится, уничтожать". Этот инстинктивный ход рассуждений преобладал с самого начала и, по мере роста эксцессов, преобладает в гораздо большей степени. Благородный человек - это всегда прошлый, настоящий и будущий кредитор или, по крайней мере, возможный кредитор, а значит, самый страшный и одиозный из врагов. Все его действия подозрительны, даже когда он ничего не делает; что бы он ни делал, это делается для того, чтобы вооружиться.

Месье де Жилье, живущий с женой и сестрой в одной лиге от Рима в [Дофине3309](#), развлекается тем, что сажает деревья и цветы; в нескольких шагах от его дома, в другом домене, месье де Моншорель, старый солдат, и месье Осмон, старый адвокат из Парижа, со своими женами и детьми, проводят часы досуга примерно таким же образом. Месье де Жилье, заказав и получив деревянные водопроводные трубы, сообщает, что это пушки. Его гость, мсье Серван, получает английский дорожный чемодан, который, как говорят, полон пистолетов. Когда месье Осмонд и месье Серван прогуливаются по стране с карандашами и бумагой для рисования, утверждается, что они готовят топографические планы для испанцев и савойцев. Четыре кареты, принадлежащие двум семьям, отправляются в Рим за гостями: вместо четырех их девятнадцать, и они посланы за аристократами, которые приезжают, чтобы спрятаться в подземных ходах. Месье де Сенневиль, украшенный красной лентой (cordon rouge), наносит визит по возвращении из Алжира: украшение становится синим, а его обладатель - граф д'[Артуа3310](#) собственной персоной. Несомненно, назревает заговор, и в пять часов утра восемнадцать коммун (две тысячи вооруженных людей) прибывают к дверям двух домов; крики и угрозы смерти продолжаются восемь часов; ружье, выпущенное

в нескольких шагах от подозреваемых, дает осечку; крестьянин, целившийся в них, говорит своему соседу: "Дай мне приличное ружье, и я всажу им оба яйца в туловище!" Наконец, месье де Жилье, который отсутствовал, принимая крещение, возвращается с королевскими кавалеристами Дофине и национальной гвардией Романа и с их помощью доставляет свою семью. -Только в городах, то есть в нескольких городах и на очень короткое время, незащищенный дворянин, подвергшийся нападению, получает какую-либо помощь; фантомы, которые люди создают себе там, менее грубы; определенная степень просвещенности и остатки здравого смысла препятствуют вынашиванию слишком абсурдных историй; но в темных глубинах деревенского мозга ничто не может остановить мономанию подозрительности. Причуды размножаются там, как сорняки в темной норе: они пускают корни и растут, пока не превращаются в веру, убежденность и уверенность; они приносят плоды вражды и ненависти, убийственных и поджигательских идей. Постоянно глядя на замок, деревня рассматривает его как Бастилию, которую необходимо захватить, и, вместо того чтобы отдать честь хозяину поместья, думает только о том, чтобы выстрелить в него.

Рассмотрим одну из таких историй в деталях.³³¹¹ В июле 1789 года, во время жакерии в Масонне, приход Вилье обратился за помощью к своему господину, месье де Бюсси, бывшему полковнику драгун. Он вернулся домой, угостил жителей своей деревни ужином и попытался сформировать из них гвардию для защиты от поджигателей и разбойников; вместе с благожелательно настроенными жителями "он патрулировал каждый вечер, чтобы восстановить спокойствие в приходе". Когда распространился слух, что "колодцы отравлены", он поставил часовых у всех колодцев, кроме своего собственного, "чтобы доказать, что он действует в интересах прихода, а не для себя". Короче говоря, он сделал все возможное, чтобы примирить жителей деревни и заинтересовать их в общей безопасности. Но в силу того, что он дворянин и офицер, ему не доверяют, и именно Перрона, синдика коммуны, теперь слушают в коммуне. Перрон объявляет, что король, "отрекшись от своего клятвенного слова", больше не доверяет ни ему, ни, следовательно, его офицерам, ни дворянам. Когда месье де Бюсси предлагает национальным гвардейцам отправиться на помощь замку Тиль, охваченному пламенем, Перрон препятствует этому, заявляя, что "эти пожары разжигают дворяне и духовенство". Месье де Бюсси настаивает и уговаривает их ехать, предлагая отказаться от "своего терьера", то есть от всех своих сеньориальных пошлин, если они только будут сопровождать его и остановят это разрушение. Они отказываются это сделать. Он упорствует и, получив известие о том, что замку Жульенас угрожает опасность, после больших усилий собирает сто пятьдесят человек из своего прихода и, выступив с ними в поход, прибывает вовремя, чтобы спасти замок, который толпа собиралась поджечь. Но народное волнение, которое ему только что удалось успокоить в Жульенасе, одержало верх среди его собственного войска: разбойники соблазнили его людей, "что вынудило его вести их назад, в то время как по дороге они, кажется, были склонны стрелять в него"; вернувшись, он подвергается угрозам даже в своем собственном доме: группа нападает на его замок; найдя его в обороне, они настаивают, чтобы их привели в замок Курсель. -Среди всего этого насилия господину де Бюсси, с пятнадцатью друзьями и арендаторами, удается защитить себя и, благодаря терпению, энергии и хладнокровию, не убив и не ранив ни одного человека, восстановить безопасность во всем кантоне. Жакерия утихает, и кажется, что вновь восстановленный порядок будет сохранен. Он посылает за мадам де Бюсси, чтобы она вернулась, и проходит несколько месяцев... Однако народное воображение отравлено, и что бы ни делал дворянин, его больше не терпят в его поместье. В нескольких лье от него, 29 апреля 1790 года, мсье де Буа-д'Айси, депутат Национального собрания, вернулся в свой приход, чтобы принять участие в новых выборах.³³¹² "Едва он прибыл", как коммуна Буа-д'Айси через своего мэра уведомляет его, "что не будет считать его имеющим право голоса". Он посещает избирательное собрание, которое проходит в церкви;

муниципальный чиновник с кафедры разглагольствует против дворян и священников и заявляет, что они не должны принимать участие в выборах. Все взоры обращены на месье де Буад'Айси, единственного из присутствующих дворян. Тем не менее он приносит гражданскую присягу, что едва не обходится ему дорого: вокруг него поднимается ропот, крестьяне говорят, что его следовало бы повесить, как господина Сен-Коломба, чтобы предотвратить принятие присяги. Действительно, накануне вечером последнего, месье де Витто, старика семидесяти четырех лет, изгнали с первичного собрания, затем вырвали из дома, в котором он укрывался, наполовину убили ударами и потащили по улицам к открытой площади; рот ему набили навозом, в уши воткнули палку, и "он скончался после трехчасового мученичества". В тот же день в церкви капуцинов в Семуре сельские приходы, собравшиеся вместе, исключили своих священников и дворян таким же образом. Месье де Дамас и месье де Сент-Мор были избиты дубинками и камнями; куратор Массиньи умер после шести ударов ножом, а месье де Вирье спасся, как мог. - Имея перед собой такие примеры, можно предположить, что многие дворяне больше не будут пользоваться своим избирательным правом. Месье де Бюсси не претендует на это. Он лишь пытается доказать, что предан нации и не мыслит зла ни Национальной гвардии, ни народу. В самом начале он предложил волонтерам Масона присоединиться к ним вместе со своим небольшим отрядом; они отказались, и, таким образом, вина не на его стороне. 14 июля 1790 года, в день создания федерации в своих владениях, он отправляет всех своих людей в Вильерс, снабдив их трехцветной кокардой. Сам он с тремя своими друзьями присутствует на церемонии принятия присяги, все четверо в форме, с кокардой на шляпе, без какого-либо оружия, кроме шпаги и легкой трости в руках. Они отдадут честь собравшимся национальным гвардейцам из трех соседних приходов и держатся за пределами ограды, чтобы не выдать себя. Но они не учли предрассудков и враждебности новых муниципальных органов. Перрон, бывший синдик, стал мэром. Человек по имени Бейли, деревенский сапожник, - еще один из муниципальных чиновников; их советник - старый драгун, один из тех солдат, которые, вероятно, дезертировали или были уволены, и которые являются зачинщиками почти каждого бунта. Отряд из дюжины или пятнадцати человек покидает строй и подходит к четырем джентльменам, которые со шляпами в руках выходят им навстречу. Внезапно люди прицеливаются в них, и Бейли, разъярившись, требует: "Какого дьявола вы сюда пришли?". Мсье де Бюсси отвечает, что, будучи проинформированным о федерации, он пришел принести присягу, как и все остальные люди. Байи спрашивает, почему он пришел вооруженным. Месье де Бюсси замечает, что, "будучи на службе, шпага была неотделима от мундира", и если бы они пришли без этого знака, то были бы виноваты; кроме того, они должны были заметить, что у них нет другого оружия. Байли, все еще в ярости и, кроме того, удрученный столь вескими причинами, поворачивается с пистолетом в руке к командиру отряда и три раза подряд спрашивает его: "Командир, мне стрелять?" Командир, не решаясь взять на себя ответственность за столь беспричинное убийство, молчит и в конце концов приказывает М. де Бюсси "убираться"; "что я и сделал", - говорит М. де Бюсси. Тем не менее, добравшись до дома, он пишет муниципальным властям, четко излагая мотивы своего прихода, и требует объяснений по поводу обращения, которое с ним было совершено. Мэр Перрон отбрасывает его письмо, не читая, а на следующий день, когда он покидает мессу, национальные гвардейцы в качестве угрозы заряжают ружья на виду у месье де Бюсси, вокруг его сада. - Через несколько дней после этого, по наущению Байи, в домах двух других владельцев по соседству совершаются убийства. Наконец, во время поездки в Лион мсье де Бюсси узнает, "что замки в Пуату снова охвачены огнем, и что работы начнутся повсюду". Встревоженный всеми этими признаками, "он решает сформировать роту добровольцев, которая, разместившись в его замке, сможет обслуживать весь кантон по законному требованию". Он считает, что пятнадцати храбрецов будет достаточно. В октябре 1790 года с

ним уже было шесть человек; для них заказаны зеленые мундиры и куплены пуговицы для мундира. К этому числу можно добавить семь или восемь человек прислуги. Что касается оружия и боеприпасов, то в замке хранятся два бочонка пороха, который был в наличии до 1789 года, семь мушкетонов и пять кавалерийских сабель, оставленных здесь мимоходом старыми драгунами господина де Бюсси; к этому следует добавить два двустольных фаулинга, три солдатских мушкета, пять скоб для пистолетов, два бедных обычных ружья, две старые шпаги и охотничий нож. Таков гарнизон, таков арсенал, таковы приготовления, столь обоснованные и столь незначительные, которые предрассудки в сочетании со сплетнями собираются превратить в великий заговор.

Замок, по сути, с самого первого дня стал объектом подозрений в деревне. За всеми его посетителями, когда бы они ни выходили или входили, за всеми подробностями их действий следили, их осуждали, преувеличивали и неверно истолковывали. Если по неловкости или неосторожности стольких неопытных национальных гвардейцев шальной шар однажды среди бела дня попадает в фермерский дом, то это происходит из замка; это аристократы обстреляли крестьян... В соседних городах царит такое же состояние подозрительности. Муниципалитет Валанса, узнав, что двое молодых людей заказали пальто "подозрительного цвета", посылает портного; тот признается в этом и добавляет, что "они намеревались сами застегнуть пуговицы". Такая деталь настораживает. Начинается расследование, и тревога усиливается: людей в странной форме видели проходящими по дороге к замку Вилье; оттуда, достигнув численности в двести человек, они отправятся в гарнизон Безансона; чтобы избежать обнаружения, они будут ехать по четыре человека за раз. В Безансоне они встретятся с корпусом в сорок тысяч человек под командованием месье Аутишама, который должен двинуться на Париж, чтобы увести короля и разогнать Национальное собрание. Национальные гвардейцы на всем пути следования должны быть выстроены в линию. На определенном расстоянии каждый человек должен получить 1200 франков, а по окончании экспедиции - быть зачисленным в гвардию Артуа или отправленным домой с вознаграждением в 12 000 франков. - Тем временем принц де Конде с сорока тысячами человек придет через Пон-Сен-Эспри в Лангедок, соберет под свою руку недовольных из Карпентраса и лагеря Жале и займет Сите и другие морские порты; наконец, граф д'Артуа со своей стороны войдет через Пон-Бовуазен с тридцатью тысячами человек... Ужасное открытие! Муниципальные власти Валанса немедленно сообщают об этом властям Лиона, Безансона, Шалона, Масона и других городов. На основании этого муниципалитет Масона, "считая, что враги Революции постоянно прилагают самые энергичные усилия, чтобы уничтожить Конституцию, обеспечивающую счастье этой империи", и "что очень важно сорвать их замыслы", посылает двести человек своей Национальной гвардии в замок Вилье, "уполномоченные применить вооруженную силу в случае сопротивления". Для большей безопасности к этому отряду присоединяются национальные гвардейцы трех соседних приходов. Месье де Бюсси, получив сообщение о том, что они перелезают через стену в его сад, выхватывает пистолет, прицеливается, но не стреляет, а затем, поскольку реквизиция была законной, открывает им все двери. В доме находят шесть зеленых пальто, семь десятков больших пуговиц и пятнадцать десятков маленьких. Доказательства налицо. Он объясняет, в чем заключался его замысел, и называет мотив - это всего лишь предлог. Он делает знак своему камердинеру, как приказ, - налицо соучастие. Месье де Бюсси, шестеро его гостей и камердинер арестованы и доставлены в Масон. Происходит суд, с показаниями и допросами, в ходе которого удастся добиться правды, несмотря на самые неблагоприятные показания; ясно, что месье де Бюсси никогда не собирался больше защищаться, но предубеждение - повязка на враждебных глазах. Нельзя признать, что при совершенной конституции невиновный человек может подвергнуться опасности; ему возражают, что "неестественно, когда вооруженная компания формируется для сопротивления резне,

которой она не угрожает"; его заранее убеждают в его виновности. По декрету Национального собрания министр приказал, чтобы все обвиняемые доставлялись в Париж констеблем и гусарами; Национальная гвардия Масона, "находящаяся в сильнейшем возбуждении", заявляет, что, "поскольку она арестовала господина де Бюсси, она не согласится на его перевозку каким-либо другим органом. Несомненно, цель состоит в том, чтобы позволить ему сбежать по дороге", но он знает, как обеспечить безопасность своего пленника. Стража, в конце концов, по собственной инициативе, сопровождает месье де Бюсси в Париж, в тюрьму Аббатства, где его держат в заключении несколько месяцев - так долго, что после нового суда и расследования, когда нелепость обвинения становится слишком очевидной, его вынуждены отпустить на свободу - таково положение большинства дворян в их собственных имениях, и месье де Бюсси, даже оправданный и оправданный, поступит мудро, не вернувшись домой.

III.-Домицилиарные визиты.

Пятая жакерия.- Бургундия и Лионне в 1791 году.- М. де Шапонэ и М. Гийен-Дюмуте

Там он был бы всего лишь заложником. Один против тысяч, единственный выживший и представитель отмененного режима, который все ненавидят, это дворянин, против которого все ополчаются всякий раз, когда политическое потрясение, кажется, сотрясает новый режим. Его, по крайней мере, обезоруживают, поскольку он может быть опасен, и во время этих народных казней жестокие инстинкты и аппетиты вырываются на свободу, как бык, который врывается в дверь и бушует в жилом доме. В том же департаменте, несколько месяцев спустя, после получения известия об аресте короля в Варенне, "все не [боящиеся](#)³³¹³ священники и свободные дворяне подвергаются ужасам преследования". Отряды насильно врываются в дома, чтобы захватить оружие: Коммарин, Гросбуа, Монкуло, Шодене, Креансе, Туази, Шателленот и другие дома посещают таким образом, и несколько из них подвергаются разграблению. В ночь с 26 на 27 июня 1791 года в замке Креансе "повсюду грабеж; зеркала разбиты, картины разорваны, двери выломаны". Хозяина дома, "господина де Коммо-Кренсе, рыцаря Святого Людовика, ужасно издевавшегося над ним, оттащили к подножию лестницы, где он лежит как мертвый": до этого "его заставили дать значительную контрибуцию и вернуть все штрафы, собранные им до революции как местным хозяином поместья". "- С двумя другими владельцами по соседству, оба рыцари Святого Людовика, обошлись таким же образом. "Вот так три старых и храбрых солдата вознаграждены за свои заслуги!" Четвертый, мирный человек, заранее сбегаёт, оставив ключи в замках, а садовника в доме. Несмотря на это, двери и вешалки были вскрыты, и грабеж продолжался пять с половиной часов; при этом звучали угрозы поджечь дом, если сеньор не явится. Задавались вопросы "о том, посещает ли он мессы нового куратора, взимал ли раньше штрафы, и, наконец, нет ли у кого-нибудь из жителей жалоб на него". Жалоб не поступило; напротив, его очень любили. Но во время подобных беспорядков сто безумцев и пятьдесят негодяев предписывают закон робким и равнодушным. Эти

разбойники заявили, что "действовали по приказу; они заставили мэра и прокурора принять участие в их грабежах; они также приняли меры предосторожности, чтобы заставить нескольких честных граждан, используя самые жестокие угрозы, идти вместе с ними". На следующий день эти люди приходят извиниться перед ограбленным владельцем, а муниципальные служащие составляют акт о примененном к ним насилии. Насилие, тем не менее, совершено, и, поскольку оно останется безнаказанным, вскоре повторится.

Начало и конец уже положены в двух соседних департаментах. Там, особенно на юге, нет ничего более поучительного, чем наблюдать, как вспышка, вызванная энтузиазмом во имя общественного блага, немедленно вырождается под влиянием частных интересов и заканчивается преступлением. - В окрестностях [Лиона3314](#) под тем же предлогом и в тот же день подобные толпы совершают подобные визиты, и во всех этих случаях "сжигаются арендные ведомости, грабятся и поджигаются дома". Муниципальная власть, организованная для обеспечения безопасности собственности, находится во многих руках, но в одной больше возможностей для ее нарушения. Национальная гвардия, похоже, вооружена только для защиты от грабежей и беспорядков". Более тридцати лет месье де Шапонэ, отец шестерых детей, трое из которых находятся на службе, тратил свои огромные доходы на свое поместье Болье, давая работу множеству людей, мужчин, женщин и детей. После града 1761 года, который почти уничтожил деревню Моране, он отстроил тридцать три дома, снабдил другие древесиной для каркаса, снабдил коммуну пшеницей и в течение нескольких лет добился для жителей уменьшения налогов. В 1790 году он с размахом отпраздновал праздник Федерации, устроив два банкета, один на сто тридцать мест для муниципальных властей и офицеров Национальной гвардии в окрестностях, а другой на тысячу мест для рядовых. Если у кого-то из дворян и были основания считать себя популярным и безопасным, то это был, безусловно, этот человек. 24 июня 1791 года муниципальные власти Моране, Люсенэ и Шазелая с мэрами и национальными гвардейцами, всего около двух тысяч человек, прибывают в замок с барабанами и развевающимися флагами. Месье де Шапонэ выходит им навстречу и спрашивает, чем он обязан "удовольствию" от их визита. Они отвечают, что пришли не для того, чтобы оскорбить его, а чтобы выполнить приказ округа, который обязывает их овладеть замком и поставить в нем охрану из шестидесяти человек: на следующий день "округ" и национальная гвардия Вильфранша должны приехать и осмотреть его. - Заметим, что приказ этот мнимый, ибо господин де Шапонэ тщетно просит показать его; его не могут предъявить. Причиной их появления, вероятно, послужил ложный слух о том, что Национальная гвардия Вильфранша собирается лишить их добычи, на которую они рассчитывали... Тем не менее мсье де Шапонэ подчиняется; он лишь просит муниципальных чиновников произвести обыск самостоятельно и в установленном порядке. На это комендант Национальной гвардии Люсенэ с раздражением восклицает, что "все равны и все должны войти", и в тот же миг все бросаются вперед. "Месье де Шапонэ приказывает открыть квартиры; они тут же закрывают их, чтобы саперы могли проломить двери своими топорами." - Все разграблено: тарелки, ассигнаты, запасы белья, кружев и других вещей; деревья на аллеях порублены и изувечены; погреба опустошены, бочки выкачены на террасу, вино вылито, замковая крепость разрушена. . . . Офицеры подгоняют тех, кто отстает". Ближе к девяти часам вечера слуги сообщают господину де Шапонэ, что городские власти решили заставить его подписать отказ от феодальных повинностей, а затем обезглавить. Он бежит с женой через единственную дверь, оставшуюся без охраны, бродит всю ночь под выстрелами отрядов, идущих по его следу, и добирается до Лиона только на следующий день, а тем временем мародеры посылают ему уведомление, что если он не откажется от аренды, то они вырубят его леса и сожгут все в его имении. Замок, действительно, обстреливают три раза, а в это время банда грабит другой замок в Байере и, снова проходя мимо дома месье де Шапонэ, разрушает

плотину стоимостью 10 000 ливров.-Прокурор, со своей стороны, молчит, несмотря на все обращения к нему: он, несомненно, говорит себе, что джентльмену, в доме которого был произведен обыск, повезло, что он спас свою жизнь, а другим, например, мсье Гийен-Дюмуте, повезло меньше.

Этот господин, в прошлом капитан судна Индийской компании, затем комендант Сенегала, ныне отошедший от активной жизни, занимал свой замок Полемье с молодой женой и двумя грудными детьми, сестрами, племянницами и невестками, всего десятью женщинами, принадлежащими к его семье и домашней прислуге, одним слугой-негром и им самим; старик шестидесяти лет; вот прибежище воинственных заговорщиков, которых необходимо как можно скорее [обезвредить3315](#). К сожалению, за десять месяцев до этого был арестован брат М. Гильена, обвиненный в измене нации, что было вполне достаточно для клубов по соседству. В декабре 1790 года замок уже обыскивали жители окрестных приходов: ничего не нашли, и Департамент сначала порицал, а потом запретил эти произвольные обыски. 26 июня 1791 года, в десять часов утра, муниципалитет Полеймикукса, вместе с двумя другими органами в шарфах и тремя сотнями национальных гвардейцев, приближается под обычным предлогом поиска оружия. Мадам Гильен представляется, напоминает им об интердикте Департамента и требует законного распоряжения, на основании которого они действуют. Они отказываются его предоставить. Месье Гильен спускается в свою очередь и предлагает открыть перед ними двери, если они предъявят приказ. У них нет приказа, чтобы показать ему. Во время разговора некий человек по имени Розье, бывший солдат, дважды дезертировавший, а ныне командующий Национальной гвардией, хватает мсье Гийена за горло; старый капитан защищается, подносит к нему пистолет, из которого тот не стреляет, и, отбросив его, уходит в дом, закрыв за собой дверь. Вскоре после этого в окрестностях раздается набат, тридцать волостей поднимаются на ноги, и прибывает две тысячи человек. Уговорами мадам Гильен удается добиться назначения делегатов, выбранных толпой, для осмотра замка. Эти делегаты осматривают апартаменты и заявляют, что не могут найти ничего, кроме оружия, которое обычно хранится под рукой. Это заявление не возымело действия: толпа, чье возбуждение усилилось от ожидания, чувствует свою силу и не думает возвращаться с пустыми руками. Раздается залп, и окна замка осыпают шарами. В качестве последнего усилия мадам Гильен с двумя детьми на руках выходит и, обращаясь к муниципальным служащим, призывает их исполнить свой долг. Но они не делают этого, а оставляют ее в качестве заложницы и ставят в такое положение, чтобы в случае стрельбы из замка она могла получить пули. Тем временем двери взламывают, дом грабят сверху донизу, а затем поджигают; мсье Гильен, который ищет убежища в хранилище, почти добирается до пламени. В этот момент некоторые из нападавших, менее свирепые, чем остальные, уговаривают его спуститься и отвечают за его жизнь. Едва он успел показаться, как на него навалились другие; они кричат, что его надо убить, что у него есть пожизненная рента в 36 000 франков от государства, и "это будет так много спасено для нации". "Его рубят живьем"; ему отрубают голову и насаживают на пику; его тело расчлениают и по частям рассылают в каждый приход; некоторые омывают руки в его крови и мажут ею свои лица. Кажется, будто шум, гам, поджоги, грабежи и убийства пробудили в них не только жестокие инстинкты дикаря, но и плотоядные аппетиты зверя; некоторые из них, схваченные жандармерией в Шасселе, поджарили руку мертвеца и пообедали [ею3316](#).-Мадам Гильен, спасшаяся благодаря состраданию двух местных жителей, сумела, преодолев множество опасностей, добраться до Лиона; она и ее дети потеряли все: "замок, его зависимость, урожай предыдущего года, вино, зерно, мебель, тарелки, готовые деньги, ассигнации, векселя и контракты". Десять дней спустя департамент уведомляет Национальное собрание, что "подобные проекты все еще замышляются и организуются, и что (постоянно) раздаются

угрозы сожжения замков и ренты"; что никаких сомнений в этом быть не может: "жители страны только и ждут удобного случая, чтобы возобновить эти сцены ужаса "3317.

IV.- Дворяне вынуждены покинуть сельскую местность.

Они укрываются в городах, подвергаются опасностям.
восемьдесят два дворянина из Кана

Среди этих множащихся и возрождающихся жакерий не остается ничего другого, кроме бегства, и дворяне, изгнанные из сельских округов, ищут убежища в городах. Но и здесь их поджидает жакерия. По мере того как развиваются последствия конституции, сменяющие друг друга администрации становятся все слабее и пристрастнее; разнузданный народ становится все более возбудимым и буйным; возведенный на престол клуб становится все более подозрительным и деспотичным. Отныне клуб, через административные органы или в противовес им, руководит населением, и дворяне находят его столь же враждебным, как и крестьяне. Все их собрания, даже либеральные, будут закрыты, как в Париже, из-за незаконного вмешательства толпы или беззаконных действий народных судей. Все их ассоциации, даже если они законны и полезны, разрушаются грубой силой или нетерпимостью муниципалитета, их наказывают за то, что они думают защищаться, и убивают за то, что они пытаются избежать убийства.3318 3318 Три или четыре сотни джентльменов, которым угрожала опасность в их поместьях, искали убежища со своими семьями в Кане;и они надеялись найти его там, потому что в трех различных постановлениях муниципальный орган обещал им помощь и защиту. К сожалению, клуб думает иначе и 23 августа 1791 года печатает и вывешивает список их имен и местожительства, объявляя, что, поскольку "их подозрительные взгляды вынудили их покинуть сельские районы", они являются эмигрантами во внутренних районах; из этого следует, что "за их поведением необходимо тщательно следить", поскольку "оно может быть следствием какого-то опасного заговора против страны". Особо выделены пятнадцать человек, среди которых "бывший куратор Сен-Лу, большая ищейка аристократов, и все они очень подозрительные личности, вынашивающие самые худшие намерения". Обличенные и выделенные, они, очевидно, больше не могут спать спокойно: более того, теперь, когда их адреса опубликованы, им открыто угрожают домашними визитами и насилием. Что касается административных властей, то на их вмешательство рассчитывать не приходится; сам департамент уведомляет министра, что, согласно закону, он не может передать замок в руки регулярных войск3319 , поскольку это, дескать, приведет к возбуждению Национальной гвардии. Кроме того, как без армии вырвать этот пост из рук тех, кто им владеет? Это невозможно с теми ресурсами, которые предоставляет нам Конституция". Таким образом, в деле защиты угнетенных Конституция оказывается мертвой буквой.- Отсюда следует, что беженцы, находя защиту только в себе, обязуются помогать друг другу. Никакое объединение не может быть более оправданным, более мирным, более невинным. Ее цель - "требовать исполнения законов, которые постоянно нарушаются, и защищать людей и имущество". В каждом квартале они постараются собрать "всех добропорядочных граждан"; они сформируют комитет из восьми членов, и в каждом комитете всегда будет "офицер юстиции или член административного органа с офицером или субалтерном Национальной гвардии". Если кто-то из граждан подвергнется нападению на личность или имущество, ассоциация составит петицию в его пользу. Если какой-либо конкретный акт насилия потребует применения общественной силы, члены района соберутся по приказу судебного чиновника и национальной гвардии,

чтобы добиться повиновения. "Во всех возможных случаях" они "с величайшей осторожностью будут избегать оскорбления отдельных лиц; они будут считать, что цель собрания - исключительно обеспечение общественного спокойствия и той защиты от закона, на которую имеет право каждый гражданин" - короче говоря, это добровольные констебли. Как ни поворачивай расследование, враждебный муниципалитет и предвзятый трибунал не могут дать ему иного толкования; они не находят ничего другого. Единственным доказательством против одного из лидеров является письмо, в котором он пытается помешать джентльмену отправиться в Кобленц, пытаясь доказать ему, что он будет более полезен в Кане. Главным свидетельством против ассоциации является показания горожанина, которого они хотели записать в свои ряды и требовали высказать свое мнение. Он заявил, что выступает за исполнение законов, на что ему сказали: "В таком случае вы принадлежите к нам и являетесь большим аристократом, чем вы думаете". Их аристократизм, по сути, состоит исключительно в подавлении разбойничества. Ни одно требование не может быть более неприятным, потому что оно препятствует произволу партии, которая считает себя вправе поступать так, как ей заблагорассудится. 4 октября полк Ауниса покинул город, и все добропорядочные граждане были переданы ополчению, "в форме или без", только они были вооружены. В этот день, впервые за долгое время, мсье Бюнель, бывший куратор Сен-Жан, с согласия и при содействии своего присяжного преемника, совершает мессу. Собралось большое количество ортодоксов, что вызывает беспокойство у патриотов. На следующий день месье Бюнель должен снова отслужить мессу, и тогда патриоты через муниципальные власти запрещают ему совершать службу, на что он подчиняется. Тем не менее, из-за отсутствия должного уведомления, толпа верующих уже прибыла, и церковь заполнена. Опасная толпа! Патриоты и национальные гвардейцы прибывают "для сохранения порядка", который не был нарушен, и который нарушают только они. Слуги дворян и национальные гвардейцы обмениваются угрожающими словами. Последние выхватывают шпаги, сбивают с ног и топчут молодого человека; мсье де Саффри, пришедший к нему на помощь без оружия, сам зарублен и пронзен штыками, а двое других ранены. Тем временем на соседней улице мсье Ашар де Вагонь, видя, что вооруженные люди грубо обращаются с человеком, подходит к нему, чтобы заключить мир. Его сбивают с ног, а месье Ашар оказывается весь изранен саблей и штыком: "на нем не было ни одной нитки, которая не была бы окрашена кровью, стекавшей даже на его ботинки". В таком состоянии его ведут в замок вместе с месье де Сейфри. Другие ломают дверь дома месье дю Розеля, старого офицера семидесяти пяти лет, из которых пятьдесят девять он провел на службе, и преследуют его даже через стену его сада. Четвертый отряд захватывает месье д'Эриси, еще одного почтенного офицера, который, как и месье дю Розель, не знал о происходящем и спокойно уезжал в свое загородное поместье.

Пришло время действовать специальным констеблям; около шестидесяти джентльменов, а также несколько купцов и ремесленников отправились в путь. В соответствии с правилами своего объединения и с большой щепетильностью они просят офицера Национальной гвардии, случайно проходившего мимо, поставить себя во главе их; они доходят до площади Сен-Совер, встречают старшего офицера, посланного за ними муниципальными властями, и, по первому его приказу, следуют за ним к Отелю-де-Виль. По достижении этого места, без какого-либо сопротивления с их стороны, их арестовывают, разоружают и обыскивают. При них находят правила и постановления их лиги; очевидно, они замышляют контрреволюцию. Против них поднимается страшный шум. "Чтобы обезопасить их", их ведут в замок, но по дороге многие из них подвергаются жестокому обращению со стороны толпы. Другие, схваченные в своих домах - М. Левайяна и слугу месье д'Эрики - уносят истекающими кровью и протыкают штыками. Таким образом, набралось 82 пленника, и при этом постоянно возникают опасения, что они могут сбежать. "Их хлеб и мясо режут на мелкие кусочки, чтобы

ничего не утаить; хирургам, к которым относятся как к аристократам, доступ к ним закрыт". В то же время в их дома наносятся ночные визиты ; каждому чужестранцу предписывается явиться в гостиницу-де-Виль, сообщить, зачем он прибыл в город, и сдать оружие; каждому священнику, не являющемуся юнкером, запрещено совершать мессу. У департамента, настроенного на сопротивление, связаны руки, и он признает свое бессилие. "Народ, - пишет он, - знает свою силу: он знает, что у нас нет власти; подстрекаемый неблагоприятными гражданами, он разрешает все, что служит его страстям или интересам; он влияет на наши рассуждения и принуждает нас к тому, чего при других обстоятельствах мы должны были бы тщательно избегать". - Через три дня после этого победители празднуют свой триумф "с барабанами, музыкой и зажженными факелами; народ с помощью молотков уничтожает на особняках гербы, которые до этого были покрыты штукатуркой;" поражение аристократов свершилось.- И все же их невиновность настолько очевидна, что само Законодательное собрание не может не признать ее. После одиннадцати недель заточения отдается приказ освободить их, за исключением двоих, юноши неполных восемнадцати лет и старика, почти восьмидесятилетнего, на которого два письма, неправильно понятые, все еще оставляют тень подозрения.- Но нет уверенности, что народ готов отдать их. Национальная гвардия отказывается выпустить их в светлое время суток и служить их эскортом. Еще накануне вечером многочисленные группы женщин, среди которых было несколько мужчин, говорили о том, что убьют всех этих парней, как только те выйдут за пределы замка". Их приходится выпускать в два часа ночи, тайно, под сильной охраной, и покидать город сразу же, как за шесть месяцев до того, как они покинули сельские районы. Ни в деревне, ни в [городе](#)³³²⁰ они не находятся под защитой ни гражданского, ни религиозного закона; один джентльмен, не скомпрометированный в этом деле, замечает, что их положение хуже, чем положение протестантов и бродяг в худшие годы Древнего Режима, и кто злоупотребляет их использованием? Почему они должны быть на равных для целей оплаты и отличаться?

"Разве закон не позволяет священникам (не юрким) свободно произносить мессу? Почему же тогда мы не можем слушать их мессу, кроме как с риском для жизни? Разве закон не предписывает всем гражданам сохранять общественный мир? Почему же тогда тех, кого призыв к оружию призвал к поддержанию общественного порядка, называют аристократами? Почему убежище граждан, которое законы объявили священным, нарушается без приказов, без обвинений, без всякой видимости правонарушения? Почему все видные граждане и люди с хорошим достатком разоружаются, предпочитая других? Неужели оружие предназначено исключительно для тех, кто в последнее время лишен его только для того, чтобы досаждать и оскорблять?"

Он говорил правильно. Те, кто сейчас правит, образуют аристократию в обратном смысле, противоречащую закону и еще более противоречащую природе.³³²¹ Ибо в результате насильственной инверсии низшие классы в градуированной шкале цивилизации и культуры теперь оказываются наверху, а высшие классы - на мундире. Конституция подавила неравенство, но оно вновь возникло в обратном смысле. Население, как городское, так и сельское, облагает налогами, сажает в тюрьмы, грабит и убивает более произвольно, более жестоко, более несправедливо, чем феодальные бароны, а для своих крепостных или злодеев оно имеет своих древних вождей.

V.- Преследования в частной жизни.

Предположим, что, чтобы не возбуждать подозрений, они довольствуются тем, что не имеют оружия, не образуют больше ассоциаций, не посещают выборов, замыкаются дома, строго ограничиваясь безобидными рамками домашней жизни. То же недоверие, та же враждебность преследуют их и там.³³²² В Кагоре, где муниципальные власти, вопреки закону, только что изгнали картузианцев, которые, согласно закону, решили остаться и жить общей жизнью, двое монахов перед своим отъездом дарят месье де Бомону, своему другу и соседу, четыре карликовые груши и несколько цветущих луковок в своем саду. На основании этого муниципалитет выносит постановление о том, что

"сьер Луи де Бомон, бывший граф, виновен в дерзком и злонамеренном нанесении ущерба национальному имуществу", приговаривает его к выплате штрафа в триста ливров и предписывает, чтобы "четыре грушевых дерева, вырванные в так называемом Картузском саду, были принесены на следующий день, в среду, к дверям указанного сьера де Бомона и оставались там четыре дня подряд, охраняемые днем и ночью двумя стрельцами за счет указанного сьера де Бомона; И на упомянутых деревьях должна быть сделана следующая надпись, а именно: Луи де Бомон, разрушитель национального достояния. А вынесенное при этом решение должно быть отпечатано в количестве тысячи экземпляров, прочитано, опубликовано и вывешено за счет указанного сьера де Бомона и должным образом направлено по всему департаменту Лот в его округа и муниципалитеты, а также во все общества друзей Конституции и Свободы".

Каждая строчка этой юридической инвективы раскрывает злобную зависть местного регистратора, который мстит себе за то, что раньше склонился слишком низко.- В следующем году М. В следующем году М. де Бомон, официально и с нотариальной санкции купив церковь, которая продавалась округом, вместе с украшениями и предметами культа, которые в ней находились, приходит, мэр и муниципальные служащие, за которыми следует множество рабочих, и выносят и уничтожают все: исповедальни, алтари и даже канонизированное тело святого, которое было погребено в течение ста пятидесяти лет, так что после их ухода "здание напоминало огромный сарай, наполненный руинами и мусором"³³²³.³³²³ Следует отметить, что в это самое время месье де Бомон занимает пост военного коменданта в Перигоре. Обращение, которому он подвергается, показывает, что припасено для простых дворян. Я не рекомендую им посещать официальные распродажи имущества.³³²⁴ Будут ли они свободны даже в своих домашних развлечениях, и, войдя в гостиную, будут ли они уверены, что спокойно проведут там вечер? В Париже несколько высокопоставленных лиц, среди которых послы Дании и Венеции, слушают концерт иностранного виртуоза в особняке на Фобур Сент-Оноре, когда во двор въезжает телега, груженная пятьюдесятью пучками сена - месячный запас для лошадей. Патриот, увидевший въехавшую телегу, решил, что под сеном спрятан король, который приехал туда, чтобы сговориться с аристократами о своем бегстве. Собирается толпа, прибывает Национальная гвардия с комиссаром, а четыре гренадера стоят на страже вокруг телеги. Комиссар тем временем осматривает гостиницу, видит музыкальные стойки и приготовления к ужину, возвращается, разгружает телегу и заявляет народу, что не нашел ничего подозрительного. Народ не верит ему и требует повторного осмотра. Ее проводят двадцать четыре делегата; кроме того, пересчитывают пучки сена и развязывают несколько из них, но все тщетно. Разочарованная и раздраженная, предвкушая зрелище, толпа требует, чтобы все

приглашенные гости, мужчины и женщины, вышли из дома пешком и сели в кареты только в конце улицы. "Сначала идет вереница пустых карет; затем "все гости в вечерних нарядах и дамы в полном платье, дрожащие от страха, с опущенными глазами, между двумя рядами мужчин, женщин и детей, которые смотрят им в лицо и осыпают их оскорблениями "[3325](#).

Подозреваемый в проведении тайных собраний и призванный к ответу в собственном доме, имеет ли дворянин право хотя бы посещать общественные салоны, есть в ресторане и дышать свежим воздухом на балконе?-Виконт де Мирабо, только что обедавший в Пале-Рояле, встает у окна, чтобы подышать воздухом, и его узнают; собирается толпа, и вскоре раздается крик: "Долой Мирабо-Тонно (бочку-Мирабо)!"[3326](#) "Со всех сторон в него бросают гравий, а иногда и камни. Одно из оконных стекол было разбито камнем. Немедленно подобрав камень, он показывает его толпе и в то же время спокойно кладет его на подоконник в знак сдержанности". Раздается громкий крик, друзья заставляют его уйти в дом, а мэр города Бейли лично приезжает, чтобы утихомирить обидчиков. В данном случае у их ненависти есть веские причины. Господин, которого они побивают камнями, - бодрячок, большой и толстый, любитель обильных эпикурейских трапез, и поэтому жители считают его чудовищем, а еще хуже - людоедом. Что касается этих дворян, чье главное несчастье в том, что они слишком отполированы и слишком мирские, то перевозбужденное воображение воскрешает старые детские сказки: мсье де Монлозье, живущий на улице Ришелье, обнаруживает, что по дороге в Национальное собрание за ним следят. Особенно одна женщина, лет тридцати - тридцати двух, продававшая мясо в киоске на улице Сен-Гийом, "смотрела на него с особым вниманием. Как только она увидела, что он идет, она взяла длинный широкий нож, который наточила перед ним, бросая на него яростные взгляды". Он спрашивает у своей экономки, что это значит. Двое детей из этого квартала исчезли, унесенные цыганами, и сообщается, что месье де Монлозье, маркиз де Мирабо и другие депутаты "правых" собираются вместе, "чтобы устраивать оргии, на которых они едят маленьких детей".

При таком состоянии общественного мнения нет такого преступления, которое не вменялось бы им в вину, нет такого оскорбления, которое не было бы свободно нанесено им. "Предатели, тираны, заговорщики, убийцы" - таков нынешний лексикон клубов и газет по отношению к ним. "Аристократ" означает все это, и тот, кто осмеливается опровергнуть клевету, сам становится аристократом. Де Кастрис на своей последней дуэли использовал отравленную шпагу, а офицера флота, который протестует против этого ложного сообщения, обвиняют, судят на месте и приговаривают "к заточению в караульном помещении или бросанию в фонтан".[3327](#) Дворяне должны остерегаться защищать свою честь обычным способом и отвечать на оскорбление вызовом! В Кастельно, близ [Кагора](#)[3328](#) , один из тех, кто в предыдущем году вышел на марш против поджигателей, месье де Беллуд, рыцарь Сен-Луи, спустившись на площадь со своим братом-гвардейцем, был встречен криками "Аристократ! К фонарному столбу!". Его брат в утреннем халате и тапочках, и, не желая нарываться на неприятности, они не отвечают. Проходящий мимо отряд национальной гвардии повторяет крик, но они по-прежнему молчат. Крик продолжается, и мсье де Беллуд, по прошествии некоторого времени, просит капитана приказать своим людям замолчать. Тот отказывается, и месье де Беллуд требует сатисфакции за пределами города. При этих словах национальные гвардейцы бросаются на месье де Беллуда с примкнутыми штыками. Его брат получает сабельный удар по шее, а он, защищаясь шпагой, легко ранит капитана и одного из солдат. Братья, оставшись одни против всего войска, продолжают сражаться, отступая к своему дому, в котором их блокируют. Ближе к семи часам вечера на подмогу осаждающим прибывают две или три сотни национальных гвардейцев из Кагора. Дом взят, а гвардеец, бежавший через поле, вывихнул лодыжку и попал в плен. Месье де Беллуд, пробравшийся в

другой дом, продолжает обороняться там: дом поджигают и сжигают, а вместе с ним и два других. Укрывшись в подвале, он продолжает вести огонь. В вентиляционные отверстия бросают пучки подожженной соломы. Почти задохнувшись, он вырывается, убивает первого нападавшего выстрелом из одного пистолета, а себя - из другого. Ему отрубает голову вместе с головой его слуги. Стражника заставляют поцеловать обе головы, а когда он требует стакан воды, наполняют его рот кровью, которая капает из отрубленной головы его брата. Победившая банда отправляется в Кагор, две головы насажены на штыки, а гвардеец сидит в повозке. Она останавливается перед домом, в котором заседает литературный кружок, подозреваемый якобинским клубом. Раненого заставляют спуститься с телеги и вешают: его тело изрешечивают шариками, а все, что есть в доме, разбивают, "мебель выбрасывают из окон, а дом сносят" - все народные казни носят такой характер, одновременно быстрый и полный, подобный казням восточного монарха, который в одно мгновение, без дознания и суда, мстит за свое оскорбленное величество и за любое преступление не знает другого наказания, кроме смерти. В Тюле мсье де Масси, [3329](#) лейтенант "Королевской Наварры", ударив оскорбившего его человека, был схвачен в доме, где он укрылся, и, несмотря на три административных органа, сразу же подвергся расправе. - В Бресте две антиреволюционные карикатуры были нарисованы углем на стенах военной кофейни, возбужденная толпа возлагает вину за это на офицеров; один из них, мсье Патри, берет это на себя и, будучи разорванным на куски, пытается покончить с собой. Его обезоруживают, но, когда муниципальные власти приходят ему на помощь, они находят его "уже мертвым от бесконечного количества ран", а его голову несут на конце пики [3330](#) -

VI.- Поведение офицеров.

Их самопожертвование. -Диспозиция солдат.
-Военные вспышки.-Распространение и рост
неподчинение. Отстранение офицеров.

Гораздо лучше было бы жить при восточном короле, ведь его не встретишь повсюду, он не всегда в ярости и безумии, как народ. Дворяне нигде не находятся в безопасности, ни в общественной, ни в частной жизни, ни в стране, ни в городах, ни вместе, ни порознь. Народная вражда нависает над ними, как темная и грозная туча, от одного конца территории до другого, и буря обрушивается на них непрерывным шквалом досад, оскорблений, клеветы, грабежей и актов насилия; то тут, то там, почти ежедневно, кровавые молнии бессистемно падают на самые безвредные головы, на спящего старика, на прогуливающегося рыцаря Сен-Луи, на семью во время молитвы в церкви. Но в этой аристократии, разгромленной в некоторых местах и атакованной повсюду, молния находит одну predeterminedенную группу, которая привлекает ее и на которую она постоянно падает, - это корпус офицеров.

VI.- Поведение офицеров.

Их самопожертвование. -Диспозиция солдат.
-Военные вспышки.-Распространение и рост
Неповиновение. Назначение офицеров.

За исключением нескольких пижонов, завсегдаев гостиных и придворных фаворитов, достигших высокого положения благодаря интригам в прихажив, именно в этой группе, особенно в средних чинах, и проявилось истинное нравственное благородство. Нигде во Франции не было столько проверенных, значительных заслуг. Гениальный человек, связанный с ними в юности, отдал им должное: среди них много людей, обладающих "самыми приятными характерами и умами высшего порядка".³³³¹ Действительно, для большинства из них военная служба была не карьерой честолюбия, а обязанностью рождения. В каждой знатной семье было принято, чтобы старший сын шел в армию, и продвижение по службе не имело особого значения. Он выполнял долг своего звания; этого было достаточно, и после двадцати или тридцати лет службы орден Сен-Луи, а иногда и мизерная пенсия - вот все, на что он был вправе рассчитывать. Среди девяти или десяти тысяч офицеров, в подавляющем большинстве выходцев из низшего и бедного класса провинциальных дворян, телохранители, лейтенанты, капитаны, майоры, подполковники и даже полковники, не имеют других притязаний. Удовлетворяясь [милостями](#)³³³², ограниченными их подчиненным рангом, они оставляют высшие ступени службы наследникам великих семейств, придворным или версальским парвеню, а сами довольствуются тем, что остаются стражами общественного порядка и храбрыми защитниками государства. При такой системе, когда сердце не испорчено, оно возвышается; служить безвозмездно становится делом чести; нет ничего, кроме общественного благосостояния, и тем более потому, что в данный момент оно является темой, поглощающей все умы и всю литературу. Нигде практическая философия, заключающая в себе дух самоотречения, не проникла так глубоко, как среди этого непризнанного дворянства. Под полированной, блестящей, а иногда и легкомысленной внешностью скрывается серьезная душа; старое чувство чести превращается в патриотизм. Поставленные исполнять законы, с силой в руках поддерживать мир страхом, они чувствуют важность своей миссии и в течение двух лет выполняют ее с необычайной умеренностью, мягкостью и терпением, не только рискуя жизнью, но и подвергаясь великим и многократным унижениям, жертвуя своим авторитетом и самолюбием, подчиняя свою разумную волю диктату и неспособности навязанных им хозяев. Благородному офицеру приходится подчиняться требованиям буржуазного муниципального [органа](#)³³³³, подчинять свою компетентность, мужество и благоразумие промахам и тревогам пяти или шести неопытных, испуганных и робких адвокатов, ставить свою энергию и смелость на службу их самонадеянности, слабости и нерешительности, даже когда их приказы или отказ от приказов явно абсурдны или вредны, даже когда они противоречат предыдущим указаниям его генерала или министра, даже когда они заканчиваются разграблением рынка, сожжением замка, убийством невинного человека, даже когда они налагают на него обязанность быть свидетелем преступления со шпагой в ножнах и сложенными [руками](#)³³³⁴ -

это тяжелая задача. Благородному офицеру тяжело видеть независимые, народные и буржуазные войска, организованные перед лицом его собственных войск, соперничающих и даже враждебных, в любом случае в десять раз более многочисленных и не менее требовательных, чем чувствительные, тяжело ожидать, что он будет оказывать им почтение и любезности, сдавать им посты, арсеналы и цитадели, обращаться с их вождями как с равными, какими бы невежественными или недостойными они ни были - здесь адвокат, там капуцин, в другом месте пивовар или сапожник, чаще всего какой-нибудь демагог, а во многих городах или деревнях - какой-нибудь дезертир или солдат, выгнанный из полка за плохое поведение, возможно, один из собственных людей благородного офицера, негодяй, которого он раньше выписал желтым патроном, велел ему идти и быть повешенным в другом месте. Благородному офицеру тяжело, когда его публично и ежедневно клеветают на его звание и титул, когда его называют предателем в клубе и в газетах, когда его по имени называют объектом народного подозрения и ярости, быть освиственным на улицах и в театре, подчиняться неповиновению своих людей, подвергаться доносам, оскорблениям, арестам, грабёжам, охоте и резне с их стороны и со стороны населения, видеть перед собой жестокую, бесславную и незаслуженную смерть - смерть мсье де Лонэ, убитого на улице. де Лонэ, убитого в Париже, мсье де Бельзунса, убитого в Кане, мсье де Боссе, убитого в Марселе, мсье де Вуазен, убитого в Валансе, мсье де Рюлли, убитого в Бастии, или мсье де Роштейнера, убитого в [Порт-о-Пренсе3335](#). Все это терпят офицеры из числа дворян. Ни один из муниципалов, даже якобинец, не может найти предлога, который оправдал бы обвинение в неподчинении приказам. Благодаря такту и почтению они избегают любых конфликтов с Национальной гвардией. Они никогда не поддаются на провокации и, даже будучи оскорбленными, редко защищаются. Их самые серьезные недостатки заключаются в неосторожных разговорах, оживленных выражениях и остротах. Как добрые сторожевые псы среди испуганного стада, которое топчет их ногами или протыкает рогами, они позволяют протыкать и топтать себя, не кусаясь, и оставались бы на своем посту до конца, если бы их не прогнали с него.

Все без толку: вдвойне подозрительные как представители запрещенного сословия и как руководители армии, именно против них общественное недоверие возбуждает наиболее частые взрывы, тем более что инструмент, с которым они обращаются, необычайно взрывоопасен. Набранная добровольцами "среди вспыльчивого, буйного и несколько развратного народа", армия состоит из "всех, кто наиболее вспыльчив, наиболее буйен и наиболее развратен в народе".[3336](#) Добавьте к ним уборщиц из богаделен, и вы обнаружите немало чернорабочих в форме! Если учесть, что жалование невелико, питание плохое, дисциплина суровая, продвижения по службе нет, а дезертирство - явление эндемическое, мы уже не удивляемся всеобщему беспорядку: для таких людей свобода действий - слишком сильный соблазн. С помощью вина, женщин и денег их с самого начала сделали отступниками, и из Парижа эта зараза распространилась по провинциям. В [Бретани3337](#) гренадеры и шассеры Иль-де-Франса "продают свои мундиры, оружие и обувь, требуя авансы, чтобы потратить их в таверне"; пятьдесят шесть солдат Пентьера "хотели убить своих офицеров", и предвидится, что, предоставленные сами себе, они вскоре, за неимением жалования, "отправятся на большие дороги, чтобы грабить и убивать". В [Эвре-и-Луар драгуны3338](#) с саблями и пистолетами в руках посещают крестьянские дома и берут хлеб и деньги, а пешие солдаты "Рояль-Комтуа" и драгуны "Полковника-генерала" дезертируют группами, чтобы отправиться в Париж, где их ждут развлечения. Главное для них - "весело провести время". В самом деле, обширные военные мятежи самых ранних времен, Парижский, Версальский, Безансонский и Страсбургский, начинались или заканчивались весельем. Из этих глубин грубых желаний проросли естественные или законные амбиции. Некоторые солдаты вот уже двадцать лет как научились читать и считают себя способными

стать офицерами. Более того, четверть призывников - это молодые люди, родившиеся в хороших условиях, которых каприз закинул в армию. Они задыхаются в этом узком, низком, темном, замкнутом проходе, где привилегированные по рождению закрывают вопрос, и они перешагивают через своих начальников, чтобы добиться продвижения по службе. Это недовольные, спорщики, ораторы в столовой, и между этими политиками казармы и политиками улицы сразу же образуется союз - начав с одной точки, они идут к одной цели, и воображение, которое трудилось, чтобы очернить правительство в сознании народа, очерняет офицеров в сознании солдат.

Казна пуста, и есть долги по зарплате. Города, обремененные долгами, больше не предоставляют своих квот на припасы; а в Орлеане, на фоне бедственного положения муниципалитета, швейцарцы Шатовье были вынуждены ввести для себя ограничение в размере одного су в день и на человека, чтобы иметь дрова на зиму.³³³⁹ Зерна не хватает, мука испорчена, а армейский хлеб, который и так был плох, стал еще хуже. Администрация, изъеденная червями старых злоупотреблений, приходит в упадок из-за новых беспорядков, и солдаты страдают как от ее распушенности, так и от своей расточительности.³³³⁹ Они считают себя ограбленными и жалуются, сначала умеренно; и их обоснованные претензии удовлетворяются. Вскоре они требуют отчета, и он составляется для них. В Страсбурге, когда они были проверены Келлерманом и уполномоченным Национального собрания, было доказано, что они не были обмануты ни на йоту; тем не менее им было выдано вознаграждение в шесть франков на голову, и они кричат, что довольны и больше им нечего просить. Через несколько месяцев после этого возникают новые жалобы, и происходит новая проверка: прапорщика, обвиненного в растрате и которого они хотели повесить, судят в их присутствии; его бухгалтерия приведена в порядок; никто из них не может привести против него доказанного обвинения, и они снова молчат. В других случаях, прослушав несколько часов чтение реестров, они зевают, перестают слушать и выходят на улицу, чтобы выпить чего-нибудь. Но цифры их требований, как они были суммированы их калькуляторами в столовой, остаются в их мозгу; они пустили там корни и постоянно возникают, и никакие отчеты или опровержения не могут их изгнать. Не надо больше ни сочинений, ни речей - им нужны деньги: 11 000 ливров для полка в Боне, 39 500 ливров для полка в Форезе, 44 000 ливров для полка в Сальме, 200 000 ливров для полка в Шатовье, и так же для остальных. Тем хуже для офицеров, если им не хватит сундука с деньгами; пусть они оценивают друг друга или берут в долг под расписку у муниципалитета или у богатых людей города. - Для большей безопасности в разных местах солдаты завладевают военным сундуком и несут вокруг него караул: он принадлежит им, поскольку они составляют полк, и в любом случае лучше, чтобы он был в их руках, чем в руках подозреваемого. - Уже 4 июня 1790 года военный министр объявляет Собранию, что "военное тело грозит впасть в совершенное состояние анархии". В его докладе говорится о "самых невероятных притязаниях, высказанных самым откровенным образом: приказы без силы, начальники без власти, военные сундуки и флаги унесены, приказы самого короля открыто оспариваются, офицеры осуждаются, оскорбляются, угрожают, изгоняются; некоторые из них даже пленены среди своих собственных войск, ведут шаткую жизнь среди отвращения и унижений, и, как апогей ужаса, командирам перерезают горло на глазах и почти в объятиях их собственных солдат".

После июльской федерации все стало гораздо хуже. Развлеченные, польщенные и внушенные в клубах, их делегаты, низшие офицеры и рядовые, возвращаются в полк якобинцев и отныне переписываются с якобинцами Парижа, "получая их инструкции и отчитываясь перед ними"³³⁴⁰. Три недели спустя военный министр уведомляет Национальное собрание, что в армии нет предела свободе действий. "Курьеры, разносчики новых жалоб, прибывают постоянно". В одном месте "требуют отчета о фонде и предлагают

его разделить". В другом месте гарнизон под бой барабанов покидает город, сдает своих офицеров и возвращается с мечом в руках. Каждый полк управляется комитетом солдат. "Именно в этом комитете дважды устраивалось задержание подполковника Пуату; именно здесь "Рояль-Шампань" затеял мятеж", отказавшись признать присланного к нему подпоручика. "Каждый день кабинет министра наполняется солдатами, которые посылаются к нему в качестве представителей и которые гордо приходят и выражают ему волю своих избирателей". Наконец, в Страсбурге семь полков, каждый из которых был представлен тремя делегатами, образовали военный конгресс. В том же месяце вспыхивает страшное восстание в Нанси - три полка, население вместе с ними, арсенал разграблен, три часа яростных боев на улицах, повстанцы стреляют из окон домов и из подвалов, пятьсот убитых среди победителей и три тысячи среди побежденных.-В следующем месяце и в течение шести [недель3341](#) происходит другой мятеж, менее кровавый, но более масштабный, лучше организованный и более упорный, мятеж всей эскадры в Бресте, мятеж двадцати тысяч человек, сначала против своего адмирала и офицеров, затем против нового уголовного кодекса и против самого Национального собрания. Последнее, после тщетных уговоров, вынуждено не только не принимать жестких мер, но и вновь пересмотреть свои [законы3342](#).

С этого времени я не могу перечислить постоянные вспышки на флоте и в армии. По разрешению министра солдат идет в клуб, где ему неоднократно говорят, что его офицеры, будучи аристократами, являются предателями. В Дюнкерке его дополнительно учат, как от них избавиться. Крики, доносы, оскорбления, мушкетные выстрелы - это естественные средства, и они применяются на практике: но есть еще одно, недавно открытое средство, с помощью которого можно прогнать энергичного офицера, которого боятся. Находится какой-нибудь патристичный хулиган, который приходит и оскорбляет его. Если офицер сражается и не убит, муниципальные власти отдают его под суд, а начальство отправляет его вместе с секундантами, "чтобы не нарушать гармонии между солдатом и гражданином". Если же он отказывается от предложенной дуэли, то презрение его подчиненных вынуждает его покинуть полк. В любом случае его убирают с дороги.[3343](#) [них](#) У нет никаких угрызений совести по отношению к нему. Присутствующий или отсутствующий, знатный офицер непременно должен быть в заговоре со своими товарищами-эмигрантами, и на этом строится история. Раньше, чтобы доказать, что в реку бросают мешки с мукой, солдаты утверждали, что эти мешки завязаны голубыми шнурами (cordons bleus). Теперь, чтобы подтвердить уверенность в том, что офицер сговорился с Кобленцем, достаточно сказать, что он ездит на белой лошади; некий капитан в Страсбурге едва избежал того, чтобы его разрубили на части за это преступление; "дьявол не мог выбить из их голов, что он действует как шпион, и что маленькая борзая", которая сопровождает его во время поездок, "используется для подачи сигналов". "Через год, когда Национальное собрание завершает свою работу, мсье де Ламет, мсье Фрето и мсье Алкье заявляют перед ним, что Люкнер, Рошамбо и самые популярные генералы "больше ни за что не отвечают". Овернский полк прогнал своих офицеров и образовал отдельное общество, которое никому не подчиняется. Второй батальон из Боны готов поджечь Аррас. Почти необходимо осадить Фальсбург, гарнизон которого взбунтовался. Здесь "неподчинение приказам генерала носит формальный характер". Здесь "есть солдаты, которых приходится уговаривать стоять в карауле; которых не смеют посадить в тюрьму для поддержания дисциплины; которые угрожают стрелять в своих офицеров; которые сбиваются с дороги, грабят все подряд и стреляют в капрала, который пытается их вернуть". В Блуа часть полка "только что прибыла без одежды и оружия, солдаты продали все по дороге, чтобы обеспечить свое распутство". Один из них, делегированный своими товарищами, предлагает якобинцам в Париже "деаристократизировать" армию, обналичив всех дворян. Другой под аплодисменты клуба

заявляет, что "видя, как строятся палисады Живе, он собирается доносить на военного министра в трибунал шестого округа Парижа".

Очевидно, что для благородных офицеров ситуация перестала быть приемлемой. Терпеливо прождав двадцать три месяца, многие из них ушли по совести, когда Национальное собрание, принуждая их к третьей присяге, вычеркнуло из формулы имя короля, их прирожденного генерала.³³⁴⁴ Другие уходят в конце Учредительного собрания, "потому что рискуют быть повешенными". Большое количество людей уходит в отставку в конце 1791 года и в первые месяцы 1792 года, по мере того как новый кодекс и новая система набора в армию дают свои результаты³³⁴⁵. Действительно, с одной стороны, благодаря тому, что солдаты и низшие офицеры получили право голоса при выборах своих начальников и места в военных судах, "не осталось и тени дисциплины; приговоры выносятся по чистому капризу; солдат приобретает привычку презирать своих начальников, наказаний которых он не боится и от которых не ждет никакой награды; офицеры парализованы до такой степени, что становятся совершенно лишними людьми". С другой стороны, большинство Национальных добровольцев состоит из "людей, купленных коммунами" и административными органами, никчемных персонажей с улицы, деревенских бродяг, вынужденных идти в поход по жребью или подкупу"³³⁴⁶, а вместе с ними энтузиастов и фанатиков в такой степени, что с марта 1792 года, от места их зачисления до границы, их путь везде отмечен грабежами, разбоем, опустошениями и убийствами. Естественно, и в дороге, и на границе они доносят, прогоняют, сажают в тюрьму или убивают своих офицеров, особенно дворян. 3/4 И тем не менее, в этих условиях многие знатные офицеры, особенно в артиллерийском и инженерном корпусах, упорно продолжают оставаться на своих постах, одни из либеральных побуждений, другие из уважения к своим инструкциям; даже после 10 августа, даже после 2 сентября, даже после 21 января, как их генералы Бирон, Кюстин, де Флерс, де Брольи и де Монтескью, с постоянной перспективой гильотины, которая ожидает их по выходе с поля боя и даже в министерских кабинетах Карно.

VII.- Эмиграция и ее причины.

Первые законы против эмигрантов.

Соответственно, необходимо, чтобы офицеры и дворяне уезжали, уезжали за границу; и не только они, но и их семьи. "Господа, у которых едва ли шестьсот ливров дохода, отправляются пешком"³³⁴⁷, и нет никаких сомнений в мотивах их отъезда. "Тот, кто беспристрастно рассмотрит единственные и истинные причины эмиграции, - говорит честный человек, - найдет их в анархии. Если бы свобода личности не подвергалась ежедневной угрозе, если бы" в гражданском, как и в военном, порядке вещей "бессмысленная догма, проповедуемая фракциями, что преступления, совершенные толпой, являются приговором небес, не применялась на практике, Франция сохранила бы три четверти своих беглецов. В течение двух лет они подвергались позорным опасностям, всем видам бесчинств, бесчисленным преследованиям, под сталью убийц, под огнем

поджигателей, под самыми позорными обвинениями, "под доносами" своих развращенных домохозяев, под визитами в дома", вызванными самыми обычными уличными слухами, "произвольное заключение в тюрьму Следственным комитетом", лишение гражданских прав, изгнание с первичных собраний, "они несут ответственность за свой ропот и наказаны за чувствительность, которая могла бы тронуть сердце страдающего преступника". "Сопротивления нигде не видно; от трона принца до прихода священника буря смирила всех злопыхателей". Брошенные "на произвол клубов, донощиков, запуганных чиновников, они находят палачей со всех сторон там, где благоразумие и безопасность государства предписывали им даже не видеть врагов. . . . Тот, кто отвращался от бесчинств фанатизма и общественной жестокости, кто вызывал жалость к жертвам, сгрудившимся под развалинами стольких законных прав и одиозных злоупотреблений, кто, наконец, осмеливался высказать сомнение или жалобу, объявлялся врагом нации". После такого представления недовольных как многочисленных заговорщиков каждое преступление, совершенное против них, было узаконено в общественном [мнении](#)³³⁴⁸. Общественное сознание, сформированное фракциями и той группой политических корсаров, которые стали бы позором варварской нации, рассматривало нападения на собственность и города просто как национальную справедливость, в то время как не раз известие об убийстве невинного человека или о приговоре, грозившем ему смертью, приветствовалось криками радости. Соответственно были установлены две системы естественного права, два порядка справедливости, два стандарта морали; Согласно одной из них, против своего сородича, аристократа, допускалось то, что было бы преступно, если бы он был патриотом. . . . Разве можно было предвидеть, что по истечении двух лет Франция, изобилующая законами, магистратами, судами, гражданами-гвардейцами, связанными торжественной клятвой в защите порядка и общественной безопасности, все еще и постоянно будет ареной, на которой дикие звери будут пожирать безоружных людей" - для всех, даже для стариков, вдов и детей, вырваться из их лап будет преступлением. Не делая различия между теми, кто бежит, чтобы не стать добычей, и теми, кто вооружается для нападения на границу, Учредительное и Законодательное собрания одинаково осуждают всех отсутствующих. Учредительное [собрание](#)³³⁴⁹ увеличивает втрое налоги на недвижимость и личные вещи и предписывает тройное обложение их ренты и податей. Законодательное собрание секвестрирует, конфискует и выставляет на рынок их имущество, недвижимое и личное, на сумму около пятнадцатисот миллионов наличными. Пусть они вернутся и положат себя под ножи населения; в противном случае они и их потомство будут нищими".^{3350 3350} При этих словах возмущение переливается через край, и либеральный буржуа, иностранец Малле дю Пан, восклицает: "Что! Двадцать тысяч семей, совершенно не знающих о планах Кобленца и о его собраниях, двадцать тысяч семей, рассеянных по земле Европы яростью клубов, преступлениями разбойников, постоянным отсутствием безопасности, тупой и трусливой инертностью окаменевших властей, грабежом поместий, наглостью когорты тиранов без хлеба и одежды, убийствами и поджогами, подлым раболепием молчаливых министров, целым рядом революционных бедствий, - что, если эти двадцать тысяч опустевших семей, женщин и стариков, увидят, как их наследство станет добычей национального грабежа! Что! Мадам Гильен, вынужденная с ужасом бежать из страны, где чудовища сожгли ее жилище, зарезали и съели ее мужа и безнаказанно живут рядом с ее домом, - пусть мадам Гильен увидит свое состояние конфискованным в пользу тех общин, которым она обязана своими ужасными несчастьями! Пусть господин де Кларак под страхом такого же наказания отправится восстанавливать руины своего замка, где армия негодяев не смогла его задушить!" - Тем хуже для них, если они не посмеют вернуться! Их ждет гражданская смерть, вечное изгнание, а в случае нарушения запрета они будут преданы гильотине. В одном ряду с ними находятся и другие, которые с еще большей невинностью покинули территорию,

магистраты, простые богачи, бюргеры или крестьяне, католики, и особенно одно целое сословие - духовенство, от кардинала-архиепископа до простого деревенского vikария, - все они подверглись преследованиям, затем были разогнаны, затем раздавлены одним и тем же народным гнетом и одним и тем же законодательным гнетом, причем каждое из этих двух преследований возбуждает и усугубляет другое до такой степени, что, наконец, народ и закон, один сообщник другого, уже не оставляют ни крыши над головой, ни куска хлеба, ни часа безопасности ни дворянину, ни священнику.³³⁵¹

VIII.- Отношение священников, не занимающихся юриспруденцией.

Как они становятся недоверчивыми.- Незаконные аресты местными незаконные аресты местными администрациями.-Насилие или соучастие Национальной гвардии.-Возмущения населения.-Исполнительная власть на юге.-Шестая жакерия.-Две причины.-Отдельные вспышки на севере, востоке и западе, - всеобщее извержение на юге и в центре.

Правящая страсть бросается на все препятствия, даже на те, которые сама ставит на своем пути. Путем обширной узурпации меньшинство неверующих, безразличных или слабодушных, пытается навязать свои церковные формы католическому большинству, и ситуация, созданная таким образом для католического священника, такова, что если он не станет раскольников, он не может не оказаться врагом. Напрасно он подчинялся! Он позволил забрать свое имущество, он покинул свой пасторский дом, он передал ключи от церкви своему преемнику, он держится в стороне; он не нарушает, ни упущением, ни действием, ни одной статьи какого-либо декрета. Напрасно он пользуется своим законным правом воздерживаться от принесения клятвы, противной его совести. Только это заставляет его, по-видимому, отказываться от гражданской присяги, в которую включена присяга церковная, отвергать конституцию, которую он принимает в полном объеме за вычетом паразитной главы, вступать в заговор против нового социального и политического порядка вещей, который он часто одобряет и которому почти всегда [подчиняется](#)³³⁵². Только благодаря этому он противостоит новым законодателям, претендующим на духовное руководство, ибо, будучи православным, он должен верить, что священник, которого они избирают, отлучен от церкви, что его таинства тщетны; и, будучи пастырем, он должен препятствовать своим овцам пить из нечистого источника. Напрасно он проповедует им умеренность и уважение. Сам факт раскола влечет за собой последствия, и крестьяне не всегда могут оставаться такими же терпеливыми, как их пастор. Они знают его двадцать лет; он крестил их и венчал; они верят, что его месса - единственная истинная; их не устраивает, что они вынуждены посещать другую, находящуюся в двух или трех лье отсюда, и оставлять церковь, свою церковь, которую построили их предки и где от отца к сыну они молились веками, в руках чужака, злоумышленника и еретика, который служит перед почти пустыми скамьями и которого поставили жандармы с оружием в руках. Уверены, что, когда он проходит по улице, на него смотрят с опаской: неудивительно, что женщины и дети вскоре

начинают кричать на него, что ночью в его окна бросают камни, что в сильно католических департаментах, Верхнем и Нижнем Рейне, Дубе и Юре, Лозере, Дё-Севре и Вандее, Финистере, Морбиане и Кот-дю-Норде, его встречают всеобщим дезертирством, а затем изгоняют из-за общественной недоброжелательности. Неудивительно, что его месса прерывается и что его персоне угрожают;³³⁵³ что недовольство, которое до сих пор охватывало только высшее сословие, опускается в народные слои; что от одного конца Франции до другого царит угрюмая враждебность к новым институтам; ибо теперь политическая и социальная конституция соединяется с церковной, как здание со шпилем, и через этот острый шпиль ищет бурю даже в темнеющих небесных тучах. Все зло проистекает из этого неумелого, безвозмездного, принудительного слияния и, следовательно, от тех, кто его осуществил.

Но победившая сторона никогда не признает, что совершила ошибку. В ее глазах виноваты только священники, не участвовавшие в обряде; она раздражена против их развратной совести; и, чтобы подавить мятеж даже в недоступном святилище личного убеждения, нет такого законного или жестокого акта насилия, который она не позволила бы себе совершить.

Таким образом, перед нами открывается новый вид спорта, и дичь эта чрезвычайно многочисленна. Ибо в нее входят не только черные или серые рясы, более сорока тысяч священников, более тридцати тысяч монахинь и несколько тысяч монахов, но и преданные ортодоксы, то есть женщины низшего и среднего сословия, и, не считая провинциальных дворян, большинство серьезной, устойчивой буржуазии, большинство крестьянства - почти все население нескольких провинций, восточных, западных и южных. Им, как в последнее время и дворянам, дано имя: фанатик, что равносильно аристократу, ибо обозначает также врагов общества, поставленных им за гранью закона.

Мало значения имеет, благоприятствует ли им закон, ибо он толкуется против них, произвольно истолковывается и открыто нарушается пристрастными или запуганными административными органами, которые Конституция вывела из-под контроля центральной власти и подчинила власти народных собраний. С первых месяцев 1791 года начинается травля; муниципалитеты, районы и департаменты сами часто берут на себя инициативу в избиении дичи. Шесть месяцев спустя Законодательное собрание своим декретом от 29 ноября³³⁵⁴ дает отбой, и, несмотря на вето короля, гончие со всех сторон бросаются вперед. В течение апреля 1792 года сорок два департамента принимают против священников, не исповедующих религию, "акты, которые не предписаны и не разрешены Конституцией", и до конца работы Законодательного собрания за ними последуют еще сорок три. -Посредством этой серии незаконных актов, без правонарушений, без суда и следствия, во Франции повсеместно изгоняют священников из их приходов, переводят в главный город департамента или округа, в некоторых местах заключают в тюрьму, ставят на одну ступень с эмигрантами и лишают их собственности, реальной и личной.³³⁵⁵ Против них больше ничего не требуется, кроме общего декрета о депортации, который должен последовать, как только Ассамблея сможет избавиться от короля.

Тем временем национальные гвардейцы, вымогавшие законы, стараются отягчить их применение; и нет ничего странного в их враждебности. Торговля замирает, промышленность чахнет, ремесленник и лавочник страдают, и, чтобы объяснить всеобщее недовольство, его приписывают неподчинению священника. Если бы не его упрямство, все бы шло хорошо, ведь Конституция совершенна, а он единственный, кто ее не принимает. Но, не принимая ее, он нападает на нее. Поэтому он - последнее препятствие на пути к общественному счастью; он - козел отпущения, давайте прогоним это несносное существо! И городское ополчение, иногда по собственному почину, иногда подстрекаемое

муниципальным органом, его сообщник, нарушает общественное богослужение, разгоняет общины, хватает священников за воротник, выталкивает их за плечи из города и угрожает им повешением, если они посмеют вернуться. В Дуэ³³⁵⁶, с оружием в руках, они заставляют директора департамента отдать приказ о закрытии всех ораторий и часовен в больницах и монастырях. В Кане, с заряженными ружьями и пушкой, они идут на соседний приход Версон, врываются в дома, собирают пятнадцать человек, подозреваемых в ортодоксальности - каноников, купцов, ремесленников, рабочих, женщин, девушек, стариков и немощных, отрезают им волосы, бьют их прикладами своих мушкетов и ведут обратно в Кан, привязав к пролому пушки; и все это потому, что в Версоне все еще служил священник-беспризорник, и многие благочестивые люди из Кана посещали его мессу: Версон, следовательно, является центром контрреволюционных сборищ. Кроме того, в домах, в которые врываются, разбивали мебель, ставили бочки, крали белье, деньги и тарелки; к экспедиции присоединялся сброд из Кана - здесь и везде ничего не остается делать, как предоставить этому сброду действовать по-своему; а поскольку он действует против имущества, свободы, жизни и чувства приличия опасных людей, Национальная милиция старается не вмешиваться в его дела. Таким образом, православные, священники и верующие, мужчины и женщины, теперь находятся в его власти, и, благодаря попустительству вооруженных сил, которые отказываются вмешаться, сброд удовлетворяет свои обычные инстинкты жестокости, грабежа, распутства и разрушения на запрещенном классе.

Будь то общественное или частное дело, порядок дня всегда направлен на то, чтобы помешать богослужению, а средства, используемые для этого, достойны тех, кто их применяет.³³⁵⁷ Вот, например, священник, не имеющий травмы, дерзнул прислуживать больному, и дом, в который он только что вошел, был взят штурмом, а дверь и окна дома, занимаемого другим священником, разбиты.³³⁵⁷ Вот, жилище двух рабочих, которых обвиняют в том, что их младенцев крестил священник-отступник, разграблено и почти разрушено. В другом месте толпа отказывается пропустить на кладбище тело старого куратора, который умер, не принеся присяги. Еще дальше на церковь нападают во время вечерни, и все разбивается вдребезги: на следующий день наступает очередь соседней церкви, и, кроме того, разоряется монастырь монахинь-урсулинок.^{3358 3358} В Лионе в день Пасхи 1791 года, когда люди выходят из шестичасовой мессы, отряд, вооруженный кнутами, обрушивается на женщин. Раздетые, в синяках, распростертые, с головой в грязи, они не уходят, пока не истекут кровью и не умрут; одна молодая девушка была фактически на грани смерти; и подобное безобразие происходит так часто, что даже дамы, посещающие православную мессу в Париже, не смеют выходить, не зашив вокруг себя одежду в виде кальсон.³³⁵⁸ Естественно, чтобы извлечь максимум из предлагаемой им добычи, создаются охотничьи ассоциации. Они существуют в Монпелье, Арле, Юзесе, Але, Ниме, Карпантресе и в большинстве городов или бургов Гарда, Воклюза и Эро, в большем или меньшем количестве, в зависимости от численности населения города: некоторые насчитывают от десяти до двенадцати, а другие - от двухсот до трехсот решительных мужчин, самого разного вида: среди них встречаются "ударники" (tape-dur), бывшие разбойники и беглые каторжники с клеймом на спине. Некоторые из них обязывают своих членов носить медаль как видимый знак признания; все принимают на себя титул исполнительной власти и заявляют, что действуют по собственной инициативе и что необходимо "ускорить закон".³³⁵⁹ Их предлог - защита присяжных священников; и в течение двадцати месяцев, начиная с апреля 1791 года, они действуют с этой целью с помощью тяжелых узловатых дубин, украшенных железными остриями, не считая сабель и штыков. Как правило, их экспедиции носят ночной характер. Внезапно вторгаются в дома "граждан, заподозренных в недостатке патриотизма", в дома неправовверных церковников, монахов христианской

школы; все ломают или крадут, а владельцу приказывают покинуть место в течение двадцати четырех часов: иногда, несомненно, из-за излишней осторожности, его забивают до смерти на месте. Кроме того, банда днем работает на улицах, бьет плетью женщин, входит в церкви с саблей в руке и выгоняет из алтаря не повинующегося священника. Все это делается при попустительстве и на глазах у парализованных или покладистых властей, своего рода оккультным и дополнительным правительством, которое не только обеспечивает то, чего не хватает в церковном законодательстве, но и рыщет по карманам частных лиц. - В Ниме, под руководством патриотического танцмейстера, не довольствуясь "постановлениями о запретах, убийствами, бичеваниями, а часто и убийствами", эти новые поборники галликанской церкви берутся оживить рвение тех, кто может внести свой вклад. Была предложена подписка для поддержки семей добровольцев, собирающихся уходить, но исполнительная власть берется пересмотреть список пожертвований: она произвольно облагает налогом тех, кто не дал или, по ее мнению, дал слишком мало, одних "бедных рабочих - пятьдесят ливров, других - двести, триста, девятьсот и тысячу, под угрозой разрушения домов и жестокого обращения". В других местах добровольцы из Бо и других коммун, расположенных вблизи Тараскона, беспрепятственно угощаются и, "под предлогом похода на защиту страны, взимают огромные взносы с владельцев", с одного четыре тысячи, с другого пять тысяч ливров. В случае неуплаты они увозят все зерно одной фермы, вплоть до запасного семени, угрожая в случае жалобы устроить хаос и даже сжечь, так что владельцы не смеют сказать ни слова, а генеральный прокурор соседнего департамента, опасаясь за свой счет, просит сохранить его донос в тайне. - Из трущоб городов жакерия распространилась на сельские районы. Это уже шестой и самый масштабный случай за последние три года. [3360](#)

С одной стороны, крестьянин напуган грохотом оружия и постоянными объявлениями о приближающемся вторжении. Клубы и газеты со времен декларации Пильница, ораторы в Законодательном собрании вот уже четыре месяца не дают ему покоя своими трубными раскатами, и он подгоняет своих волов в борозде криками: "Уа, Пруссия!" - одного, а другого: "Ну и ну, Австрия!" Австрия и Пруссия, иностранные короли и дворяне в союзе с дворянами-эмигрантами, собираются вернуться в полном составе, чтобы восстановить налог на соль, акциз, феодальные подати, десятину и вернуть себе национальное имущество, уже проданное и перепроданное, при помощи дворян, которые не уехали или вернулись, и при попустительстве священников, которые объявляют продажу кощунственной и отказываются отпустить грехи покупателям. - С другой стороны, приближается Страстная неделя, и вот уже который год муки совести беспокоят покупателей. До 24 марта 1791 года продажи национального имущества составили всего 180 миллионов; но, когда Собрание продлило срок уплаты и облегчило дальнейшие продажи в деталях, соблазн оказывается слишком сильным для крестьянина; чулки и зарытые горшки опустошаются от сбережений. За семь месяцев крестьянин покупает на сумму 1 346 миллионов [3361](#) и, наконец, получает в полную собственность тот клочок земли, которого он жаждал столько лет, а иногда и неожиданный участок, лес, мельницу или луг. В настоящее время он должен рассчитаться с церковью, и если денежный расчет откладывается, то католический наступает в назначенный день. По давней традиции он обязан причащаться на [Пасху](#) [3362](#), его жена тоже, а также его мать; и если он, в виде исключения, не считает это нужным, то это делают они. Кроме того, он требует причастия для своего старого больного отца, для своего новорожденного ребенка и для другого ребенка, достигшего возраста, когда он должен быть конфирмован. Итак, причастие, крещение, исповедь, все таинства, чтобы быть качественными, должны происходить из надежного источника, как это происходит с мукой и монетой; только сейчас в мире слишком много фальшивых денег, и присяжные священники ежедневно теряют кредит, как цессионарии. Поэтому не остается ничего другого, как прибегнуть к помощи

присяжного поверенного, который единственный способен дать действительное отпущение грехов. И случается так, что он не только отказывается от этого, но и говорит, что он враждебен всему новому порядку вещей... В этой дилемме крестьянин прибегает к своему обычному средству - силе оружия; он хватает священника за горло, как прежде своего господина, и требует оправдания за свои грехи, как прежде за свои феодальные повинности. По меньшей мере, он стремится принудить к присяге тех, кто не присягает, закрыть их сепаратистские церкви и привести весь кантон к единой вере - время от времени он мстит за себя приверженцам тех, кто не присягает, за замки и богатые дома, за дворян и богачей, за собственников всех сословий. Время от времени, поскольку после амнистии, объявленной в сентябре 1791 года, тюрьмы опустели, половина судов еще не [создана3363](#), а полиции нет уже тридцать месяцев, обычные грабители, бандиты и бродяги, которые кишат в городе без всякого преследования и надзора, присоединяются к толпе и набивают свои карманы.

Здесь, в [Па-де-Кале3364](#), триста деревенских жителей во главе с барабанщиком врываются в двери карфузианского монастыря, крадут все: еду, напитки, белье, мебель и вещи, а в соседнем приходе другая группа действует таким же образом в домах мэра и старого куратора, угрожая "убить и сжечь всех" и обещая вернуться в следующее воскресенье. - Там же, в Бас-Рене, возле Форт-Луи, разграблены двадцать домов аристократов. - В других местах Иль-и-Вилена отряды сельских ополченцев, объединившись, переходят из прихода в приход, и, увеличиваясь в числе в результате своей жестокости, пока не образуют отряды в две тысячи человек. Они закрывают церкви, прогоняют не сопротивляющихся священников, снимают колокола, едят и пьют, что хотят, за счет жителей, и часто, в домах мэра или налогового инспектора, предаются удовольствию разбивать все на куски. Если кто-нибудь из чиновников делает им замечание, они кричат: "На аристократа!". Одного из этих неудачливых советников бьют по спине прикладом мушкета, а в двух других целятся из ружей; начальники экспедиции находятся в не лучшем положении, и, по их собственному признанию, если они идут во главе толпы, то только для того, чтобы убедиться, что их самих не разграбят и не повесят. То же самое можно наблюдать в Майенне, в Орне, в Мозеле и в [Ландах3365](#). - Однако это лишь отдельные вспышки, причем очень слабые; на юге и в центре чума проявляется в виде огромного прокаженного пятна, которое, простираясь от Авиньона до Перигё и от Орильяка до Тулузы, внезапно охватывает, почти без перерыва, десять департаментов, Воклюз, Ардеш, Гард, Канталь, Коррез, Лот, Дордонь, Жерс, Верхняя Гаронна и Эро. Огромные сельские массы приходят в движение одновременно, со всех сторон и по одним и тем же причинам: приближение войны и Пасхи. В Кантале на собрании кантона в Орийяке для набора [армии3366](#) командир деревенской национальной гвардии требует отомстить "тем, кто не патриот", и распространяется сообщение, что из Парижа пришел приказ разрушить замки. Более того, повстанцы утверждают, что священники своим отказом принять присягу втягивают нацию в гражданскую войну: "Мы устали от отсутствия мира из-за них; пусть они станут хорошими гражданами, чтобы все могли ходить на мессу". Подкрепляя это, повстанцы входят в дома, выкупают жителей, не только священников и бывших дворян, "но и тех, кого подозревают в пристрастии к ним, тех, кто не посещает мессу конституционного священника", и даже бедняков, ремесленников и землепашцев, которых они облагают налогом в пять, десять, двадцать и сорок франков, а погреба и хлебные ящики опустошают. Восемнадцать замков разграблены, сожжены или разрушены, и среди них - замки нескольких господ и дам, которые не покинули страну. Один из них, месье д'Юмьер, - старый офицер восьмидесяти лет; мадам де Пейроненк спасает своего сына, переодевшись крестьянином; мадам де Боклерк, перелетев через гору, видит, как ее больной ребенок умирает у нее на руках. В Орийяке перед главными домами устанавливают гиббеты; месье де Ниоссея, бывшего лейтенанта уголовного суда, посаженного в тюрьму ради его безопасности, вытаскивают, а его отрубленную голову бросают на свалку; месье Коллине,

только что прибывшего с Мальты и подозреваемого в аристократизме, разрывают на части, режут на куски, а его голову носят на конце пика. Наконец, когда муниципальные чиновники, судьи и королевский комиссар начинают разбирательство против убийц, они оказываются в такой опасности, что вынуждены уйти в отставку или бежать. Таким же образом в Верхней [Гаронне3367](#) восстание началось "против неюристов и их последователей". Этому способствует тот факт, что в разных приходах конституционный куратор входит в клуб и требует избавления от своих противников. Один из них в Сен-Жан-Лорне, "сидя на телеге, проповедует грабеж толпе из восьмисот человек". Каждая группа, следовательно, начинает с изгнания непримиримых священников и принуждения их сторонников посещать мессу клятвоступника. Но такой успех, совершенно абстрактный и бесплодный, не приносит пользы, и крестьяне в состоянии бунта не удовлетворяются так легко. Когда приходы выходят в поход дюжинами и посвящают свой день служению обществу, они должны иметь какое-то вознаграждение в виде дров, пшеницы, вина или [денег3368](#), а расходы на экспедицию могут покрыть аристократы. Аристократами являются не только те, кто не является юристами, как, например, старушка, "очень фанатичная, которая в течение сорока лет посвящала все свои доходы филантропии", "но и зажиточные люди, крестьяне или джентльмены;", ибо, "держа вино и зерно непроданными в своих погребах и амбарах и не беря на себя больше работы, чем им нужно, чтобы лишить рабочих в стране средств к существованию", они намереваются "уморить голодом" бедняков. Таким образом, чем больше грабеж, тем больше польза для общества. По мнению повстанцев, важно "уменьшить доходы, которыми пользуются враги нации, чтобы они не отправляли свои доходы в Кобленц и другие места за пределами королевства". В результате отряды в шесть-восемьсот или тысячу человек заполонили районы Тулузы и Кастельсарразина. Все владельцы, аристократы и патриоты попадают под контрибуцию. Здесь, в доме "филантропической, но фанатичной старой девы, они вскрывают все, крушат мебель, уносят восемьдесят два бушеля пшеницы и шестнадцать бочонков вина". В другом месте, в Рокферриере, сжигают феодальные титулы и грабят замок. Еще дальше, в Лассерре, требуют тридцать тысяч франков и уносят все готовые деньги. Почти везде муниципальные чиновники, вольно или невольно, санкционируют грабежи. Более того, "они снижают цену на провизию в ассигнатах до уровня, намного меньшего, чем нынешняя цена в серебре", и удваивают цену за день работы. Тем временем другие банды опустошают национальные леса, а жандармы, чтобы не прослыть аристократами, не думают о том, чтобы платить суд мародерам.

После всего этого становится очевидным, что собственности больше не существует ни для кого, кроме нищих и грабителей. В [Дордони3369](#) под предлогом изгнания священников-беспризорников часто собираются толпы, чтобы грабить и разбойничать все, что попадает им на пути. . . . Все зерно, которое находится в домах с флюгерами, конфискуется". Деревенские жители используют в качестве общинной собственности все леса, все имущество эмигрантов; и эта операция носит радикальный характер; например, группа, обнаружив новый сарай, материалы которого показались им хорошими, разрушает его, чтобы поделить между собой черепицу и древесину... В Коррезе пятнадцать тысяч вооруженных крестьян, прибывших в Тюль, чтобы разоружить и прогнать сторонников не-юр, ломают все в домах подозреваемых, и с большим трудом удается отправить их с пустыми руками. Как только они возвращаются домой, они грабят замки Сен-Галь, Сейльяк, Гурдон, Сен-Базиль и Ла-Рошетт, а также множество деревенских домов, даже отсутствующих плебеев. Они нашли карьер, и никогда еще изъятие имущества не было более полным. Они аккуратно выносят, говорится в официальном заявлении, все, что можно унести - мебель, занавески, зеркала, вешалки для одежды, картины, вина, провизию, даже полы и деревянные панели, "вплоть до мельчайших осколков железа и деревянных изделий", разбивая остальное, так что от дома "не остается ничего, кроме четырех стен, крыши и

лестницы". В Лоте, где уже два года продолжается восстание, ущерб гораздо больше. В ночь с 30 на 31 января "все лучшие дома в Суйяке" вскрыты, "разграблены сверху донизу" [3370](#), их владельцы вынуждены бежать, и таких вспышек в департаменте происходит так много, что директория не успевает отчитаться о них перед министром. Целые районы охвачены бунтом, так как "в каждой коммуне все жители являются соучастниками, свидетелей невозможно найти, чтобы поддержать уголовное преследование, и преступление остается безнаказанным". В кантоне Кабререт требуют возврата ранее собранной ренты и возмещения сборов, уплаченных за двадцать лет. В небольшой городок Лазерте вторгаются окруженные отряды ополченцев, а его разоруженные жители оказываются во власти якобинцев в пригородах. В течение трех месяцев в округе Фижак "все особняки бывших дворян разграблены и сожжены"; затем нападению подвергаются голубятни, "и все сельские дома, имеющие хороший вид". Босоногие банды "входят в дома зажиточных людей, врачей, адвокатов, купцов, вскрывают двери подвалов, пьют вино" и буйствуют, как пьяные победители. В нескольких коммунах такие походы стали обычаем; "в них встречается большое количество людей, которые живут только на грабеже", и клуб подает им пример. В течение шести месяцев в главном городе отряд национальной гвардии, называемый Черной бандой, изгоняет всех неугодных ему людей, "грабит дома по своему усмотрению, забивает до смерти, ранит или калечит сабельными ударами всех, кто был запрещен в их собраниях", и ни один чиновник или защитник не смеет подать жалобу. Разбойники, приняв маску патриотизма, а патриотизм - методы разбойничества, объединились против собственности одновременно с древним режимом, и, чтобы освободиться от всего, что внушает им страх, они захватывают все, что может обеспечить им добычу.

И все же это лишь окраина бури; центр находится в другом месте, вокруг Нима, Авиньона, Арля и Марселя, в стране, где в течение долгого времени конфликт между городами и конфликт между религиями разжигал и накапливал злобные страсти. [3371](#) Глядя на три департамента - Гар, Буш-де-Рон и Воклюз, можно представить себя в разгар войны с дикарями. На самом деле это вторжение якобинцев и плебеев, а следовательно, завоевание, лишение собственности и истребление: в Гарде рой национальных гвардейцев копирует жакерию: отбросы Комтата выходят на поверхность и покрывают своими отбросами Воклюз; шеститысячная армия из Марселя обрушивается на Арль. - В округах Ним, Соммьер, Юзес, Але, Жале и Сент-Ипполит сжигают свидетельства о праве собственности, владельцев выкупают, а муниципальным служащим угрожают смертью, если они попытаются вмешаться; двадцать замков и сорок сельских домов разграблены, сожжены и разрушены. - В том же месяце Арль и [Авиньон](#) [3372](#), отданные на откуп бандам Марселя и Комтата, подвергаются конфискации и резне. - Вокруг коменданта, получившего приказ эвакуироваться из Арьеса, [3373](#) собираются "жители всех партий", "сжимая его руки, со слезами на глазах умоляют его не покидать их; женщины и дети цепляются за его сапоги", так что он не знает, как освободиться, не причинив им вреда; при его отъезде двенадцатьсот семей эмигрируют. После вступления марсельской группы мы видим, как восемнадцать сотен избирателей подвергаются запрету, их загородные дома на двух берегах Роны разграблены, "как во времена сарацинских пиратов", налог в 1 400 000 ливров взимается со всех людей в хорошем положении, отсутствующих или присутствующих, женщины и девушки разгуливают полуголыми на ослах и публично подвергаются порке". "Сабельный комитет" распоряжается жизнями, проскрибирует и казнит: это правление матросов, носильщиков и отбросов населения. - В [Авиньоне](#) [3374](#) это правление простых разбойников, поджигателей и убийц, которые за шесть месяцев до этого превратили [Ледник](#) [3375](#) в чертог. Они возвращаются с триумфом и заявляют, что "на этот раз Глясьер будет полон". До первой резни пятьсот семей уже искали убежища во Франции; теперь весь остаток честной буржуазии, двенадцать сотен человек, обращается в бегство, и ужас настолько велик, что маленькие соседние городки не

осмеливаются принимать эмигрантов. Фактически с этого времени оба департамента Воклюз и Буш-де-Рон становятся добычей: отряды в две тысячи вооруженных людей с женщинами, детьми и другими добровольцами переходят из коммуны в коммуну, чтобы жить, как им вздумается, за счет "фанатиков". Не только благовоспитанных людей они разоряют. К простым земледельцам, обложенным налогом в 10 000 ливров, приставлены шестьдесят человек; их скот убивают и съедают на их глазах, все в их домах разгромлено; они изгнаны из своих жилищ и скитаются как беглецы в камышовых болотах Роны, ожидая момента передышки, чтобы пересечь реку и укрыться в соседнем [департаменте3376](#). Таким образом, начиная с весны 1792 года, если кто-либо из граждан подозревается в недружелюбии или даже в безразличии к правящей фракции, если, придерживаясь лишь одного мнения, он рискует навлечь на себя смутную возможность недоверия или подозрения, он подвергается народной вражде, грабежам, изгнанию и даже чему-то еще; Неважно, насколько лояльно его поведение, насколько лоялен он в душе, неважно, что он обезоружен и не оскорблен; все равно, будь то дворянин, буржуа, крестьянин, пожилой священник или женщина; и это при том, что общественная опасность еще не велика, не существует и не видна, поскольку Франция находится в мире с Европой, и правительство все еще существует в полном составе.

IX.- Общее мнение.

Три конвоя священников, не совершающих обрядов, на Сене.
Психологические аспекты революции.

Что же будет теперь, когда опасность, уже ставшая ощутимой и серьезной, с каждым днем возрастает, когда война началась, когда армия Лафайета в смятении отступает, когда Собрание объявляет страну в опасности, когда король свергнут, когда Лафайет дезертирует и уезжает за границу, когда на землю Франции вторгаются, когда пограничные крепости сдаются без сопротивления, когда пруссаки входят в Шампань, когда восстание в Вандее добавляет к угрозам внешней войны раны гражданской войны и когда со всех сторон раздаются крики о предательстве?-Уже 14 мая, в [Меце3377](#), М. де Фикельмон, бывший каноник, которого видели болтающим с гусаром на площади Сен-Жак, был обвинен в том, что он портит людей в интересах принцев, уведен, несмотря на тройную линию стражи, и избит, пронзен и порезан палками, штыками и саблями, в то время как обезумевшая толпа вокруг убийц издавала крики ярости: и из месяца в месяц, по мере того как усиливаются народные страхи, народное воображение становится более горячим и его бред растет.-Вы сами можете убедиться в этом на одном примере. 31 августа 1792 [года3378](#) восемь тысяч священников, изгнанных из своих приходов, находятся в Руане, городе менее нетерпимом, чем другие, и, в соответствии с декретом, изгоняющим их, готовятся покинуть Францию. Два судна только что увезли около сотни из них; еще сто двадцать человек отправляются в Остенде на более крупном судне. Они не берут с собой ничего, кроме небольшого количества денег, одежды и одной или, самое большее, двух частей своего breviария,

поскольку намерены вскоре вернуться. У каждого из них есть обычный паспорт, и в момент отплытия национальная гвардия провела тщательный досмотр, чтобы не дать скрыться подозреваемому. Но это не имеет значения. На подходе к Кильбофу первые два конвоя были остановлены. Распространился слух, что священники собираются присоединиться к врагу и поступить на службу, и люди, живущие поблизости, прыгают в лодки и окружают суда. Священники вынуждены сойти на берег под шквалом "криков, богохульств, оскорблений и поношений": один из них, белоголовый старик, упал в грязь, крики и вопли удвоились; если он утонет, тем лучше, одним будет меньше! По высадке всех сажают в тюрьму, на голые камни, без соломы и хлеба, а в Париж отправляют весточку, чтобы узнать, что делать с таким количеством ряс. Тем временем третье судно, испытывая нехватку провизии, посылает двух священников в Квиллебоф и в Понт-Одемер, чтобы те испекли двенадцатьсот фунтов хлеба: на них указывает деревенское ополчение, их прогоняют, как диких зверей, они ночуют в лесу и с трудом находят дорогу обратно с пустыми руками. Само судно, получив сигнал, подвергается осаде. "Во всех муниципалитетах на берегах реки непрерывно бьют барабаны, предупреждая население о необходимости быть начеку. Появление алжирского или триполитанского корсара на берегах Адриатики вызвало бы меньшее волнение. Один из моряков судна опубликовал заявление о том, что сундуки перевозимых священников были набиты всевозможным оружием", и деревенские жители постоянно воображают, что на них вот-вот обрушатся с мечом и пистолетом в руках. В течение нескольких долгих дней голодный караван остается пришвартованным в ручье, за ним внимательно наблюдают. Лодки, наполненные добровольцами и крестьянами, снуют вокруг него, произнося оскорбления и угрозы: на соседних лугах национальные гвардейцы выстраиваются в боевую линию. Наконец, принимается решение. Самые смелые и хорошо вооруженные садятся в ялики, осторожно приближаются к судну, выбирают наиболее благоприятное время и место, бросаются на борт и овладевают им; и с величайшим изумлением обнаруживают, что не нашли ни врагов, ни оружия. Последний, бывший привратник и добрый якобинец, будучи наиболее напуганным, проявляет наибольшую жестокость. Он отказывается ставить печать на паспортах и, увидев, что к ним приближаются два священника, один из которых вооружен шпагой, а другой - палкой с железным острием, думает, что должно произойти внезапное нападение. "Вот еще двое, - с ужасом восклицает он, - они все идут на посадку. Друзья мои, город в опасности!" - Услышав это, толпа приходит в ужас и угрожает депутатам; раздается крик "К фонарному столбу!", и, чтобы спасти их, национальные гвардейцы вынуждены вести их в тюрьму в центре круга штыков. - Следует отметить, что эти безумцы - "в глубине души самые добрые люди на свете". После посадки на корабль один из самых свирепых, по профессии цирюльник, увидев длинные бороды этих бедных священников, мгновенно остывает, достает свои инструменты и добродушно принимается за работу, тратя несколько часов на бритье. В обычные времена церковники не получали ничего, кроме приветствий; три года назад их "уважали как отцов и наставников". Но в настоящий момент деревенский человек, человек низшего сословия, выбивается из колеи. Насильно и вопреки природе его сделали богословом, политиком, капитаном полиции, местным независимым государем; и в таком положении он повернут головой. Среди этих людей, которые, кажется, потеряли рассудок, только один, офицер национальной гвардии, сохраняет спокойствие; кроме того, он очень вежлив, воспитан и приятный собеседник; он приходит по вечерам утешать заключенных и пить с ними чай в тюрьме; в сущности, он привык к трагедиям и, благодаря своей профессии, его нервы находятся в покое - этот человек палач. Остальные, "которых можно принять за тигров", - растерянные овцы; но они не менее опасны, ибо, увлеченные своим бредом, они обрушиваются всей своей массой на все, что вызывает их негодование. - На дороге из Парижа в [Лион3379](#) комиссары Ролана становятся свидетелями этого ужасного испуга. "Народ постоянно спрашивает, что делают наши генералы и армии; на их устах часто

появляются мстительные выражения. Да, говорят они, мы отправимся в путь, но сначала мы должны очистить внутренние районы".

Готовится нечто ужасающее. Приближается седьмое истребление, всеобщее и окончательное - сначала жестокое, а затем законное и систематическое, предпринятое и осуществленное на основе абстрактных принципов лидерами, достойными тех средств, которые они используют. Ничего подобного в истории еще не было; впервые мы видим обезумевших животных, действующих в огромных масштабах и в течение длительного времени под руководством обезумевших тупиц.

В кварталах бедняков часто встречается странный недуг. Рабочий, перегруженный работой, несчастный и плохо питающийся, начинает пить; с каждым днем он пьет все больше и больше, причем самые крепкие спиртные напитки. Через несколько лет его нервная система, и без того ослабленная неправильным питанием, перевозбуждается и выходит из равновесия. Наступает час, когда мозг под внезапным ударом перестает управлять машиной; напрасно он приказывает, потому что его больше не слушаются; каждая конечность, каждый сустав, каждый мускул, действуя отдельно и самостоятельно, начинают судорожно проводить несогласованные импульсы. Между тем человек весел, он считает себя миллионером, королем, любимым и обожаемым всеми; он не осознает, какое зло причиняет себе, не понимает советов, которые ему дают, отказывается от предложенных ему лекарств, целыми днями поет и кричит, а главное, пьет больше, чем когда-либо... Наконец его лицо темнеет, глаза наливаются кровью. Лучезарные видения сменяются черными и чудовищными призраками; он не видит вокруг себя ничего, кроме грозных фигур, предателей в засаде, готовых наброситься на него врасплох, убийц с поднятыми руками, готовых перерезать ему горло, палачей, готовящих для него муки; ему кажется, что он барахтается в луже крови. Тогда он бросается в пропасть и, чтобы не погибнуть самому, убивает. Никто не внушает большего страха, ибо его бред поддерживает его; его сила непомерна, его движения непредсказуемы, и он переносит, не обращая на них внимания, страдания и раны, от которых здоровый человек просто скончался бы". - Францию, подобно этому безумцу, изнуренную постом при монархии, опьяненную вредным наркотиком Социального договора и бесчисленными другими фальсифицированными или огненными напитками, внезапно поражает паралич мозга; сразу же у нее начинаются судороги во всех конечностях из-за бессвязной игры и противоречивых подергиваний ее диссонирующих органов. В это время она прошла период радостного безумия и вот-вот вступит в период мрачного бреда: посмотрите, как она способна дерзать, страдать и делать все, способна на невероятные подвиги и отвратительные варварства, как только ее проводники, такие же непостоянные, как и она сама, укажут врага или препятствие для ее ярости.

КОНЕЦ.

3301 (возвращение)

[Moniteur, XI. 763. (Заседание от 28 марта 1792 г.) - "Archives Nationales", F7, 3235. (Заседание Директории департамента 29 ноября 1791 г. и 27 января 1792 г. Петиция муниципалитета Менде и сорока трех других муниципалитетов, 30 ноября 1791 г.)].

3302 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3198. Протокол заседания муниципальных чиновников Арля, 2 сентября 1791 г. Письма королевских комиссаров и Национального собрания, 24 октября, 6, 14, 17, 21 ноября и 21 декабря 1791 г. Комиссары, чтобы быть беспристрастными, поочередно присутствуют на мессе, которую совершает священник, не принадлежащий к юристам, и священник, принадлежащий к противоположной стороне. "Церковь полна" у первых и всегда пуста у вторых"].

3303 (возвращение)

["Mémoire" M. Mérilhon, for Froment, passim.-Report of M. Alquier, p. 54.-De Dampmartin, I. 208].

3304 (возвращение)

[-De Dampmartin, I. 208. Они восклицали католическим крестьянам: "Allons, mes enfants, Vive le Roi!" (крики энтузиазма): "Эти жалкие демократы, давайте покажем им пример и восстановим священные права трона и алтаря!" - "Как вам угодно, - отвечают деревенские на своем языке, - но мы должны держаться за Революцию, ибо в ней есть кое-что хорошее". Они сохраняют спокойствие, отказываются идти на помощь Юзесу и уходят в свои горы при первых признаках приближения национальной гвардии].

3305 (возврат)

[Это то, что автор Солженицын заметил о своих русских соотечественниках в интервью М. Пиво на французском телевидении в 1998 году. (SR.)]

3306 (возвращение)

[Dauban, "La Demagogie à Paris", p.598; Письмо М. де Бриссака, 25 августа 1789 г.].

3307 (обратно)

["Moniteur", X. 339. (Журнал де Труа и письмо из Перпиньяна, ноябрь 1791 г.)].

3308 (обратно)

["Меркюр де Франс", № за 3 сентября 1791 года. "Пусть нам представят Свободу, и вся Франция преклонит перед ней колени; но благородные и гордые сердца будут вечно сопротивляться угнетению, которое принимает ее священная маска. Они будут взывать к свободе, но свободе без преступлений, свободе, которая поддерживается без темниц, без инквизиторов, без поджигателей, без разбойников, без принудительных клятв, без незаконных коалиций, без бесчинств толпы; этой свободе, наконец, которая не позволяет ни одному угнетателю остаться безнаказанным и которая не раздавит мирных граждан под тяжестью разорванных ею цепей"]].

3309 (возвращение)

[Rivarol, "Mémoires", p.367. (Письмо мсье Сервана, опубликованное в "Actes des Apôtres")].

3310 (вернуться)

[Брат короля, впоследствии ставший королем Франции под именем Людовика XVIII. (SR.)]

3311 (возврат)

["Archives Nationales", F7. 3257. Официальные отчеты, расследования и переписка в связи с делом мсье Бюсси (октябрь 1790 г.)].

3312 (возврат)

["Меркюр де Франс", 15 мая 1790 г. (Письмо барона де Буа-д'Айси от 29 апреля, зачитанное в Национальном собрании.)-Moniteur, IV. 302. Заседание от 6 мая. (Официальное заявление мирового судьи Витто от 28 апреля)].

3313 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIX. 4. Письмо мсье Белен-Шателленота (близ Аснэ-ле-Дюка) президенту Национального собрания, 1 июля 1791 года. "В царстве свободы мы живем под властью жесточайшей тирании и в состоянии полнейшей анархии, а административные органы и полиция, находящиеся еще в зачаточном состоянии, действуют, кажется, только в страхе и трепете. . . . До сих пор во всех преступлениях они больше заботятся о смягчении фактов, чем о наказании за преступление. В результате виновные не имеют иного сдерживающего фактора, кроме нескольких мягких фраз, подобных этой: Дорогие братья и друзья, вы ошиблись, будьте осторожны" и т. д.-Там же. , F7, 3229. Письмо Директории департамента Марна, 13 июля 1791 года. (Обыски Национальной гвардии в замках и разоружение ранее привилегированных лиц). "Ни одно из наших предписаний не было выполнено". Например, в резиденции месье Гийомона в Мерри происходят поломки и насилие, даже уносят ружье, дробь и порох егеря. "Месье де Гиномон лишен возможности защититься от бешеной собаки или любого другого дикого зверя, который может прийти в его лес или во двор". Мэр Мерри с Национальной гвардией по принуждению тщетно убеждает их, что они нарушают закон... Петиция мадам д'Амбли, жены депутата, 28 июня 1791 года. Не имея оружия, от которого она уже отказалась, ее заставили заплатить 150 франков].

3314 (возврат)

["Archives Nationales", DXXIX. 4. Письма администраторов департамента Рона-и-Луара, 6 июля 1791 года. (М. Виле - один из подписантов.) - "Меркюр де Франс", 8 октября 1791 г.].

3315 (возврат)

["Меркюр де Франс", 20 августа 1791 г., статья Малле дю Пана. "Все детали картины, которую я только что набросал, были предоставлены мне самой мадам Дюмуре". Я "уполномочен ее подписью гарантировать точность этого рассказа"]].

3316 (возврат)

["Меркюр де Франс", 20 августа 1791 года, статья Малле дю Пана. "Разбирательство, начатое в Лионе, подтвердило этот банкет каннибалов"].

3317 (обратно)

[Письмо Департамента заканчивается таким то ли наивным, то ли ироничным выражением: "Теперь вам остается только одно завоевание - заставить народ повиноваться и подчиняться закону"].

3318 (возврат)

["Archives Nationales", P7, 3,200. См. документы, относящиеся к делу 5 ноября 1792 г. и событиям, предшествовавшим ему или последовавшим за ним, в том числе "Письма Директории и прокурора Департамента"; "Петиция и меморандум в защиту детективов"; "Письма однопартийца М. де Морана" -Moniteur, X. 356. "Протоколы заседания Муниципалитета Кана" и "Директории Департамента", XI.1264, 206. "Rapport de Guadet" и документы судебного процесса.- "Archives Nationales", ibid. .- "Lettres de M. Cahier", Minister of the Interior, January 26, 1792, of M. C. D. de Pontécoulant, President of the Department Directory, February 3, 1792.-Proclamation by the Directory"].

3319 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3200. Письмо от 26 сентября 1791 г. Письмо, найденное на одном из сайтов арестованных джентльменов. "Трусливая буржуазия, директора в подвалах, клубистский (якобинский) муниципалитет, ведущий против нас самую незаконную войну"].

3320 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3200. Письмо генерального прокурора Байе от 14 мая 1792 г. и Директории Байе от 21 мая 1792 г. - В Байе то же самое; беженцы осуждены и находятся в опасности. Согласно их проверенным заявлениям, их едва ли наберется сотня. "Среди них, правда, нашлось несколько священников, не исповедующих юриспруденцию. (Но) остальные, по большей части, состоят из глав семейств, которые, как известно, обычно проживают в соседних районах, и которые были вынуждены покинуть свои дома, став или опасаясь стать жертвами религиозной нетерпимости или угроз группировок и разбойников"].

3321 (возвращение)

[Ленин, вероятно, прочитал это во время учебы в Париже и, возможно, утвердился в своем плане создания новой элиты, элиты, которую он в конечном итоге начал использовать с 1917 года и далее, элиты, которая продолжает править Россией и значительной частью мира сегодня. (SR.)]

3322 (возврат)

["Меркюр де Франс", 4 июня 1790 г. (письмо из Кагора от 17 мая и акт муниципалитета от 10 мая 1790 г.)].

3323 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 1223. Письмо графа Луи де Бомона от 9 ноября 1791 года. Его письмо, выдержанное в весьма умеренном тоне, заканчивается таким образом: "Вы должны признать, сударь, что очень неприятно и даже невероятно, чтобы муниципальные чиновники были инициаторами беспорядков, которые происходят в этом городе"].

3324 (возврат)

["Меркюр де Франс", 7 января 1792 года. Месье Гранкье де Риом обращается к директору своего департамента с просьбой о покупке кладбища, на котором четыре года назад был похоронен его отец; его цель - предотвратить его разрытие, о чем было принято решение, и сохранить семейный склеп. В то же время он желает купить церковь Сен-Поль, чтобы гарантировать продолжение месс за душу его отца. Директория отвечает (5 декабря 1791 года): "Считая, что мотивы, которыми руководствовался проситель в своем заявлении, являются притворством доброго чувства, под которым скрывается иллюзия, бессильная извратить здравый рассудок, Директория постановляет, что прошение сеньора Гранкье не может быть удовлетворено"].

3325 (возвращение)

[De Ferrières, II. 268 (19 апреля 1791 г.)].

3326 (возврат)

[De Montlosier, II. 307, 309, 312.]

3327 (возврат)

[Moniteur, VI. 556. Письмо М. д'Аймара, коммодора, 18 ноября 1790 г.].

3328 (возврат)

["Меркюр де Франс", 28 мая и 16 июня 1791 г. (письма из Кагора и Кастельно, 18 мая)].

3329 (возврат)

["Меркюр де Франс", номер от 28 мая 1791 года. На празднике Федерации мсье де Масси не приказал своей кавалерии надеть шапо на острия своих шпаг, что было сложным маневром. Из-за этого он был обвинен в измене нации и вынужден был покинуть Тюль на несколько месяцев.- "Archives Nationales", F7, 3204. Выписка из протокола трибунала Тюля, 10 мая 1791 года].

3330 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3215, "Протокол заседания муниципальных чиновников Бреста", 23 июня 1791 г.].

3331 (возврат)

["Mémoires de Cuvier" ("Eloges Historiques", by Flourens), I, 177. Кювье, находившийся в то время в Гавре (1788), получил высшее образование в немецкой административной школе. "Месье де Сюрвиль, - говорит он, офицер полка Артуа, - обладает одним из самых утонченных умов и самых приятных характеров, с которыми я когда-либо сталкивался". Среди его товарищей было много таких людей, и я всегда удивлялся, как такие люди могли прозябать в неясных рядах пехотного полка"].

3332 (возвращение)

["Де Дампмартин", I. 133. В начале 1790 года "низшие офицеры говорили: "Мы должны чего-то требовать, ибо у нас не меньше претензий, чем у наших кавалеров", - М. де ла Рошжаклен, после своего большого успеха в Вандее, сказал: "Я надеюсь, что король, когда он будет восстановлен, даст мне полк". Он не стремился ни к чему большему ("Mémoires de Madame de la Rochejacquelein").- См. "Un Officier royaliste au Service de la Republique", M. de Bezancenet, в письмах и биографии генерала де Доммартена, убитого во время экспедиции в Египет].

3333 (возвращение)

[Переписка М. де Тиара, де Карамана, де Мирана, де Бершани и т. д., цитированная выше, passim.- Корреспонденция М. де Тиара, 5 мая 1780 года: "Город Ванн придерживается авторитетного стиля, который начинает мне не нравиться. Он требует, чтобы король предоставил барабанные палочки. Первая же поленица дров обеспечит их с большей легкостью и быстротой"].

3334 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3248, 16 марта 1791 года. В Дуэ вешают торговца зерном Николону, потому что муниципальные власти не позаботились объявить военное положение. Комендант, месье де ла Нуэ, не имел права приказывать своим людям двигаться, и убийство произошло на его глазах].

3335 (возвращение)

[Последний из названных, особенно, умер с героической кротостью (Mercure de France, 18 июня 1791 г.).- Заседание от 9 июня, речи двух офицеров полка Порт-о-Пренса, один из которых очевидец].

3336 (возврат)

["Де Дампмартин", II. 214. Дезертирство очень велико даже в обычное время, поставляя иностранным армиям "четвертую часть их боеспособных людей". В конце 1789 года Дюбуа де

Крансе, старый мушкетер и один из будущих "людей горы", заявил в Национальном собрании, что старая система рекрутирования поставляет в армию "людей без дома и занятий, которые часто становятся солдатами, чтобы избежать гражданских наказаний" (Moniteur, II. 376, 381, заседание от 12 декабря 1789 года)].

3337 (возврат)

["Archives Nationales", KK, 1105, Корреспонденция М. де Тиара, 4 и 7 сентября 1789 г., 20 ноября 1789 г., 28 апреля и 29 мая 1790 г. "Дух неповиновения, который начинает проявляться в полку Бассиньи, - это эпидемическая болезнь, которая незаметно распространяется среди всех войск. . . . Все войска находятся в состоянии гангрены, а все муниципалитеты противятся получаемым ими приказам относительно передвижения войск"]].

3338 (возврат)

["Archives Nationales", H, 1453. Корреспонденция М. де Бершани, 12 июля 1790 г.].

3339 (обратно)

["Оправдательная записка" (автор Грегуар), от имени двух солдат, Эмери и Делисле.- Де Буйе, "Записки".- Де Дампмартен, I. 128, 144.- "Национальный архив", KK, 1105, корреспонденция М. де Тиара, 2 и 9 июля 1790 г.- Moniteur, заседания от 3 сентября и 4 июня 1790 г.].

3340 (возврат)

[De Bouillé, p. 127.-Moniteur, заседания от 6 августа 1790 г. и от 27 мая 1790 г.-Полные подробности в подлинных документах о деле в Нанси, *passim*.-Доклад М. Эммери, 16 августа 1790 г., и другие документы в Buchez and Roux, VII. 59-162.-De Bezancenet, p.35. Письма М. де Доммартена (Мец, 4 августа 1790 г.). "Федерация там прошла спокойно, только через некоторое время после этого некоторые солдаты одного полка взяли себе за правило делить (военный) фонд и сразу же поставили часовых у дверей офицера, отвечающего за сундук, заставляя его открыть его (*désacquer*). Другой полк с тех пор посадил всех своих офицеров под арест. Третий взбунтовался и хотел вывести всех своих лошадей на рынок и продать их... . Повсюду слышно, как солдаты говорят, что если им нужны деньги, то они знают, где их найти"]].

3341 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3215, письма королевских комиссаров, 27 сентября, 1 октября, 4, 8, 11 октября 1790 г. Начало революции больше всего связано с восстаниями во внутренних районах. "Какие средства могут использовать четыре комиссара, чтобы убедить 20 000 человек, большинство из которых соблазнены настоящими врагами общественного благосостояния? Вследствие замены людей экипажи по большей части состоят из тех, кто почти не знает моря, кто ничего не знает о правилах подчинения и кто в начале революции имел наибольшее отношение к восстаниям во внутренних районах"]].

3342 (возвращение)

["Меркюр де Франс". 2 октября 1790 года. Письмо адмирала, мсье д'Альбера де Риома, от 16 сентября. Солдаты "Majestueux" отказались от учений, а матросы "Patriote" - от повиновения. "Я хотел предварительно выяснить, нет ли у них претензий к своему капитану? Нет. Есть ли у них претензии ко мне? Нет. Есть ли у них претензии к своим офицерам? Нет. Это бунт одного класса против другого класса; их единственный крик - "Да здравствует нация и аристократы при фонаре!". Толпа установила виселицу перед домом месье де Мариньи, генерал-майора морской пехоты; он подал прошение об отставке. Мсье д'Альбер подает в отставку" - Там же, 18 июня 1791 г. (письмо из Дюнкерка от 3 июня)].

3343 (возвращение)

[De Dampmartin, I. 222, 219. Mercure de France, 3 сентября 1791 года. (Заседание от 23 августа.)-См. Moniteur (то же число). "Древний режим", с.377].

3344 (возвращение)

[Маршал Мармон, "Mémoires", I. 24. "Чувства, которые я питал к персоне короля, трудно определить. (Это было) чувство преданности почти религиозного характера, глубокое уважение, как к существу высшего порядка". В то время слово "король" обладало магической силой во всех чистых и честных сердцах, которую ничто не изменило. Это тонкое чувство. ...все еще существовало в массе народа, особенно среди знатных людей, которые, будучи достаточно удаленными от власти, были скорее впечатлены ее блеском, чем ее недостатками". Де Безансенет, 27. Письмо М. де Доммартена от 24 августа 1790 года. "Мы только что возобновили нашу клятву. Я с трудом понимаю, что все это значит. Я, солдат, знаю только своего короля; в действительности же я подчиняюсь двум господам, которые, как нам говорят, обеспечат счастье мне и моим братьям, если они договорятся между собой"].

3345 (возвращение)

["Де Дампмартин", I. 179. См. подробности его отставки (III. 185) после 20 июня 1792 г. - "Меркюр де Франс", 14 апреля 1792 г. Письмо от офицеров батальона королевских кавалеристов Прованса (9 марта). Их удерживают в казармах их солдаты, которые отказываются выполнять их приказы, и они заявляют, что по этой причине они оставляют службу и покидают Францию].

3346 (возвращение)

[Rousset, "Les Volontaires de 1791 à 1794", p. 106. Письмо М. де Бирона министру (август 1792 г.); стр. 225, письмо Везу, командира 3-го парижского батальона, в Северную армию (24 июля 1793 г.) - "Резиденция во Франции с 1792 по 1795 год" (сентябрь 1792 г. Аррас). Подробности этих насильственных действий см. в примечаниях в конце тома II].

3347 (возвращение)

["Mercure de France", 5 марта, 4 июня, 3 сентября, 22 октября 1791 года. (Статьи Малле дю

Пан.-Ibid., 14 апреля 1792 г.). Более шестисот морских офицеров подали в отставку после мятежа на эскадре в Бресте. "Двадцать два серьезных мятежа в портах на борту кораблей остались безнаказанными, и несколько из них - благодаря решениям военно-морского жюри". "Нет ни одного случая, чтобы какой-либо мятеж в портах или на борту корабля или какое-либо оскорбление морского офицера были наказаны. . . . Нет необходимости искать причины оставления службы морскими офицерами в других местах. Согласно их письмам, все они предлагают свои жизни Франции, но отказываются командовать теми, кто не желает подчиняться"]].

3348 (возвращение)

[Так поступал Гитлер против евреев и коммунисты против своего "врага" - буржуа. (СР.)]

3349 (обратно)

[Дювержье, "Декреты от 1-6 августа 1791 г.; 9-11 февраля 1792 г.; 30 марта - 8 апреля 1792 г.; 24-28 июля 1792 г.; 28 марта - 5 апреля 1793 г."- Доклад Ролана, 6 января 1793 г. Он оценивает это имущество в 4 800 миллионов, из которых 1 800 миллионов должны быть вычтены для кредиторов эмигрантов; остается 3 000 миллионов. Сейчас, на эту дату, цессионарии имеют скидку в 55 процентов от их номинальной стоимости].

3350 (возврат)

["Меркюр де Франс", 18 февраля 1792 г.].

3351 (обратно)

[Уже Тацит около 2000 лет назад заметил: "В человеческой природе заложено ненавидеть того, кого ты обидел". (СР.)]

3352 (обратно)

[Ср. об этом общем отношении духовенства: Sauzay, V. I. и весь V. II.-Mercure de France, 10 сентября 1791: "Ни один беспристрастный человек не сможет не заметить, что посреди этого гнета, среди стольких фанатичных обвинений, предлогом для которых служит упрек в фанатизме и бунте, до сих пор не было проявлено ни одного акта сопротивления. Информаторы и муниципальные органы, управляемые клубами, бросили в темницы большое количество не присяжных. Все они вышли из них или стонут там без суда и следствия, и ни один трибунал не признал ни одного из них виновным" - доклад М. Кайе, министра внутренних дел, 18 февраля 1792 года. Он заявляет, что "ему неизвестно, чтобы какой-либо священник был осужден судом как нарушитель общественного спокойствия, хотя несколько человек были обвинены" - Moniteur 6 мая 1792 года. (Отчет Франсе де Нант) "Ни один не был наказан в течение тридцати месяцев"]].

3353 (возвращение)

[Об этих спонтанных жестоких действиях крестьян-католиков см. "Archives Nationales", F7, 3236 (Лозер, июль-ноябрь 1791 г.). Дебаты округа Флорак, 6 июля 1791 года, и официальное

заявление комиссара департамента о волнениях в Эспаньяке. 5 июля Ришар, конституционный куратор, призывает муниципалитет приступить к его установке. "Церемония не могла состояться из-за улюлюканья женщин и детей, угроз различных лиц, восклицавших: "Убейте его! Задушите его, он протестант, женат и имеет детей", а также из-за невозможности войти в церковь, двери которой были заблокированы большим количеством женщин, стоявших перед ними". 6 июля он был установлен, но с трудом. "Внутри церкви толпа женщин издавала громкие крики и выражала сожаление по поводу удаления их старого кюре По возвращении, на улицах, большое количество женщин, обеспокоенных видом конституционного кюре, отвернули свои лица в сторону. ... и довольствовались тем, что произносили бессвязные слова, не делая ничего другого, кроме как закрыв лица чепцами, бросались на землю" - 15 июля. Клерк больше не будет служить мессу и звонить в колокола; куратор Ричард пытается звонить сам, но люди угрожают ему жестоким обращением, если он рискнет. 8 сентября 1791 года. Письмо от куратора из Фау, округ Сен-Шели. "Этой ночью я был на грани смерти из-за отряда бандитов, которые отняли у меня пастораль, взломав двери и окна" - 30 декабря 1791 года. Другой куратор, отправившийся забирать свой пасторский дом, подвергается нападению с камнями со стороны шестидесяти женщин, и таким образом его преследуют за пределами прихода. - 5 августа 1791 года. Петиция конституционного епископа Менде и его четырех викариев. "Не проходит и дня, чтобы мы не подвергались оскорблениям при исполнении своих обязанностей. Мы шагу не можем ступить, чтобы не натолкнуться на улюлюканье. Если мы выходим на улицу, нам угрожают трусливым убийством и избиением дубинками" -F7, 3235 (Бас-Рин, письмо Директории департамента, 9 апреля 1792 года): "Десять из одиннадцати, по крайней мере, католиков отказываются признавать присяжных священников"].

3354 (возврат)

[Дювержье, декреты (не санкционированные) от 29 ноября и 27 мая 1792 г. Декрет от 26 августа 1792 г., после падения трона] - Moniteur, XII. 200 (заседание от 23 апреля 1793 г.). Доклад министра внутренних дел].

3355 (возвращение)

[Lallier, "Le District de Machecoul", p.261, 263.- "Archives Nationales", F7, 3234. Требование прокурора коммуны Тоннеен (21 декабря 1791 г.) об аресте или высылке восьми священников "при малейшем проявлении внутренней или внешней враждебности" -Там же, F7, 3264. Акт генерального совета Коррезе (16, 17, 18 июля 1792 г.) об аресте всех священников, не являющихся юристами; между этими двумя датами почти во всех департаментах появляются акты разного рода и все более суровые, направленные против не являющихся юристами].

3356 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3250. Официальное заявление директории департамента от 18 марта 1791 года со всеми относящимися к нему документами.- F7, 3200. Письмо Директории Кальвадоса от 13 июня 1792 года с допросами. Ущерб оценивается в 15 000 ливров].

3357 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3234. Акт Директории Лота от 24 февраля 1792 года о беспорядках в

Марманде.- F7, 3239, официальное заявление муниципалитета Реймса от 5, 6, 7 ноября 1791 года. Двое рабочих - упряжник и чесальщик шерсти. Священник, совершивший крещение, посажен в тюрьму как нарушитель общественного спокойствия.-F7, 3219. Письмо королевского комиссара в трибунале Кастельсарразина, 5 марта 1792 г. -F7, 3203. Письмо директории округа Ла-Рошель, 1 июня 1792 года. "Вооруженные силы, свидетели этих преступлений и призванные арестовать этих лиц на месте, отказались повиноваться"]].

3358 (возврат)

[Меморандум Камиля Журдана (Sainte-Beuve, "Causeries du Lundi", XII. 250). Охранник отказывается оказать помощь, прибыв слишком поздно и лишь для того, чтобы "наблюдать за беспорядком, но не подавлять его"]].

3359 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3217. Письма куратора Юзеса, 29 января 1792 г.; куратора Але, 5 апреля 1792 г.; администраторов Гарда, 28 июля 1792 г.; прокурора М. Гриоле, 2 июля 1792 г.; Кастанье, бывшего жандарма, 25 августа 1792 г.; М. Гриоле, 28 сентября 1792 г. -Ibid. , F7, 3223. Петиция м.м. Тюри и Деве от имени угнетенных жителей Монпелье, 17 ноября 1791 г.; письмо того же министра, 28 октября 1791 г.; письмо м.м. Дюпена, прокурора, 23 августа 1791 г.; акт департамента, 9 августа 1791 г.; петиция жителей Курмонтерраля, 25 августа 1791 г.].

3360 (возврат)

["Moniteur", XII. 16, заседание от 1 апреля 1792 года. Речь М. Лоро. "Провинции охвачены пламенем, в девятнадцати департаментах вспыхнули восстания, повсюду заявляют о себе бунты. . . Единственная свобода - это свобода разбойничья; у нас нет ни налогов, ни порядка, ни правительства". Mercure de France, 7 апреля 1792 года. "Более двадцати департаментов участвуют сейчас в ужасах анархии и в более или менее разрушительном мятеже"]].

3361 (возврат)

["Moniteur", XII. 30. Выступление М. Кайяссона. Общая сумма имущества, проданного до 1 ноября 1791 года, составляет 1 526 миллионов; остаток для продажи - 669 миллионов].

3362 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3225. Письмо Директории Иль-и-Вилен, 24 марта 1792 года. "Национальные гвардейцы этого округа намеренно изгоняют всех священников, не являющихся юристами, которые не были заменены, под предлогом неприятностей, которые они не преминут причинить на Пасху"]].

3363 (возврат)

["Moniteur", XI. 420. (Заседание от 18 февраля 1792 г.) Доклад М. Кье, министра внутренних дел].

3364 (обратно)

["Archives Nationales", F7, 3250. Показания муниципальных служащих Госне и Гесдигюля (округ Бетюн), 18 мая 1792 года. В этой экспедиции участвовало шесть приходов; у жены мэра была веревка на шее, и она едва не была повешена.-Moniteur, XII, 154, 15 апреля 1792 г. - "Archives Nationales", F7, 3225. Письмо Директории Иль-и-Вилен от 24 марта 1792 г. и официальное заявление комиссаров по округу Витре; письмо той же Директории от 21 апреля 1792 г. и отчет комиссаров, направленный в Асинье 6 апреля].

3365 (возврат)

[Moniteur, XII. 200. Донесение мсье Кье, 23 апреля 1792 года. Справочники этих четырех департаментов отказываются отменить свои незаконные действия, утверждая, что "их вооруженные национальные гвардейцы преследуют непокорных священников"].

3366 (возврат)

["Меркюр де Франс", 7 апреля 1792 года. Письма, написанные из Орийяка. "Archives Nationales", F7, 3202.- Письмо директории округа Орийяк от 27 марта 1792 г. (с семью официальными заявлениями); директории округа Сен-Флур от 19 марта (с докладом ее уполномоченных); министра юстиции М. Дюрантона от 22 апреля; петиция М. Лоруса, муниципального чиновника Орийяка.- Письмо М. Дюрантона, 9 июня 1792 г.. "Только что королевский комиссар округа Сен-Флур сообщил мне, что с момента ухода войск магистраты не могут более исполнять свои обязанности в окружении разбойников, которые их окружают"].

3367 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3219. Письма мсье Ниеля, администратора департамента Верхняя Гаронна, 27 февраля 1792 г.; мсье Сенфаля, 4 марта; директории департамента, 1 марта; королевского комиссара, трибунала Кастельсарразина, 13 марта].

3368 (возврат)

[Ниже приведены примеры этих деревенских желаний: В Люнеле 4000 крестьян и деревенских национальных гвардейцев стремятся войти, чтобы повесить аристократов. Их жены идут вместе с ними, ведя своих ослов с "корзинами, которые они надеются унести полными". ("Archives Nationales", F7, 3523. Письмо муниципального органа Люнеля от 4 ноября 1791 года). В Юзесе с большим трудом удастся избавиться от крестьян, которые пришли сюда, чтобы изгнать католиков-роялистов. Напрасно "им давали много есть и пить"; они уходят "в плохом настроении, особенно женщины, которые вели мулов и ослов, чтобы унести добычу, и которые не ожидали, что вернутся домой с пустыми руками". (De Dampmartin, I. 195.) Что касается осады Нанта венедами: "Одна пожилая женщина сказала мне: "О да, я была там, на осаде. Мы с сестрой взяли с собой мешки. Мы рассчитывали войти хотя бы до улицы Кассери" (улица ювелирных лавок). (Мишле, V 211.)].

3369 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3209. Письма королевского комиссара в трибунале Мусидана, 7 марта 1792 г.; прокурора округа Сарлат, январь. 1792 г. - Там же. , F7, 3204. Письма администраторов округа Тюль, 15 апреля 1792 г.; директории департамента, 18 апреля; прошение Жака Лабрука и его жены с официальным заявлением мирового судьи, 24 апреля. "Все эти акты насилия были совершены на глазах у муниципальных властей. Они не предприняли никаких мер, чтобы предотвратить их, хотя своевременно уведомили их об этом"].

3370 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3223. Письма М. Бриссона, комиссара военно-морских классов Суйяка, 2 февраля 1792 г.; директории департамента, 14 марта 1792 г. - Петиция братьев Баррье (с подтверждающими документами), 11 октября 1791 г. - Письмо прокурора департамента, 4 апреля 1792 г. Отчет комиссаров, направленных для округа Фижак, 5 января 1792 года. Письмо администраторов департамента, 27 мая 1792 г.].

3371 (возврат)

["Archives Nationales", F7, 3217. Официальные отчеты комиссаров департамента Гард, 1, 2, 3 и 6 апреля 1792 г., и письмо от 6 апреля. Один землевладелец облагается налогом в 100 000 франков - Там же, F7, 3223. Письмо М. Дюпена, прокурора л'Эро, от 17 и 26 февраля 1792 года. "В замке Пиньян у мадам де Лостанж не осталось ни одного целого предмета мебели. Причина этих беспорядков - религиозные страсти. Пять-шесть священников, не исповедующих религию, удалились в замок", - Moniteur, заседание от 16 апреля 1792 года. Письмо из директории департамента Гард.-De Dampmartin, II, 85. В Юзесе пятьдесят или шестьдесят человек в масках вторгаются в герцогский замок в десять часов вечера, поджигают архивы, и замок сгорает].

3372 (возвращение)

["Archives Nationales", F7, 3196. Официальные заявления Ожье и Фабра, администраторов Буш-де-Рон, отправленные в Авиньон 11 мая 1792 года. (Повторное появление Журдана, Майнвиля и убийц Ла Глясьера произошло 29 апреля)].

3373 (возвращение)

[De Dampmartin, II. 63. Portalis, "Il est temps de parler" (памфлет), passim. "Archives Nationales", F7, 7090. Меморандум комиссаров муниципальной администрации Арля, год IV., Nivôse 22].

3374 (возврат)

["Меркюр де Франс", 19 мая 1792 года. (Заседание от 4 мая.). Петиция сорока жителей Авиньона в коллегия Законодательного собрания - "Archives Nationales", F7, 3195. Письмо королевских комиссаров в трибунал Апта, 15 марта 1792 г.; официальный отчет муниципалитета, 22 марта; письма Директории Апта, 23 и 28 марта 1792 г.].

3375 ([возврат](#))

[Большой погреб, где хранился собранный за зиму лед для последующего использования. (SR.)]

3376 ([возврат](#))

["Archives Nationales", *ibid.* Письмо Амьеля, президента бюро примирения в Авиньоне, 28 октября 1792 г., и другие письма министру Ролану.-F7, 3217, Письмо мирового судьи в Рок-Море, 31 октября 1792 г.].

3377 ([возврат](#))

["Archives Nationales", F7, 3246. Официальный отчет муниципалитета Меца (с подтверждающими документами), 15 мая 1792 г.].

3378 ([возврат](#))

["Mémoires de l'Abbé Baton", один из священников третьего конвоя (епископ назначен из Сеза), р. 233].

3379 ([возврат](#))

["Archives Nationales" F7, 3225. Письмо гражданина Боннемана, комиссара министру Ролану, 11 сентября 1792 г.].

Конец книги "Французская революция", том 1.